

ВАЛЕНТИНА КРАСКОВА

КРЕМЛЕВСКОЕ ЗОЛОТО

ВАЛЕНТИНА КРАСКОВА

**КРЕМЛЕВСКОЕ
ЗОЛОТО**

**МИНСК
ЛИТЕРАТУРА
1998**

УДК 947
ББК 63.3(0)
К 78

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Краскова В. С.
К78 Кремлевское золото.— Мн.: Литература, 1998.—
512 с.

ISBN 985-437-476-9.

Золото и власть, власть и золото... Эти понятия, как показывает история человечества, неразрывно связаны. В книге Валентины Красковой «Кремлевское золото» сделана попытка определить, как складывались отношения власти к золоту на протяжении XX в. в России, и каким образом отражались они на жизни и судьбе россиян. Интереснейшие факты, приведенные в книге, заставляют читателя глубоко задуматься о своей роли и своем предназначении, о роли государства в его жизни.

К 9470000000

ББК 63.3(0)

ISBN 985-437-476-9

© Литература, 1998

ОТ АВТОРА

*О, на что только ты не толкаешь
алчные души людей,
Проклятая золота жажда!*

Вергилий

*Все, что является нравственным
злом, является злом и в политике.*

Ж. Ж. Руссо

*Когда государство управляется со-
гласно с разумом, постыдны бед-
ность и нужда; когда государство не
управляется согласно с разумом,
то постыдны богатства и почести.*

Конфуций

Вопрос о конфликте между телесным и духовным представляется мне бесконечным. Любому, кто бы ни задавался им, на первый взгляд, кажется, что ответ на него лежит на поверхности и что он так же прост, как и очевиден. Должна признаться, что я тоже так считала. До тех пор, пока не задумалась над проблемой всерьез и не увидела, насколько она в действительности сложна и практически неразрешима.

Поначалу все складывалось хорошо — срабатывали заложенные в сознание еще в детстве, а затем и приобретенные впоследствии с опытом, штампы. Понятие «телесное» отлично укладывалось в рамки сугубо-личных ощущений и воспринималось, как то, чего желаю я. Область «духовного» являлась своего рода

регулятором этих желаний, их сдерживающим фактором. В первую очередь, я имею в виду страх перед судом Божиим, страх перед судом общественного мнения и, наконец, страх между телесным и духовным — желаниями и возможностями осуществления — становился вполне понятным.

Такое положение вещей, однако, сохранялось до тех пор, пока я от размышлений на частные темы не перешла к обобщениям. Вот тут-то и начала разрушаться стройная система, а потом и вовсе лопнула, как мыльный пузырь. А всякие новые доводы казались уже малоубедительными.

К примеру, у кого возникнут сложности, чтобы ответить на простейший вопрос: что есть добро и что есть зло? Или что такое хорошо и что такое плохо? Представление об этих понятиях складывается у нас еще в самом младенчестве. Но, опять-таки, обобщая эти понятия, разве можно однозначно утверждать, что существует чистое, без всяких примесей, зло или безусловное добро? Любовь, милосердие, сострадание — с этим, понятно, сомнений не возникает, что это и есть добро. Эгоизм, алчность, чрезмерная жажда обогащения — и тут все ясно, эти человеческие пороки и есть зло. Богатства, какими бы они ни были — материальными или культурными — добро; чем больше их, тем лучше. Но все они вместе взятые при духовной скудности — бесполезны. А если все они сосредоточены в руках немногих, которые, к тому же, не понимают их ценности, то могут оказаться даже вредными для меньшинства.

С понятиями «хорошо» и «плохо» тоже не все гладко. Придерживаться всех христианских заповедей, которые составляют основу нашей общественной морали, любить ближнего, трудиться и совершенствоваться —

безусловно, это хорошо. И, наоборот, руководствоваться только личными инстинктами и амбициями, прислушиваться только к личным желаниям, напролом идти к достижению своей цели — плохо.

Но так ли это плохо — целеустремленность? И что плохого в том, когда человек ясно представляет себе, чего ждет от жизни? Древняя мудрость гласит: цель оправдывает средства.

Инстинкты, как мне представляется, тоже не всегда играли только отрицательную роль в истории развития человечества. Общеизвестно, что труд сделал из обезьяны человека. Спорить не буду, но я все же думаю, что первотолчком к подобному превращению был инстинкт — желание покушать.

Вот что думает по этому поводу Ф. Хайек: «Человечество создало цивилизацию, развивая определенные правила поведения и приучаясь следовать им (сначала на территории племени, а затем и на более обширных пространствах). Зачастую эти правила запрещали индивиду совершать поступки, диктуемые инстинктом, и уже не зависели от общности восприятия. Образуя фактически новую и отличную от прежней мораль (и, будь моя воля, я именно к ним — и только к ним — применял бы термин «мораль»), они сдерживают и подавляют «естественную мораль», т. е. те инстинкты, которые сплачивали сотрудничество внутри нее, блокируя и затрудняя этим ее расширение». И далее: «Однако, решающим в превращении животного в человека оказалось именно обуздание врожденных реакций, обусловленное развитием культуры».

Как бороться с несправедливостью и искоренять пороки? Не теми ли силовыми методами, которыми и устанавливалась эта несправедливость? Но пока еще

никто не выдумал других, более эффективных способов, нежели запреты и силовое вмешательство. И, в конце концов, так ли это необходимо, если сама организация общества требует элитарности и закономерно воспроизводит ее?

Почему? Зачем? Как?.. Все эти и другие вопросы вставали передо мной всякий раз, когда я работала над материалами своей новой книги. Те, кто уже знакомы с моими предыдущими работами, знают, что я руководствуюсь только реальными фактами, свидетельствами очевидцев происходившего, мемуарами. Но, даже имея перед собой столь неоспоримые документы, я так и не смогла найти ответы на многие мучившие меня вопросы. Признаюсь, что и сейчас я испытываю некоторый дискомфорт, так как такая ситуация неопределенности выбивает из колеи. Пробуя разобраться, почему истина ускользает именно в тот момент, когда, казалось бы, все становится на свои места, я нахожу некоторые оправдания тому. Возможно, однозначные ответы на все эти вопросы не удастся отыскать никогда, потому что даже в свидетельствах очевидцев всегда есть место для версий и предположений. А, возможно, и потому, что структура человеческого общества несовершенна и противоречива сама по себе. Судите сами: если программа всеобщего благополучия так доступна, то почему за столь долгую историю мы так и не сумели воспользоваться ею разумно?

В одной народной мудрости говорится о том, что человек приходит в этот мир со сжатыми кулаками, как будто хочет показать, что готов взять все, что только будет способен унести, а уходит — с распрямленными ладонями, показывая, что ничего не прихватил с собой. Эта идея перекликается с высказыванием Марциала: «Грабь, хватай, копи, владей — все придет-

ся оставить». Это так же верно, как то, что богатств никогда не бывает слишком много, и как то, что алчность ослепляет людей.

В чем заключается магическая притягательность золота? Может быть, в том, что золото и власть — два неотделимых и взаимодополняющих друг друга понятия? Мы знаем много примеров, когда жажда владения золотом и жажда его приобретения оставляли кровавый след в судьбе не только одного конкретного человека, но и целых цивилизаций.

Я попробую разобраться в проблеме спокойно, без эмоций, а для этого должна прибегнуть к точным данным и обратиться к истории.

Из энциклопедического справочника: «золото — мягкий ярко-желтый тяжелый металл; обладает исключительной химической инертностью. Это единственный металл, на который не действуют разбавленные и концентрированные кислоты. Обладает самыми высокими по сравнению с другими металлами пластичностью и ковкостью. Легко расплющивается в тончайшие пластинки. Легко полируется. Устойчив к действию атмосферной коррозии и различных видов природных вод.

Относительное содержание на Солнце на порядок выше, чем в породах Земли. В природе золото, главным образом, встречается в виде Золота Самородного, а также в виде твердых растворов с серебром, медью, висмутом, иридием и платиной (платиновое золото)».

Экономическое значение золота определяется его ролью основного валютного металла. Помимо того, оно используется в авиации и космической технике — для изготовления некоторых отражателей, электрических контактов и деталей проводников. Находит применение

ние в радиоаппаратуре и медицине — радиоактивное золото помогает диагностировать опухоли. Но большое количество этого металла идет, конечно, на изготовление ювелирных изделий.

С того момента, как только люди начали разбираться в уникальных свойствах золота, и до сих пор они не переставали испытывать необычайного тяготения к нему. Но во все времена неизменным было одно: золотом могли владеть безраздельно те, кто обладал властью.

Этот металл известен человечеству несколько тысячелетий. Об этом свидетельствуют изделия, найденные в древних захоронениях. Резиденции владык микенских государств располагали немалым количеством золота. В гробницах умерших также имелись золотые украшения. В послемикенское время золото практически не использовалось. Но в 7 и 6 вв. до н. э. ионийские греки познакомились с золотыми изделиями через своих соседей — лидийских, фригийских и карийских царей, которые применяли его не только для изготовления украшений, но и чеканили из него монеты.

Месторождения золота в Греции были открыты на Фасосе и Сифносе. Северные соседи греков, фракийцы, добывали много золота путем промывки песка на фракийских реках и переправляли его на переработку в Афины. Во всех случаях цари претендовали на исключительное право пользования этим металлом.

Изделия из золота обнаружены при раскопках наиболее древних цивилизаций эпохи неолита в горах Франции, в кельтских могильниках, в додинастических памятниках Египта, среди наиболее древних культурных слоев Индии и Китая. Рафинирование золота и отделение его от серебра началось во 2-й по-

ловине 2-го тыс. до н. э. Первые его исследования связаны с развитием алхимии, главной целью которой было создание золота из неблагородных металлов. Иллюзорные попытки сотворить подобное чудо не привели к желаемому результату. Однако, эта затея длительное время будоражила умы ученейших людей той эпохи и выкачивала немалые средства из тех, кто, мечтая о быстром обогащении, поддерживал затею финансово и материально.

Основными центрами добычи золота в древности были Верхний Египет, Нубия, Испания, Колхида (Кавказ), Индия, Китай, Казахстан, Алтай, Центральная и Южная Америка. На территории России золото добывали уже в 3 тыс. до н. э. (Чудские копи). Любопытно, что только при двух общественно-экономических формациях — рабовладельческом строе и в советские времена (правда, на начальной стадии развития золотодобывающей промышленности в СССР) — использовался при этом труд рабов. В первом случае это были рабы в обычном понимании этого слова. Во втором — рабы-политзаключенные, каторжники, условия труда и бесправное положение которых мало чем отличались от условий и бесправного положения рабов в древнем мире.

Наиболее богатые месторождения золота были открыты на территории Ганы (1471), Мексики (1500), Перу, Чили (1532), Бразилии (1577), России (Урал, 1745), Канады (Квебек, 1823), США (Калифорния, 1848; Колорадо, 1858; Невада, 1859; Аляска, 1890), Австралии (1851), ЮАР (1884). Открытие этих и других золотоносных районов предопределило большой рост золотодобычи, которая составила в XVI в. — 763 тонны, в XVII в. — 914 тонн, в XVIII в. — 1890 тонн, в XIX в. — 11 616 тонн, в XX в. (по 1980 г., без социалистических стран) — 65 050 тонн.

На территории СССР золото периодически добывалось на Кавказе, Дальнем Востоке, Урале, в Средней Азии, Казахстане и Карпатах. Официально началом золотопромышленности в России принято считать начало XVIII в., когда на Урале было открыто Березовское месторождение. В XIX в. разрабатывались россыпи в бассейне реки Обь, Минусинской котловине, Забайкалье, бассейнах рек Лена и Амур, в Приморье. В 1830 г. по объему добычи золота Россия вышла на 1-е место в мире, обеспечивая до 1847 г. около 40,3% мирового производства. С конца 40-х годов XIX в. доля России в совокупном мировом производстве золота начала несколько снижаться. Она заняла уже 2-е место после США в 1848 г. и 3-е — после Австралии и США с 1860 г. После 1900 г. объем производства золота в России составил 5% мирового производства. Рудное золото в России в основном добывалось на Урале (около 10%), а рассыпное — в Сибири (ок. 75%). В 1910 г. в России действовало 1100 мелких рудников и приисков, где 60% золота добывалось старателями. Золотодобывающая промышленность занимала 2-е место среди горнодобывающих отраслей по числу работающих (84 тыс. человек на 1913 г.).

В СССР начало развития золотопромышленности положено декретом СНК РСФСР от 31 декабря 1921 г. «О золотой и платиновой промышленности». Однако, в силу исторических событий в условиях неразберихи и некомпетентности кадров эта отрасль, естественно, не могла заработать на полную мощь быстро. После того, как старый мир был разрушен до основания, понадобилось долгое время, чтобы установить новые порядки и механизмы. Таким образом, только в 1927 г. были восстановлены все дореволюционные драги, позже открыты и новые золотодобывающие районы

в Якутии (Алдан, золотоносные россыпи открыты в 1923 г., а коренные месторождения — в 1930 г.), Забайкалье (Дарсунское и Балейское месторождения) и Колыме.

Удивительная вещь получается: никогда не замечала за собой чрезмерного тяготения к золоту и не ощущала стремления к обогащению. Но не думать об этом презренном металле в последнее время просто не могу, эта тема навязчиво будоражит мое сознание. Россия так велика, так богата! При нормальном раскладе да при правильном устройстве наши люди могли бы не испытывать никаких значительных неудобств. По крайней мере, не было бы такого ужасающего количества нищих. Если все эти превеликие материальные блага принадлежат всему обществу, то почему тогда ими владеет его минимальная часть, а значительная вынуждена прозябать от холода и голодать, страдать от недостатка элементарных средств к существованию? Только ли потому, что организация человеческого общества вообще несовершенна?

Слово «воруют» прочно закрепилось в нашем лексиконе. Конечно, оно имеется и в других языках мира. Но, пожалуй, ни в одном из них оно не выражает такого уникального и неповторимого смысла, как в русском. Как ни парадоксально, но слово это не вызывает у нас должной негативной реакции. Наоборот, мы относимся и к нему, и к понятию, которое за ним стоит, с непонятной нежностью и заметной долей иронии. Думаю, такому положению вещей можно найти логическое объяснение: воруют, кажется, все. Те, кто могут, воруют по-крупному. Те, у кого нет такой возможности, вынуждены довольствоваться малым. Те, у кого нет и такой возможности, втайне надеются, что она

когда-нибудь появится. Дело тут, как мне представляется, заключается не в том, что порядочные люди, даже в мыслях не посягающие на чужую собственность, вымерли, как доисторические животные. Просто людям нашим давно надоело ждать, когда же, наконец, состоится обещанное справедливое распределение материальных ценностей. Потеряв всякую надежду или устав от томительного ожидания, они начинают брать кто сколько может и кто сколько успеет. Мы уже убедились, что социалистический лозунг распределения не оправдал себя. Хотелось бы пожить при коммунизме, чтобы испытать на себе все его прелести. Жаль, не получилось. А может, это даже хорошо, что не вышло — утопические идеи никогда не сбываются. Странно другое. В условиях беспардонного, наглого обворовывания, возникает ощущение вседозволенности. К примеру, поднакопили люди немного денег на черный день — в мыслях оттягивая его нежелательное пришествие, они и не заметили грядущих больших изменений. И вот, проснувшись однажды, заметили, что деньги их превратились, в буквальном смысле слова, в ничто. Потому и не оценили по достоинству черного юмора радетелей за всеобщее благополучие и, понимая, что вернуть прошедшее невозможно, изловчились и нашли другой способ, который описан выше. Обидно, но что поделаешь? Правильно, видимо, говорят, что рыба гниет с головы.

А еще говорят: не судите, да не судимы будете... Не подумайте, я не опасаюсь, что меня осудят за стяжательство или, не приведи Господь, за воровство. Просто я начинаю понимать: бесполезные обвинения съедают то драгоценное время, которое отпущено нам для созидательных целей. Одна ошибка влечет за собой целый ряд ошибок. Отученные от самостоятельности,

мы по-прежнему продолжаем ожидать команды — сверху, снизу или еще откуда-то, чтобы приступить к действию. А в отсутствии этого распоряжения мы переливаем из пустого в порожнее, сетуем на злую судьбу, отвлекаемся от настоящих дел и занимаемся второстепенными.

Мне вспоминается удивительно правильный рассказ Лескова «Воров сын», изложенный Л. Толстым в его «Круге чтения». Возьму на себя смелость пересказать его.

Собрался в одном городе суд присяжных. Старшиной присяжных был почтенный, всеми уважаемый купец Иван Акимович Белов. Это был безупречный человек, который честно вел свои дела, никого не обманывал, не обсчитывал и помогал людям. Был он стариком, лет под семьдесят.

Присягнули присяжные и расселись по своим местам. И привели к ним подсудимого — конокрада, который увел лошадь у крестьянина. Только начался суд, как вдруг Иван Акимович встал и обратился к судье:

— Простите меня, господин судья, я не могу судить, — и попросил он его отпустить. Судья, конечно, ничего не понял и потребовал объяснений.

— Не могу я судить потому, что я и отец мой, может быть, хуже этого вора, — ответил старшина присяжных. — Как же мне судить такого же, как я сам?

Все еще ничего не понимая, судья удовлетворил просьбу Ивана Акимовича и отпустил его, а вечером позвал его к себе. И рассказал Белов такую историю о себе:

— Вы думаете, что я сын купца и что я родился в вашем городе? Это неправда. Я сын крестьянина, отец мой был крестьянином, первый вор в округе,

и помер он в остроге. Человек он был добрый, только пьяный. В пьяном виде мог и мать мою бить, и буянил, и на всякое дурное был готов, а потом сам же и калялся. Раз он меня с собой в воровство взял. И этим самым разом мое счастье сделалось.

Было дело так. Был мой отец в компании с ворами в кабаке. И стали они судачить, где бы им поразжиться. А мой отец и говорит им: «Вот что, ребята, вы знаете купца Белова амбар, что на улицу выходит? Так вот в амбаре этом добра — счету нет. Только забраться туда мудрено. А вот я придумал. Есть, говорит, у меня парнишка, ловкач мальчишка, — это про меня, значит, — так мы возьмем его с собой. Обвяжем его веревкой, подсадим к окну, он влезет, спустим его на веревке, а другую веревку ему в руки дадим. И на эту самую веревку будет он нам добро из амбара навязывать, а мы будем вытягивать. А когда наберем сколько надобно, мы его назад вытащим.

Полюбилось такое воровам. Когда смерклось, пошли мы в воровство. Пришли к тому самому дому купца Белова. Тотчас обвязали меня одной веревкой, а другую в руки дали и подняли меня. Влез я в амбар, стал на твердое и тотчас начал ощупывать ручонками. Видать ничего не вижу — темно, только щупаю. Как ощупаю что меховое, сейчас к веревке, а они тащат. Штуки три таких чего-то вытащили и потянули меня кверху. Только дотянули до половины: хлоп! Оборвалась веревка, и упал я вниз. Отец мой и его приятели испугались, бросились бежать с наворованным, а я остался.

Лежу в темноте и плачу. И так я устал от страха и от слез, да и ночь не спал, что и сам не слышал, как заснул. Вдруг просыпаюсь, стоит против меня этот самый купец Белов с полицейским. Стал меня полицей-

ский спрашивать: «С кем был?» Я сказал, что с отцом. «А кто твой отец?» И стал я опять плакать. А Белов старик и говорит: «Бог с ним. Ребенок — душа Божья. Не годится ему на отца показывать. А что пропало, то пропало».

Хороший был покойник, царство небесное. А уж старушка его еще жалостливее. Взяла меня с собой в горницу, гостинцев дала. А наутро спрашивает: «Со мной остаться хочешь?» Я говорю: «Хочу». Так и остался. И выправили они мне бумаги, вроде подкидыща, приемышем сделали. Должно быть, служил я недурно. Да и добрые люди были. Сначала жил я мальчиком на посылках, потом, как стал подрастать, сделали они меня приказчиком. Так полюбили меня, что отдали за меня замуж свою дочь. А помер старик — все имение мне и досталось.

Так вот я какой. И сам вор, и вора сын. Как же мне судить людей? Да и не христианское это дело. Нам всех людей прощать и любить надо. А если он вор, ошибся, то его не казнить, а пожалеть надо. Помните, как Христос сказал...

Видно, далеко ушли мы от учений Христа, если простой урок не воспринимается нами как должное.

Цицерон вопрошал: «Какую пользу или какую прибыль мы имеем в виду, когда желаем знать, что сокрыто от нас?» Мне думается — знать свою историю, историю того общества, по законам которого живем. Чтобы учиться на старых ошибках и не допускать их повторения. Ведь известно: кто забыл свое прошлое, обречен пережить его снова. А этот путь, каким бы ни было прошлое, путь регресса, потому что он поворачивает колесо истории вспять.

«Многое способно возродиться из того, что уже умерло», — предостерегал Гораций. Да, действи-

тельно, все меняется, но ничего не погибает. Едва ли не каждый день мы имеем возможность лицезреть ослепленных незнанием (и что хуже всего, не желающих ничего знать) людей, которые, размахивая кроваво-красными знаменами, скандируют известный еще со времен Древнего Рима лозунг: «Хлеба и зрелищ!» Меняется форма, но суть остается. Так было в Древнем Риме, так было во всех существовавших и существующих ныне цивилизациях. И социалистическая система, как бы ни старалась отмахнуться от этих пороков. Не сумела избежать их. Ведь посмотрите: поощрялись и продолжают поощряться два основных желания — удовлетворение материальных потребностей и стремление к развлечениям. А именно это и отвлекает от мыслей о главном, основном. Таким образом, процесс творческого переосмысления жизни никогда не поощрялся. Как только появлялись первые проблески общественного самосознания, их тут же старались задавить в самом зародыше. Куда легче накормить народ и рассказать ему занимательную сказку о житии-бытии, о светлом и уже таком недалеком будущем. Во все времена наблюдалась одна любопытная тенденция: изучение истории тоже никогда не поощрялось, ее всегда стремились исказить. С какой целью? Чтобы не замечать тех самых ошибок и не задумываться над их исправлениями. И чтобы создать видимость благополучия. Но, как утверждал Цицерон, «ошибаются те, которые во время благополучия думают, что навсегда избавились от невзгод».

Власть и золото — понятия неразделимые. Есть деньги — есть влияние — есть власть. Золото питает власть. Власть нуждается в средствах точно так же, как богатство нуждается в сильной власти. Получает-

ся замкнутый круг, внутри которого томится, не находя выхода, нравственность. Ведь, как известно, власть портит нравы. Может быть, поэтому отношение к политике столь недоверчивое?

Что касается меня, то я могу принять все так, как есть. Но с одной лишь поправкой — чтобы при этом не отказывали разуму.

Валентина Краскова, 1997 г.

ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ

Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровища на последние дни.

Послан. Иакова гл. 5, ст. 3

7 июля 1917 г., в то время, когда Ленин с Зиновьевым в шалаше предавались философским размышлениям о сущности бытия, в дверь квартиры № 24 дома № 48/9, что по улице Широкой в Петрограде, настойчиво постучали.

Надежда Константиновна Крупская уже не первый день ждала гостей в военной форме, а потому не удивилась их приходу. Впрочем, ни командовавший оперативным отрядом начальник контрразведывательного отделения штаба Петроградского Военного округа Борис Никитин, ни его помощник прапорщик Алексей Моллер, ни другие члены этого отряда также не были удивлены, не застав дома главного виновника только что подавленного в городе вооруженного большевистского путча.

Крупская сообщила офицерам, что ее муж, Владимир Ильич Ульянов, уже несколько дней не проживает здесь по неизвестной ей причине и что его местонахождение ей тоже не известно. Это была чистая правда. Уходя, супруг не осведомил Надежду Константиновну, куда намеревался податься — в целях строжайшей конспирации.

Тем не менее, гости решили не уходить с пустыми руками. В присутствии супруги бежавшего большеви-

ка № 1, хозяев квартиры — Марка Елизарова и его жены Анны (в девичестве — Ульяновой), а также ее сестры Марии при тщательном досмотре были найдены незначительные, на первый взгляд, документы: подозрительного рода телеграммы, письма, заметки. Среди прочих — письмо Ленина от 30 марта 1917 г., адресованное некоему «дорогому товарищу» и содержащее, в частности, такие строки: «...на сношение Питера со Стокгольмом не жалейте денег!» Позже эта находка станет важным отправным моментом в расследовании уголовного дела о государственных изменниках.

Очень длительное время тема прихода к власти в России большевиков держалась под строжайшей тайной. Поэтому к документам по этому вопросу подбраться было практически невозможно. Слава Богу, сейчас мы имеем возможность восстановить ход событий, чтобы выяснить: кому, зачем, почему нужны были столь эпохальные исторические перемены. А главное — кто финансировал это крупномасштабное предприятие.

Сейчас мы можем с полной уверенностью утверждать, что «мирная июльская демонстрация» большевиков в 1917 г. стала кровавой репетицией Октябрьского переворота. Во время путча было убито более 700 мирных жителей и казаков. А спустя две недели после несостоявшегося ареста Ленина, под шумиху газет прокурор Петроградской судебной палаты возбудил против него и его сообщников дело о государственной измене. Почти все организаторы путча (а их было более 140 человек) — в том числе, Троцкий и Луначарский, оказались в «Крестах». Владимира Ульянова, основного идейного вдохновителя, среди них не было.

Скоро папка с материалами дела о государственных изменниках распухла до 21 тома. Из них следует: Ленина и К. воюющая с Россией Германия, действительно, заслала с целью подорвать изнутри мощь побеждавшей тогда в военных действиях русской армии. Следователь Александров, который блестяще вел дело Ленина и его сообщников (позже был расстрелян большевиками), выявил многие секретные механизмы их деятельности. Письмо вождя мирового пролетариата, обнаруженное при обыске на квартире Елизаровых, стало путеводной нитью, приведшей к шпионскому отстойнику в Швеции.

Подробно о нем рассказывал пойманный русской контрразведкой предатель Дмитрий Ермоленко, бывший прапорщик 16-го Сибирского стрелкового полка. 10 июля 1917 г. он признался на допросе в том, что завербовавшие его в шпионы капитаны Генштаба Шадицкий и Людерс «...упомянули фамилию Ленина, как лицо, работающее от Германии и для Германии, и что дела у него идут великолепно».

А вот свидетельство немецкого генерала Людендорфа, который в 1-ю мировую войну руководил военными действиями на Восточном фронте:

«Я не сомневался, что разгром русской армии и русского народа представляет большую опасность для Германии и Австро-Венгрии... Наше правительство, послав Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность! Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения: нужно было, чтобы Россия пала. Но наше правительство должно было принять меры, чтобы этого не случилось с Германией...»

Говоря о посылке Ленина, Людендорф имеет в виду переезд его и других большевиков-эмигрантов из Швейцарии в Россию. Эта операция была ед-

ва ли не основной среди тех, которые проводило германское правительство с целью разложить русскую армию и русский народ. Мощная Россия, занимавшая в то время стабильное положение в мире, была слишком опасна для Германии и Австро-Венгрии, а потому на свою кампанию немцы не жалели ни сил, ни средств.

Не нарушая связей с известными реакционными кругами двора, правительства и Думы, они вступили одновременно в тесное содружество с русскими революционерами в стране и за границей, среди многочисленной эмигрантской колонии. На службу германскому правительству, таким образом, — прямо или косвенно — были привлечены все: крупные агенты шпионажа и вербовки, вроде Парвуса (Гельфанд, участник российского и германского социал-демократического движения, проживавший в Германии); провокаторы, причастные к русской охране, вроде Блюма; агенты-пропагандисты — Ульянов (Ленин), Бронштейн (Троцкий), Апфельбаум (Зиновьев), Луначарский, Озолинь, Кац (Камков) и многие другие. За ними шла плеяда недалеких и неразборчивых людей, выброшенных за рубеж и фанатически ненавидевших отринувший их режим. На человеческие страсти подобного рода и делал ставку немецкий Генеральный штаб, привлекая этих людей к сотрудничеству. Однако, чтобы быть справедливыми, нужно заметить, что неважно, из каких побуждений или за какую плату все они становились на путь предательства — все они изменяли интересам своей Родины. Они продавали Россию, служа именно тем целям, которые ставил перед ними враг России. Все они тесно переплетались между собой и с агентами немецкого шпионажа.

Началась крупномасштабная операция по разложению русской армии с революционной и сепаратистской пропаганды (украинской) в лагерях военнопленных. По свидетельству Либкнехта, «германское правительство не только способствовало этой пропаганде, но и само вело такую». Этим целям служил «Комитет революционной пропаганды», основанный в 1915 г. в Гааге, «Союз освобождения Украины» — в Австрии, «Копенгагенский институт» — организация Парвуса, — и целый ряд газет революционного направления, частью издававшихся только на средства немецкого штаба, а частью субсидированных им. К таким относятся: «Социал-демократ» (Женева, газета Ленина), «Наше слово» (Париж, газета Троцкого), «На чужбине» (Женева, с участием Чернова, Каца и др.), «Русский вестник», «Родная речь», «Неделя» и др. Наряду с распространением подобного рода литературы занимался «благотворительными делами» и «Комитет интеллектуальной помощи русским военнопленным в Германии и Австрии» (Женева), который находился в связи с официальной Москвой и получал оттуда субсидии.

В самом начале войны Ленин получил от «Союза освобождения Украины» 5 тыс. долларов на издание своей газеты «Социал-демократ». Эту газету через посредство кайзеровского агента Александра Кескюлы (псевдоним — А. Штейн) тиражировали в германском Морском штабе. 9 января 1916 г. Штейн писал в главную немецкую штаб-квартиру: «В конце недели появится вторая брошюра ЦК РСДРП (т. е. Ленина). Деньги, которые я выплатил до отъезда, были украдены с типично русским хладнокровием. Вчера я выплатил сумму еще раз. Даже революцию нужно вбивать в этих русских полицейской дубинкой».

Чтобы определить ориентацию подобных изданий, достаточно привести несколько фраз, выражающих взгляды их вдохновителей. Ленин в «Социал-демократе» писал: «Наименьшим злом будет поражение царской монархии — наиболее варварского и реакционного из всех правительств...» Чернов, будущий министр земледелия, на такое изречение заметил в «Мысли», что у него «есть одно Отечество — интернационал...»

Наряду с использованием печатного слова, немцы приглашали сподвижников Ленина читать сообщения в лагерь. А немецкий шпион, консул фон Пельхе, занимался вербовкой агитаторов для пропаганды в рядах армии среди русских эмигрантов призывного возраста и левого направления.

Но все это была только подготовка. Русская революция открыла необъятные перспективы для немецкой пропаганды. Наряду с чистыми людьми, борющимися действительно за народное благо, а потому изгнанных из страны, в Россию хлынула и вся та революционная плесень, которая впитала в себя элементы «охранки», интернационального шпионажа и бунта.

Россию часто упрекали в чрезмерных гонениях на инакомыслящих. История показывает, что на самом деле все обстояло не так. Петроградская власть больше всего боялась обвинения в недостаточной демократичности. Министр Милюков неоднократно заявлял, что «правительство признает, безусловно, возможным возвращение в Россию всех эмигрантов, без различия их взглядов на войну и независимо от нахождения их в международных контрольных списках». Министр даже вел спор с англичанами, задержавшими у себя большевиков Троцкого, Зурабова и других и не хотевших их отпускать. Но с Лениным и его единомышлен-

никами дело было куда сложнее. Несмотря на требование русского правительства, союзники ни за что не желали их пропускать. Тогда в эту перепалку вмешалась Германия, крайне заинтересованная в возвращении Ленина и других большевиков на родину.

По признанию Людендорфа, немецкое правительство командировало Ленина и его спутников (в первой партии 17 человек) в Россию, предоставив им свободный проезд через Германию. Предприятие это, сулившее компенсироваться с лихвой, щедро финансировалось золотом и валютой через Стокгольмский и Копенгагенский центры, а также через русский Сибирский банк. Тем золотом, которое, по любимому выражению вождя мирового пролетариата, «не пахнет».

Если деньги сами по себе, как принято считать, действительно, не имеют запаха, то от несправедливых дел, свершенных при помощи денег, запах весьма и весьма обоняем. Архивные документы позволяют сегодня раскрыть источник финансирования большевистской партии. Он связан с именем Карла Моора — старейшего швейцарского социал-демократа, который незадолго до 1917 г. получил большое наследство и кредитовал многих социал-демократов. Именно с ним и была достигнута договоренность о крупном денежном займе большевикам. В январе 1926 г., после того, как специальная комиссия установила полную сумму долга за 1917—18 гг., ему было возвращено 38 тыс. 430 долларов, что составило по тогдашнему курсу около 200 тыс. швейцарских франков.

Многочисленные зарубежные источники, располагающие непроверяемыми документами, выявляют, что Моор был секретным штатным агентом германской и австрийской разведок и носил агентурную кличку «Байер». Это имя стоит под многими донесе-

ниями о положении в России и о деятельности большевиков, возглавляемых Лениным. Донесения эти ложились непосредственно на стол самому канцлеру Германии. Первые из них, известные на сегодняшний день, были направлены в германское посольство в Берне весной 1917 г. Деятельность Моора, как секретного агента Германии и Австро-Венгрии, была документально доказана только после 2-й мировой войны. Он мог быть автором донесений, в которых германский посланник, докладывая подробно о Ленине и его окружении, ссылаясь просто на «агента» или «одного из агентов».

Приведу выдержки из донесения Байера, поступившего, скорее всего, из какого-то шведского населенного пункта на границе с Россией, куда Карл Моор был командирован летом 1917 г.: «Последний поезд с эмигрантами прибыл сюда в понедельник, 25 июня. В нем находилось 205 человек, среди них около 50 женщин и детей. Руководящих деятелей первого ранга среди участников этой экспедиции не было, но все же среди них были активные и опытные организаторы, агитаторы и писатели. Д-р Шкловский — очень близкий друг Ленина; энергичный, преданный революции человек, оставивший свою несколько лет существовавшую в Берне лабораторию, чтобы служить революции, своей партии и миру.

Из-за чрезмерной приветливости по отношению к немцам, как мне было сказано д-ром Шкловским, они с самого начала приобрели репутацию немецких друзей, даже там и сям подозревают, что они — просто немецкие агенты».

Знал ли Ленин о том, что Моор — германский шпион, сейчас установить трудно. Да и вопрос этот не был бы так важен, учитывая довольно безразличное отно-

шение большевика № 1 к происхождению денежных средств на нужды партии, если бы он не ставился столь принципиально. Доподлинно известно, что через несколько месяцев после возвращения на родину, Ленин неожиданно запросил в Стокгольме — правда ли, что там «появился Моор»: «Но что за человек Моор? Вполне ли и абсолютно ли доказано, что он честный человек? Что у него никогда и не было и нет ни прямого, ни косвенного снюхивания с немецкими социал-империалистами? Если правда, что Моор в Стокгольме и если вы знакомы с ним, то я очень просил бы, убедительно просил бы, настойчиво просил бы принять все меры для строжайшей и документальной проверки этого. Тут нет, т. е. не должно быть места ни для тени подозрений, нареканий, слухов и т. п.» Какая строгая щепетильность. Но нам известно также, в частности, из учебников по истории КПСС об «удивительной прозорливости Ильича».

Впрочем, причины для подобного рода беспокойств у вождя мирового пролетариата, конечно, были. Как раз в этот момент над большевиками навис «дамоклов меч» сурового обвинения. А обвиняли Ленина и его единомышленников как раз в том самом «снюхивании» с германским правительством с целью разложения русской армии и русского народа. В такой ситуации необходимо было действовать крайне осторожно. Когда казначей Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) Н. А. Семашко, прибыв из Стокгольма, доложил товарищам по партии о своей встрече там с Моором и о желании последнего передать полученное им крупное наследство большевикам, партийное руководство категорически отклонило это предложение и постановило, поскольку невозможно было проверить источник этих средств, — «всякие дальней-

шие переговоры по этому поводу считать недопустимыми».

Так или иначе, но деньги Моора большевики все же приняли. В связи с этим следует упомянуть, что сам Моор по происхождению не швейцарец, а немец, и наследство было получено им в Германии в 1908 г. Сегодня также доподлинно известно, что переданные большевиками деньги — не его наследство, а суммы, выделенные германским командованием на тайные операции в России.

Немного позже возникнет еще одна двусмысленная ситуация во взаимоотношениях Ленина и Моора, которая позволяет судить об неискренности первого. После Октябрьского переворота Моор на протяжении ряда лет жил в Советской России, продолжая направлять секретные донесения в Берлин. Сохранились и его контакты с Лениным, который опасался, как бы возможный германский агент не скомпрометировал большевистскую верхушку, имевшую с ним довольно тесные связи. Он и его соратники уже старались отделаться от назойливого старика, который, сделав свое дело, мог спокойно уйти. Весной 1922 г. Яков Ганецкий, занимавший ранее, в 1920—21 гг. пост полпреда и торгпреда в Латвии, направляет письмо весьма любопытного содержания Молотову с припиской «Ленину»:

«Уважаемый товарищ.

До сих пор я не получал от Вас указаний, что сделать с привезенными из Риги 83 513 датскими кронами. Если возражений нет, я просил бы поручить кассиру Ф(инотдела) ЦК взять их у меня.

Однако, напоминая, что несколько раз было принято, быть может, устное постановление возвратить день-

ги Моору. Указанные деньги фактически являются остатком от полученных сумм Моора. Старик все торчит в Москве под видом ожидания ответа относительно денег. Не считали бы Вы целесообразным дать ему эти деньги, закончив этим все счета с ним и таким образом избавиться от него.

Жду от Вас срочных указаний.

С коммунистическим приветом Ганецкий».

Внизу приписка:

«Владимир Ильич, Н. П. Горбунов сообщил мне, что вы были за то, чтобы Моору возвратить деньги. Во всяком случае, необходимо со стариком покончить.

Ганецкий».

На этом документе, на обороте, Ленин оставил собственноручную резолюцию:

«т. Сталину.

Я смутно припоминаю, что в решениях этого вопроса я участвовал. Но как и что, забыл. Знаю, что участвовал и Зиновьев. Прошу не решать без точной и подробной справки. Дабы не ошибиться и обязательно спросить Зиновьева.

10. V.

Ленин».

И ниже — уже запись Зиновьева:

«т. Сталину.

По-моему, деньги (сумма большая) надо отдать в Коминтерн. Моор все равно пропьет их. Я сговорился с Ганецким не решать до приезда Радека.

20. V. 1922.

Г. Зиновьев».

Вот такой, на удивление короткой, оказалась память Ленина, который к 1922 г. уже не помнил, принимал или не принимал он участие в денежных делах с Моором.

Но давайте снова вернемся к тому моменту, когда вождь большевиков возвратился на родину.

Немецкая газета «Die Woche» ко дню прибытия Ленина в Петроград посвятила этому событию статью, в которой он был назван «истинным другом русского народа и честным противником». А кадетский официоз «Речь», который позже вступит в отчаянную борьбу с ленинцами, почтил его приезд словами: «Такой общепризнанный глава социалистической партии должен быть теперь на арене борьбы, и его прибытие в Россию, какого бы мнения ни держаться о его взглядах, можно приветствовать».

Через несколько дней после своего прибытия в Петроград Ленин объявил «Тезисы», часть которых составляла основные темы германской пропаганды: «Долой войну!» и «Вся власть Советам!» С первых же дней большевистская организация, как сказано было впоследствии в июле в сообщении прокурора Петроградской судебной палаты, «в целях содействия находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошла с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла, для чего, на полученные от этих государств денежные средства, организовала пропаганду среди населения и войск... а также в тех целях, в период времени 3—5 июля организовала в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти».

Некоторые арестованные в июле 1917 г. «раскололись» на допросах и открыли «золотой немецкий лар-

чик». К такому можно отнести, например, Евгению Суменсон (Рундо). Она выполняла в Петрограде роль почтового ящика для передачи немецких денег от своего родственника в Стокгольме Ганецкого (Фюрстенберга). Деньги она передавала адвокату Козловскому, а тот докладывал о пополнении партийной кассы Ленину. Липовое предприятие Суменсон по продаже лекарств служило ширмой для грязных финансовых операций. А нелегальные контакты со Стокгольмом она поддерживала через немца Шперберга, владельца экспортной конторы в Петрограде.

Любопытны и показания очевидцев, свидетельства которых позволяют установить истину в вопросе о немецких сребрениках для большевистской партии.

Из показаний Владимира Бурцева, — публициста, издателя журнала «Былое», разоблачителя многих провокаторов царской охранки: «Ленин пользуется услугами различных немецких агентов, среди которых особенно выдаются Парвус и его помощники по части оказания услуг Германии».

Свои показания Бурцев давал четыре дня, и в них содержались секретнейшие сведения о четкой работе русской контрразведки. Кстати, он же в октябре 1917 г. напечатал список 159 лиц, перевезенных через Германию в Россию распоряжением немецкого Генерального штаба. Почти все они, по словам Бурцева, революционеры, в течение войны ведущие пораженческую кампанию из Швейцарии, а теперь «вольные или невольные агенты Вильгельма». В этот список, конечно же, попали Ленин и его ближайшие сподвижники.

Степан Белецкий, бывший директор департамента полиции:

«Возглавляемое Лениным пораженческое течение с момента первых военных действий инспирировалось

австрийским правительством в целях достижений успехов в войне с Россией».

Георгий Плеханов:

«Тактика ленинская была до последней степени выгодна, крайне ослабляя боеспособность русской армии. Недаром германская печать нередко с нежностью говорила о Ленине, как об истинном воплощении русского духа».

По моему мнению, трезвый взгляд Плеханова — человека, которым одно время восхищался Ленин, — на большевистского лидера, является весьма интересным. В своей работе «Беседы с Плехановым в августе 1917 года» Н. В. Валентинов (Вольский) рассказывает:

«Об «Апрельских тезисах» Ленина и о том, что тот писал позднее, Плеханов говорил как о «бреде». Он неоднократно повторял это слово. «Бред, только бакунинский бред, способный находить отклик лишь в очень невежественной среде.» Плеханов много рассказывал о своем первом знакомстве с Лениным, когда тот в 1895 г. приехал в Женеву.

— Аксельрод, бывший на седьмом небе оттого, что довелось видеть человека оттуда и находящегося в самом центре рабочего движения Петербурга, меня усиленно убеждал, что за Ульяновым-Тулиным надо ухаживать, так как он самый видный представитель в России социал-демократов, а их тогда можно было пересчитать по пальцам двух рук. И мы за Ульяновым, действительно, ухаживали, носились с Ульяновым, как дураки с писаной торбой. Однако, к сей почтенной категории людей я не принадлежу, и потому сразу разглядел, что наш 25-летний парень Ульянов — материал совсем сырой и топором марксизма отесан очень грубо. Его отесывал даже не плотничий

топор, а топор дровосека. Ведь этот 25-летний парень (Плеханов несколько раз повторил «этот парень») был не очень далек от убеждения, что если некий Колупаев-Разуваев построил в какой-нибудь губернии хлопчатобумажную фабрику или чугунно-плавильный завод, то дело в шляпе: страна уже охвачена капитализмом, и на этой базе существует соответствующая капитализму политическая и культурная настройка...

Я спросил Плеханова, как он относится к обвинению Ленина в получении денег от немцев (обвинение, брошенное Алексиным и Панкратовым) и к приказу Временного правительства об аресте Ленина.

— Получал ли Ленин деньги от немцев? На этот счет ничего определенного сказать не могу. Установить это — дело разведки, следствия, суда. Могу только сказать, что Ленин менее чистоплотен, чем, например, Бланки или Бакунин, заместившие в его голове Маркса. Арестовать Ленина после июльских дней, конечно, было необходимо. Революция дала стране полную свободу слова. Ленин, вместо того, чтобы добиваться своих, на мой взгляд, бредовых идей только словом, хотел их проводить, опираясь на вооруженные банды. А когда оружие критики, как говорил Маркс, заменяется критикой оружием, тогда революционная власть на такую критику должна отвечать тоже оружием. Очень жалею, что наше мягкотелое правительство не сумело арестовать Ленина. Все говорят, что он скрывается где-то вблизи Петербурга и из своего убежища продолжает и писать, и давать приказы своей армии, иными словами, разлагать революцию и играть на руку немцам. Контрразведка Временного правительства так бездарна, что найти Ленина не может. Савинков мне сказал, что ловить Ленина не его дело,

но если бы он этим занялся, то уже на третий день Ленин был бы уже отыскан и арестован».

И далее:

«Чем больше Ленин и иже с ним будут вести свою пропаганду, тем больше будет экономически и технически разлагаться страна, тем больше мы будем возвращаться к экономике курной избы».

К сожалению, предостережение Плеханова оправдалось. Ни «мягкотелое Временное правительство», ни кто бы то ни было другой не сумели остановить революционный напор. Величайшее из всех мыслимых недоразумений свершилось. Страна, занимавшая стабильные позиции в мире по экономическим и прочим показателям, скатилась до экономики «курной избы». Времени на это много не потребовалось — все случилось уже вскоре после Октябрьского переворота. Представляю себе шоковое состояние и отчаяние тех, на чьих глазах их великая Родина превращалась в жалкий и немощный организм. Представляю их смятение, когда они наблюдали за тем, как рушатся, казалось бы, незыблемые бастионы, сдерживающие некогда все ветра на протяжении многих столетий. Представляю себе их бессилие перед возникшей самой ужасающей диктатурой — невежественной, слепой диктатурой пролетариата.

Кому и зачем это было нужно? Германия, которая была заинтересованная в развале России. Но какому русскому пришла в голову подобная преступная идея: унижить, уничтожить Родину? Всякая революция предполагает захват власти. К этому же стремились и большевики в 1917 г. Цена Октябрьского переворота огромна, она не исчисляется только лишь немецкими сребрениками, способствовавшими этому перевороту. За власть большевиков заплачено кро-

вью, страданиями и разбитыми судьбами многих и многих людей.

Жажда власти — болезнь, лечить которую невозможно, не выявив сначала все ее симптомы. И, разобравшись в них, можно понять, почему до сих пор так актуальны лозунги большевиков и почему до сих пор реально второе пришествие коммунизма.

Великий русский писатель А. И. Куприн, находясь в эмиграции, дал удивительно точное определение этой отвратительной болезни и выявил все ее симптомы:

«Среди всех народов, во все времена существовало убеждение, что иногда отдельные люди, — правда, очень редкие, — заболели странной, гадкой и ужасной болезнью: подкожными паразитами, которые будто бы размножаясь в теле больного и прорывая себе внутренние ходы между его мясом и внешними покровами, причиняют ему вечный нестерпимый зуд, доводящий его до иступления, до бешенства. Молва всегда охотно приписывала эту омерзительную болезнь самым жестоким, самым прославленным за свою свирепость историческим тиранам...

Современная медицина знает эту болезнь по симптомам, но сомневается в ее причине. Она полагает, что иногда, изредка, бывают случаи такого крайнего раздражения нервных путей и их тончайших разветвлений, которое вызывает у больного во всем его теле непрерывное ощущение пламенного зуда, лишшающее его сна и аппетита и доводящее его до злобного человеконенавистничества. Что же касается до бессмертных деспотов, то тут интересен один вопрос: что за чем следовало — эта ли жгучая, мучительная болезнь влекла за собою безумие, кровопролитие, грандиозные поджоги и яростное надругательство над человечеством, или, наоборот, все безграничные возможности

сверхчеловеческой власти, использованные жадно и нетерпеливо, доводили организм венчаных и случайных владык до крайнего возбуждения и расстрой-ства, до кровавой скуки, до неистовствующей импотен-ции, до кошмарной изобретательности в упоении сво-им господством?»

Не могу не привести выдержки из характеристики, данной Куприным, Ленину. Как раз в ней, как мне ка-жется, и кроется разгадка, почему призрак коммуниз-ма так и не обрел своею успокоения.

«Но нет ни одного мономана, — говорит писа-тель, — который — как бы круто он ни владел своей волей — не проболтается рано или поздно, если кос-венно затронуть его излюбленную, единую мысль. Это бывало и с молодым Лениным. Он не мог без увлече-ния, без экстаза, даже без некоторой красочности гово-рить о будущем захвате власти — тогда еще не проле-тариатом, а — народом, или рабочими. Видно было, — свидетельствует Неведомский, — что он последова-тельно, целыми днями, а может быть, и в бессонные ночи, — наедине с самим собою, — разрабатывал план этого захвата во всех мелких подробностях, предвидя все случайности...

...Личная его храбрость всегда оставалась под боль-шим сомнением. Может быть, он дорожил собою, как движущей силой, как самой тонкой частью революци-онной динамо-машины?

Мне приходилось от вольных и невольных, пони-мающих кое-как события и вовсе их непонимающих антибольшевиков слышать одну и ту же пошлую фразу:

«Хорошо им — Ленину, Троцкому, Зиновьеву, Горькому и другим! Получают они большие деньги от Германии и от евреев, а на остальное им наплевать.

Едят-пьют вкусно, живут во дворцах, катаются на автомобилях. Не выгорит их дело — убегут за границу. Там уже у них прикоплены в банках миллионы, в золоте и бриллиантах, и их ждет спокойная, сытая жизнь в собственных виллах, на прекрасных берегах южных морей...»

Такие люди — а их большинство среди врагов большевизма — напоминают мне легендарного хохла, который говорил:

«Если бы я был бы царем, то все только ел бы сало, и на сале бы спал, и салом бы покрывался, а потом украл бы сто рублей и убежал».

И когда я слышу эти фразы о германско-еврейских миллионах, то думаю:

«Голубчики мои? Если у вас дальше не идет воображение, то ведь в вас, право, говорит только зависть. Я заранее знаю: прочитав газетную заметку о бессмысленности убийства с целью грабежа, вы непременно скажите:

— Какой дурак! У убитого нищего оказалось в кармане всего 2 копейки, а в мешке — сухие корки. И из-за этого зарезать человека!

А если бы все же в нищенском мешке оказался миллион фунтов стерлингов? Да если бы все это сделать умненько, без следов? А? О чем вы задумались, ярый контрреволюционер-«антибольшевик»?

Я не говорю о Зиновьеве. Его нежный желудок органически требует куриных котлет, икры и доброго вина, а Зиновьев так необходим для улучшения революции. Я не говорю о Горьком, Шалапине, Луначарском — они эстеты, они хранители вечного искусства, нельзя их не поставить в исключительные условия жизни, не уберечь от утомительных, иссушающих ежедневных забот.

Я говорю о Ленине. Ему ничего по нужно. Он умерен в пище, трезв, ему все равно, где жить и на чем спать, он не женолюбец, он даже равнодушно хороший семьянин, ему нельзя предложить в дар чистейший бриллиант в тридцать каратов, не навлекая на себя самой язвительной насмешки.

Люди без воображения не могут не только представить себе, но и поверить на слово, что есть другой соблазн, сильнееший, чем все вещественные соблазны мира — соблазн власти. Ради власти совершались самые ужасные преступления, и это о власти сказано, что она подобна морской воде: чем больше ее пить, тем больше хочется пить. Вот приманка, достойная Ленина.

Но есть власть и власть...

Русский мужик (продолжаю басню о хохле) сказал:

«А я если бы был царем, то сел бы на улице, на завалинке, и кто мимо идет, так я его по морде, кто мимо — по морде».

Это уже, несомненно, высшее проявление власти, центральное утверждение своего «я».

...Но растраченное «я» — уже не «я». Один Пушкин из всех мировых поэтов понял, что такое сгущенность, апогей власти, когда он создал Скупого рыцаря. Властвовать, оставаясь по внешности безвластным, хранить в подвалах или в душе неиспользованную, не захваченную толпой и историей потенцию власти, как хотел бы гениальный изобретатель (хранить) в платиновом сосуде кусочек вещества, способного взорвать весь мир; знать, что могу, и гордо думать: не хочу... Нет, право, такая власть — великое лакомство, и оно не для хамов.

И в Ленине, — не в моем воображении, а в настоящем, живом Ленине — есть они, проскальзывают, эти ге-

роические черты. Так, одно время он усиленно готовил на кресло президента РСФСР тупого, заурядного человека Калинина, с лицом старообрядческого начетчика и с простой тверской душой, — свою марионетку под видом Всероссийского старосты. Так он присутствовал на своем собственном пятидесятилетнем юбилее. Его не было, — он почивал на облаках, пока товарищ Луначарский и товарищ Ногин равняли его с Марксом, а товарищ Горький со слезами на глазах заявил, что Петр Великий — это лишь малюсенький Ленин, который и гениальнее, и всемирнее варвара-царя. Но когда у агитаторов заболели от усердия челюсти, он вышел, как всегда, скромно, беспритязательно и опрятно одетый, улыбнулся своей язвительной улыбкой и сказал:

«Благодарю вас за то, что вы избавили меня от необходимости слушать ваши речи. Да и вам советовал бы в другой раз не тратить столько времени на пустое словоизвержение...»

Властвовать, не будучи видимым, заставлять плясать весь мир, сваливая музыку на всемирный пролетариат, — да, вероятно, радостно и щекотно об этом думать, когда ты один лежишь в своей постели и знаешь, что твоих мыслей никто не подслушивает.

И моему пониманию очень ясен и доказательно дорог такой маленький анекдотический штришок.

Ленин выходит из своего скромного помещения (в комендантском крыле Кремлевского Дворца) в зал заседаний. Раболепная толпа... Никаких поклонов нет, но есть потные рукопожатия и собачьи, преданные улыбки. Слова «товарищ Ленин» звучат глубже, чем прежнее «Ваше Величество»...

— Товарищ Ленин, если говорить по правде, то ведь только два человека решают сейчас судьбы мира... Вы и Вильсон.

И Ленин, торопливо проходя мимо, рассеянно и небрежно бросает:

— Да, но при чем же здесь Вильсон?»

«Но есть и самая последняя, самая могучая, самая великая форма власти над миром: это воплощение идеи, слова, голого замысла, учения или фантастического бреда — в действительность, в плоть и кровь, в художественные образы, — подытоживает Куприн. — Такая власть идет и от Бога и от Дьявола, и носители ее или творят, или разрушают. Те, которые творят, во всем подобны главному Творцу: все совершенное ими исполнено красоты и добра. Но и черный иногда облекается в белые одежды, и в этом, может быть, его главная сила и опасность. Разве не во имя светлого Христа были: инквизиция, Варфоломеевская ночь, гонение на раскольников и уродливая кровавая секта.

Ленин не гениален, он только средне-умен. Он не пророк, он — лишь безобразная вечерняя тень лже-пророка. Он не вождь: в нем нет пламени, легендарности и обаяния героя; он холоден, прозаичен и прост, как геометрический рисунок. Он весь, всеми частицами мозга — теоретик, бесстрастный шахматист. Идя по следам Маркса, он рабски доводит его жестокое, каменное учение до пределов абсурда и неустанно ломится еще дальше. В его личном, интимном характере нет ни одной яркой черты, — все они стерлись, сгладились в политический борьбе, полемике и односторонней мысли, но в своей идеологии он — русский сектант. Да, только русские удивительные искатели Бога и правды, дикие толкователи мертвой буквы могли доводить отдельные выражения Евангелия до превращения их в ужасные и нелепые обряды...

Для Ленина не существует ни красоты, ни искусства, ему даже совсем неинтересен вопрос: почему это

некоторые люди приходят в восторг от сонаты Бетховена, от картины Рембрандта, от Венеры Милосской, от терцин Данте. Без всякой злобы, со снисходительной улыбкой взрослого он скажет: «Людам так свойственно заниматься пустяками... Все они, ваши художественные произведения, — имеют ли они какое-нибудь отношение к классовой борьбе и к будущей власти пролетариата?»

Он одинаково равнодушен ко всем отдельным человеческим поступкам: самое низменное преступлений и самый высочайший порыв человеческого духа для него лишь простые, невеские, незначащие факты. Ни прекрасного, ни отвратительного нет. Есть лишь полезное и необходимое. Личность — ничто. Столкновение классовых интересов и борьба из-за них — все.

К нему ночью в Смольный приводят пятерых юношей, почти мальчиков. Вся вина их в том, что у одного при обыске нашли офицерский погон. Ни в Совете, ни в Трибунале не знают, что с ними делать: одни говорят — расстрелять, другие — отпустить, третьи — задержать до утра... Что скажет товарищ Ленин?

Не переставая писать, Ленин слегка поворачивает голову от письменного стола и говорит:

«Зачем вы ко мне лезете с пустяками. Я занят. Давайте с ними, что найдете нужным...»

Красные газетчики делают изредка попытки создать из Ленина нечто вроде отца народа, такого доброго, лысого, милого, своего «Ильича». Но попытки не удаются (они закостеневают в искательных, напряженных, бесцельных улыбочках). Никого лысый Ильич не любит и ни в чьей дружбе не нуждается. По заданию ему нужна — через ненависть, убийство и разрушение — власть пролетариата. Но ему решительно все равно: сколько миллионов этих товарищей-пролетариев погибнет в кро-

вавом месиве. Если даже, в конце концов, половина пролетариата погибнет, разбив свои головы о великую скалу, по которой в течение сотен веков миллиарды людей так тяжело подымались вверх, а другая половина попадет в новое неслыханное рабство, — он — эта помесь Калигулы и Аракчеева — спокойно оботрет хирургический нож о фартук и скажет:

«Диагноз был поставлен верно, операция проведена блестяще, но вскрытие показало, что она была преждевременна, подождем еще лет триста...»

Сказке о большевиках-альтруистах пришел, к счастью, конец. За захваченную разбойным путем власть требовалось платить иностранным пособникам. Из России в Германию уходили набитые золотом вагоны, на счета в западных банках уплывали астрономические суммы. А в это время в стране победившего Октября голодали и умирали сотни тысяч несознательных крестьян и пролетариев, тех самых, которые были брошены к алтарю диктатуры пролетариата.

9 июня 1918 г., размышляя о новых кремлевских властителях, немецкий генерал Людендорф писал: «Нам нечего ожидать от такого правительства, хотя оно живет только за наш счет. Оно является для нас постоянной угрозой, которая может быть устранена, только если оно безусловно признает наше превосходство...»

Видимо, не задумывались те, что пускались в столь авантюрное предприятие, как подрыв России изнутри, путем выдвижения на первый план в стране большевиков, чем это может обернуться для них же самих. Не разглядели опасности в «чумной бацилле» Октябрьского переворота, а потому пришлось позже раскаяться.

Биант предостерегал: «Прежде, чем начать что-либо, подумай». И у нашего народа есть, на мой взгляд,

не менее правильное утверждение: «Семь раз отмерь — один отрежь».

ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ-2

Бойся данайцев, дары приносящих.

Вергилий

Немецкие деньги на нужды большевистской партии, всплывают в истории нашего отечества вновь — уже после завершения 1-й мировой войны.

Реальная международная обстановка, сложившаяся в этот момент, способствовала сближению тех стран, которые не оказались в числе архитекторов Версальской системы. В результате этого возник договор, подписанный Советской Россией и Германией в 1922 г. в Рапалло. Этот договор, как подчеркивал ветеран германской дипломатии П. Карелл (П. Шмидт), «положил конец дипломатической и экономической изоляции и Германии, и Советской страны».

Действительно, после окончания 1-й мировой войны Советская Россия и Германия очень нуждались друг в друге. И та, и другая, в силу исторических причин, были отринуты мировым сообществом. В условиях подобной изоляции они вынуждены были броситься в объятия друг друга.

Однако, как подчеркивает все тот же Пауль Карелл, «в договоре Рапалло не было секретных положений, хотя предположения такого рода делаются до сегодняшнего дня. Эта ошибка связана с тем, что соглашение по общим

экономическим вопросам вскоре дало толчок для новых соглашений. Это было логическим развитием событий».

Что же имеет в виду П. Карелл, говоря о «секретных положениях», обсуждавшихся правительствами двух стран? Попробуем разобраться.

После войны Германии Версальским мирным договором были продиктованы запреты на развитие Вооруженных Сил, не выполнять которые она не имела права. Советскую Россию никто не ограничивал в таких возможностях, но возможности ее, тем не менее, были все же ограничены. Разрушив старые экономические связи и механизмы, широко прокомментировав свои воззрения на отношение к частному капиталу, она вынуждена была искать новые пути и новых партнеров для развития всех отраслей экономики, включая и военную отрасль.

Тема эта тесно переплетается с темой о заговоре Тухачевского. А она, в свою очередь, является одной из наиболее темных страниц советской истории. Арестованные и осужденные в 1937 г. видные военачальники спустя 20 лет были реабилитированы — посмертно. Объясняя причины осуждения видных руководителей Красной Армии, Н. Хрущев в 1956 г. рассказал о том, что немецкая разведка сумела через третьи лица передать советскому руководству сфабрикованные материалы, которые дискредитировали М. Н. Тухачевского, Я. Б. Гамарника, И. П. Уборевича, И. Э. Якира и многих других.

Автор многих политических исследований Юрий Емельянов, пытаясь разобраться, почему до сих пор нет ясности в деле о заговоре видных военачальников Красной Армии, пишет:

«В еженедельнике «За рубежом» (27 мая — 2 июня 1988 г.) был опубликован материал под названием

«Заговор против Тухачевского», представляющий выдержки из книги западногерманского ученого Пауля Карелла «Война Гитлера против России» (выходила также под заглавием «Гитлер идет на восток, 1941—1943»). В публикации подробно рассказывалось о тех путях, которыми проследовала информация, собранная гестапо, из Берлина в Москву, что соответствовало известной версии, изложенной в 1956 г. советским руководством.

Однако, обратившись к подлинному тексту книги «Война Гитлера против России», нетрудно убедиться в том, что еженедельник «За рубежом» обрывал изложение Пауля Карелла как раз на том, где он объявлял широко распространенную версию событий несостоятельной. Настоящая история, подчеркивает П. Карелл, «не столь проста, как ее представил Хрущев или как ее изложили Бенеш, Черчилль и помощники Гимmlера».

Какие основания были у германского историка ставить под сомнение сложившуюся версию об этих событиях 1937 г.? Прежде всего, следует учесть, что автор многочисленных публикаций, посвященных 2-й мировой войне, избравший себе псевдоним Пауль Карелл, был сотрудником Рейхсминистерства иностранных дел Паулем Шмидтом и в качестве такового не раз исполнял обязанности переводчика у Гитлера.

Будучи ветераном германской дипломатии, Пауль Шмидт-Карелл был прекрасно осведомлен о тайном сотрудничестве между двумя странами в 20-х годах. Отвергнув в 1917 г. принцип тайных соглашений и разгласив секретные договоры, заключенные странами Антанты, Советское правительство вскоре убедилось в невозможности поддерживать внешнеполитическую деятельность в условиях абсолютной гласности.

А теперь давайте посмотрим, какая же тайна скрывалась за семью печатями.

«Рейхсфюреру, например, было запрещено иметь танки или противотанковое вооружение, любые самоходные орудия, любую авиацию, любые химические средства ведения войны, — пишет П. Карелл — Такие ограничения не позволяли создать современную армию».

В своей книге «Преданная революция», написанной в 1936 г., Троцкий указывает на то, что все планы социалистического строительства в России основывались на активном привлечении германских специалистов и рабочих в Россию, а также усиленном экспорте в Россию готовой продукции, а в Германию — российского сырья.

Властители Кремля, конечно, мечтали о свершении социалистической революции в Германии. Так, 29 марта 1920 г., на IX съезде РКП(б), Н. Бухарин заявлял, что германский пролетариат, «несмотря на частичные поражения, идет твердой поступью к рабочей диктатуре». По его предложению съезд даже направил телеграмму в Берлин, в которой выражалась полная уверенность в том, что «победа германского пролетариата послужит сигналом к мировой социалистической революции». Но, какими бы ни были идеологические воззрения или желания большевиков в России, они нуждались в другого рода поддержке от Германии. Поэтому вожди страны Советов и выступили за деловое сотрудничество с Веймарской республикой.

Троцкий, будучи Наркомвоенмором Кремля, остро понимал необходимость модернизации советской оборонной промышленности. Его биограф, И. Дейтчер, свидетельствует:

«Как Военный Нарком, Троцкий очень хотел оснастить Красную Армию современным оружием. Советская военная промышленность, примитивная и разрушенная, не могла обеспечить их производство».

Как подчеркивает тот же Дейтчер, «была лишь одна страна, к которой он мог повернуться в надежде на успех, и это была Германия. В соответствии с Версальским договором Германии было запрещено производить оружие. Ее оружейные фабрики, самые современные в Европе, простаивали... В начале 1912 г. Виктор Копп, бывший меньшевик, который когда-то сотрудничал в венской «Правде» заключил от имени Троцкого тайные контракты с крупнейшими концернами Круппа — «Блом унд Фосс» и «Альбатрос Верке». Уже 7 апреля 1921 г. он сообщил, что эти концерны готовы сотрудничать, оказывать техническую помощь и продавать продукцию, необходимую России для производства самолетов, подводных лодок, артиллерии и других видов оружия. В течение года между Москвой и Берлином постоянно курсировали посланцы, а Троцкий информировал Ленина и Чичерина о каждой фазе переговоров, которые продолжались в величайшей тайне; он держал в своих руках все нити подготовительных переговоров перед заключением договора в Рапалло, пока не наступил момент для действий дипломатов».

Следует заметить, что в руководстве Веймарской республики политика Рапалло многими воспринималась как временная и вынужденная мера, от которой в будущем необходимо отказаться. Так, Советник Президента Германии Парвус, о финансовой и политической деятельности которого уже шел разговор в предыдущей главе, изложил экспансионистские планы Германии в отношении России. Вскоре эти

планы нашли место в главной работе Гитлера «Моя борьба».

Гитлер пишет:

«Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой, которой следовала предвоенная Германия. Мы начинаем там, где остановились шестьсот лет назад. Мы прекращаем вечное германское движение на юг и запад Европы и поворачиваем наши взоры к землям на Востоке. Мы, наконец, кладем конец колониальной и торговой политике предвоенных времен и переходим к территориальной политике будущего. Когда мы сегодня говорим о территории в Европе, мы можем думать, прежде всего, о России и о пограничных государствах, являющихся ее вассалами».

Стремление к взаимному сотрудничеству в военной области двух стран было оформлено в период после подписания договора в Рапалло. П. Карелл сообщал о «ряде тайных соглашений между Рейхсвером и красным Генеральным штабом. С германской стороны эта деятельность была поручена «Особой группе Р» («Р» — означало Россия), засекреченному отделу в руководстве германской армии. Ее исполнительным органом стала экономическая организация, созданная для прикрытия фирма ГЕФУ, Ассоциация для защиты торговых предприятий. Эта фирма имела свои конторы в Берлине и Москве и финансировалась за счет секретных фондов Рейхсвера».

А вот свидетельство Джоффри Бейли, «американского эксперта по закулисной работе в Красной Армии», как назвал его П. Карелл. В своей книге «Заговорщики» Дж. Бейли раскрывает характер и масштабы тайного сотрудничества между Германией и Советской Россией.

«К 1924 г. фирма «Юнкерс» производила несколько сот цельнометаллических самолетов в год в подмосковном пригороде Фили. Очень скоро более 300 тыс. снарядов в год стали производить модернизированные царские оружейные заводы Ленинграда, Тулы и Златоуста. Отравляющий газ производила фирма «Берзоль» в городе Троицке (Гатчина), а подводные лодки и бронированные корабли строились и спускались на воду в доках Ленинграда и Николаева. В 1926 г. более чем 150 миллионов марок, почти треть ежегодного бюджета Рейхсвера, направлялись на закупки вооружений и боеприпасов в СССР».

Приводя эти данные, П. Карелл добавляет:

«Естественно, что производство запрещенной военной продукции было лишь одной стороной этого сотрудничества. Так как ввоз таких вооружений в Германию был также запрещен и в существовавших условиях их нельзя было оградить тайной, было крайне важно создать условия для организации за пределами Германии полигонов, на которых применялось бы это оружие. Таким образом, Советский Союз превратился в полигон Рейхсвера.

С 1922 по 1930 гг. были созданы следующие центры, которые использовались немцами: Центр германских ВВС под Липецком, школа химической войны в Саратове на Нижней Волге (создана в 1927 г.), бронетанковая школа с танкодромом в Казани на Средней Волге (введена в действие с 1930 г.).

Огромный военный аэродром возле Липецка был расположен на возвышенности, с которой открывался вид на город. Начиная с 1924 г., он превратился в современную военную базу. Официально здесь размещалась 4-я Советская эскадрилья, но язык 4-й эскадрильи был немецкий. Только офицер связи и охраны аэ-

родрома были русскими. У ангаров стояло несколько старинных русских разведывательных самолетов, на крыльях которых были советские опознавательные знаки. Остальное же все было немецкое. На Липецк из бюджета Рейхсвера выделялось 2 миллиона марок ежегодно. Первые сто истребителей, которые использовали для обучения немецких пилотов, были закуплены на заводах «Фоккер» в Голландии. В Липецке находилось от 200 до 300 немецких летчиков. Тут были использованы первые немецкие истребители-бомбардировщики. В ходе маневров, приближенных к боевым условиям, «липецкие истребители» практиковали технику бомбометания на низкой высоте. Именно так были заложены основы для разработки «штурмовиков», которые вызывали ужас в годы войны.

Первые типы легких бомбардировщиков и истребителей для массового производства средств ВВС Германии, развернувшегося с 1933 г., были созданы и испытаны в Липецке. Первые 120 отлично подготовленных пилотов-истребителей, ядро истребительной авиации, все были из Липецка, То же самое можно сказать и о первой сотне штурманов. Без Липецка Гитлеру понадобилось бы еще десять лет для того, чтобы создать современную авиацию. Ныне даже трудно представить себе, какой грандиозной авантюрой явился Липецк. В то время, как подозрительные взоры западных союзников и пацифистски настроенных немецких левых рыскали по Германии в поисках малейших свидетельств запрещенного перевооружения, где-то вдали, в «аркадии» немецких коммунистов и левых марксистов, эскадрильи липецких истребителей с ревом пронеслись над Доном, сбрасывая модели бомб по мишеням, испытывая новые прицелы для бомбометания, с грохотом пролетали на низкой высоте над советски-

ми деревнями в Центральной России, вплоть до окраин самой Москвы, и выступали в роли наблюдателей в ходе широкомасштабных маневров Советских Сухопутных Сил в районе Воронежа.

То, чем стал Липецк для Военно-Воздушных Сил, Казань стала для танкистов. Здесь, на средней Волге, были заложены основы бронетанковых дивизий Гудериана, Гепнера, Гота и Клейста».

Практически, это невозможно себе представить, но такая крупномасштабная операция, проводимая двумя странами, держалась в секрете от остального мира. Более того, ни в России, ни в Германии, население не догадывалось о том, что происходит. Народные деньги, сконцентрированные в руках правителей, шли якобы на народные нужды. Как было на самом деле, история вскоре наглядно продемонстрировала.

Но давайте обратимся к фактам. П. Карелл утверждает, что «все, до последнего гвоздя, вывозилось из Германии... Необходимые материалы и снаряжение поступали в Ленинград из свободного порта Штеттин. Особо секретное или взрывоопасное оборудование или предметы, которые нелегко было замаскировать, нельзя было погрузить в Штеттине — их погружали на небольшие прогулочные яхты, на которых находились офицеры флота, и они плыли тайными маршрутами через Балтику. Естественно, из-за этого порой исчезал целый груз. В обратном направлении шли такие предметы, как гробы летчиков, разбившихся под Липецком: их запаковывали в ящики, на которых было написано, что это запасные части, и отправляли в Штеттин. Таможенники, по договоренности с Рейхсвером, помогали переправлять их из порта».

Кроме того, по условиям тайных соглашений двух стран, немцы обязаны были проводить военную подго-

товку советского командного состава. «Бывшие солдаты царской армии, прославленные бойцы гражданской войны, украшенные боевыми наградами политические комиссары сидели бок о бок с аспирантами германских военных академий и слушали лекции о военном искусстве Мольтке, Клаузевица и Людендорфа». Это располагало к личному сближению германских и советских военных. Все беседы, которые вели советские военные с германскими коллегами, тщательно записывались последними и направлялись в архив ГЕФУ. Именно этими материалами секретного архива воспользовался впоследствии группенфюрер СС Р.Гейдрих (по заданию Гитлера и Гимmlера) с целью дискредитировать военных, включая и Тухачевского. «Гейдрих, — отмечает П. Карелл, — внес изменения в содержание архивных материалов ГЕФУ. Он внес добавления в переписку, добавив несколько новых писем и заметок так, чтобы, в конце концов, был готов превосходный материал с подлинными документами и печатями, материал, который поставил бы любого генерала в любой стране перед Военным трибуналом по обвинению в государственной измене».

Возникает вопрос, для чего Гитлеру было нужно дискредитировать военачальников Красной Армии, особенно, если учесть, какие бешеные суммы Рейхсвера уходили на их профподготовку, а также на помощь в развитии военной промышленности в Советской России? П. Карелл, изучив неопровержимые документы, приходит к выводу, что среди крупных военных деятелей в России, действительно, созрел план свержения правительства СССР. Он приводит некоторые известные ему сведения, подтверждающие активную роль Тухачевского в организации попытки государственного переворота. А конфликт, су-

ществовавший между Сталиным и Тухачевским, едва не превратил подобную возможность в реальность. В 1932 г. заместитель Наркомвоенмора Тухачевского Я. Гамарник внес предложение создать на Дальнем Востоке коллективные хозяйства из военнослужащих. И к 1936 г. колхозный корпус насчитывал уже 60 тыс. человек, которые несли боевую службу, и 50 тыс. резервистов, которые работали в поле. Это была боевая сила из 10 дивизий, со своей структурой, практически неподотчетная Красной Армии. Что немаловажно, колхозный корпус был удален от Москвы, в которой находилось сердце режима. И эта организация могла стать идеальным орудием в руках командующего в случае вооруженного конфликта.

Весной 1936 г. Тухачевский отправляется в Лондон в качестве руководителя советской делегации на похороны короля Георга V. Дорога туда и обратно пролегла через Берлин, чем и воспользовался красный маршал, чтобы провести переговоры с ведущими немецкими генералами. Встречаясь с ними, он ставил перед собой цель, прежде всего заручиться гарантией, что Германия не воспользуется революционными преобразованиями в России, чтобы начать поход на Восток. Тухачевский желал бы, чтобы существовавшие связи и сотрудничество между двумя странами оставались без изменений после падения сталинского режима.

Однако, как видно, страх военного переворота преследовал не только советских руководителей. Внутри Германии назревал подобный конфликт. Немецкие военные также задумывались о свержении правящего режима.

Поэтому Гитлер не мог оставить без внимания возрастающий авторитет русского генерала и его стрем-

ление к военному перевороту. Если бы власть в России перешла в руки видного и талантливое военачальника, неизвестно, чем бы это обернулось для Германии. Поэтому-то Гитлер и подбросил Сталину компромат на Тухачевского. Но, как мне кажется, одним из побуждений для подобного решения явилось также желание ослабить мощь Красной Армии.

Все эти доводы, к сожалению, лежат в области предположений. Однако, существуют и факты, а они, как известно, упрямая вещь. Уже в сентябре 1938 г. германские военные руководители были готовы совершить государственный переворот. Лишь капитуляция Чемберлена и Даладье в Мюнхене сорвала планы заговорщиков. Вероятно, узнав об обращении Тухачевского за поддержкой к германским военным в деле переворота, Гитлер решил обезопасить себя. Ведь в случае победы Тухачевского германские военные могли воспользоваться его примером и прибегнуть к его помощи, взамен за оказанную некогда поддержку.

Исход конфликта между Сталиным и Тухачевским известен. Сталин вышел бесспорным победителем в этой драматической схватке. Попытки Гитлера дискредитировать красного маршала в глазах Советского правительства, лишь ускорили этот процесс. События, последовавшие за этим, были поистине ужасающими. Вскоре в России начались массовые репрессии в рядах военнослужащих и, в первую очередь, среди командного состава Красной Армии. Нельзя забывать, что все это происходило накануне 2-й мировой войны.

О чем думал Сталин, наблюдая за возрастающими алчными амбициями Гитлера? Возможно, он, действительно, не мог себе представить, что немецкий компаньон по военному вопросу обратит свой алчный взгляд на СССР. Но это — тема отдельного разговора. Меня

же во всей этой истории интересует другое: единый источник происхождения смертоносного оружия, которое немного позже будет способствовать кровопролитию двух народов.

Воистину, «плохо приходится простому народу, когда сильные мира заспорят между собой». Так утверждал Федр. И это не вызывает никаких сомнений.

РОССИЙСКИЙ ЗОЛОТОЙ ЗАПАС КАНУЛ В ЛЕТУ

Сберечь приобретенное — не меньшее искусство, чем его приобрести.

Овидий

Помню, спорила я однажды с двумя ученышими господами по вопросу об исчезновении золотого запаса России. Но спорила — это слишком громко сказано. Мои собеседники были так поглощены своим жарким обсуждением проблемы, что совершенно забыли о моем присутствии. Я едва успевала открыть рот, чтобы что-либо возразить, как меня тут же оттесняли на задний план. Однако, за это я на них не в обиде, потому что это не столь уж и важно. Главное, что я вынесла из этого эпизода, — горечь и разочарование.

— Кому сейчас нужно говорить о том, что давно кануло в Лету? — возмутился один господин с важным видом. — По-моему лучше принять все, как есть, и смириться с мыслью, что это золото безвозвратно исчезло. И куда правильнее — грамотно воспользоваться

теми материальными благами, которые мы имеем на данном отрезке времени.

— Ну, что вы! — возражал второй господин. — Этак вы договоритесь Бог весть до чего. А как же интересы Родины? А как же наш многострадальный народ, постоянно испытывающий всяческие лишения? Найти золотой российский запас необходимо. Найти и заставить его работать на наш народ.

— Наш народ, — возражал на это первый господин, — давно разучился работать и думать самостоятельно. А подбросьте ему эту удобоваримую тему — что получится?..

Спор этот продолжался долго. Господа так и не пришли к единому мнению. А я подумала: неужели безалаберность — отличительная черта нашего национального характера? Неужели единственное, что мы умеем, так это разбазаривать народное достояние? Велика Россия, необъятны ее просторы. Может, оттого так широка душа у русского человека. Но гуляет по тем необъятным просторам ветер... Так что же тогда творится в душе русского человека?

Известно, что русский человек готов поделиться последним куском хлеба, снять с себя последнюю рубашку. Его мало интересуется материальное, он альтруист изначально.

Несомненно, в этом есть много положительных моментов. Кто бескорыстно служит другим — прокладывает себе путь на небеса. Помните евангельский рассказ о богатом юноше, который не мог последовать за Спасителем из-за любви к своему богатству? Это о нем Христос сказал: «Трудно богатому войти в царствие Божие».

Но христианство также учит, что, как душа, так и тело, сотворены Богом. Тело человека, по апостоль-

скому учению, после таинства крещения есть храм Святого духа. Прав, видимо, был Куприн, который говорил, что только русский может довести букву Евангелия до абсурда.

Исчезнувший золотой запас России — не мифическое явление. Конечно, грамотно использовать те материальные блага, которые мы имеем на данном отрезке времени, — великое дело. Но зачем же ставить крест на том, что мы могли бы иметь?

В апреле 1993 г. «Рабочая трибуна» печатала доклад магистра исторических наук Сергея Петроффа о Российском золотом запасе (1914—1920 гг.) В послесловии к этому говорится:

«Мы не первые поднимаем вопрос о поиске и возврате «золота России», вывезенного за рубеж и осевшего в иностранных банках. Те, кто болеет за судьбу своего народа, искренне удручены и оскорблены его нищенским существованием, понимают: никакая иностранная «помощь», в основном, лишь обещаемая, когда надо нажать на Россию, чтобы она быстрее разоружилась или голосовала за угодных Западу правителей, не сможет сравниться с тем, что по праву — юридическому, историческому и моральному — принадлежит народу нашему. Но удерживается за семью замками в банках Запада, Востока, Юго-Востока и так далее. Ибо это золото, принадлежащее российскому народу, за прошедшие годы оно многократно возросло в цене и ныне измеряется миллиардами и миллиардами долларов».

Конечно, есть проблемы первой необходимости и те, с решением которых можно подождать. Но проблема возврата Российского золота, как мне кажется, стоит сегодня очень остро, учитывая то нищенское положение, в котором находится наша страна.

Сергей Петрофф — американец, родился в Харбине, рос и учился в Америке. По образованию экономист и историк. Его отец, Павел Петров, был генерал-майором колчаковской армии.

Поиском исчезнувшего золотого запаса России Петрофф занимается давно. На вопрос журналиста «Рабочей трибуны», с чем связан его интерес к этому вопросу, Петрофф отвечает:

— Можете считать это семейной традицией. Отец в свое время, после гражданской войны, передал японской стороне 22 ящика с золотом — в то время он был начальником снабжения Дальневосточной армии, в 30-е годы вел процесс за их возвращение... После смерти отца, разбирая его бумаги, я нашел папку, в которой по-русски было написано: «Золото». В ней хранились подлинные документы, копии материалов Токийского процесса, копия расписки японской стороны о приеме золота... Изучив эти материалы, архивные документы в хранилищах США, Москвы, Лондона, Праги, я подготовил «Доклад о Российском золотом запасе (1914—1920 гг.), который передаю для публикации в «Рабочую трибуну».

О своей работе Петрофф пишет:

«Цель моего доклада — попытка внести порядок и ясность в запутанную историю золотого запаса, тесно связанную с событиями 1-й Мировой и Гражданской войн. Я постараюсь произвести полный бухгалтерский анализ движения российского золота, начиная с 1914 г., сказать несколько слов о точности этого отчета, а также внести предположения о том, как вернуть в Россию часть Российского золотого запаса, оставшегося за границей.

Мой доклад не претендует на пунктуальность финансового отчета. Проведение точной бухгалтерии зо-

лотого запаса практически не является возможным из-за того, что в информации о том, что произошло с российским золотом, большей частью нет необходимых деталей. В истории золотого запаса много «белых пятен», и многие из существующих документов неправильно датированы. Небрежность государственных служащих в ведении бухгалтерского учета и отсутствие точности в мемуарах главных действующих лиц также сильно осложняет реконструирование истории золотого запаса».

При составлении доклада американский экономист и историк пользовался данными, взятыми из трех источников:

— архивных и библиотечных фондов Гуверовского института при Стамфордском университете в Калифорнии; Калифорнийского университета в г. Беркли; архива Колумбийского университета русской и восточноевропейской истории и культуры в Нью-Йорке;

— избранных документов из Британского Военного Архива, Государственного Центрального Архива в Праге и Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции (ЦГАОР);

— избранных документов из семейного архива покорного генерал-майора Павла Петровича Петрова, служившего в армиях КОМУЧа (Комитет Учредительного собрания) и Колчака.

Как видим, работа проведена большая и основательная. А собранная в ней информация — поистине сенсационная. Она располагается в четырех таблицах, после которых следуют примечания автора.

Так, первая таблица имеет название: «Имперский российский золотой запас (август 1914 — октябрь 1917)», и в ней приводятся такие данные:

«А) Баланс на начало 1-й мировой войны

1 695 000 000 з. р.

(золотых рублей — В. К.).

Б) Вывезено за границу во время 1-й мировой войны

1) Продано Великобритании и отправлено в октябре 1914 г. через Архангельск на корабле «Дрейк» для получения 8 млн. ф. ст. кредита на оплату военных поставок.

75 120 000 з. р.

2) Отправлено в Великобританию через Владивосток и Канаду на японских военных судах в счет кредита.

Дек. 1915 10 000 000 ф. ст.

Июнь 1916 10 000 000 ф. ст.

Нояб. 1916 20 000 000 ф. ст.

Всего 40 000 000 ф. ст. 375 590 000 з. р.

3) Отправлено в Великобританию через Владивосток и Канаду на японских военных судах по соглашению о предоставлении дополнительного кредита

20 000 000 ф. ст. 187 000 000 з. р.

4) Отправлено в Швецию в октябре 1917 г. для закупки военных припасов

4 850 000 з. р.

Всего вывезено за границу 643 360 000 з. р.

В) Баланс до внесения поправки: В-А-Б

1 051 640 000 з. р.

Г) Поправка: добавлено к золотому запасу во время 1-й мировой войны из золотых приисков

50 050 000 з. р.

Д) Баланс на ноябрь 1917 г.: Д-В+Г

1 101 690 000 з. р.

В примечании к этой таблице Петров пишет:

«Баланс до начала 1-й мировой войны (1 695 000 000 з. р.) взят из монографии В. Новицкого «Российский золотой запас до и во время мировой и гражданской войны», опубликованной в Нью-Йорке

в 1928 г. Данная цифра показывает величину Российского золотого запаса на 1 января 1914 г. Однако, она не включает в себя добавки из золотых приисков во время войны. Поэтому 50 050 000 добавлены к сумме баланса. Таким образом, на ноябрь 1917 г. баланс составлял 1 101 690 000 з. р. Данная оценка соответствует цифре 1 101 000 000 з. р., приведенной Л. Н. Юровским в его книге «Денежная политика Советской власти в 1917—1927 гг.» (Москва, 1928).

Установление кредита для оплаты военных поставок было закреплено в специальном Англо-Российском финансовом соглашении, заключенном при содействии Франции. По этому соглашению Великобритания давала согласие на открытие кредита Российскому правительству на сумму 200 000 000 ф. ст...

Последняя отправка золота в Великобританию, показанная в первой таблице, произошла накануне Февральской революции 1917 г.

В советских источниках, по моим данным, нет упоминания об отправке золота в Швецию в октябре 1917 г. В монографии же Новицкого абсолютно четко утверждается, что 4 850 000 з. р. были отправлены в Швецию в счет погашения выданного в кронах кредита. Согласно утверждению Новицкого, в 1928 г. это золото все еще находилось на счету в Шведском Риксбанке.

Во время 1-й мировой войны стоимость русского рубля практически не изменялась. Валютный курс рубля, используемый в первой таблице, один золотой рубль равен 0,1065 ф. ст.».

Во второй таблице С. Петрофф приводит данные о состоянии Российского золотого запаса в период с ноября 1917 г. по ноябрь 1918 г. В ней, на мой взгляд, четко отображен конфликт золота и власти, возник-

ший между большевиками, уже обладавшими властью, и теми, кто эту власть потерял.

Так Петрофф утверждает:

«В мае 1918 г. правительство большевиков, опасаясь захвата золотого запаса германской армией, переправило в Казань 651 532 000 з. р. При этом 328 409 000 з. р. все еще находились в банках Центральной России. 900 000 з. р., выданные Чехословацкому легиону, принадлежали казанской части Российского золотого запаса.

А) Баланс за ноябрь 1917 г. 1 101 640 000 з. р.

Б) Передано Германии правительством большевиков по условиям Брест-Литовского договора и дополнительных финансовых приложений:

1) 10 сентября 1918 г. передано 42 860 кг золота
55 354 000 з. р.

2) 30 сентября 1918 г. передано 50 675 кг золота
65 445 000 з. р.

Всего отправлено в Германию 120 799 000 з. р.

В) Передано Чехословацкому легиону. 2 октября 1918 г. 750 ящиков с серебром были переданы правительством КОМУЧа финансовому отделу Чехословацкого Национального Совета для поддержки чехословацких военных денежных знаков 900 000 з. р.

Г) Всего передано за период с ноября 1917 по октябрь 1918 г. 121 699 000 з. р.

Д) Баланс на ноябрь 1918 г.: Д-А-Г
979 941 000 з. р.»

Поясняя данные, приведенные в этой таблице, американский экономист и историк пишет:

1.) «Согласно Дополнительному Финансовому приложению к Брест-Литовскому договору, правительство большевиков должно было уплатить Германии шесть миллиардов марок. Оплата должна была быть произведена в золоте, рублевых банкнотах, облигаци-

ях и товарах и осуществляться в пять взносов за период с 10 сентября по 31 декабря 1918 г. «Золотая часть» оплаты состояла из 245 564 кг золота из Российского Государственного казначейства.

10 сентября 1918 г. правительство большевиков произвело первый взнос в 42 860 кг золота. Второй взнос (50 675 кг золота) был отправлен в Германию 30 сентября 1918 г. Перемирие от 11 ноября 1918 г. приостановило выплату последующих взносов. По условиям перемирия Германия передала союзникам ту часть золота, которая уже была выплачена Германии правительством большевиков.

2). В Казань были переведены золотые монеты, золотые слитки, серебро, платина, сплавы золота и серебра и золотые и серебряные изделия на сумму 651 000 000 з. р. 7 августа 1918 г. Казань была взята белыми, и золотой запас был переправлен в Самару. В телеграмме В. И. Лебедева, переданной 7 августа 1918 г. из Казани в штаб КОМУЧа в Самаре, запас оценивался суммой в 657 000 000 з. р.

Лебедев, скорее всего, взял эту цифру из бухгалтерских книг Казанского Государственного банка, которые не показывали 100 ящиков золота (на сумму 6 000 000 з. р.), взятые из банка 15 августа 1918 г. представителями правительства большевиков, согласно эвакуационному плану, вступившему в силу после того, как Симбирск (Ульяновск) был взят белыми.

Подробности вышеописанного перевода золотого запаса из Казани в Самару описаны в книге А. Кладта и Б. Кондратьева «Быль о золотом Эшелоне» (Москва, 1966) и книге А. Котомкина «О Чехословацких легионерах в Сибири (1918—1920 гг.): воспоминания и документы» (Париж, 1930). За несколько дней до того,

как Красная Армия снова захватила Самару, правительство КОМУЧа передало Финансовому отделению Чехословацкого Национального Совета 750 ящичков серебра для поддержки военных денежных знаков. Стоимость переданного серебра приблизительно составляла 900 000 з. р. Остаток казанской части золотого запаса был эвакуирован сначала в Уфу, а потом через Челябинск в Омск, где золотой запас в конечном счете попал в руки правительства Колчака».

Далее С. Петрофф представляет третью таблицу, в которой наглядно показано распределение казанской части золотого запаса.

«А) Согласно данным ЦГАОР (ф. 143, оп. 14, д. 24), инвентаризация от 7 марта 1920 г. показала, что стоимость оставшейся казанской части золотого запаса составляла

	651 532 000 з. р.
--	-------------------

Б) Отправлено во Владивосток правительством Колчака:

1) Передано правительством Великобритании, Франции и Японии в уплату за военные припасы

	68 262 000 з. р.
--	------------------

2) Положено на счета в иностранных банках в счет кредита за военные припасы

	126 765 000 з. р.
--	-------------------

3) Захвачено атаманом Семеновым в Чите

	42 251 000 з. р.
--	------------------

Всего отправлено во Владивосток

	237 278 000 з. р.
--	-------------------

В) Эвакуировано из Омска В-А-Б

	414 254 000 з. р.
--	-------------------

Г) Возвращено правительству большевиков в Иркутске комиссией Громова, согласно данным ЦГАОР (ф. 143, оп. 14, д. 24),

	409 620 000 з. р.
--	-------------------

Минус: 2 ящика из Перми

	120 000 з. р.
--	---------------

— 409 500 000 з. р.

Д) Пропало на пути из Нижнеудинска в Черемхово — 13 ящиков на станции Тыреть. 780 000 з. р.

Е) Разница между тем, что было эвакуировано из Омска, и тем, что было возвращено большевиками в Иркутске: Е-В-(Г+Д) 3 974 000 з. р.»

А вот, что написано в примечании к этой таблице:

«1) Оценка золотого запаса в 651 532 117 з. р. соответствует записи от 19 мая 1919 г. в дневнике премьер-министра колчаковского правительства П. Б. Вологодского. В этот день Вологодский и члены его кабинета проводили инспекцию казанской части золотого запаса.

2) Данные об отправке золотого запаса во Владивосток взяты из монографии В. Новицкого, в которой проводится анализ золота, переданного иностранным правительствам в счет оплаты кредита на получение военных запасов, а также золота, отправленного в иностранные банки для установления кредита под новые заказы. Эти данные весьма схожи с цифрами, полученными из ЦГАОР, а также с информацией, полученной из Гуверовского института, и данными, приведенными в книге А. И. Погребецкого «Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока 1914—1924 гг.» (Харбин, 1924).

3) Данные о «семеновском» золоте также взяты из книги В. Новицкого.

4) Одна из важнейших цифр — количество золота, возвращенного правительству большевиков в Иркутске в первую неделю марта 1920 г. — основана на материале ЦГАОР (ф. 143, оп. 14, д. 24) с поправкой на 120 000 з. р. Два ящика с печатью Пермского Государственного банка никогда не входили в казанскую часть золотого запаса. Согласно вышеуказанному фонду ЦГАОР, 6821 мест (5143 ящика и 1678 мешков золотой

монеты, золотых слитков и полос) были возвращены правительству большевиков в Иркутске.

5) В конце февраля 1920 г. в Иркутске была создана специальная комиссия, состоящая из офицеров Чехословацкого легиона и представителей Иркутского ревкома, возглавляемая Ф. И. Громовым, являющегося председателем Финансового отдела местного пробольшевистского правительства. В обязанности комиссии входило наблюдение за передачей оставшейся части запаса из рук Чехословацкого командования в руки Советского правительства. Согласно акту комиссии от 1 марта 1920 г., копию которого я получил в Государственном Центральном Архиве в Праге, 5153 ящика и 1678 мешков были погружены в 10 американских железнодорожных вагонов вместимостью 500—600 мест и 8 российских товарных вагонов, вместимостью 250—260 мест. Подписанный официальными представителями Чехословацкого и Советского правительств, акт служит доказательством перехода ответственности за золотой запас к большевикам и подтверждает, что количество ящиков и мешков, переданных 1 марта 1920 г. правительству большевиков, соответствует количеству, указанному в документе от 7 марта 1920 г.

6) Вышеуказанные данные также подтверждаются свидетельством Л. Н. Юровского, приведенным в его книге «Денежная политика Советской власти»: «Из всего казанского запаса» Советскому правительству удалось получить обратно 409 миллионов рублей (по данным Иркутского финансового отдела, очень близким к данным Новицкого). За вычетом суммы, выданной Германии по Брестскому договору, золотой запас составлял 739 миллионов. Сумма 739 миллионов близка к указанной автором сумме 737 409 000 з. р. полу-

ченной суммированием 409 000 000 з. р., отправленных в Иркутск, и 328 409 000 з. р., оставленных в Госбанках Центральной России».

Наконец, и четвертой таблице С. Петрофф показывает распределение части золотого запаса, захваченного атаманом Семеновым:

«А) Золото, захваченное атаманом Семеновым в Чите. 732 ящика, отправленные 18 октября 1919 г. во Владивосток 42 251 000 з. р.

Б) Роздано в Чите гражданским и военным организациям с января 1920 по 31 августа 1920 г.

Январь	729 000 з. р.
Февраль	6 780 000 з. р.
Март	3 900 000 з. р.
Апрель	600 000 з. р.
Май	4 380 000 з. р.
Июнь	180 000 з. р.
Июль	8 460 000 з. р.
Август	4 620 000 з. р.

(ЦГАОР, ф. 143, оп. 12, д. 9).

Всего 29 640 000 з. р.

В) Передано в сентябре и ноябре 1920 г. генерал-майору Павлу Петрову на нужды Дальневосточной (Белой) Армии 7 700 000 з. р.

А. И. Погребецкий в своей неопубликованной рукописи о денежных знаках, обращавшихся в Сибири во время гражданской войны (подлинник сейчас находится архиве Гуверовского института), подтверждает, что 7 000 000 з. р. были переданы Дальневосточной (Белой) Армии в сентябре 1920 г. Погребецкий, однако, не знал, что дополнительные 700 000 з. р. были также выданы Дальневосточной Армии в ноябре 1918 г.

Всего передано 37 340 000 з. р.

Г) Разница 4 911 000 з. р.»

В примечаниях к таблице Петрофф пишет:

«1) Золото захвачено атаманом Семеновым на сумму в 42 251 000 з. р.

2) В документах ЦГАОР (ф. 9431, оп. 1, д. 184) переданное золото исчисляется в ящиках, а не в золотых рублях. Для конвертации стоимость каждого ящика считается 600 000 з. р. Таким образом, шесть ящиков золота, розданные в январе 1920 г., отражены в таблице IV как 720 000 з. р. Я считаю, что оценка одного ящика золота в 600 000 з. р. является полностью обоснованной и реалистичной, т. к. поставщики принимали золото на этой основе без проверок.

3) Согласно справке от 19 ноября 1920 г., подписанной генералом Петровым, 7 700 000 з. р. были израсходованы следующим образом:

А) 5 380 000 з. р. были потрачены на выплату жалования, военных припасов, продовольствия и фуража.

Б) 1 050 000 з. р. были выданы командующим четырех подразделений генералам Маевскому, Смолину, Молчанову и Бангерскому. Эти средства предназначались для покрытия расходов на содержание подразделений во время перемещения войск от станции Маньчжурия во Владивосток через Северный Китай.

В) 20 ящиков золотой монеты и 2 ящика золотых слитков на общую сумму 1 270 000 з. р. были переданы на временное хранение японской военной миссии на станции Маньчжурия.

4) В 1933 г. генерал Петров передал своим адвокатам в Японии специальную докладную записку. В этой записке он подтвердил, что 21 ноября 1920 г., он встретился с атаманом Семеновым и проинформировал последнего о передаче остатков армейского золота на временное хранение японской военной миссии, а также спросил, что Семенов сделал с частью золота, оставав-

шегося в казначействе. Семенов сообщил ему, что он предпринял «аналогичные шаги и также передал все оставшиеся у него казначейские средства на хранение японской военной миссии».

Приводя такой подробный и скрупулезный анализ Петроффа, я ставила перед собой цель воспроизвести путь Российского золотого запаса в 1914—1920 гг., чтобы дать возможность читателям проследить, каким образом и куда могла исчезнуть его часть. Сам американский историк делает такой вывод: путь 99,4% казанской части золотого запаса ему известен, но судьба 3 374 000 з. р. покрыта мглой времени.

Куда же девалось золото на такую, отнюдь, не маленькую сумму? Точный ответ на данный вопрос не могут дать даже Петрофф и другие специалисты, которые длительное время занимались изучением этой проблемы. Правда, Петрофф делает поправку, что эта сумма могла появиться в результате неточных подсчетов, хотя он предпринял все усилия, чтобы не допустить ошибки.

Однако, рассуждая дальше, Петрофф предполагает, что это золото могло пропасть в пути, «Существуют красочные воспоминания полковника В. О. Вырыпаева, — пишет он, — командующего артиллерией Каппеля, во время взятия Казани белыми — о разбитых ящиках с золотом и разбросанных по полу Казанского Государственного банка 5-, 10- и 15-рублевых золотых монет. Сколько золота пропало в Казани, не знает никто, но, вероятно, не больше, чем несколько ящиков и мешков». Он даже допускает мысль, что золото могло быть украдено в Уфе и Челябинске, хотя тут же опровергает это предположение: «Во время коротких остановок в Уфе и Челябинске золото оставалось в запечатанных вагонах, охраняемых чехословацкими и русски-

ми отрядами под командованием чиновников КОМУЧа и старших чинов Белой Армии».

Петрофф также опровергает утверждение советских историков, которые обвиняют Колчака в неоправданных тратах и небрежном отношении к золотому запасу.

В частности, он пишет по этому поводу: «Эти обвинения не подтверждаются в воспоминаниях «белых» участников гражданской войны. Наоборот, «белая» литература настойчиво утверждает, что Колчак принимал строгие меры предосторожности, направленные на предотвращение потерь в золотом запасе, и настаивал на том, что Омское правительство «временное и поэтому не имеет права на трату того, что принадлежит народу». Доказательства этого существуют и в Центральном Государственном Архиве Октябрьской Революции. Принцип неприкосновенности золотого запаса, по воспоминаниям «белых» участников, был нарушен только в мае 1919 г., когда Белая Армия уже отступала.

Акт, утверждающий первую отправку золота во Владивосток (ЦГАОР, ф. 143, оп. 4, д. 25), датирован 10 марта 1919 г. Следующая отправка датирована 19 июля 1919 г. В своем дневнике (архив Гуверовского института) премьер-министр колчаковского правительства П. В. Вологодский пишет о том, что 18 мая 1919 г. он и члены его кабинета провели инспекцию золотого запаса в подвале Омского госбанка, выяснив, что в общей сложности золотой запас имел стоимость в 651533117 рублей и 86 копеек, т. е. никаких отправок до 18 мая не происходило. Это показание не сходится с актом в ЦГАОР».

Переправка золотого запаса была четко организована и при этом соблюдались все возможные и невозмож-

ные меры предосторожности. 14 ноября 1919 г. золотой запас был эвакуирован из Омска. До Нижнеудинска «золотой эшелон» следовал под личной охраной адмирала Колчака. В Нижнеудинске охрана была заменена чехословаками — по приказу командующего союзными войсками в Сибири, но ненадолго. В Черемхове по требованию местного революционного комитета в конвой были допущены представители местной революционной дружины. По прибытии в Иркутск эшелон был поставлен в тупик и опутан проводами сигнализации. Его охрана в этом пункте была усилена. В депо постоянно находился специальный паровоз Военно-революционного комитета, готовый по первому сигналу заблокировать путь. Охрана эшелона осуществлялась чехословацкими легионерами и русскими дружинниками из Иркутского политического центра, а потом из Иркутского ревкома. Командовали охраной офицеры Чехословацкого легиона. 27 февраля, когда готовилась передача золота советским властям, по приказу комиссии Громова началась перегрузка золота в более просторные американские вагоны.

Подводя итоги своим рассуждениям о возможных путях исчезновения части российского золотого запаса, С. Петрофф пишет:

«Суммируя сказанное, подведем итоги. Было ли большое количество золота тайно похищено за период с 4 августа 1918 г. по 1 марта 1920 г.? Основные данные опровергают возможность такой потери. Не имеется твердых подтверждений и того, что чехословацкие легионеры занимались грабежом, несмотря на язвительные замечания таких критиков Чехословацкого легиона, как генерал барон А. П. Будберг, генерал К. В. Сахаров и «белый» журналист А. Гутман-Гун. Их воспоминания полны утверждений о том, что че-

хословацкие легионеры увезли домой огромную награбленную добычу, однако, в них не имеется специфических упоминаний о золоте.

Утверждение о том, что «след колчаковского золота ведет в Прагу», основано на обвинениях недоброжелательно настроенных русских эмигрантов. Без сомнения, за пять лет, проведенных в России, легионеры смогли приобрести значительное количество военного и личного имущества, а также предметов искусства. Что же касается золотого запаса, то осенью 1918 г. КОМУЧ выдал Чехословацкому легиону 750 ящиков серебра и денежных знаков. Легионеры также могли присвоить небольшое количество золота в пути из 13 ящиков, пропавших на станции Тыреть и обменять какую-то часть денежных знаков из своего казначейства на золотую монету или золотые слитки. Все имущество Чехословацкого легиона было погружено на пароходы во Владивостоке и вывезено в Чехословакию через Триест.

Существовало еще одно исключительное обстоятельство, связанное с чехословацкими легионерами, — обстоятельство, которое плохо понимается критиками. Из-за недостатка денежных знаков Финансовое управление Чехословацкого Совета выплачивало легионерам только часть обещанного жалованья. На эти невыплаченные деньги и был создан Легионбанк. Фактически, этот банк был продолжением Финансового управления Чехословацкого Совета и казначейства: акции банка выдавались в обмен на невыплаченные деньги, которые аккумулировались на счетах Финансового управления. 70 миллионов крон (т. е. приблизительно 10 миллионов американских долларов) были использованы для создания акционерного капитала, что составляло, приблизительно,

158 долларов от каждого из легионеров. Не все легионеры добровольно соглашались на получение жалованья в акциях банка, однако, казначейство обладало достаточными ресурсами, для того, чтобы восполнить недостаток акционерного капитала».

Всяческие предположения об исчезнувшей части золотого запаса России, безусловно, представляют для нас определенную ценность. Это история, которая должна храниться в нашей памяти. Но существует и другое золото — реальное, которое еще могло бы послужить России, то, на которое наша страна имеет полные права. Это именно та часть золотого запаса, которая хранится в зарубежных банках за семью замками и потому не доступна для ее законных владельцев.

На мой взгляд, исключительно важными являются утверждения С. Петроффа, что золото это еще возможно вернуть России. Анализируя, какое золото еще могло бы быть использовано для нужд нашей страны, а какое — нет, в силу того, что оно уже потрачено на различные цели, он, в частности, пишет:

«1. Можно забыть о возвращении золота, посланного в Великобританию в 1914—1916 гг. Оно было полностью истрачено на военные припасы. Однако, значительный интерес для исследования представляют 187 800 000 з. р., отправленных в Великобританию накануне февральской революции, и 4 850 000 з. р., вывезенных в Швецию в октябре 1917 г.

2. Я сомневаюсь в том, что 120 799 000 з. р., попавших в руки союзников после перемирия в ноябре 1918 г., можно репатриировать. Этой частью золота должны заняться юристы, знакомые с международным правом. Статья № 259 Версальского договора, к сожалению, сформулирована неясно, но в ней имеется упо-

минание о том, что русское золото, переданное Германией союзным державам, было принято «на хранение» Французским Государственным банком.

3. Наиболее вероятным является репатриация золота, вывезенного за границу во время колчаковского периода. По моему мнению, 68 799 000 з. р., переданных Англии, Франции и Японии в обмен на иностранную валюту для уплаты за военные припасы, возвратить невозможно, так как это золото было полностью истрачено на военные нужды омского правительства.

Совсем иную картину представляют собой 126 765 000 з. р., депозитированных на счета в иностранные банки осенью 1919 г. В октябре 1919 г. армия Колчака отступала на Восток. 14 ноября 1919 г. пал Омск. Таким образом, высылать заказанные военные припасы было уже поздно, и практически нетронутое золото осталось на счетах в иностранных банках. В поисках этого нетронутого золота я сумел определить местонахождение следующих банковских счетов:

а) эквивалент в иенах на 29 500 000 з. р. был депозитирован в Йокохама Спешу банке;

б) 8 621 161 ф. ст. (81 535 000 з. р. были депозитированы в Гонконг Шанхай Банке для покрытия кредита в 7 500 000 ф. ст., выданного англо-американским синдикатом, который был организован американской фирмой «Киддер Пибоди» и английской фирмой «Братья Беринг». Часть из этих денег могла быть истрачена, но большинство было переведено на личные счета зарубежных представителей правительства Колчака.

4. Количество золота, захваченного атаманом Семеновым, несомненно, превышало 4 911 000 з. р., указанных в таблице IV. Для этого утверждения имеются следующие основания:

а) в 1919 г. и в первые два месяца 1920 г. семеновские пограничные патрули методически останавливали поезда на станции Даурия, обыскивали всех пассажиров и реквизировали личное золото пассажиров сверх 2000 з. р.;

б) семеновские казаки часто совершали налеты на золотые прииски и в) установив свою власть в Чите, Семенов захватил золотой запас Читинского Государственного банка. Оставшееся золото, в конце концов, попало в руки японцев: или прямо от Семенова, или косвенным путем через генерал Подтягина — военного атташе в Токио, переводившего золото в японские банки для закупки военных припасов.

Один из таких переводов в Йокохама Спешу Банк на 1 061 777 иен (1 050 000 з. р.) стал основанием для судебного процесса в 1923 г. Дело Подтягина было проиграно, и деньги остались в Токио. Другим судебным делом, также связанным с золотом, захваченным Семеновым в Чите, являлся процесс генерала Петрова. 22 ноября 1920 г. на станции Маньчжурия генерал П. П. Петров передал на временное хранение начальнику японской миссии полковнику Изоме 22 ящика с золотом на сумму 1 320 000 з. р. Это золото также было возвращено, несмотря на иск, предъявленный генералом Петровым японскому правительству в 1934 г. Таким образом, по крайней мере, 2 370 000 з. р. до сих пор находятся в Японии. Кроме того, около 7 500 000 — 10 000 000 з. р. были переданы атаманом Семеновым японским властям на станции Маньчжурия и в Порт-Артуре. По мнению автора, Российская Федерация имеет полное право на получение подтягинского и петровского золота.

В дополнение к золоту, указанному в пунктах 1—4, за границу попало также золото, не относящееся к зо-

лотому запасу. Часть этого золота являлась непосредственными переводами с официальных посольских счетов на личные счета российских агентов:

К. К. Миллера в Токио:	940 000 иен
	25 000 ф. ст.
	424 000 фр.
	450 000 мексик. дол.
Ген. Подтягина в Токио:	6 275 000 иен
К. Е. Замена В Лондоне:	517 000 ф. ст.
Профессора Бернатского в Лондоне:	607 000 ф. ст.
С. А. Угета в Нью-Йорке:	27 227 000 дол. США
Рафаловича в Париже:	21 439 000 фр.
Консула Гроссе в Шанхае:	40 000 фр.

Владивостокское отделение колчаковского казначейства также имело значительные счета в иностранных банках. В ноябре 1919 г. следующие суммы оставались на счетах:

фирмы Братьев Беринг:	2 000 000 ф. ст.
фирмы Братьев Лэндмэн:	9 000 000 датск. крон
банка «Линдо-Чайна»:	15 680 000 фр.

Министр финансов последнего временного правительства во Владивостоке В. И. Моравский, находясь в эмиграции, занимался розыском российских банковских счетов за границей. Он оценивал общую сумму денег, находящуюся за рубежом, в 250 000 000 з. р., не считая того золота, которое я уже упоминал в таблицах I и II.

Данное количество может быть преувеличено, но факт остается фактом: после революции и гражданской войны значительные суммы денег остались на счетах в иностранных банках. И хотя вполне возможным является возвращение этих денег Российской Федерации, в некоторых случаях более благоразумным

может быть решение «не будить спящего пса». Попытки возвращения золота могут повлечь за собой требование со стороны иностранных фирм на возмещение им денежного эквивалента того имущества, которое было конфисковано большевиками после революции. В общем, надо действовать осторожно».

Предостережение Петроффа весьма существенно. Денежные вопросы не терпят никаких условностей. В истории уже бывали случаи, когда подобные проблемы решались силовыми методами или при помощи примитивной констатации фактов. Вспомним хотя бы категоричное решение большевистского правительства не возвращать за границе долги царской России и последствия этого решения для потомков. Истина заключается в том, что ломать гораздо легче, чем строить.

Говорят, что время все расставит на свои места. Что ж, запасемся терпением и подождем, как решится вопрос с золотым запасом России.

Октябрьский переворот 1917 г. принес в страну такой хаос, что наводить порядки нужно будет еще многие и многие десятилетия. Спасая свои состояния, зажиточные люди переправляли их на счета в зарубежные банки или просто припрятавали до подходящих времен. В таких условиях отыскать сокровища было так же нелегко, как пресловутую иголку в стоге сена.

История, которую я намерена вспомнить сейчас, относится к разряду сенсационных и чуть ли не самых таинственных в истории человечества. На первый взгляд, она не имеет никакого отношения к золотому запасу России, вывезенному за границу в 1914—20 гг. Но, как мне кажется, в них все-таки много общего. Во-первых, это история о золоте. Во-вторых, с историей

о Российском золотом запасе у нее общее происхождение. В-третьих, обе истории имеют едва ли не одинаковое завершение, так как законные владельцы несметных сокровищ до сей поры не имеют возможности использовать их себе во благо. И, наконец, их роднит широкая огласка и страстное желание отыскать эти богатства. Я имею в виду исчезнувшее тайным образом золото бухарского эмира.

Это произошло в то знаменательное, как утверждают советские историки, время, когда Советская власть осуществляла свое триумфальное шествие по территориям, принадлежавшим Российской империи.

Бухарский эмират располагался на территории современного Узбекистана, нынешних Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской областей, захватывая и земли Таджикистана. Эмиры Бухары за полтора столетия своего правления накопили в подвалах дворца Арк в Бухаре несметные сокровища. К 1920 г. население Бухарского эмирата составляло около трех миллионов человек. И все эти люди денно и ночно работали на своего единственного властелина — эмира бухарского. С помощью 35-тысячного чиновничьего аппарата эмир взимал со своих подданных такие налоги, каких не было ни в одном государстве мира: сорок различных податей, главной из которых был херадж — земельный налог. Каждый житель ханства, возделывавший хотя бы клочок земли, обязан был пятую часть урожая отдавать в казну эмира. Зякят — имущественный налог — обязывал подданных отдавать правителю одну сороковую часть всего, что они имели. А в случае войны эмир взимал еще и джул — военный налог. Но не будем вдуваться в столь утомительные подробности. Как говорил герой известного кинофильма, Восток — дело тонкое...

Стоит ли удивляться, что при таких порядках годовой доход эмира Бухары Саида Алимхана в последний год его правления доходил до 30 млн. золотых тиллей, а траты составляли лишь 3 млн. на содержание армии. Впрочем, были и другие расходы. Например, во время 1-й мировой войны, будучи вассалом России, эмир трижды — в 1914, 1915 и 1916 гг. жертвовал на нужды армии («для победы», как он писал в телеграммах) по миллиону рублей. В 1915 г. высочайшим императорским указом бухарскому эмиру был пожалован орден Белого Орла, а в следующем, 1916 г. — орден Александра Невского. Кроме того, «за заслуги перед Отечеством», Саиду Алимхану специальным рескриптом был присвоен чин генерал-лейтенанта Российской Армии.

Но грянули роковые времена. Чувствуя, что стены родного эмирата не сдержат натиска большевиков, Саид Алимхан задумался над спасением своего богатства. Сделать это было весьма трудно, учитывая огромное количество сокровищ, но пока еще возможно. Через бывшего Генерального консула России в Мешхеде Никольского он попросил правительство Великобритании взять его сокровища под свою защиту. Такой выбор был не случайным. Еще в мае 1920 г. англичане через Мешхед направляли в помощь эмиру караван с оружием более чем в 200 верблюдов. Однако, вскоре выяснилось, что на Никольского рассчитывать уже нельзя. Тогда эмир послал своего доверенного человека дервиша Даврона в Кашгар, к английскому консулу. Но и тут его ждало разочарование. Прочитав в послании, что состояние, которые желал вверить его опеке бухарский эмир, составляет сотню лошадей, навьюченных золотом и драгоценными камнями, английский консул Петтэ Эссертон испугался. Сосредоточить

в своих руках такие богатство, хранить его у себя в консульстве было по тем временам небезопасно. Туркестан уже был охвачен пламенем революции, банды грабителей хозяйничали и в самом Кашгаре. Кроме того, Эссертон не мог самостоятельно принять такое ответственное решение, не заручившись согласием своего правительства. Дело было нешуточное — свое состояние эмир оценивал в 12—15 млн. ф. ст., или же в 150 млн. золотых рублей.

По подсчетам экономистов, сумма богатства бухарского эмира соответствовала 22 млн. в золотых червонцах.

Эссертону, запросившему посольство и не получившему положительного ответа, ничего другого не оставалось, как в вежливой форме отказать Саиду Алимхану. Когда посланец прибыл во дворец, до падения власти эмира оставалось всего несколько дней.

Получив отказ от англичан, он задумался над поиском другого выхода из затруднительного положения и вскоре нашел его. Он поручил это тайное дело своему приближенному, телохранителю полковнику Таксобо Калапушу. Тот, в свою очередь, попытался разведать дороги, по которым можно было бы уйти с эмирским золотом из Бухары. Вернувшись, он доложил правителю, что пути на Иран и Афганистан отрезаны. Эмиру пришлось принять последнее отчаянное решение.

Караван с золотом и драгоценными камнями ушел в сторону Карши. Охранял его небольшой отряд под командой Калапуша, среди сопровождавших был и дервиш Даврон. Для большего удобства этот отряд разделился на две группы. Впереди шли погонщики и несколько дервишей, в том числе, и Даврон, а позади — Таксобо Калапуш с воинами охраны из числа эмирских гвардейцев.

Караван вышел из Бухары примерно 8—10 сентября — через Караул-Базар, на Касан, а затем в направлении на Карши и затерялся где-то в Каршинской степи. Он передвигался только по ночам.

Вначале Калапуш намеревался спрятать клад в сардобе возле городища Касби. Сардоба — это место сбора воды в весенние потоки и сохранения ее для путников на все лето. Та сардоба, о которой думал Калапуш, была самой крупной в Каршинской степи. Недалеко от нее, на небольшом холме Тепа, располагался когда-то средневековый город. В этих местах, видимо, были какие-то тайники, которыми хотел воспользоваться приближенный и телохранитель эмира. Однако, воспользоваться ими он не смог, так как люди из соседних кишлаков заинтересовались передвижением каравана. Не останавливаясь, Калапуш проследовал дальше. Отряд прошел через Гузар, а затем свернул на Якабаг, на Лянгар и направился в горы.

В горах, оставив караван с грузом в одном из тенистых лощин, Калапуш поднялся выше, чтоб осмотреть местность. В одной из горных расщелин он увидел каньон и решил оставить там богатство эмира. Это дело он поручил погонщикам, возглавляемым Давроном.

Около двух суток Калапуш ждал дервиша, но тот не возвращался. Встревоженный странным исчезновением, он поднял отряд по тревоге и пошел по следам каравана. Через несколько километров пути была обнаружена гора трупов. Это были люди Даврона. Еще через несколько часов пути — тела двух людей, один из которых еще подавал признаки жизни. Его привели в чувство и допросили. Он поведал Калапушу, что кое-кто из погонщиков разведal о содержимом караванных вьюков и решил завладеть сокровищами эмира.

Но дервишам удалось отстоять Даврона, и караван ушел дальше.

Отряд Калапуша продолжил свой путь по горной расщелине. На следующий день он наткнулся на остатки отряда Даврона. Сам дервиш был тяжело ранен и истекал кровью. Призывая гнев аллаха на головы предателей, он рассказал эмирскому телохранителю, что ему с его верными дервишами удалось спрятать сокровища в той самой пещере, о которой говорил Даврону Калапуш.

Немного передохнув, на следующий день отряд тронулся в обратный путь. По дороге Калапуш прикончил оставшихся в живых двух дервишей, которым была известна тайна эмирского золота. На это он имел прямое указание самого Саида Алимхана. Приказ гласил, чтобы ни один глаз не видел места, где спрятаны сокровища, ни одно ухо не слышало названия этого места и ни один посторонний дух не витал бы в тех краях. Приказ этот был исполнен в точности. Через день Калапуш — единственный из оставшихся в живых, так как остальных уничтожил прибывший в Каршинские степи отряд командовавшего эмирской артиллерией Топчи-баши Низаметдина, предстал перед эмиром. Он рассказал во всех подробностях о ходе экспедиции, заверил властелина, что его приказ относительно уничтожения свидетелей исполнен и отправился спать. В ту же ночь Саид Алимхан приказал умертвить своего верного приближенного. А через два дня сам бежал из Бухары в сопровождении Низаметдина. Однако, и с этим его путником в дороге случилось несчастье. Неожиданно лошадь под Низаметдином споткнулась, а сам всадник рухнул на землю с простреленной грудью. Он так и не узнал, кто и откуда стрелял в него. Так обо-

рвалась еще одна жизнь в цепочке, имевшей касательство к золоту бухарского эмира.

В 1921 г. Саид Алимхан с небольшим отрядом пересек границу Афганистана и навсегда покинул родные края. Он уводил с собой всего двух тяжело груженных лошадей, среди поклажи которых было несколько хурджинов с драгоценностями и слитками золота. Настоящее сокровище бухарского эмира, конечно, не могло уместиться в эти хурджины. Где оно находится, не знает никто. Ведь Даврон мог и обмануть Калапуша, припрятать эмирское золото в каком-нибудь другом месте. Там его никто не нашел.

Доподлинно известно, что поиски несметных сокровищ были предприняты. Такое заключение можно сделать на основании того, что в 20-е годы стали один за других исчезать или погибать родственники дервиша Даврона — его братья и сестры, дальняя родня, люди, с которыми он был близок. Те, что искали золото, предполагали, что Даврон мог сообщить кому-либо о местонахождении клада. Затем стали погибать родственники других дервишей, сопровождавших караван. Возездие не обошло стороной и родню Калапуша: была вырезана вся его семья, весь кишлак, в котором он жил. Но никто доподлинно не знает, удалось ли убийцам разгадать тайну золота бухарского эмира.

Это злосчастное золото не давало людям спокойствия. Из-за него страдал на чужбине и сам Саид Алимхан. Видимо, он не раз посылал людей в Узбекистан, чтобы те привезли ему его сокровища. Отряды воинов иногда появлялись с афганского берега Амударьи. В 20—30-е годы почти ежемесячно этим тайным путем проходили группы людей и пробирались в горы. Но происходили странные вещи: полностью исчезали

группы искателей эмирского золота, а затем гибли их родственники. В 1930 г. через границу Афганистана перешел отряд в 500 сабель, возглавляемый верным эмиру Ибрагимбеком. Но и его, и его людей постигла та же участь. Сам Ибрагимбек был задержан и, как ярый враг Советской власти, расстрелян в 1931 г.

Бывший эмир Бухары умер 5 мая 1943 г. Всю жизнь он мечтал вернуть себе свои сокровища. Видимо, ему так и не удалось это сделать. Вместе с ним сошла в могилу и тайна золотого каравана.

История о несметных сокровищах бухарского эмира как нельзя лучше раскрывает отношение человека и золота. Само по себе, как бы ни была притягательна мысль о нем, золото ничего не значит. Оно представляет собой какую-то ценность лишь тогда, когда служит людям.

БЫЛО ВАШЕ — СТАЛО НАШЕ

Человеческая природа жадна на новизну.

Плиний Старший

Дар дается человеку свыше. Он или есть, или его нет, с этим ничего не поделаешь. Но бездарность, как социальное явление, — порок. А если эта бездарность развивается в геометрической прогрессии — тогда это уже трагедия.

Сколько бесполезных, ненужных дел может совершить человек, чтобы самоутвердиться в жизни?

По большому счету это мало кого интересует, потому что это касается лишь одного конкретно взятого человека. Но бывают случаи, когда один человек или незначительная группа людей, претворяя в жизнь свои сумасбродные идеи, приносят страдания целому обществу.

В первые же часы Октябрьского переворота, утром 25 октября 1917 г., вооруженные моряки по предписанию Петроградского ВРК установили охрану Государственного банка. Тогда еще мало кто понимал, что происходит в городе. Возможно, четкую картину этого не имели даже сами большевистские лидеры. И конечно, никто не мог себе представить, как долго все это будет длиться. Однако, новая власть, еще не успев закрепить свои позиции, начала устанавливать новые порядки. Вскоре большевикам пришлось на деле убедиться, каким тернистым бывает путь к звездам.

Крупные и мелкие банкиры, возмущенные до предела бесчинством тех, кого еще вчера они просто не замечали, оказались в весьма щекотливом положении. Диктатура пролетариата, с которой шутить трудно, ставила их перед фактом сдачи ей своих полномочий. Естественно, что правительство большевиков сразу же столкнулось с активным саботажем всего аппарата Государственного банка и бывшего Министерства финансов. Местные конторы Госбанка также не выполняли требований Советов.

Из обзора деятельности Народного Комиссариата финансов:

«Было время, когда почти единственным работником во всем Комиссариате финансов был народный комиссар и несколько его помощников, которые одни должны были готовить финансовые мероприятия и проводить их в жизнь, вся же остальная сложная

машина бездействовала, и вся страна, где саботаж был слабее или его вовсе не было, была отрезана от центра и предоставлена собственной участи».

Магнаты финансового капитала, объединенные в Комитет съездов представителей акционерных коммерческих банков, выработали свою тактику действий против большевиков. Совещание представителей банков, постановив открыть частные коммерческие учреждения в Петрограде 27 октября, вместе с тем приняло решение «собразовать часы функционирования частных банков с деятельностью Государственного банка и ограничить круг операций наиболее необходимыми».

Началось противостояние, потери в котором несли как одна, так и другая стороны. В период с 25 октября по 24 ноября 1917 г. частные банки, в те дни, когда они работали, открывались всего на пару часов. Но были дни и даже неделя, когда они вовсе были закрыты.

30 октября В. Менжинский, фактический руководитель Наркомата финансов, направил в Комитет съездов акционерных коммерческих банков телеграмму следующего содержания: «Настоящим предписываю завтра, 31 октября, открыть все банки для оплаты чеков по текущим счетам торгово-промышленных предприятий. Неисполнение означенного приказа повлечет за собой самую строгую революционную ответственность».

Что такое «строгая революционная ответственность», банкиры уже имели представление. В указанный день банки были открыты, но всего на один час.

9 ноября правительство большевиков предъявило Государственному банку ультиматум о выдаче на нужды Совнаркома 25 млн. рублей; после отказа комиссары пошли на решающий шаг — управляющим банка был назначен В. В. Оболенский (Н. Осинский),

который организовал ревизию кладовых банка. Тогда же был произведен арест 50 «организаторов саботажа», отстранены от должностей явные контрреволюционеры, привлечены на сторону новой власти низшие чиновники и счетчики. Такой силовой метод воздействия позволил большевикам одержать первую, пока еще незначительную, победу над частным капиталом в России. Перекрытый коммерческими банками кислород стал снова поступать предприятиям, сельскому хозяйству, торговле и транспорту.

Однако, окончательная победа еще не была достигнута. Во второй половине ноября 1917 г. частные коммерческие банки, под предлогом отсутствия средств, были большей частью закрыты. Это решение поставило большевиков в затруднительное положение, поскольку на данном этапе они были заинтересованы в использовании существовавшей системы кредитования промышленности, находившейся в руках частных коммерческих банков. 30 октября комиссар Государственного банка Н. Осинский обратился к Комитету съездов акционерных коммерческих банков с предложением собраться вместе и обсудить вопрос о подкреплении частных коммерческих банков средствами и о согласовании действий в области кредитования промышленности с Государственным банком. Сопровождение состоялось, на нем даже был выработан план определенного взаимодействия, но, как показали дальнейшие события, противостояние между частным капиталом и диктатурой большевиков не прекратилось. Да и было бы глупо ожидать обратного.

Из обзора деятельности Народного Комиссариата финансов: «Со дня Октябрьской революции и до середины декабря Комиссариат финансов тщетно пытался установить контроль над деятельностью банков. Раз-

ного рода ведомости, предоставляемые банками, но не подкрепляемые наблюдением и контролем на местах агентами Советской власти, являлись лишь прямой формальностью, и деятельность банков протекала на прежних основаниях, поскольку она не ограничивалась отсутствием наличных денежных знаков. Назначения комиссаров в банки встречало препятствия не только со стороны банкиров, но и со стороны служащих, объявлявших, что появление комиссаров в банке повлечет за собой забастовку».

Из докладной записки Временного правления Народного банка: «Записи в книгах велись неаккуратно и несвоевременно; они отставали иногда на целые месяцы».

В документах Комитета съездов указывалось, что начиная с конца ноября 1917 г., местные комитеты уведомляли его о «захвате банков военной силой, об арестах отдельных лиц из состава администрации и о назначении в банки комиссаров. На такие действия новой власти администрация банков и служащие обычно реагировали прекращением работ».

Именно в это время объединенные банки провели организационную работу по выпуску чеков, вводимых под взаимную круговую ответственность. Таких бонов-чеков было напечатано на 1 млн. рублей. Мировая общественность расценивала эти чеки как денежные суррогаты, которые будут приниматься в оплату наряду с государственными деньгами.

Наконец, наступил переломный момент в решении конфликта между частным капиталом и новой властью в России. Выступая на заседании ВЦИК 14 (27) декабря 1917 г., главный лидер большевиков Ленин, сказал:

«Для проведения контроля мы их, банковских дельцов, призвали и с ними вместе выработали меры,

на которые они согласились, чтобы при полном контроле и отчетности получать ссуды. Но нашлись среди банковских служащих люди, которым близки интересы народа, и сказали: «Они вас обманывают, спешите пресечь их преступную деятельность, направленную прямо во вред вам». И мы поспешили».

Большевики, действительно, проявили завидную поспешность. Они опасались, как бы банкиры не изъяли ценности и еще более не запутали делопроизводство. Утром 14 декабря вооруженные отряды заняли большую часть петроградских банков. А 15 декабря такую же операцию осуществили и в Москве. В банки были назначены комиссары, от членов правлений потребовали ключи от кладовых, оказывающих сопротивление арестовали. Вечером 14 декабря ВЦИК принял декрет о национализации банков. Обосновывая провозглашенные декретом меры, Ленин особо подчеркивал необходимость наложения железной руки диктатуры пролетариата на старый мир. «Слова — диктатура пролетариата, — говорил он, — мы произносим серьезно, и мы ее осуществим».

Ответом на декрет о национализации банков была забастовка служащих коммерческих банков как в Петрограде, так и в Москве. В Москве, например, из 6 тыс. банковских служащих лишь несколько десятков человек приняли новые веяния. Такое же положение было и в Петрограде.

Из обзора Наркомфина:

«Работа финансового аппарата иногда почти замирала, некому было послать денежные знаки, никому было распределить их по кассам и выдавать населению».

Используя все методы воздействия — от уговоров до угрозы — комиссары привлекали к сотрудничеству

ву тех служащих банков, которые были согласны работать на новую власть. Полная остановка финансирования предприятий промышленности, даже на короткий срок, угрожала параличом всей хозяйственной жизни, что повлекло бы за собой недовольство в среде пролетариата, от имени которого и действовали большевики.

К началу апреля 1913 г. Управление бывших частных банков было упразднено, а его функции переданы Центральному управлению Народного банка (бывшего Государственного банка).

В Москве вся работа по национализации банков направлялась Финансовым отделом Моссовета, назначившим комиссаров частных коммерческих банков и руководившим их деятельностью. Центральный отдел текущих счетов первоначально обслуживал лишь по 200 клиентов в день, а в конце января — свыше 600. Наплыв посетителей в январе—марте был настолько значительным, а аппарат отдела настолько слабым, что одно время отдел вынужден был не впускать всех желающих получить деньги, да и попавшие в банк простаивали по несколько часов в очереди. Комиссары явно не справлялись с поставленной перед ними задачей. В январе 1918 г., бывшие чиновники банков обратились в Финансовый отдел Моссовета с предложением о прекращении забастовки. При этом они выдвигали требование о передаче им всей технической организационной части банковского дела, соглашаясь оставить правительству большевиков руководство банковской политикой. Совнарком, обсудив этот вопрос, постановил: никаких переговоров с организованными саботажниками не вести. Комиссарам было разрешено принимать на работу лишь тех служащих, которые полностью поддерживали новую власть. В общей

сложности, в списках лиц, подавших заявления, значилось 3500 бывших банковских работников. Специальная комиссия отобрала из них лишь 30%.

Весьма интенсивно протекал процесс национализации на местах. 2 апреля 1918 г. из Рязани сообщалось в отдел местных органов Государственного банка, что национализированные банки «являются уже филиальными отделениями» Госбанка и находятся под его повседневным контролем. В Казани такое положение установилось к 1 февраля 1918 г. Это позволило начать операцию объединения текущих счетов частных коммерческих банков в 1 отделении Народного банка (бывшем Казанском купеческом банке), где были сосредоточены текущие счета отделений Азовско-Донского и Русско-Азиатского банков, и во втором отделении (Волжско-Камском банке), куда собрали документы остальных отделений частных коммерческих банков. В Иваново-Вознесенске функционировавшие в городе отделения Московского и Соединенного банков первоначально были закрыты, а затем ликвидационная комиссия приступила к слиянию их с Народным банком. В Твери отделение Русско-Азиатского банка также было закрыто, и ликвидационный баланс на 1 апреля 1918 г. передан отделению Народного банка. В Томске все отделения национализированных банков в конце марта того же года уже стали филиалами местного отделения Народного банка. Так осуществлялось триумфальное шествие Советской власти по городам России в походе против частного капитала.

К лету 1918 г. в руках большевиков было уже много ключей, которыми открывались двери банковских сейфов. В общем итоге во временном правлении Народного банка было централизовано 175 текущих счетов бывших частных коммерческих банков. Еще

в конце 1917 г. были запрещены сделки с процентными бумагами и оплата купонов и дивидендов, а в начале 1918 г. принят декрет о конфискации всех акционерных капиталов бывших частных коммерческих банков. К началу мая временным правлением был открыт II-й отдел текущих счетов, который выдавал вклады, внесенные наличными деньгами. В этом отделе было открыто около 200 счетов и оставалось на них 20 млн. рублей. К 10 июня остаток составлял 40 млн. рублей. К середине июля оборот отдела достиг 180 млн. рублей. Люди, обладавшие капиталом, не несли свои деньги в советские банки, что наносило им определенный ущерб. Количество и сумма вложенных капиталов к лету 1918 г. увеличилась лишь по той причине, что Народный банк с его новыми подразделениями был едва ли не единственным кредитным учреждением в стране.

Однако, оставались еще кредитные учреждения, которые были доступны частному капиталу — кооперативные. Ставя перед собой цель организовать снабжение населения (прежде всего, продовольствием) большевистское правительство вынуждено было использовать кооперацию. В связи с этим, Московский Народный (кооперативный) банк, финансировавший крупнейшие кооперативы и имевший характер крупного частного коммерческого учреждения, не был национализирован вместе с остальными крупными банками. К сентябрю 1913 г. его баланс вырос в $4\frac{1}{2}$ раза и достиг $\frac{1}{4}$ млрд. рублей. Не были национализированы также различные кредитные общества взаимопомощи. Именно услугами этих учреждений и пользовались представители частного капитала. Существование подобных кредитных учреждений, естественно, отрицательно сказывалось на деятельности Национального банка. Тем более, что они

финансово поддерживали Белую Армию. Получая от Госбанка средства для закупки продовольствия, они умудрялись направлять часть средств в те районы, где находились белогвардейцы.

Последний акт трагического фарса о национализации банков был разыгран в конце 1918 г., когда ликвидировались кредитные общества взаимопомощи, городские общественные банки, частные земельные банки, городские и губернские кредитные общества. В сентябре большевики изъяли из Московского Народного (кооперативного) банка 150 млн. государственных средств, что ускорило его капитуляцию. Правление банка, не сумев выплатить вовремя долг, было вынуждено согласиться на национализацию путем преобразования его в кооперативный отдел Центрального управления Народного (Государственного) банка РСФСР. Таким образом, данное учреждение стало единственным, осуществлявшим контроль над всеми финансовыми средствами страны. Без поддержки частных коммерческих банков представители частного капитала уже не имели возможности игнорировать требования правительства большевиков. Так началась ликвидация частной и установление общественной собственности на основные средства производства.

Параллельно с национализацией банков шла другая крупномасштабная операция, осуществляемая большевиками. Диктатура пролетариата принимала активные усилия по ликвидации экономической зависимости Советской России от иностранного капитала в ведущих сферах народного хозяйства. Тут нужно внести одно существенное замечание: диктатура пролетариата на деле означала — партия большевиков. Реальной властью в стране обладала лишь партия большевиков и никто другой.

Следует также заметить, что иностранный капитал проникал в Россию путем организации новых акционерных обществ, покупки акций уже существовавших предприятий, а также посредством вкладов в российские банки. Начинаясь этот процесс в 70-е годы XIX в. К 1914 г. иностранный капитал контролировал около 70% выплавки чугуна и готовых изделий на Юге России, примерно, 60% всей добычи нефти, 90% капиталов электрических и электротехнических предприятий и т. д. Из всего иностранного капитала, помещенного в России, 32,6% его принадлежало французскому, 22,6% — английскому, 20,1% — германскому, 14,3% — бельгийскому, 5,2% — американскому капиталу. Следовательно, почти 95% всего иностранного капитала, помещенного в народное хозяйство России, контролировали пять крупнейших держав мира. Такое положение вещей было вполне приемлемым для развития отечественной экономики. Ведь Россия занимала прочные позиции в мире по всем основным отраслям экономики.

После революции 1917 г. иностранный капитал сразу же попал в сферу деятельности советского законодательства, что на деле означало введение рабочего контроля, запрещение сделок по ценным бумагам и выплаты по ним процентов и дивидендов, регистрацию актов и другие меры, разрабатываемые правительством большевиков. Национализация синдицированной промышленности нанесла сильнейший удар по самому существованию иностранного капитала в России. Относительно устойчивое положение здесь имела Германия, которая, в силу определенных обстоятельств, могла диктовать новой власти в стране свои условия. Во время переговоров в Брест-Литовске немцы потребовали от большеви-

ков возмещения убытков, понесенных германскими подданными в ходе национализации их собственности в России. После падения кайзеровского правительства Германия отошла на второй план, и роль поборника имущественных стран стали играть нейтральные страны, среди которых особую активную активность проявили Швеция, Норвегия и Дания. Не понимая окончательно происходящего, иностранные державы требовали установления законности в том виде, по какому развивалась мировая экономика. В адрес ВСНХ и губсовнархозов шли потоки ходатайств и требований не только освободить зарубежные предприятия в России от реквизиций, но и осуществить охрану имущества иностранных граждан. Однако, все эти депеши либо игнорировались Советским правительством, либо получали категорический отказ. Ответом на все требования, пожалуй, были новые законы, издаваемые большевиками, и по которым отныне были обязаны действовать представители иностранного капитала в России. Так, 27 декабря 1918 г. экономико-правовым отделом НКВД было подготовлено для ВСНХ циркулярное разъяснение, в котором констатировалось: советское законодательство о национализации заводов, фабрик, земель, церковного имущества без соответствующей компенсации в равной степени распространяется и на иностранцев. В равной степени нормы нового права распространялись и на вывоз за границу товаров и другого движимого имущества, принадлежащего иностранным подданным.

Для изъятия у иностранных подданных товаров и другого имущества в июле 1919 г. при Главном управлении продуктораспределения Народного Комиссариата продовольствия (Главпродукт) была создана

межведомственная комиссия. В ее работе принимали участие по два представителя от ВСНХ и Главпродукта и по одному — от Народного Комиссариата государственного контроля (Госкона). Комиссия осуществляла опись оценку товаров, подлежащих национализации. По ее распоряжению эти товары со складов отпускались главкам и центрам. Она же занималась выяснением претензий иностранных подданных, возникших в связи с реквизицией их имущества.

Одной из главных задач ВСНХ было установление постоянного контроля за товарными запасами на складах иностранных собственников. Это способствовало как подготовке к национализации этих складов, так и предотвращению возможных злоупотреблений со стороны их владельцев. В соответствии с решением Президиума ВСНХ от 28 октября 1918 г. были взяты на учет все принадлежащие иностранцам оптовые фирмы, имевшие склады текстильных товаров. Для улучшения контроля за движением товарных ценностей ВСНХ практиковал перемещение товарных ценностей на свой склад.

Теперь давайте разберемся в этих довольно скучных, но фактически точных моментах деятельности большевиков. Что представляла собой в действительности национализация банков и установление контроля за иностранным капиталом в России? Чтобы понять это, нужно переключиться из области обобщенных рассуждений в рассуждения на частные темы.

К примеру, лозунг неприятия пролетариатом права частной собственности на средства производства и изображение этого понятия в исключительно черных негативных тонах. Не перекликается ли этот лозунг с другим, утверждавшим, что каждая кухарка сможет управлять государством? Или еще с одним, также

весьма сомнительным, — «кто был ничем, тот станет всем»? История опровергает эти несостоятельные лозунги. Известно, что с приходом к власти большевиков пролетариат не стал владеть средствами производства, так как полноправным хозяином и властелином всего и вся в стране оставалась большевистская партия. И мы не знаем ни одного примера, когда бы кухарку допустили к управлению государством. А что касается тех, кто был «ничем», так они и после прихода к власти большевиков так и остались «ничем».

Таким образом, несостоятельный лозунг неприятия пролетариатом права частной собственности на средства производства покрывает, в действительности, элементарное воровство, облекаемое в белые одежды в целях обогащения отдельной группы людей.

Многие приверженцы большевистских идей могут возразить: уже сам факт ущемления прав эксплуататоров способствовал улучшению жизни трудящихся. Тогда я намерена возразить на это возражение, поскольку, нарушив нормальный ход истории и не предложив взамен ничего стоящего, улучшить жизнь трудящихся невозможно.

Обратимся к фактам. При социализме нас всегда учили сравнивать свою жизнь с нищенским существованием пролетариев до революции. Согласно Государственной росписи доходов и расходов Российской империи на 1912 г., среднемесячная зарплата рабочего составляла более 20 рублей. Масса неквалифицированных работников — выходцев из деревни, действительно, едва обеспечивала свое существование. Однако, городской пролетарий, который закончил школу ремесленных учеников и работал на заводе, получал 40 рублей в месяц. А «непростой» рабочий — паровозный машинист или механик электростанции — 100—

120 и более рублей в месяц. На службе такой работник носил кожаную тужурку бельгийского пошива, после работы облачался в пиджачную пару, крахмальную манишку, штиблеты, котелок и шел в бильярдную. Жил он в собственном доме с геранью на окошке и граммофоном на комод, содержал неработающую, как водилось, жену и пятерых—шестерых детей. Иногда он даже нанимал кухарку.

Кроме простых и непростых рабочих существовала еще значительная прослойка среднего класса. К ней принадлежали, например, педагоги, врачи, мастера инженерного дела. К примеру, директор Минской мужской правительственной гимназии, Сергей Платонович Григорьев, статский советник, имел жалование в 1800 рублей в год и плюс к тому 800 рублей надбавок на казенную квартиру с отоплением и освещением. Всего денежного содержания — 4400 рублей в год или 370 в месяц. Инспектор гимназии (по-нашему — завуч) имел годового жалованья 3500 рублей в год или 290 рублей в месяц. А обычный учитель — приблизительно 2800 рублей в год или 230 рублей в месяц. Следует отметить, что в частных гимназиях учительское жалование было в полтора—два раза выше.

Все познается в сравнении. Чтобы понять, как была улучшена, к примеру, жизнь учителей и представителей других отраслей народного хозяйства, посмотрим, что все они могли позволить себе на свои жалованья.

Ржаной хлеб в минских булочных продавался по цене 2 копейки за фунт (около 500 граммов). Ведро кваса — 30 копеек, ведро пива — 1 рубль 24 копейки. Очень хорошие хромовые сапоги стоили 8 рублей, простые яловые — 3 рубля. Полушубок стоил 10 рублей. Автомобиль марки «Форд-Т» — 2500 рублей.

Месячный наем дешевой жилой комнаты — 5 рублей. Вызов кареты «скорой помощи» общины Красного креста — 3 рубля. Частное врачебное посещение стоило 1—3 рубля. Существовала бесплатная медицина для бедных. Плата за воду из водопровода составляла: 100 ведер — 15 копеек. Кроме того, за каждую ванну — 5 рублей, за ватерклозет — столько же, за фонтан — 42 рубля. Годовая подписка на крупную ежедневную газету — 6 рублей.

Таким образом, обычный учитель гимназии мог позволить себе приобретение в год автомобиля марки «Форд», и у него при этом еще оставалось 300 рублей на проживание. Он же мог приобрести на свое месячное жалованье 23 полушубка или 28 пар хороших хромовых сапог. А пролетарий, получавший в среднем 20 рублей в месяц, мог позволить справить себе полушубок и еще безбедно содержать семью на оставшиеся деньги.

Впрочем, на такое неравноправное положение с заработными платами пролетариев и работников средней прослойки большевики также обратили внимание. Был взят курс на сокращение различий в заработной плате рабочих различной квалификации. Шкала зарплаты железнодорожников и петроградских служащих устанавливала вилку — 282—510 рублей в месяц, т. е. соотношение 1:1,8 между верхней и нижней ставкой. Верхний предел жалованья, положенного специалистам, стремительно рос — с 3000 рублей в феврале 1919 г., к примеру, до 60 тыс. рублей в августе 1922 г. Но все это не объясняется улучшением благосостояния трудящихся, так как советский рубль к тому времени, практически, потерял свою ценность. Кроме того, страну охватывал голод.

Свидетельствует очевидец, И. С. Жиркевич, бывший генерал-губернатор Симбирска и Витебска, автор

мемуаров о своем времени, печатавшихся в «Русской старине» в 1874—90 гг. В энциклопедическом словаре Брокгауза о нем сказано: «Человек большой энергии, прямодушный и резкий, на всех постах боролся с злоупотреблениями, казнокрадством и взяточничеством». Вот выдержки из его мемуаров, повествующих о голоде в Поволжье:

1919 год:

«23 июня. Из Москвы и Петрограда приходят потрясающие вести о голоде и болезнях. К Симбирску подкрадывается голод, отсутствие воды, топлива, хлеба, эпидемии. Грязь всюду невыносимая... А судя по газетам, и в столице, как и в Симбирске, лекции, концерты, гулянья, музеи, танцы и т. п. увеселения. Кажется, счастьем было бы уйти из этого Садома и Гоморры...

7 октября (н. с.) Посылаю каравай хлеба А. А. Коринфскому. Дойдет ли? И в каком виде? Нам он обошелся более 180 р. за 12 фунтов. Но если в Лигове, где живет поэт, 1 фунт хлеба стоит 100 р., то мой каравай стоит более 1000 р. Как жить при таких бешеных ценах на хлеб в России, которая считалась житницей Европы? Недавно мне показывали образчик черного хлеба, привезенный нарочно из Москвы для того, чтобы показать, чем питаются жители Первопрестольной. Это комок какой-то мучной грязи, в который вкраплены семена конопля, солома и еще какая-то гадость. Неудивительно, что в Москве мрут как мухи...

4 ноября. В квартире нашей не топлено. А на дворе 7 градусов мороза. Рука холодеет так, что едва могу писать. Купили дров один возик (около $\frac{1}{3}$ сажени), притом, сырых, заплатив за них 1 200 рублей и отдав в придачу 1 фунт (1 стакан) соли, что стоит теперь 150—170 р...»

1920 год:

«28 июля. ...Катушка ниток дошла до 1 200 рублей. Мыло тоже бешено дорого...

23 августа. Цены на базаре на зелень чудовищные. Маленький качан капусты — 450—500 рублей. И все остальное в таком масштабе. Покупаешь Тамарочке (жена И. С. Жиркевича — В. К.) пшеничную булочку, уплатив за нее 250 рублей.

18 сентября. Говорят, что у нас в Симбирске хлеба хватит до октября, и то не для толпы, а для разных лазаретов, комиссаров и других исключений нашего времени. Мы, простые смертные, уже несколько дней ничего не получаем из продовольственных лавок (кооперативов). Даже пшено нам перестали выдавать. На базаре небольшой каравай хлеба фунтов 5 стоит 1 500 руб. Это признаки надвигающегося голода. Мы получаем два обеда из дешевой столовой (обеда отвратительные и однообразные до отвращения). Но прежде давали кусок хлеба при каждом обеде. Вчера наполовину уменьшили и эту порцию. Публика ропщет. Как жить без хлеба?

По городу к каким-то распределительным пунктам тянутся оборванцы в полуистлевших рубищах, худые, истощенные, еле передвигающие ноги. Зрелище ужасное, душу потрясающие. Кто они? Куда и зачем их тянут? Кому и какую пользу могут принести эти полускелеты? Чего на них не намотано, чтобы согреть тело...

26 октября. По домам чаще и чаще появляются красноармейцы, умоляющие дать им кусок хлеба, заявляя о том, что их кормят в частях так плохо, что они голодают. На базаре появляются красноармейцы, открыто берущие хлеб с лотков у торговок и тут же его съедающие. Одновременно появились и шайки грабителей...

Удивительно, как ко всему привыкаешь. Бывало, одна мысль о том, что на тебя может вползти вошь, приводила в содрогание. И первое время, когда командные курсы во время лекции стали наделять меня этими омерзительными паразитами, я искренне сокрушался и брезгливо осматривал мое белье (чтобы прокормить семью, Жиркевич преподавал на красноармейских курсах — В. К.). А теперь делаю это равнодушно, точно так и должно быть.

1 ноября. ...В городе возобновились массовые обыски и аресты. Чего-то или кого-то ищут. В нашем симбирском болоте подозревают чуть ли не контрреволюцию... Никто не может себе уяснить смысл совершающихся насилий, ложишься спать, не зная, дадут ли тебе хоть забиться в тяжелом сне... И к этому привыкаешь понемногу. Рабы мы, рабы... Нечего закутываться в тогу и обманывать себя иллюзиями. Счастье, что и у рабов могут быть свободные, но рабские души...

4 ноября. С 5 ноября начинаются обходы красногвардейцами всего города для собирания подаяний на нашу Красную Армию. Будут ходить по домам с уполномоченными, просить, так сказать, «честью» и давать расписки. Но все хорошо понимают, что если не дать ничего, то этим можно вызвать репрессию.

27 ноября. Меня ужасает то, что вновь народившаяся бюрократия, интеллигенция, аристократия продолжает ту же жизнь, какую на глазах народа вели наша прежняя бюрократия, интеллигенция... В России только поменялись ролями классы общества и отдельные личности, но, в сущности, все осталось по-прежнему».

1921 год:

«1 января. Сегодня Советский Новый год. Бывало, при встрече Нового года сколько радостных воспоминаний».

наний, сколько горячих пожеланий теснились у меня в душе. А вчера и сегодня там — пустыня, по ней рассеяны могилы... Право, можно подумать, что воспоминания созданы не на радость, а на скорбь человека... Подумаешь, что где-то люди счастливы, спокойны за свою личность, сыты, согреваются южным солнцем, наслаждаются красотами природы и искусства. А мы... Сейчас вот прервал писание своего дневника («ночника»), т. к. почувствовал, что по мне ползают известные насекомые, называемые в России «вшами». Полураздевшись, я занялся их истреблением, но знаю, что через час они опять откуда-то наползут на смену павших в борьбе со мною. Думал ли я когда-либо, что опущусь до такого убожества? А вот случилось же это! И невольно хочется выкрикнуть к небу: «Когда же конец испытующей меня любви твоей, о Боже правый!»

7 января. Вот дождались мы и Рождества Христова. У нас нет роскошного пиршества, но мы позволили себе кое-что лишнее. У нас есть молоко к чаю (300 руб. за стакан!)

22 января. ...Мне рассказывали, будто бы на одном спиритическом сеансе дух на вопрос, чем кончится вся нынешняя неразбериха, продиктовал два загадочных слова «молот — серп». Долго не могли разобраться в этой шутке. Наконец, прочли оба слова вместе, но наоборот. Все это детски глупо, наивно, но интересно, как указывающее на настроение общества. Игра в спиритические сеансы приняла повсюду чудовищные размеры. Говорят о видениях, пророчествах. Верят снам. Вообще, мистицизм в небывалой моде...

24 января. Только и разговоров везде, что о загадочных советских деньгах, с одной стороны которых напечатано «100 р.», а на другой «1 р.», как о первых

шагах при переходе Советской власти к какой-то новой финансовой политике. Все с тревогой и недоверием желали бы уяснить себе, что «сей сон значит?» Все ждут только пакости и дальнейшего разорения. Общая тревога растет в связи с новыми потугами Советской власти — ввести общую трудовую повинность. Для этого собираются домовые комитеты, где коммунистки проповедуют о необходимости и прелестях трудовой повинности всех граждан.

13 августа. Введены новые тарифы по части корреспонденции, за заказное письмо приходится платить 1250 руб., а за простое 250 руб. И т. д. Откуда обнищавшему обывателю брать такие суммы на корреспонденцию?

17 сентября. Советская власть все расширяет область налогов. Читаю сейчас, что обложено употребление нами воды, электричества, животные. Предлагается налог на квартиры. Возмутительно то, что обложили воду — самый важный, необходимый продукт, особенно, при той нищенской обстановке, в которой большинство обывателей живет, — 25 руб. за ведро! А в день выйдут 5—6 ведер!»

Это взгляд на историю простого «обывателя», к которым себя причисляет Жиркевич. Ну, а что же другие? Кто был облагодетельствован Советской властью? Посмотрим на благосостояние тех, кто в первую очередь обслуживал эту власть.

В этом направлении вождь мирового пролетариата выбрал практику Парижской коммуны, которая сводилась к тому, что высокопоставленные чиновники получали меньше простых рабочих. Первое постановление ВЦИК большевиков установило максимальный предел зарплаты ответственных работников в Советах 400 руб. в месяц, что не превышало размеров до-

хода квалифицированного рабочего. 18 ноября (1 декабря) 1917 г. Ленин набросал проект постановления Совета Народных Комиссаров: «Об окладах высшим служащим и чиновникам», в котором предельное жалование народным комиссарам устанавливалось 500 руб. в месяц бездетным и прибавка 100 руб. на каждого ребенка, квартиры не свыше одной комнаты на каждого члена семьи. Предусматривалась подготовка и проведение «революционных мер к особому обложению высших служащих». Народному Комиссариату финансов и отдельным народным комиссарам вменялось строго следить за расходами и предписывалось урезать все непомерно высокие жалования и пенсии. Декрет от 27 февраля 1918 г. устанавливал размер «высоких» окладов. Он санкционировал введение максимальной зарплаты для специалистов в размере 1200 руб. в месяц, для народных комиссаров — 800 руб. в месяц, а минимум зарплаты для служащих и низкооплачиваемого персонала — 350 руб. в месяц. Попытка сократить разрыв в заработной плате между различными представителями рабочих и служащих была официально похоронена в апреле 1920 г.

Итак, большевистское руководство сразу установило для наиболее ответственных партийных и государственных служащих сравнительно низкую зарплату, что соответствовало лозунгу К. Маркса о дешевой административной машине. Согласно декрету от 23 июня 1921 г., зарплата ответственных работников ограничивалась 100—150% средней зарплаты, принятой на тех предприятиях или организациях, где он работал. Но к середине 20-х г., жалование народных комиссаров и ответственных работников значительно выросло по сравнению со средней зарплатой. Декрет от 31 марта 1925 г. определял зарплату ответственных работников

106 профессий в профсоюзах, советских, кооперативных, экономических и других организациях. Начиная с Центрального Комитета, ответственные работники были поделены на 7 категорий, зарплата которых соответствовала 7 высшим разрядам по 17-разрядной профсоюзной шкале. Наивысшая ставка ответственного партийного работника составляла тогда 175 руб., а средняя зарплата промышленного рабочего — примерно 50 руб.

Сам вождь мирового пролетариата был уверен, что ближайшие его подчиненные должны снабжаться всем необходимым. Вот трогательный случай, произошедший с Ильичом июльским днем 1918 г. А. Цюрупа, занимавший пост народного комиссара продовольствия, потерял сознание. Ленин, предположив, что это несчастье с ответственным и непритязательным работником случилось из-за недоедания, распорядился повысить ставки народным комиссарам, приравняв их к административным работникам. Двум из его подчиненных было вменено в обязанность изучить финансовое положение народных комиссаров и членов коллегий комиссариатов и внести предложение об увеличении их зарплаты. Жалованье Цюрупы было немедленно повышено до 2000 руб. в месяц.

Но дальше, вопреки марксовскому постулату о дешевой административной машине, сохранялась тенденция повышения зарплаты партработников сверх установленных законом рамок. Такая необходимость объяснялась тем, что они не имеют права на дополнительный источник доходов.

Кому на Руси жилось хорошо при большевиках? Не напрягаясь в раздумьях, можно ответить на этот вопрос однозначно — экспроприаторам экспроприаторов.

Экспроприация после революции собственности класса эксплуататоров сопровождалась поспешной национализацией и муниципализацией жилых помещений. Многоквартирные жилые дома передавались в ведение местных Советов. К середине 20-х годов около половины жилого фонда городов стало достоянием большевиков. Уже к январю 1918 г. местные Советы обзавелись своим собственным жилым фондом, получив при этом широкие полномочия по его использованию. Главная задача этих органов свелась к переселению пролетариев в более просторные помещения за счет их дореволюционных обитателей. Но это уже ни для кого не секрет.

А как же обстояло дело в этом с обеспечением жилплощадью непомерно расплодившихся высокопоставленных чиновников и руководителей большевистской партии? Известно, что Ленин проявлял чуткую заботу о своих соратниках, улучшая условия их жизни. При этом на вооружение были взяты все те же принципы большевиков — притеснение одних во имя благополучия других и поиск возможностей, ранее не позволительных. К примеру, вождя мирового пролетариата очень беспокоил вопрос о предоставлении его ближайшему другу и соратнику по партии Сталину хорошей жилплощади.

Вот записка Ленина к начальнику охраны Беленькому, которая была изъята при подготовке полного собрания сочинений:

«т. Беленький! У Сталина такая квартира в Кремле, что не дает ему спать (кухня, слышно с раннего утра).

Говорят, вы взялись перевести его в спокойную квартиру. Прошу вас сделать это поскорей и написать мне, можете ли это слетать и когда».

Но дело с новой сталинской квартирой застопорилось. В Ленинском фонде имеется конверт с надписью Ленина: «Нат.(алье) Ив.(ановне) Троцкой (от Ленина) и распиской Троцкой в получении ленинского письма. Имеется также письмо Наркома просвещения Луначарского Ленину от 18 ноября 1921 г., в котором Ленин написал Беленькому: «Я это прочел после отправки письма к Н. Ив. Троцкой».

И вождь наказывает начальнику охраны: «Тов. Беленький. Для меня это новость. Нельзя ничего иного найти? Ленин. Вернуть».

Обо всей этой истории со сталинской квартирой рассказал в своих воспоминаниях Л. Троцкий:

«В Кремле, как и по всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало. Сталин хотел переменить свою, слишком шумную, на более спокойную. Агент ЧК Беленький порекомендовал ему парадные комнаты Кремлевского дворца. Жена моя, которая заведовала музеями и историческими памятниками, воспротивилась, так как дворец охранялся на правах музея. Ленин написал ей большое увещательное письмо: можно де из нескольких комнат дворца унести более ценную мебель и принять особые меры к охране помещения; Сталину необходима квартира, в которой можно спокойно спать; в нынешней его квартире следует поселить молодых товарищей, которые способны спать и под пушечные выстрелы и проч. Но хранительница музея не сдалась на эти доводы. Ленин назначил комиссию для исследования вопроса. Комиссия признала, что дворец не годится для жилья. В конце концов, Сталину уступил свою квартиру сговорчивый Серебряков, тот самый, которого Сталин расстрелял 17 лет спустя».

В начале главы я говорила о том, какие страдания приносят целому обществу сумасбродные идеи, возникающие и умах незначительной группы лиц. Подобное несчастье принесло весной 1921 г. введение новой экономической политики. Это было маневром, который заключался в отходе назад, в отступлении. Второй раз на протяжении нескольких лет происходила переоценка ценностей. Революционные идеи, безраздельно господствовавшие в Советской Республике с октября 1917 г. начисто отменявшие всякий компромисс, любое отклонение от коммунистического идеала, оказались теперь устаревшими, не совсем уместными. Возвращались права и понятия, которые до марта 1921 г. считались ликвидированными или подлежащими ликвидации.

Новая экономическая политика сняла путы, которыми были перетянуты кровеносные сосуды государства. Денационализация мелкой и части средней промышленности, разрешение частной торговли, торговля с границей, начали восстанавливать кровообращение в стране. Современники отмечали показавшиеся чудом открытие магазинов, появление в них продуктов, даже вида которых они уже не помнили.

Новая экономическая политика открыла двери для капиталистических форм экономки, которые соседствовали с социалистическими. Появились возможности сравнения, выбора, возникла конкуренция. Перепись 1923 г. показала, что если оптовая торговля находилась на 77% в руках государства, на 8% — у кооперации, на 15% — у частных предпринимателей, то розничная — на 83% — в частных руках и лишь на 7% — в руках государства.

Возвращались деньги, которые в годы революции и гражданской войны потеряли ценность. Деньги в тот

период выпускали все: Советская власть, белые генералы, города, заводы. В нумизматическом каталоге, выпущенном в 1927 г., перечислен 2181 дензнак, имевший хождение во время гражданской войны. Михаил Булгаков свидетельствовал, что в конце 1921 г. в Москве появлялись «триллионеры». Но астрономические цифры на денежных знаках, до марта 1921 г. забавлявшие советских граждан, стали реальностью, когда появилась возможность покупать на них товары. 15 февраля 1924 г. денежная реформа завершилась введением новой советской денежной единицы, твердого рубля. Червонец равнялся 10 довоенным зол. рублям и обеспечивался золотом, а также исторической традицией: червонец существовал при Петре I.

Нэпманы не участвовали в управлении государством и жили как на пороховой бочке. Они не были уверены в завтрашнем дне, но жизнь их резко выделялась на фоне того обнищания, в котором пребывала страна. Игрные дома и кабаре, лихачи на роскошных автомобилях, меха драгоценности... И другая крайность, каким-то образом уживавшаяся в стране победившего большевизма: тесные, серые, завшивевшие квартиры, облаченные в лохмотья, истощавшие от голода, трясущиеся от холода хозяева новой жизни — пролетарии.

Гегемоны, как любили называть пролетариев агитаторы, еще по неизжитой привычке пытались бастовать, добиваясь улучшения своего положения. Партии и власти, однозначно, требовалась железная рука. В забастовках виноваты были все: анархисты, меньшевики, монархисты, но прежде всего — рабочие. На XI съезде вождь пролетариата теоретически обосновал вину российского пролетариата, его неответственность, которую тот проявил в условиях жесточайшей классовой борьбы.

Ленин заявил, что, поскольку в Советской стране «разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез».

Требовалось создать новый рабочий класс — такой, который бы при всех лишениях его прав даже не помышлял бы о забастовках и всегда был бы доволен условиями своей жизни и работы. И такой новый рабочий класс был создан. Сначала этим творческим процессом занимался Ленин, потом его сменил Сталин. Голод, страх, невежество — вот те инструменты, которыми ваяли безликую массу пролетариев, слепую и глухую ко всем проявлениям несправедливости.

Давайте подведем итоги. Большевики взяли в свое распоряжение страну, которая, отнюдь, не стояла с протянутой рукой на коленях, вымаливать милость у капиталистических иностранных держав. В ней не было холода, голода, разрухи. В ней все отрасли экономики развивались благополучно и по общепринятым правилам.

Но далее: пришли большевики и взяли все, что только возможно было взять. И сделали они это от имени угнетаемого пролетариата. В итоге пролетариат не приобрел для себя никаких материальных благ. И вот тут-то, с переменой власти, в стране начались голод, разруха, нищета. Пролетариат испытывал всяческие лишения, ютился целыми семьями в отобранных у эксплуататоров комнатах, платил непомерные налоги в государственную казну и, наконец, работал, создавая новые материальные блага для этого государства. Нелепо было бы предположить, что Ленин стал бы просить тов. Беленького или кого бы то ни было еще решить трудный жилищный вопрос пролетария Сидорова Петра Ивановича или переселить его в крем-

левские апартаменты, в виду того, что он не высыпается по ночам в своей убогой квартире. И уж, тем более, невозможно представить себе, что Ленин поднял бы заработную плату рабочим завода или фабрики, если бы он был свидетелем голодного обморока одного из рабочих этого завода или фабрики. Он просто бы не заметил столь прискорбного факта в силу своей чрезвычайной занятости.

Возникает вопрос: в какую трубу вылетали, а, лучше сказать, в каких подвалах оседали те материальные блага, которые были отобраны у эксплуататоров пролетариата? Возьму на себя смелость оставить этот вопрос без ответа, так как всякий, кто захочет решить его, наверняка, найдет приемлемый для себя ответ.

РЕЛИГИЯ — ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА

Чья страна, того и религия.

Античный афоризм

Известно, что Ленин, с присущей ему резкостью и фанатичностью, не принимал религию, считая ее «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на земле». Такому поведению вождя мирового пролетариата не трудно найти логическое объяснение. Однако, сейчас я не буду останавливаться на выяснении причин этого явления, а обращусь к фактам.

Нарком просвещения А. Луначарский, неделю спустя после Октябрьского переворота, подал в Совнарком заявление об отставке, в котором, в частности, писал:

«Я только что услышал от очевидцев, что произошло в Москве. Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где сейчас собраны все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируются. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы».

Ленину были известны эти кощунственные факты, но он не придавал им такого большого значения, как соратник по партии. Он не видел в них чего-либо из ряда вон выходящего. И он не принял отставки Луначарского. Спустя пятнадцать лет, бывший Нарком просвещения писал о том, как Совнарком подверг его критике: «Как вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем только могли мечтать в прошлом».

«Все, что прошло, — прошлое», — утверждали древние мудрецы. Но для того, чтобы это прошлое, действительно, стало прошлым, нужно было сперва основательно потрудиться.

Ленин был инициатором четырех массовых кампаний, направленных против православия. Первая — ноябрь 1917—1919 гг. заключалась в закрытии монастырей, некоторых церквей, реквизиции их имущества, лишении церкви юридического лица и проч. Вторая — 1919—1920 гг. — означала вскрытие святых мощей. Третья — начиная с конца 1920 г. — способствовала расколу православной церкви, ее разложению изнутри. Четвертая — с начала 1922 г. — явилась разграблением, «очищением» всех «богатых» церквей и расстрелом максимального числа православных священников. Затем работу в этом направлении продолжили

верные последователи учений новоявленного «мессии» — Сталин, Хрущев, Брежнев.

Но Ленин понимал, что борьба с православием на Руси, была самым трудным делом из тех, которые он намеревался совершить, чтобы выполнить свое антихристское предназначение. Как быть с народом, одурманенным этим «опиумом»? Как вытеснить из его сознания, души, сердца, непоколебимую веру в Христа?

Вначале Ленин предпочитал действовать осторожно, не выдавая своих истинных намерений. Эти намерения были известны лишь исполнителям воли вождя. Так, в августе 1918 г. он приказал Пензенскому губисполкому «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Акции предпочтительно было совершать так, чтобы подозрение падало на белогвардейцев. Но постепенно необходимость в строжайшей секретности подобных мероприятий отпадала. Новая власть набирала силу, а вместе с ней проявляла все большую наглость.

4 января 1918 г. на заседании Совнаркома было принято решение о реквизиции помещений Александро-Невской лавры. Позже произошло столкновение отряда моряков с монахами, защищавшими имущество монастыря. Еще немного спустя, было принято постановление об упразднении придворного духовенства, реквизиции всего имущества в помещениях придворных церквей. Это касалось и части церквей Кремля в Москве, где издавна хранились православные реликвии: иконы, кресты, панагии, принадлежавшие ранее видным религиозным деятелям. 24 января того же года на заседании Совнаркома под председательством Ленина было принято решение о предоставлении Нар-

коматом права закрытия церквей при государственных учреждениях и так называемых домовых церквей. Это привело к массовому протесту верующих, но не возымело никакой реакции со стороны большевиков, действовавших от имени власти.

Тогда же «Известия» впервые опубликовали декрет Совнаркома об отделении церкви от государства и школы от церкви. Особо горячие возражения у иерархов церкви и подавляющей части клира вызвал 12-й пункт декрета: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют». Таким образом, был открыт путь к правовому беспределу по отношению к церкви. Так проявился ленинский способ борьбы с противником: сначала растоптать и унижить, а потом еще и обокрасть.

Но, как водится, нашлись и те, кто поддержал вождя мирового пролетариата. «Великая русская революция, разбив вековые цепи царского самодержавия, могучим порывом освободила одновременно двух задыхавшихся в них в течение целых столетий великих узников — Государство и Церковь», — торжествовала профессура Московской Духовной Академии. Январский декрет Совнаркома давал ей возможность приступить-таки к давно вожделенной решительной атаке на патриарха Тихона. Еще 17 марта 1917 г. был создан Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян, выступивший против восстановления на Руси патриаршества. Помните роман Дудинцева «Белые одежды»? Там он говорит о парашютистах — тех людях, которые способны ужиться с любой властью, поддерживать тиранию. Помимо открытых гонений на православие со стороны государства, существовала в России в 20—40-е годы еще одна сила, пося-

гавшая на устои Церкви, — движение части духовенства и мирян, известное под названием обновленческого раскола. Оно зародилось до революции в либеральных кругах русского образованного общества. Лидеры движения, ратовавшие за возвращение «к чистоте раннего христианства», призывавшие «к обновлению церковной жизни», пришли к отрицанию освященной веками православной традиции, «пересмотру» святоотеческого наследия, извращенному толкованию догматов веры. Писатель Михаил Вострышев называет их «живцами», т. е. мелкой живой рыбой для наживы на удочках.

Деятельность «живцов» во многом была на руку большевикам, начавшим кампанию за уничтожение православия. Но вернемся к деятельности самих большевиков.

22 октября 1918 г. впервые в Советской России были вскрыты святые мощи. Эта кощунственная акция была проведена в Александро-Свирском монастыре Олонецкой губернии при разграблении богослужебного имущества. Были реквизированы «40 пудов чистого серебра в виде церковных изделий», часть из которых была отправлена в музеи, часть — роздана крестьянам, а часть, по предложению ГубЧК переплавлена в слитки. Именно здесь произошло первое столкновение чекистов с верующими. В ходе операции ряд священников вместе в настоятелем монастыря Евгением были расстреляны без суда и следствия.

Ленину эта операция понравилась, и он воспылил идеей организовывать подобные акции по вскрытию святых мощей по всей стране. Поруганные чувства верующих им в расчет не принимались. В марте 1919 г. член братства святого Алексия М. И. Свет обратился к Ленину с письмом, в котором выразил просьбу чле-

нов братства отдать им мощи святого Алексия, находящиеся в Кремле, в Чудовом монастыре. Ленин наложил резолюцию: «т. Курский! Прошу не разрешать вывоза, а назначить вскрытие при свидетелях». В резолюции Курского говорится: «Срочно. VIII отдел. П. А. Красикову. Для распоряжения о вскрытии мощей с участием представителей МСРД, НКЮ, и НКВД». Старый большевик П. Красиков, приятель Ленина по красноярской ссылке, был поставлен во главе Специального Ликвидационного VIII (ранее он именовался «Ликвидационным VIII») отдела Наркомата юстиции. Свою задачу Красиков понимал до примитивности точно: «Мне поручено очень важное и трудное дело — отделение церкви от государства».

11 апреля 1919 г. была проведена операция по вскрытию святых мощей Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре. Ленину Красиковым было сообщено, а впоследствии и показаны фотоотпечатки кадров фильма операции по вскрытию святых мощей Сергия Радонежского, которыми он остался доволен.

Патриарх Тихон неоднократно просил Ленина не глумиться над останками заступника России преподобного Сергия Радонежского, не перевозить их из лавры в музей. А относительно просьбы патриарха последовал такой указ: «жалобу гражданина Белавина (патриарха Тихона) на постановление Московского губисполкома о перевозке мощей из Троице-Сергиевой лавры в один из московских музеев от 10.05 оставить без последствий. Предложить Московскому исполкому Совета рабочих и крестьянских депутатов в порядке циркуляра Наркомюста от 25.08.20 г. о ликвидации мощей закончить ликвидацию мощей Сергия Радонежского, т. е. привести в исполнение постановление Московского губисполкома...»

В середине июня, на одном заседании Совнаркома Ленин придет к пониманию необходимости «ликвидации мощей во всероссийском масштабе». А 25 августа 1920 г. увидит свет постановление Народного Комиссариата юстиции «О ликвидации мощей», предлагавшее к исполнению следующее:

«1. Местные исполкомы при соответствующей агитации последовательно и правомерно проводят полную ликвидацию мощей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении своих мероприятий.

2. Ликвидация названного культа мертвых тел, кукол и т. п. осуществляется путем передачи их в музей.

3. Во всех случаях обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты, как со стороны слугителей культа, так равно и организаций бывших официальных вероисповедных ведомств, отделы юстиции возбуждают судебное преследование против всех виновных лиц, причем, ведение следствия поручается следователям по важнейшим делам при отделах юстиции или Народном Комиссариате юстиции и самое дело разбирается при условиях широкой гласности».

На протяжении короткого времени православная церковь ощутила на себе удар за ударом, рушились все положения, которые закрепляли свое право на существование веками. В апреле 1920 г. было объявлено о привлечении духовных лиц ко всеобщей трудовой повинности. Но и это еще было не все. Главные, неслыханные попираательства ожидали церковь впереди.

Объявив войну культу, большевики изыскивали все средства, которые могли бы быть эффективными

в этой борьбе. Одним из самых омерзительных моментов здесь явилось разложение русской православной церкви изнутри.

В «Российской газете» от 24 октября 1922 г. было впервые опубликовано письмо Луначарского к Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич.

Сегодня был у меня архиепископ Владимир Пензенский, известный Вам по слухам, основатель так называемой свободной православной церкви, враг патриарха Тихона.

Он утверждает, что Тихоновская церковь (черносотенная) переживает тяжелый кризис, что большинство духовенства, видя прочность Советской власти, тянется к официальному признанию ее, дабы разбедерить атмосферу враждебности, которая, естественно, окружает официальное духовенство.

По его словам, известный архиепископ Огородник Варнава уже целиком стал на его сторону. На днях будто бы официально перейдет к нему известный богослов и православный философ епископ Антоний, наконец, будто бы склоняется на сторону свободно поставленной церкви митрополит Вениамин Петербургский.

Все это, по словам Владимира, делает возможным при малейшей, отнюдь не официальной, помощи Советской власти опрокинуть Тихона и привести к принятию со стороны церкви принципов:

- 1) богоустановленности Советской власти (!!!),
- 2) правильности принципа отделения церкви от государства,
- 3) полной согласованности коммунистического идеала с истинным христианством.

Как вы знаете, ВЧК в общем способствовала развитию церкви архиепископа Владимира. Но я, конечно,

прекрасно сознавая все «за» и все «против» такой политики, всю скользкость и ответственность этого пути, ни в коем случае не могу взять на себя хотя бы даже только продолжения частного выслушивания Владимира (от всякого выражения своего мнения я абсолютно воздержался). Если разговор нужно продолжить, опять-таки в совершенно частном духе, то назначьте неофициально от ЦК 3-е лицо. Я думаю, что было бы небезынтересно глубже информироваться о происходящем в церкви брожении. Если же Вы считаете разговор ненужным, то я его немедленно и категорично прерву.

Наконец, если Вы скажете, что я должен адресовать Владимира кому-либо другому, я и это сделаю. Жду вашей инструкции.

Ваш Луначарский».

Ознакомившись с резолюцией Ленина по поводу данного письма, Дзержинский 3 декабря 1920 г. направил в Секретный отдел ВЧК записку с поручением подготовить доклад об отношении ВЧК к церкви. Свою позицию Дзержинский выразил таким образом:

«Мое мнение: церковь разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обыкновенной форме.

Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разложения попов. Связь какая бы то ни была с попами других органов бросит на партию тень — это опаснейшая вещь».

Однако, подобной идейной бескомпромиссностью были заражены, отнюдь, не все члены большевистской партии. Позднейшие события покажут, что «ларировать» ВЧК может не только для «разложения попов». Перед большевиками во главе с Лениным стояла первоочередная задача на текущий момент: убрать с дороги патриарха Тихона, который, обладая безупречным авторитетом среди значительной части священников, а также верующих, постоянно ставил палки в колеса набирающей обороты революционной машины. Имея такого грозного противника, невозможно было добиться уничтожения православия в России.

Отличным поводом послужил все более охватывавший страну голод. Чтобы накормить страдающих, большевики решили изъять церковные ценности. По общедоступной версии, патриарх Тихон, якобы воспрепятствовал этому из-за нежелания помочь голодающим, за что и был арестован.

Здесь нужно одно небольшое отступление. В конце августа 1921 г. патриарх Тихон обратился с призывом о помощи голодающим к главам разных христианских церквей за пределами России. В то же время был создан Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим. Во всех церквях начали собираться пожертвования. Однако, по распоряжению Советского правительства комитет этот был закрыт, а собранные средства переданы правительственному Комитету помощи голодающим! Мотивировка? Она, впрочем, и не нужна была, учитывая вседоказуемую силу диктатуры пролетариата. Но таковая нашлась. Средства Всероссийского Церковного Комитета распределялись среди всех нуждающихся. А большевики желали накормить только «сознательную» часть населения.

Вот как описывает эти события сам патриарх Тихон. 25 февраля 1922 г. он обратился к Калинингу:

«Православная Церковь еще с июля месяца прошлого года усиленно стремилась на работу для помощи голодающим, испрашивая разрешения Правительства... и, если б ей дано было развить свою деятельность, м. б., мы не были бы свидетелями переживаемых ныне ужасов голода, т. к. больше всего в России православного населения, и больше всего это население верит и доверяет своим духовным руководителям... больше всего сорганизованы приходские общины, которые могли бы своей одушевленной деятельностью принести несомненную пользу голодающему населению. Но... мы не достаивались ответа до 9 декабря прошлого года, когда, наконец, в чрезвычайно узких рамках нам было дозволено прикоснуться к этой работе.

Мы со всем рвением откликнулись... вошли в сношение с ЦК Помгол». Но, как указывает патриарх, Помгол только затягивал решение проблемы и только 1 февраля 1922 г. согласно сообщению зам. председателя Помгола А. И. Винокурова, выпустил «Положение» для участия православного духовенства в этом деле.

Как подчеркивает дальше патриарх Тихон, тут же была достигнута договоренность между православной церковью и Помголом, что церкви будут отдавать драгоценности «в объеме вещей, не имеющих богослужебного употребления... В таком смысле было предложено наше обращение к верующим, — пишет Тихон, — и это воззвание было одобрено в широких массах, было и вручено нам...»

Далее патриарх пишет, что это обращение всего лишь поставило сбор средств церковью в помощь голодающим на официальную ногу, «так как такие сборы

делались православной церковью все время с молчаливого дозволения с 15 августа прошлого года».

Д. В. Поспеловский в книге «Русская православная церковь в XX веке» приводит любопытные данные о собранных церковью и переданных Советской власти денежных средствах на спасение голодающих. Только за четыре месяца, январь—апрель 1922 г., сдано 15 535 395 руб. + 800 дореволюционных рублей + 14 400 немецких марок от архиепископа Оломуцкой епархии в Чехословакии. Это единственное указание сумм, которые Поспеловскому удалось обнаружить в ЦГАОР (рапорт представителя патриарха Тихона, протоиерея Н. Цветкова в приемную Председателя ВЦИК).

Несмотря на договоренность между православной церковью и председателем Помгола Винокуровым о том, что драгоценности будут изыматься только «в объеме вещей, не имеющих богослужебного употребления», постановлением ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «предложило» местным Советам изымать у церквей уже «все драгоценные предметы» без всякого исключения, и о каком-либо участии духовенства в комиссиях по изъятию там речи уже не было, а только о привлечении «представителей групп верующих».

На этот произвол патриарх Тихон реагировал с горечью: «Мы поверили документу и обманулись. Мы являемся перед православным народом в роли каких-то обманщиков, провокаторов».

Далее, указывая на антицерковную кампанию в советской печати, он пишет: «Нас обвиняют в «алчности золота». Но при чем тут алчность, когда мы в полной неприкосновенности храним из глубины веков дошедшие до нас церковные сокровища, имеющие значение

святыни или историческое, и хотим сберечь их для будущих веков, и, наоборот, все, что не имеет такого значения, сейчас же допускаем верующих отдать на помощь голодающим, как имеющее ценность только по материальной стоимости».

Винокуров же обрушивается на патриарха за то, что тот не подчинился новому постановлению ВЦИКа, в корне перечеркнувшему все предыдущие договоренности. Он же обвиняет патриаршее воззвание к пастырям и пастве от 28 февраля, призывающее не сдавать Помголу драгоценные предметы «имеющие богослужebное употребление». Вместе с тем, он объясняет принятие постановления ВЦИК от 23 февраля «тяжелым положением в голодающих районах, дошедшим до трупоедства и даже людоедства». Но истинные причины гораздо лучше были угаданы патриархом Тихоном — стремление скомпрометировать церковь в глазах народа.

Такая догадка подтверждается «строго секретным» письмом Ленина Молотову от 19 марта 1922 г. Вот наиболее характерные выдержки из него:

«...Для нас данный момент представляет из себя... единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком

случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам... необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого никакая государственная работа... в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе... совершенно немыслимы. Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... мы должны во что бы о ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь... ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие... либо, по крайней мере, обеспечивал бы нам нейтрализацию этих масс...

...Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий».

Далее следуют тактические инструкции по проведению операции. Все построено на устных распоряжениях и устных отчетах о ходе мероприятий — чтобы следов не осталось. Письмо Ленина не только помечено грифом «строго секретно», но оно еще и рекомендует на следующем съезде партии устроить секретное совещание с работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. Состоялось ли такое совещание, неизвестно.

Из письма следует, что руководителя страны меньше всего заботит судьба голодающих и нуждающихся в этой стране людей. Он лишь хочет извлечь из траги-

ческой ситуации выгоду. Что же касается репрессий, то они осуществлялись в огромных масштабах. В ходе изъятия из церквей ценностей произошло 1414 инцидентов. Были расстреляны по приговору «суда» и погибли во время подобных «операций» 2691 священник, 1962 монаха, 3447 монахинь и большое число мирян. Что касается тех сотен миллионов (и даже миллиардов, о чем указывал Ленин в письме), то, в действительности, эта сумма оказалась слишком преувеличенной. По сообщению «Известий», было собрано всего лишь 21 с лишним пудов золота и 23 тыс. пудов серебра. Драгоценных камней было изъято ничтожное количество, и они оказались плохого качества. Многие были раскрадены самими чекистами, которых в то время называли «ловцами жемчуга».

Известия об ужасном голоде в России получило широкий резонанс во всем мире. Пять миллионов умерших! — при такой цифре нужно было забыть даже о неприязни к новому Советскому правительству. Анатолий Франс пожертвовал голодающим в России свою Нобелевскую премию. Американцы создали мощное общество АРА, снабжавшее Россию продовольствием. Знаменитый полярный исследователь Фритьеф Нансон выступил с призывом о помощи голодающим. Однако, чекисты не доверяли иностранному вмешательству, ведь недалеко было и до шпионажа. За деятелями АРА велась непрерывная слежка, даже когда те присутствовали на официальных правительственных приемах. В конечном итоге, многие из представителей АРА были арестованы.

Такая же участь постигла и патриарха Тихона, который тщетно взывал к разуму, пытаясь остановить безбожников и не допустить окончательного разграбления церквей. Не зная о секретном ленинском пись-

ме, патриарх Тихон неоднократно обращался непосредственно к Ленину, оставаясь при этом неуслышанным. Наконец, голос патриарха достиг ушей руководителя Советской Республики. Последовавшая реакция была своеобразной — 8 мая 1922 г. глава Русской Православной Церкви патриарх Тихон был арестован. В тот же день были объявлены 11 смертных приговоров на московском процессе по сопротивлению изъятию церковных ценностей.

Примечательна в плане заботы большевиков о голодающих в стране судьба митрополита Вениамина Петроградского. Молодой, хорошо образованный епископ, выходец из семьи бедного сельского священника, он был избран в 1917 г. подавляющим числом голосов на епархиальном съезде духовенства и мирян. Вениамин был слишком популярен среди рабочих и молодежи, чем навлек на себя пристальное внимание карающей диктатуры пролетариата.

Митрополит Вениамин пошел навстречу властям в решении вопроса об изъятии ценностей, но он отказался быть пешкой в их руках. 5 марта в письменном заявлении он подчеркивал, что церковь первая откликнулась на бедствия народа, и указывал, на каких условиях он даст благословение на изъятие богослужебных предметов, являющихся такой святыней, что и верующему нельзя к ним прикасаться «непосвященной рукой». Поэтому: а) чаши будут сданы перелитыми в слитки золота или серебра «в моем непосредственном присутствии»; б) верующие должны получить возможность убедиться, что все остальные возможности спасения голодающих исчерпаны; в) что пожертвованные святыни будут употреблены на помощь голодающим; г) что на пожертвование их будет дано благословение и разрешение церковной власти».

12 марта в послании Петроградскому губисполкому митрополит Вениамин повторяет те же условия и сетует на неправильное их изложение в советской прессе. Он предлагает на церковные средства открывать столовые для голодающих, закупать провизию с иностранных пароходов и требует, чтобы у церкви было право хотя бы ограниченного непосредственного участия в помощи голодающим. В противном случае, митрополит собирался отозвать своих представителей из Помгола, так как их участие таким образом сводилось не к благотворительности, а к изъятию церковных ценностей, а это святотатство. Вениамин даже угрожал: если церковь не будет допущена к непосредственному участию в помощи голодающим, то, пользуясь данным ему правом, он обратится к верующим с запретом, с угрозой отлучения мирян и низложения из сана духовенства.

Митрополит достиг определенных успехов. Между ним и горсоветом Петрограда было достигнуто соглашение, по которому изъятию подлежали все церковные ценности, но верующие при этом могли заменять их суммами собранных между собой денег, соответствующими стоимости богослужебных предметов. В воззвании к пастве митрополит призывал верующих не оказывать сопротивления при изъятии. В результате изъятие прошло так гладко, что начальник городской милиции даже благодарил за это митрополита Вениамина в своем официальном докладе.

Но позже, в мае, митрополит навлек на себя новый гнев, отлучив группу руководителей обновленчества — Введенского, Калиновского и др. — до раскаяния. за захват патриаршей канцелярии в Москве (это случилось после ареста патриарха Тихона), и через несколько дней он и ряд видных цер-

ковных деятелей Петроградской епархии были арестованы.

Свидетелем обвинения на суде выступал протоиерей Красницкий вместо Введенского, находившегося в тот момент в больнице с пробитой камнем головой. Камень был брошен почитательницей Вениамина. Защищал митрополита блестящий адвокат Гурович. Он разоблачил Красницкого как активиста и духовника действовавшего до революции черносотенного Союза русского народа, писавшего пасквиль об употреблении евреями христианской крови в маце. Пришлось заменить Красницкого обновленцем-протоиереем Боярским, который не оправдал возложенного на него доверия, дав очень положительный отзыв о личности митрополита Вениамина. Гурович, таким образом, доказал невинность митрополита.

«Я счастлив, — сказал Гурович, — что в этот исторический глубоко скорбный для русского духовенства момент я, еврей, могу засвидетельствовать перед всем миром то чувство искренней благодарности, которую питает... весь еврейский народ к русскому православному духовенству за проявленное им в свое время отношение к делу Бейлиса».

Завершая свою речь, Гурович назвал митрополита Вениамина праведником, высказал пророческое предостережение большевикам: «Церковная революция, происшедшая при благословении атеистического начальства, истинных христиан привлечь не может. Народ еще может поверить... Савлу после того, как он, превратившись в Павла... променяет свое богатство на рубище нищего... и муки гонения. Обратные превращения... заклеиваются соответствующим образом... Нет, не сбудутся ожидания, возлагаемые Советской властью на нового «союзника»...

...Если митрополит погибнет за свою веру, за свою безграничную преданность верующим массам, — он станет опаснее для Советской власти, чем теперь... на крови мучеников растет, крепнет и возвеличивается вера».

Но пророческое предостережение адвоката митрополита не было услышано антихристами. Митрополит Вениамин и девять других видных представителей духовенства и ученых были приговорены к смертной казни. Фактически смертный приговор был вынесен до формального судебного процесса. Вместе с митрополитом были расстреляны архимандрит-аскет Сергей (в миру депутат Государственной думы Шеин), профессора И. М. Ковшаров и Ю. Л. Новицкий. Остальным шести, в том числе и будущему митрополиту Петроградскому Григорию (Чукову) смертный приговор был заменен длительным тюремным заключением.

После расстрела митрополита Вениамина Петроградского только авторитет патриарха Тихона препятствовал обновленцам занять ключевые позиции в церковной власти. Упрекая их в сговоре с большевиками, адвокат Гурович был далек от заблуждений. В ночь с 12 на 13 мая начальник конвоя беспрекословно пропустил Введенского, Красницкого, Белкова и псаломщика Стефана Стадника в сопровождении двух сотрудников ГПУ к арестованному Святейшему, который уже лег почивать. Непрошенные гости подняли патриарха с постели и повели с ним беседу.

Первым заговорил Владимир Красницкий, спокойно, без напряжения в голосе:

— На днях, владыка, объявлено одиннадцать смертных приговоров. И кровь этих страдальцев лежит на вас, распространившем 28 февраля прокламацию о сопротивлении изъятию церковных ценностей.

— Это очень тяжелое обвинение, и я его уже слышал на суде, — возразил патриарх Тихон. — Но не ожидал, что духовные лица тоже осуждают меня.

— Ваше послание, — вспыхнул Введенский, — явилось сигналом к гражданской войне церкви против Советской власти.

— Вы, наверное, не читали его, если так полагаете, — вздохнул Святейший. — Кто же, по-вашему, если не я должен защищать права церкви?

— Мы! — выкрикнул Красницкий. — ибо мы готовы сотрудничать с Советской властью, а вы — ее враг. Вы демонстративно предавали анафеме большевиков, призывали к сокрытию церковного имущества, вы выступали против декрета «о свободе совести», посылали через епископа Гермогена арестованному Николаю Романову благословение и просфоры. Вы именем церкви решили свергнуть Советскую власть.

— Зачем вы пришли ко мне? — перебил увлекшегося «священника» патриарх.

— Мы хотим, чтобы вы отошли от церковной власти, отдав распоряжение о созыве Собора, а до тех пор мы, по распоряжению ВЦИКа, будем управлять вашей канцелярией, — отвечал Введенский.

— Но иереи не имеют права заменять патриарха!

— Но надо передать власть, дела стоят без движения, а вы арестованы и будете преданы суду. Неужто вас не беспокоит дальнейшая судьба России, церкви? Да и товарищ Калинин ждет, о чем мы с вами договоримся. — выдал-таки настоящую цель прихода псаломщик Стефан Стадник.

Делегация предложила Святейшему снять сан, сложить с себя обязанности по управлению церковью и передать канцелярию, печать и прочее имущество им, истинным подвижникам за обновление православия.

— Патриаршество — тяжелый крест, который меня тяготит, — отвечал патриарх Тихон. — Но ни вы, ни я, а лишь грядущий Собор может лишить меня сана. Но я напишу председателю ВЦИКа и объявлю своего заместителя на срок заточения. Идите с Богом.

Михаил Вострышев в историческом очерке «Живцы», посвященном проблеме изъятия церковных ценностей и предательства обновленцев, пишет:

«Что же успели сделать для России и Церкви “живцы”, пока патриарх был в заточении?»

Разослав уполномоченных по епархиям для захвата власти, протоиерей Александр Введенский отправился в Петроград и потребовал у своего епархиального владыки митрополита Вениамина, чтобы он подчинился созданному “живцами” Высшему Церковному Управлению и признал патриарха низложенным. При этом он, по примеру комиссаров, обзавелся удостоверением:

«Российская Православная Церковь. Высшее Церковное Управление. Троицкой подворье. № 17, 24 мая 1922 г.

Удостоверение

Дано сие протоиерею Александру Иоанновичу Введенскому, настоятелю церкви св. Захария и Елизаветы в Петрограде, в том, что он, согласно резолюции святейшего патриарха Тихона, является полномочным членом Высшего Церковного Управления и командировается по делам Церкви в Петроград и другие местности Российской Республики.

За председателя Высшего Церковного Управления
еп. Леонид.
Секретарь Невский».

Владыка Вениамин томился в тюрьме в ожидании суда, а в это время протоиерей Введенский, в значительной степени обязанный своей карьерой добродушному митрополиту, выходил на трибуны под восторженные крики экзальтированных дам и выказывал свои артистические способности и хорошую филологическую память. Вот только «подмять под себя» петроградское духовенство петроградскому иуде не удалось. Он явился на собрание в Сергиево подворье на Фонтанке, чтобы пламенным красноречием завоевать сердца батюшек рабочих кварталов, но потерпел фиаско. Спустя годы, он рассказывал об этом случае, как о забавном курьезе в своей артистической пастырской службе.

29 мая (11 июня) 1922 г. начался судебный процесс, где на скамье подсудимых оказались 86 священников и мирян, повинных в искренней любви ко Христу и его Церкви. Как только был объявлен приговор, по которому десятерых обвиняемых, в том числе, и митрополита, посчитали нужным расстрелять, «живцы» тотчас же проявили воистину дьявольское проворство и подлость:

«ВЦУ, заслушав приговор Петроградского Ревтрибунала о бывшем петроградском митрополите Вениамине и других, вместе с ним обвиняемых священнослужителях и мирянах, постановило:

1) бывшего петроградского митрополита Вениамина (Казанского), изобличенного в измене своему архипастырскому долгу, лишить священного сана и монашества». Этим же постановлением лишались сана и все другие осужденные на смерть священнослужители, а приговоренные к расстрелу миряне отлучались от Церкви.

И это был, отнюдь, не последний случай сотрудничества «живцов» с карательными органами. Все тот же

протоиерей Введенский, имевший шесть дипломов о высшем образовании, знаток искусства, друг-оппонент Луначарского подал «в одну высокую инстанцию» список «контрреволюционного петербургского духовенства», который на долгое время стал настольной книгой в «высоких инстанциях» для арестов священнослужителей.

Главный штаб «живцов» — ВЦУ — обосновался на Троицком подворье в Москве, в покоях арестованного патриарха. В комнате, где был кабинет Святейшего, теперь висела табличка «Президиум». 19 июля 1922 г. «живцы» порешили, что патриаршего духа не должно быть не только в его доме, но и во всей России, что означало полную расправу с его ближайшими соратниками. И полетело во ВЦИК, в губернские исполкомы, в церковные оплоты обновленчества постановление:

«В заседании 19 июля, по прошению, уволены митрополиты Митрофан Донской, Арсений Новгородский; без прощения за контрреволюционную скверну митрополиты: Кирилл Казанский, Михаил Киевский, Назарий Курский; епископы: Евфимий Олонецкий, Александр Симбирский, Дионисий Челябинский. Как осужденный Ревтрибуналом — епископ Иркутский, как привлекаемый к суду Ревтрибунала — Григорий Томский. За церковную смуту отстранен от должности и должен подлежать церковному суду митрополит Агафангел Ярославский. По жалобе саратовского духовенства уволены епископ Досифей и его викарный епископ Иов. Местопробывание последнему указано в Архангельской губернии».

6 августа 1922 г. ВЦУ, по настоянию Красницкого, приняло постановление, которое стало первой взрывчаткой, подложенной под всенародный Храм Христа Спасителя:

«В связи с контрреволюционной агитацией, ведущейся около Храма Христа Спасителя в Москве и в самом Храме, постановлено:

а) считать причт Храма виновным в допущении агитации и неприятии мер к недопущению таковой;

б) протоиереев: настоятеля Храма Арсеньева, Хотовицкого, и Зотикова перевести в Семиреченский край в распоряжение местного духовного начальства;

в) просить Наркомат юстиции произвести следствие о контрреволюционной деятельности при Храме Христа Спасителя».

На место настоятеля Храма Христа Спасителя был назначен все тот же Красницкий. Опорой его во время богослужений были не столько прихожане, сколько милиционеры. Ибо для встреч «протопресвитера», как он сам себя именовал, старушки приносили на паперть горшки с мочой, метали ему в голову гнилые яблоки. Но Красницкий терпел все: этот лысоватый курносый батюшка, до революции принадлежавший к правой партии «Русское собрание», а после перековавшийся в «социалиста», захватив храм, где был избран на патриарший престол Тихон, решил, что настала пора расправиться и с самим патриархом, и принялся беспрестанно клеветать на Святейшего как в печати, так и во время встреч с советскими властями.

Моральная нечистоплотность, доносы и даже шпионаж были неотделимы от обновленчества. И, благодаря подобным грязным делам, «живцы» пополняли свои ряды. Ведь как только епископ заявлял о своем непризнании ВЦУ, так тотчас же попадал в ГПУ...

...Ну, а какие реформы предлагали они, карабкаясь на капитанский мостик тысячелетнего корабля русского православия? В первую очередь, те, что позволили

бы им подняться на высшую ступеньку иерархической лестницы. Они предлагали уничтожить главное препятствие, мешающее им стать епископами, — обет девства, который давало черное духовенство. И вот съезд «живцов» в августе 1922 г. провозглашает: отныне монахи вправе снять с себя монашеские обеты и жениться (значит, будут, как мы!), отныне российские монастыри повсеместно необходимо закрыть, как «орудия контрреволюционных организаций», отныне епископом может стать не только монах, но и женатый священник.

Часть обновленцев во главе с епископом Антонием, обидевшись за черное духовенство, то бишь за себя, покинули съезд «Живой Церкви», чтобы создать еретические секты, а оставшиеся набрасывали все новые и новые резолюции:

- настаивать на снятии сана с патриарха Тихона;
- немедленно прекратить поминовение его имени за богослужением;
- уволить на покой всех монахов-архиереев, противодействующих обновленческому движению;
- ВЦУ выразить одобрение;
- выслать из пределов своих епархий противников обновленческого движения...

Мало кто был уверен в те дни, что патриарх жив. Лишь по грязи, ушатами выливавшейся на него газетой «Известия ВЦИК» и журналом «Живая церковь», догадывались, что, наверное, пока еще Святейший не умерщвлен.

Один за другим отрекались от своего архипастыря и переходили на сторону обновленцев епископы и священники — кто со страха за себя и близких, кто потеряв веру, что Святейший когда-нибудь обретет свободу, кто поверив клевете. К 1923 г. в ведении об-

новленцев находилось уже 70% православных приходов страны...

Но неужто возможно предательство без оплаты, без тридцати сребреников? Конечно же, нет. Обновленцам скостили налоги. Им выделяли отряды милиции для освобождения церквей от причта и мирян, не желавших их признавать. ГПУ внимательно прислушивалось к их пожеланиям о применении репрессий к неуголному духовенству. Начальник «церковного отдела» ГПУ Е. Тучков отчитывался перед вышестоящим начальством:

«Момент изъятия церковных ценностей послужил как нельзя лучше к образованию обновленческих противотихоновских групп, сначала в Москве, а потом по всему СССР. До этого времени, как со стороны органов ГПУ, так и со стороны нашей партии, внимание на Церковь обращалось исключительно с информационной целью, поэтому требовалось для того, чтобы противотихоновские группы овладели церковным аппаратом, создать такую осведомительную сеть, которую можно было бы использовать не только в вышеупомянутых целях. Достижение это, само собой разумеется, не могло получиться сразу и без затраты денежных средств».

Святейший Патриарх, когда был на свободе, хотел выполнить волю Собора 1917—1918 гг. и созвать следующий Поместный Собор в 1922 г. Разрешения от гражданской власти он не получил, да и сам, вкуне с многими другими членами Собора, угодил за решетку. Зато обновленцам разрешили.

И вот 29 апреля 1923 г. в Москве открылся Второй Поместный Собор Русской Православной Церкви, заклеяменный в народе как лжесобор. Чем занимались на лжесоборе? Склокой, дележом камилавок и доход-

ных приходов. Что порешили? Узаконить постановления «Живой Церкви» о закрытии монастырей, ликвидации святых мощей, разрешении второбрачия духовенству. В преддверии объявленного суда, где Первоиерарха, по обвинительному заключению Вышинского, должны были приговорить к смертной казни, лишили Святейшего сана и уничтожили патриаршество, как «монархический и контрреволюционный способ руководства Церковью».

Обновленцы торжествовали. Ведь их поддерживали не только Советская власть, не только смалодушничавшее духовенство, но и восточные патриархи, добиваясь политической игрой поддержки себе у такой мощной военизированной державы, как СССР.

Но не поддержал новую «коммунистическую церковь» самый верный сын патриарха — русский народ. Во Владивостоке, например, все до единого храма были в руках обновленцев. И в то время, как церкви города пустовали, истинные православные собирались и молились в переполненном гараже.

Но вот случилось неожиданное и такое неправдоподобное, что сначала многие не поверили своим глазам. 25 июня 1923 г. патриарх Тихон был освобожден из-под стражи. Д. В. Пospelовский указывает, что это было вызвано в значительной степени решительными протестами английского правительства и общественности на Западе. «Но с советской стороны, — пишет он далее, — освобождение патриарха было обусловлено требованием получить от него заявление о лояльности по отношению к Советской власти».

Патриарх дал такое соглашение. И он показал свое лояльное отношение к Советской власти. 28 июня 1923 г. он открыто осудил «всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило. Пусть

все заграничные и внутренние монархисты и белогвардейцы поймут, что я Советской власти не враг». А в послании от 1 июля он кается «в ряде пассивных и активных антисоветских действий», которыми, повторяя заключение советского суда, он признает сопротивление изъятию части церковных ценностей и воззвание против Брестского мира. Обвиняя в этом среду, в которой он вырос и лиц (безымянных), окружавших его, патриарх заявлял: «Российская православная Церковь аполитична и не желает... быть ни «белой», ни «красной».

Поспеловский указывает, что «близко стоявший к патриарху протопресвитер профессор В. Виноградов свидетельствует, что патриарх никогда никому не объяснял, почему он подписал эти послания, но не раз подтверждал их подлинность. По мнению Виноградова, большевики, добившись от патриарха таких покаянных заявлений, думали, что они этим развенчали его как церковного руководителя в глазах верующего народа, так как считали, что весь престиж патриарха опирается на враждебность к Советской власти... не понимая, что источником авторитета патриарха являются вера, любовь и сила молитвы; большевики рассчитывали, что теперь верующие от него отвернутся... и примкнут к обновленцам... Но власти здесь полностью просчитались. Массы верующих и духовенство устремились к освобожденному патриарху. Среди них распространилось мнение, что свои послания «Патриарх написал не для нас, а для большевиков».

Какова же цена жертвы патриарха Тихона во имя торжества справедливости, во имя успокоения его паствы? Он утверждает, что Советская власть никогда не преследовала его за религиозные убеждения. Он рассылает распоряжения по церквям упоминать Со-

ветскую власть во время богослужения, выработав обтекаемую формулу — «О стране Российской и властях ея». В некоторых церквях эту формулу умышленно произносили так: «О стране Российской и областях ея». На предложение Тучкова внести в формулу для уточнения и во имя избежания подобной путаницы слово «советских» было отвечено, что это невозможно сделать, поскольку «советские» — слово русское, а богослужение совершается на церковно-славянском языке. Тучков вынужден с этим согласиться, так как в богослужebные вопросы Советская власть не вмешивается.

Вот как описывает подвиг патриарха Тихона Михаил Вострышев:

«Ради своего народа, ради Тела Христова — Церкви патриарх не принял высочайшей земной радости — мученической кончины за Христа, а решил в страшные дни раскола, когда обновленцы готовы были уничтожить вековые устои православия, обличить ложь и тщету «коммунистической церкви» и вернуть российскому народу себя — Отца и Председателя за них перед Богом. Он подписал заявление в Верховный суд РСФСР («Я раскаиваюсь в своих поступках против государственного строя») и... был выпущен на свободу.

На следующий же день Святейший, после более чем годичного перерыва, появился на народе — приехал на погребение популярного в Москве протоиерея Алексея Мечева. На кладбище патриарх не вошел в церковь, так как в ней служили обновленцы, а направился к свежей могиле, где и совершил панихиду по почившему священнику.

На имя председателя Совета Народных Комиссаров Рыкова патриарх пишет письмо, в котором, подчиня-

ясь воле пасомых, заявляет о своих правах, похитить которые пытались обновленцы, поддерживаемые властью. Но Святейший не требует «приструнить» клеветников, он просит лишь поставить его в равные с ними условия.

И потекли епископы и священники, изменившие в тяжелую годину своему Пастырю, в скромную патриаршую келью в Донском монастыре. Пастырь не оттолкнул кающихся, но и не прощал всех гуртом. Почти каждый день, при огромном стечении верующих, патриарх служил в разных церквях Москвы и заставлял вчерашних «живцов» перед лицом прихода каяться всенародно. Потом церковь освящалась кем-нибудь из архиереев и считалась отторгнутой от «Живой Церкви»...

В течение нескольких месяцев по выходе Святейшего из темницы «живцы» потеряли в России большую часть присвоенных себе храмов. В Москве за ними осталось лишь три церкви! Высшее Церковное Управление упразднилось, его бывших главарей народ не пускал в православные храмы, всецело отдавая свою любовь нашему Батюшке и верным ему священникам...»

Тем не менее, власти упорно отказывались легализовать патриаршую церковь, продолжая ее преследовать. Отказ властей признать Патриархию оборачивается закрытием патриарших епархиальных управлений местными властями.

В апреле 1925 г. патриарх Тихон скончался. Не стало больше той могучей фигуры, которая могла бы противодействовать многочисленным бесчинствам. С этого времени обновленцы снова выдвигаются на первый план. Но и без их подрывной деятельности церкви нанесен огромный урон. За восемь лет Совет-

ской власти храмы, в основном, разрушены или отданы на поругание. В Петрограде, к примеру, из 96 действующих церквей оставалось всего 7.

Со смертью патриарха Тихона гонения на православную церковь в России не прекратились. Они не прекратились даже со смертью вождя и учителя мирового пролетариата Ленина, который со злобой и остервенением уничтожал этот оплот христианства. Его дело продолжили сначала Сталин, а затем и Хрущев. Денежный вопрос в этих гонениях, как правило, выдвигался на первое место.

Во время первой пятилетки, к примеру, когда в 1929 г. развернулась кампания против частного предпринимательства, церковь рассматривалась как частное предприятие. Священники, епископы и приходы облагались совершенно непомерными налогами, как «доходные» частные предприятия. В случае неуплаты налога священники, епископы и члены приходского совета могли быть арестованы, а их приходы закрывались. В этой связи церковь дважды страдала из-за начавшейся в стране войны с кулаками. Ведь никто другой, кроме самостоятельного крестьянина, а тем более, зажиточного, не мог выручить сельского священника, обложенного налогом, в ряде случаев превышающим его доходы.

Многочисленные жалобы верующих и священнослужителей на непомерно высокие налоги побудили Президиум ВЦИК к созданию секретного постановления «О налоговом обложении настоящих и бывших служителей культа за 1930—1931 гг.» Оно освободило от сельхозналога всех бывших духовных лиц. Помимо того, в этом постановлении были изложены налоговые правила, касающиеся духовенства. По доходам от сельского хозяйства налог на священнослужителя от-

ныне не должен был превышать налог крестьянина с таким же доходом больше чем на 10%. Даже если доход священнослужителя не увеличился по сравнению с 1928—29 гг., налог мог быть увеличен максимум на 75% по сравнению с предыдущим годом. Сумма общего налога по «нетрудовым доходам» (т. е. Содержание, выплачиваемое приходом) не могло превышать налог 1928—29 гг. больше, чем на 75%. Документ заканчивался распоряжением Наркомфину разработать соответствующие инструкции. 20 февраля 1931 г. был опубликован циркуляр Наркомфина союзным Комиссариатам финансов за № 68, повторивший в основном уже перечисленные условия, правила и ставки взимания налогов с духовенства.

Благодаря этой сомнительной мере, приблизительно, на 5 лет сельское духовенство (и в какой-то степени вся православная церковь) получило относительную передышку. Однако, наряду с этим, продолжали закрывать храмы, к 1934 г. были окончательно уничтожены монастыри. Кроме того, как показывают некоторые секретные документы, изъятие церковных ценностей не ограничилось кампанией 1921—1922 гг. и возобновилось с новой силой в 30-х гг. К примеру, из письма благочинного Камышинского округа священника В. Серебрякова митрополиту Сергию явствует, что «из некоторых церквей берутся священнические облачения, непрестольные кресты и евангелия для устройства спектаклей и карнавалов».

Дело, однако, не заключалось только в изъятии непрестольных крестов, священнических облачений и т. п. В это время шла повсеместная конфискация колоколов под предлогом нехватки меди для программы индустриализации, а также продолжалась кампания по изъятию оставшихся церковных ценно-

стей «на нужды государства», в том числе, и икон. Изъятие колоколов и запрет звона оправдывались официально введением непрерывной рабочей недели в 1929 г. и нуждой государства в меди для индустриализации. Инструкции предусматривали: 1) предоставить право регулирования колокольного звона... горсоветам и районным исполкомам... 2) ликвидировать колокола там, где звон запрещен; а где местные власти его разрешают, там изымать только «излишние колокола» — без указания, что понимать под «излишними».

Как в свое время Ленин в расчете на колоссальные доходы от изъятия церковных ценностей в 1921—22 гг., так и в 30-е годы власти, явно преувеличивали количество меди и серебра, которое государство могло получить от переплавки колоколов. Секретная справка от 17 октября 1930 г. свидетельствует, что был расчет получить 150 тыс. тонн меди, а реально можно было рассчитывать лишь на 74 600 тонн. К 1930 г. колокольной бронзы было получено всего 11 тыс. тонн. По плану к 1933 г. должно было быть получено 130 тыс. тонн бронзы, на деле же ее получили не больше 55 800 тонн.

Во все времена, при всех правителях колокольный набат возвещал о трагедиях либо, наоборот, о величайших радостях. Как ни старались большевики, они не смогли вычеркнуть религию из сознания, душ и сердец людей. Православие на Руси — понятие незыблемое. И этот «опиум» явился для русского народа куда сильнейшим средством, чем всякого рода идеологический компот. А колокольный набат продолжал звучать в сердцах и сознании людей после того, как колокола были уничтожены, а церкви разграблены и поруганы.

ПОРТРЕТ ПУРИТАНИНА

Они нуждаются, обладая богатством, а это самый тяжкий вид нищеты.

Сенека

Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: Сталин, обладая безграничной властью в великой державе, мог иметь все те материальные ценности, которыми располагала эта держава. В действительности, так оно и было, ведь зачастую ему были подвластны даже души людей. Любой из известных истории правителей: царей, королей, шахов, эмиров и т. п. — мог бы позавидовать полноте сталинской власти. Но возможность в данном конкретном случае явно расходится с реальным желанием владеть какими бы то ни было материальными благами.

Сталин — аскет. Сталин — пуританин. Сталин — верный последователь и лучший из учеников Ленина. Для «учителя», как известно, все эти «барские замашки» были чужды. Он был непритязателен в еде, одежде, ему не нужны были замки с мраморными полами, его слух не ласкал звон хрусталя... Таким же был и Сталин. Он носил военный мундир, пусть даже из дорогого материала и шитый лучшими мастерами, но на этом мундире не красовались ордена и медали из драгметаллов. Он ничем не выделялся из своего окружения. Общий серый, лишенный всяческого блеска фон отлично маскировал своего вождя-пуританина. Но Сталину не нужны были все эти «буржуазные атрибуты», чтобы ощущать всю полноту своей власти. Ежедневно, ежеминутно, ежесекундно он чувствовал

это по раболепному блеску в глазах своих приближенных, по твердой уверенности в том, что каждый из них принесет свою жизнь на алтарь его власти.

Говорят, короля делает свита. Но в данном случае свиту делал король. Раз королю не нужна была роскошь, раз он ее презирал, то такого мнения о роскоши должна была придерживаться и его свита. Конечно, нельзя забывать, что люди, окружавшие Сталина, как и сам он, были большевиками первого поколения. Для них пуританство — нормальное явление. Они еще не помышляли о том, как можно блистать среди нищего обворованного народа. Но нельзя также полагаться на то, что какой бы то ни было общественный строй мог начисто уничтожить в человеке его стремление к обогащению, его алчность золота. Желания подобного рода, естественно, возникали в умах советской элиты того времени. Но они тщательно скрывались, поскольку их сдерживал страх за свою жизнь, за жизнь родных и близких. Можно сказать, что люди эти были рабами своего положения. На первый взгляд, они ни в чем не нуждались. Но и ничего своего, в обычном понимании этого слова, у них также не было. Они жили в казенных особняках или казенных квартирах, отдыхали на казенных дачах, их развозили казенные автомобили. Все их имущество было казенным: от картин до вилок и ножей. И всюду бирочки, которые указывали на принадлежность. Во всех квартирах стояла одинаковая мебель фабрики «Люкс» из карельской березы или мореного дуба (как хозяева пожелают). Разбитые тарелки не выбрасывались, а складывались в мешок — для отчетности. Раз в год из КГБ приходили хозяйственники и проверяли сохранность имущества по длинному списку. О стоимости этих вещей никакого представления никто не

имел. Да и зачем, если вещи эти были даны им во временное пользование — на срок жизни или срок службы при главном Хозяине.

«На редкость счастливое время, когда можно думать, что хочешь, и говорить, что думаешь», — утверждал Тацит.

Сейчас, когда сняты многие запреты и можно обсуждать практически любую тему, не опасаясь при этом за свою жизнь, кажется, что нам все предельно ясно, что мы понимаем многие вещи, которые ранее были недоступны для понимания предыдущего поколения, что, наконец, мы можем обсудить многие ошибки прошлого. Все это так, но нельзя забывать о том, что нет в природе, истории или жизни чисто черного или чисто белого цвета, как не бывает идеального добра или абсолютного зла. Чтобы быть последовательной, скажу: таким был Сталин, и его окружение, и то время в целом.

Я предлагаю вашему вниманию выдержки из книги Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу». Безусловно, эта книга грешит неточностью, т. к. взгляд автора на Сталина-отца субъективен. Но мы ведь обладаем способностью читать и между строками.

Рассказывает С. Аллилуева:

«Все... люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту, — наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только «начальников» — генералов из охраны, генерал-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, — наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо, и никогда не получали отказа...»

Эти строки С. Аллилуева писала, рассказывая о смерти отца, о том, какую искреннюю и неподдель-

ную любовь показывали к Сталину люди, которые его знали. Далее она вспоминает:

«С тех дней прошло десять лет, — немало для нашего бурного, сверхскоростного века. Я больше не была с тех пор в мрачной Кунцевской даче, я не хожу в Кремль. Ничто не тянет меня повидать те места. Отец не любил вещей, его быт был пуританским, он не выражал себя в вещах, и оставшиеся дома, комнаты, квартиры, не выражают его.

Я люблю вспоминать только о доме, где жила мама — о нашей прежней (до 1932 г.) квартире в Кремле, о даче «Зубалово» возле Усова, где на всем была рука мамы...

Прошло десять лет. В моей жизни мало что изменилось. Я, как и раньше, существую под сенью имени своего отца. Как при нем, у меня и моих детей сравнительно обеспеченная жизнь...

Его нет, но его тень продолжает стоять над всеми нами, и еще очень часто продолжает диктовать нам, и еще мы действуем по ее указу...

А жизнь кипит кругом. Выросло целое поколение, для которых почти не существует имени «Сталин», — как не существует для них и многого другого, связанного с этим именем, — ни дурного, ни хорошего. Это поколение принесет с собой какую-то неведомую для нас жизнь, — посмотрим, какова она будет. Людям хочется счастья, эгоистического счастья, ярких красок, звуков, фейерверков, страстей, — хочется, чтобы жизнь стала европейской, наконец-то, и для России; хочется говорить на всех языках мира, хочется повидать все страны мира, жадно, скорей, скорей! Хочется комфорта, изящной мебели и одежды вместо деревянных сундуков и зипунов. Хочется принимать все иностранное — платье, теории, искусство, философские на-

правления, прически, все, безжалостно откидывая свои собственные достижения, свою российскую традицию. Разве осудишь все это, когда это все так естественно после стольких лет пуританства и поста, замкнутости и отгороженности от всего мира?..

Моя странная, бестолковая двойная жизнь продолжается. Я продолжаю жить, как и десять лет назад, внешне — одной жизнью, внутренне — совсем иной. Внешне — это обеспеченная жизнь где-то по-прежнему возле правительственных верхушек и кормушек, а внутренне — это по-прежнему... полное отъединение от этого круга людей...

Я не умею и не могу писать о том, чего не знаю и не видела собственными глазами... Я в состоянии судить лишь о том, что видела и пережила сама или что, во всяком случае, находится в пределах моего понимания. Я могу написать о своей жизни в доме с отцом в течение двадцати семи лет; о людях, которые были в этом доме, или были к нему близки; о всем том, что нас окружало в доме и составляло уклад жизни; о том, какие разные люди и какие разные стремления боролись в этом укладе; может быть, о чем-то еще...

А ведь жизнь нашей семьи, этого крошечного кусочка общества, очень характерна, или, как говорят в литературной критике, типична.

Двадцатый век, революция все перемешала и сдвинула со своих мест. Все переменилось местами — богатство и бедность, знать и нищета. И как все ни перетасовалось и сместилось, как ни обнищало и перераспределилось, но Россия осталась Россией. И жить, строиться, стремиться вперед, завоевывать что-то новое, и поспевать за остальными нужно было все ей же — а хотелось догонять и перегонять...

Сейчас стоит недалеко от Кунцева мрачный пустой дом, где жил отец последние двадцать лет, после смерти мамы. Я сказала, что вещи не выражают отца, потому что он не придавал им никакого значения. Быть может, я не права? Дом этот, во всяком случае, как-то похож на жизнь этих последних двадцати лет. У меня ничего не связано с ним, я его не любила.

Дом построил в 1934 г. архитектор Мирон Иванович Мержанов, построивший для отца несколько дач на юге. Первоначально дом был сделан очень славно — современная, легкая одноэтажная дача, распластанная среди сада, леса, цветов. Наверху, во всю крышу был огромный солярий — там мне нравилось гулять и бегать.

Я помню, как все, кто принадлежал тогда к нашей семье, приезжали смотреть новый дом...

Сейчас этот дом стоит неузнаваемый. Его много раз перестраивали, по плану отца. Должно быть, он просто не находил себе покоя, потому что так случалось каждый раз: куда бы он ни приезжал отдыхать на юг, к следующему сезону дом весь перестраивали. То ему не хватало солнца, то нужна была тенистая терраса; если был один этаж — пристраивали другой, а если было два — то один сносили...

Так и на Ближней. Сейчас там два этажа, причем, во втором этаже никогда никто не жил, — ведь отец был один в доме. Быть может, ему хотелось поселить там меня, брата, внуков? Не знаю, он никогда не говорил нам об этом. Второй этаж был пристроен в 1948 г. Позже, в 1949, там, в большом зале, был огромный прием в честь китайской делегации. Это был единственный раз, когда второй этаж был использован. Потом он стоял без дела.

Отец жил всегда внизу, и по существу, в одной комнате. Она служила ему всем. На диване он спал

(ему стелили постель), на столике возле стояли телефоны, необходимые для работы; большой обеденный стол был завален бумагами, газетами, книгами. Здесь же, на краешке, ему накрывали поесть, если никого не было больше. Тут же стоял буфет с посудой и медикаментами в одном из отделений. Лекарства отец выбирал себе сам, а единственным авторитетом в медицине был для него академик В. Н. Виноградов, который раз два в год смотрел его. В комнате лежал большой мягкий ковер и был камин — единственные атрибуты роскоши и комфорта, которые отец признавал и любил. Все прочие комнаты, некогда спланированные Мержановым в качестве кабинета, спальни, столовой, были преобразованы по такому же плану, как и эта. Иногда отец перемещался в какую-либо из этих комнат и переносил туда свой привычный быт...

Что было приятно в этом доме, это его чудесные террасы со всех сторон, и чудный сад. С весны до осени отец проводил дни на этих террасах. Одна была застеклена со всех сторон, две — открытые, с крышей и без крыши. Особенно он любил в последние годы маленькую западную терраску, где видны были последние лучи заходящего солнца. Она выходила в сад, сюда же в сад, прямо в цветущие вишни, выходила и застекленная веранда, построенная в последние годы.

Сад, цветы и лес вокруг — это было самое любимое развлечение отца, его отдых, его интерес. Сам он никогда не копал землю, не брал в руки лопаты, как это делают истинные любители садоводства. Но он любил, чтобы все было возделано, убрано, чтобы все цвело пышно, обильно, чтобы отовсюду выглядывали спелые, румяные плоды — вишни, помидоры, яблоки, — и требовал этого от своего садовника. Он брал лишь иногда

в руки садовые ножницы и подстригал сухие ветки, — это была его единственная работа в саду. Но повсюду в саду, в лесу (тоже прибранном, выкошенном, как в лесопарке) там и сям были разные беседки, с крышей, без крыши, а то просто дощатый настил на земле и на нем столик, плетеная лежанка, шезлонг, — отец все бродил по саду и, казалось, искал себе уютного, спокойного места, — искал и не находил... Летом он целыми днями вот так перемещался по парку, ему несли туда бумаги, газеты, чай. Это тоже была его «роскошь», как он ее понимал и желал, — и в этом проявлялся его здоровый вкус к жизни, его неистребимая любовь к природе, к земле, а также его рационализм: последние годы ему хотелось здоровья, хотелось дольше жить...

...Вообще, формула «Сталин в Кремле» означает только то, что его кабинет, его работа находилась в Кремле, в здании Президиума ЦК и Совета Министров.

Дом в Кунцево пережил после смерти отца странные события. На второй день после смерти его хозяина, — еще не было похорон, — по распоряжению Берия, созвали всю прислугу и охрану, весь штат обслуживающих дачу, и объявили им, что вещи должны быть немедленно вывезены отсюда (неизвестно куда), а все должны немедленно покинуть это помещение...

...Людей, прослуживших здесь по десять—пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу. Их разогнали всех, кого куда; многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились в те же дни. Люди не понимали ничего, не понимали — в чем их вина?..

Потом, когда «пал» сам Берия, стали восстанавливать резиденцию. Свезли обратно вещи. Пригласили

бывших комендантов, подавальщиц, — они помогали снова расставить все по местам и вернуть дому прежний вид. Готовились открыть здесь музей, наподобие ленинских Горок. Но затем последовал XX съезд партии, после которого, конечно, идея музея не могла прийти кому-либо в голову. Сейчас в служебных корпусах, где жила охрана, не то госпиталь, не то санаторий. Дом стоит закрытый, мрачный, мертвый...

Но у нас был когда-то и другой дом. Да, представь себе, милый мой друг, что у нас был некогда совсем иной дом, — веселый солнечный, полный детских голосов, веселых радушных людей, полный жизни. В том доме хозяйствовала мама. Она создала тот дом, он был ею полон, и отец был в нем не бог, не «культ», а просто обыкновенный отец семейства. Дом этот назывался «Зубалово», по имени его старого, дореволюционного владельца...

Солнечный дом, в котором прошло мое детство, принадлежал раньше младшему Зубалову, нефтепромышленнику из Батуми. Он и отец его, старший Зубалов, были родственниками Майндорфа, владельца имения в Барвихе — и сейчас там, над озером, стоит его дом в готическом немецком вкусе, превращенный в клуб. Майндорфу принадлежала и вся эта округа, и лесопилка возле Усова, возле которой возник потом знаменитый птичий совхоз «Горки-II». Стация Усово, почта, ветка железной дороге до лесопилки (теперь запущенная и уничтоженная), а также весь этот чудный лес до Одинцова, возделанный еще лесником-немцем, с саженными еловыми аллеями по просекам, где ездили на прогулки верхом — все это принадлежало Майндорфу. Зубаловы же владели двумя усадьбами, расположенными недалеко от станции Усово, с кирпичными островерхими, одинаковой немецкой постройки,

домами, обнесенными массивной кирпичной изгородью, крытой черепицей.

А еще Зубаловы владели нефтеперегонными заводами в Батуми и в Баку. Отцу моему и А. И. Микояну хорошо было известно это имя, так как в 900-е годы они устраивали на этих самых заводах стачки и вели кружки. А когда после революции в 1919 г., появилась у них возможность воспользоваться брошенными под Москвой в изобилии дачами и усадьбами, то они и вспомнили знакомую фамилию Зубаловых.

А. И. Микоян с семьей и детьми, а также К. Е. Ворошилов, Шапошников и несколько семей большевиков, разместились в Зубалове-2, а отец с мамой — в Зубалове-4 неподалеку, где дом был меньше...

Наша усадьба без конца преобразовывалась. Отец немедленно расчистил лес вокруг дома, половину его вырубил, — образовались просеки, стало светлее, теплее и суше. Лес убирали, за ним следили, сгребали весной сухой лист. Перед домом была чудесная, прозрачная, вся сиявшая белизной, молоденькая березовая роща, где мы, дети, собирали всегда грибы. Неподалеку устроили пасеку, и рядом с ней две полянки засевали каждое лето гречихой, для меда. Участки, оставленные вокруг соснового леса, — стройного, сухого, — тоже тщательно чистились... Я только позже, когда стала взрослой, поняла этот своеобразный интерес отца к природе, интерес практический, в основе своей — глубоко крестьянский. Он не мог просто созерцать природу, ему надо было хозяйствовать в ней, что-то вечно преобразовывать...

В доме всегда было людно. В Зубалове у нас часто летом жил Николай Иванович Бухарин, которого все обожали...

Жил подолгу у нас в Зубалове и Г. К. Орджоникидзе, он был очень дружен с отцом, а мама с его женой, Зиной...

Взрослые часто веселились — должно быть, по праздникам, или справляли дни рождения... Тогда появился С. М. Буденный с лихой гармошкой и раздавались песни — украинские, русские. Особенно хорошо пели С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов. Отец тоже пел, у него был отличный слух и высокий, чистый голос...

... Отец безумно сердился, когда приезжали товарищи из Грузии и, как это принято — без этого грузинам невозможно! — привозили с собой щедрые дары: вино, виноград, фрукты. Все это присылалось к нам в дом и, под проклятия отца, отсылалось обратно, причем, вина падала на «русскую жену» — маму... А мама сама выросла и родилась на Кавказе и любила Грузию, и знала ее прекрасно, но, действительно, в те времена как-то не поощрялась вся эта «щедрость» за казенный счет...

В доме у нас, в кремлевской квартире, хозяйничала экономка, найденная мамой, — Каролина Васильевна Тиль, из рижских немок. Это была милейшая старая женщина, со старинной прической кверху, в гребенках, с шиньоном на темени, чистенькая, опрятная, очень добрая. Мама доверяла ей весь наш скромный бюджет. Она следила за столом взрослых и детей, и, вообще, вела весь дом. Я говорю, конечно, о том времени, которое сама помню, т. е., примерно, о 1929—1933 гг., когда у нас в доме был, наконец, создан мамой некоторый порядок, в пределах тех скромных лимитов, которые разрешались в те годы партийным работникам. До этих лет мама, вообще, сама вела хозяйство, получала какие-то пайки и карточки, и ни о какой

прислуге не могло быть речи. Во всяком случае, важно то, что в доме был нормальный быт, которым руководила хозяйка дома, и никаких признаков присутствия в доме чекистов, охраны тогда еще не было. Единственный «охранявший» ездил только с отцом в машине и к дому никакого отношения не имел, да и не подпускал близко...

Примерно, так же жила тогда вся «советская верхушка». К роскоши, к приобретательству никто не стремился. Стремилась дать образование детям, нанимали хороших гувернанток и немок («от старого времени»), и жены все работали, старались побольше читать. В моду только входил спорт — играли в теннис, заводили теннисные и крокетные площадки на дачах. Женщины не увлекались тряпками и косметикой, — они были и без того красивы и привлекательны...

... Мама моя не успела вкусить позднейшей роскоши из неограниченных казенных средств — все это пришло после ее смерти, когда дом стал на казенную ногу, военизировался, и хозяйство стали вести оперуполномоченные от МГБ...»

И снова С. Аллилуева:

«Мама не принадлежала к числу практических женщин — то, что ей «давало» ее «положение», абсолютно не имело для нее значения. Этого никак не могут понять женщины трезвые, рассудительные...

А мама стеснялась подъезжать к Академии на машине, стеснялась говорить там, кто она, и многие подолгу не знали, чья жена Надя Аллилуева. (В те годы, вообще, жизнь была куда проще, — отец еще ходил пешком по улицам, как все люди, правда, он больше любил всегда машину. Но и это казалось чрезмерным выпячиванием среди остальных.) Она честно верила

в правила партийной морали, предписывавшей партийцам скромный образ жизни...

Один пример очень характерен в этом смысле. После смерти Ленина а, может быть, и раньше, было принято постановление ЦК о том, что члены ЦК не имеют право получать гонорар за печатание своих партийных статей, книг, — и что эти средства должны идти в пользу партии. Мама была этим недовольна. Потому что считала — лучше получать то, что ты действительно заработал, чем бесконечно, без всяких лимитов, лазить по карманам казны и брать оттуда на свои личные нужды, на дачи, машины, содержание прислуги и т. п. Тогда еще только-только начиналось казенное содержание домов членов правительств. Слава Богу, мама не дожидая до этого и не увидела, как потом, отказываясь от гонораров за партийные труды, наши знатные партийцы со всеми чадами, домочадцами и всеми дальними родственниками сели на шею государства...

Отец сменил квартиру, он не мог оставаться там, где умерла мама. Он начал строить себе отдельную дачу в Кунцеве, куда и переехал жить на следующие двадцать лет... На новой квартире в Кремле отец бывал мало, но заходил лишь обедать. Квартира для жилья была очень неудобна. Она помещалась в бельэтаже здания Сената, построенного Казаковым, и была ранее просто длинным официальным коридором, в одну сторону от которого отходили комнаты — скучные, безликие. С толстыми полутораметровыми стенами и сводчатыми потолками.

Это бывшее учреждение переоборудовали под квартиру отца только потому, что его кабинет — официальный кабинет Председателя Совета Министров и Первого секретаря ЦК — помещался в этом же зда-

нии на втором этаже, и оттуда ему было очень удобно спуститься вниз и попасть прямо «домой», обедать. А после обеда, продолжавшегося обычно с шести-семи вечера до одиннадцати-двенадцати ночи, он садился в машину и уезжал на Ближнюю дачу. А на следующий день, часам к двум-трем, приезжал опять к себе в кабинет в ЦК. Такой распорядок жизни он поддерживал до самой войны...

Но все катастрофически переменялось (С. Аллилуева имеет в виду, что все изменилось после смерти матери — В. К.)...

А главное — сменилась вся система хозяйства в доме. Раньше мама сама набирала откуда-то людей, понравившихся ей своими человеческими качествами. Теперь же все в доме было поставлено на казенный государственный счет. Сразу же колоссально вырос штат обслуживающего персонала или «обслуги», как его называли, в отличие от прежней, «буржуазной» прислуги. Появились на каждой даче коменданты, штат охраны со своим особым начальством, два повара, чтобы сменяли один другого и работали ежедневно, двойной штат подавальщиц, уборщиц — тоже для смены. Все люди набирались специальным отделом кадров, естественно, по условиям, какие ставил этот отдел, и, попав в «обслужу», становились «сотрудниками» МГБ тогда еще ГПУ...

Казенный «штат обслуги» разрастался вширь с невероятной интенсивностью. Это происходило совсем не только в одном нашем доме, но во всех домах членов правительства, во всяком случае, членов Политбюро. Правда, нигде так не властвовал казенный, полувоенный дух, ни один дом не был в такой полной степени подведомствен ГПУ — НКВД — МГБ, как наш, потому что у нас отсутствовала хозяйка дома,

а у других присутствие ее несколько смягчало и сдерживало казенщину. Но, по существу, Система была везде одинаковая: полная зависимость от казенных средств и государственных служащих, державших весь дом и его обитателей под надзором своего неусыпного ока.

Возникнув где-то в начале 30-х годов, эта Система все более укреплялась и расширялась в своих масштабах и правах, и лишь с уничтожением Берия, наконец, ЦК признал необходимым поставить МГБ на свое место: только тогда все стали жить иначе и вдохнули свободно — члены правительства точно так же, как и все простые люди...

Дольше задержался в нашем доме Сергей Александрович Ефимов, бывший еще при маме комендантом Зубалова, также перешедший затем на Ближнюю, в Кунцево. Это был из всех «начальников» наиболее человечный и скромный по своим собственным запросам. Он всегда тепло относился к нам, детям, и к уцелевшим родственникам, словом, в нем сохранились какие-то элементарные человеческие чувства к нам всем, к семье, чего нельзя было сказать о прочих высоких чинах охраны... У этих было одно лишь стремление — побольше хапнуть себе, прижившись у теплого местечка. Все они понастроили себе дач, завели машины за казенный счет, жили не хуже министров и самих членов Политбюро, и оплакивают теперь лишь свои утраченные материальные блага.

Сергей Александрович таковым не был, хотя по своему высокому положению тоже пользовался многим, но «в меру». До уровня министров не дошел, но член-корреспондент Академии Наук мог бы позавидовать его квартире и даче... Это было, конечно, очень

скромно с его стороны. Достигнув генерального звания (МГБ), Сергей Александрович в последние годы лишился благорасположения отца и был отстранен, а затем «съеден» своим «коллективом», т. е. другими генералами и полковниками от МГБ, превратившимися в своеобразный двор при отце.

Приходится упомянуть и другого генерала, Николая Сергеевича Власика... Он возглавлял всю охрану отца, считал себя чуть ли не ближайшим человеком к нему, и, будучи сам невероятно малограмотным, грубым, глупым, но вельможным, дошел в последние годы до того, что диктовал некоторым деятелям искусства «вкусы товарища Сталина», так как полагал, что он их хорошо знает и понимает...

При жизни мамы он существовал где-то на заднем плане в качестве телохранителя, и в доме, конечно, ни ноги его, ни духа не было. На даче же у отца, в Кунцево, он находился постоянно и «руководил» оттуда всеми остальными резиденциями отца, которых с годами становилось все больше и больше...

Только под Москвой, не считая Зубалова, где тихо сидели по углам родственники и самого Кунцева, были еще: Липки, — старинная усадьба по Дмитровскому шоссе, с прудом, чудесным домом и огромным парком с вековыми липами; Семеновское — новый дом, построенный перед самой войной возле старой усадьбы с большими прудами, выкопанными еще крепостными, с обширным лесом...

И в Липках, и в Семеновском все устраивалось в том же порядке, как и на даче отца в Кунцево, — так же обставлялись комнаты (такой же точно мебелью), те же самые кусты и цветы сажались возле дома. Власик авторитетно объяснял, что «сам» любит, и чего не любит. Отец бывал там очень редко, — иногда прохо-

дил год, — но весь штат ежедневно и еженощно ожидал его приезда и находился в полной боевой готовности... Ну, а уж если «выезжали» из Ближней и направлялись целым поездом автомашин к Липкам, та начиналось полное смятение всех — от постового у ворот, до повара, от подавальщицы до коменданта. Все ждали этого, как страшного суда и, наверное, страшнее всех был для них Власик, грубый солдафон, любивший на всех орать и всех распекать...»

Вот как изображает С. Аллилуева Сталина-отца в годы Великой Отечественной войны:

«В Москву я приехала 28 октября (имеется в виду 1941 г. — В. К.) — в тот самый день, когда бомбы попали в Большой театр, в университет на Моховой, и в здание ЦК на Старой площади. Отец был в убежище, в Кремле, и я спустилась туда. Такие же комнаты, отделанные деревянными панелями, тот же большой стол с приборами, как и у него в Кунцево, точно такая же мебель...

Отец не замечал меня. Кругом лежали и висели карты, ему докладывали обстановку на фронтах.

Наконец, он меня заметил, надо было что-то сказать... «Ну, как ты там, подружилась с кем-нибудь из куйбышевцев?» — спросил он, не очень думая о своем вопросе. «Нет, — ответила я, — там организовали специальную школу из эвакуированных детей, их очень много», — сказала я, не предполагая, какая будет реакция. Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: «Как? Специальную школу?» Я видела, что он приходит постепенно в ярость. «Ах вы! — он искал слова поприличнее, — ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу отдельную им подавай! Власик — подлец, это его рук дело!..»

Он был прав, — приехала каста, приехала столичная верхушка в город, наполовину выселенный, чтобы разместить все эти семьи, привыкшие к комфортабельной жизни и «теснившиеся» здесь в скромных провинциальных квартирках...

Но поздно было говорить о касте, она уже успела возникнуть и теперь, конечно, жила по своим кастовым законам...»

А вот что она пишет о послевоенном периоде правления Сталина-отца:

«Летом 1946 г. он уехал на юг — впервые после 1937. Поехал он на машине. Огромная процессия потянулась по плохим тогда еще дорогам, — после этого и начали строить автомагистраль на Симферополь. Остатанавливались в городах, ночевали у секретарей обкомов, райкомов. Отцу хотелось посмотреть своими глазами, как живут люди, — а кругом была послевоенная разруха. Валентина Васильевна, всегда сопровождавшая отца во всех поездках, рассказывала мне позже как он нервничал, видя, что люди живут еще в землянках, что кругом еще одни развалины... Рассказывала она о том, как приехали к нему на юг тогда некоторые, высокопоставленные теперь, товарищи с докладом, как обстоит дело с сельским хозяйством на Украине. Навезли эти товарищи арбузов и дынь не в обхват, овощей и фруктов, и золотых снопов пшеницы — вот, какая богатая у нас Украина! А шофер одного из этих товарищей рассказывал «обслуге», что на Украине голод, в деревне нет ничего, и крестьянки падут на коровах... «Как им не стыдно, — кричит Валечка, и плачет, — как им не стыдно было его обманывать! А теперь все, все на него же и валят!»

После этой поездки на юг там начали строить еще несколько дач, — теперь они назывались «госдачи».

Формально считалось, что там могут отдыхать все члены Политбюро, но обычно, кроме отца, Жданова, Молотова, ими никто не пользовался. Построили дачи под Сухуми, около Нового Афона, целый дачный комплекс на Рице, а также дачу на Валдае...

В последнее время он жил особенно уединенно, поездка на юг осенью 1951 г. была последней. Больше он не выезжал из Москвы, и почти все время находился в Кунцево, которое все переставали и перестраивали. В последние годы, рядом с большим домом, выстроили маленький деревянный дом, — там лучше был воздух, в комнате с камином отец часто и проводил дни. Никакой роскоши там не было, — только деревянные панели на стенах, и хороший ковер на полу были дорогими.

Все подарки, присылавшиеся ему со всех концов земли, он велел собрать и передать в музей, — это не из ханжества, не из позы, как многие утверждают. Он в самом деле не знал, что ему делать со всем этим изобилием дорогих и даже драгоценных вещей — картин, фарфора, мебели, оружия, утвари, одежды, национальных изделий, — он не знал, зачем это все ему...

Изредка он что-либо отдавал мне — национальный румынский или болгарский костюм, но, вообще, даже то, что присылалось для меня, он считал недоступным использовать в быту. Он понимал, что чувства, которые вкладывались в те вещи, были символическими, и считал, что и относиться к этим вещам следует, как к символам. В 1950 открыли в Москве «Музей подарков», и мне часто приходилось слышать от знакомых дам (при жизни отца, да и после его смерти): — «Ах, там был такой чудесный гарнитур! А какая радиола! Неужели вам этого не могли отдать?» Нет, не могли...

И потом я была у него 21 декабря 1952 г., в день, когда ему исполнилось семьдесят три года. Тогда я видела его в последний раз...

Странно все в комнате — эти дурацкие портреты писателей на стенах, эти «Запорожцы», эти детские фотографии из журналов... А, впрочем, что странного, захотелось человеку, чтобы стены не были голыми, а повесить хоть одну из тысяч дарившихся ему картин, он не считал возможным. Правда, в углу комнаты висит в раме китайская вышивка, — яркий огромный тигр, но она висит там еще с довоенных времен, это уже привычно...

Когда я уходила, отец отозвал меня в сторону, и дал мне деньги. Он стал делать так последние годы, после реформы 1947 г., отменившей бесплатное содержание семей Политбюро. До тех пор я существовала, вообще, без денег, если не считать университетскую стипендию, и вечно занимала у своих «богатых» нянюшек, получавших изрядную зарплату.

После 1947 г. отец иногда спрашивал в наши редкие встречи: «Тебе нужны деньги?» — на что я отвечала всегда «нет». «Врешь ты, — говорил он, — сколько тебе нужно?» Я не знала, что сказать. А он не знал ни счета современным деньгам, ни, вообще, сколько что стоит, — он жил своим дореволюционным представлением, что сто рублей — это колоссальная сумма. И когда он давал мне две-три тысячи рублей, — неведомо, на месяц, на полгода, или на две недели, — то считал, что дает миллион...

Вся его зарплата ежемесячно складывалась в пакетах у него в столе. Я не знаю, была у него сберегательная книжка, — наверное, нет. Денег он сам не тратил, их некуда и не на что было ему тратить. Ведь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда, — все

это оплачивалось государством, для чего существовало специальное управление где-то в системе МГБ. А там — своя бухгалтерия, и неизвестно, сколько они тратили. Он и сам этого не знал... При всей своей всевластности он был бессилен, беспомощен против ужащающей Системы, выросшей вокруг него как гигантские соты, — он не мог сломать ее, ни хотя бы проконтролировать...»

Можно было бы оставить этот рассказ без комментариев. Возможно, я так и сделал бы, если бы не одно значительное обстоятельство. Я имею в виду пагубность подобной системы распределения — гособеспечения. Она двулична и насквозь пропитана лживостью. Она рождает представление, что «народное» — значит ничье, и им можно пользоваться сколько угодно и в каких угодно размерах. Наконец, она очень живуча. Порой мне кажется, что и современные вершители наших судеб не всегда представляют себе, что сколько стоит, они оторваны от реальности. Где искать корни подобному явлению? Ну да ладно, оставим пока современных вершителей наших судеб в покое, о них еще будет идти разговор. Сейчас же мы пытаемся изобразить портрет пуританина. И, чтобы он не был незавершенным, хочу представить взгляд еще одного человека, тоже пострадавшего от системы.

Вспоминает Серго Берия:

«Когда мы переехали из Тбилиси в Москву, отец получил квартиру в правительственном доме, его еще называли Домом политкаторжника. Жили там наркомы, крупные военные, некоторые члены ЦК. Как-то в нашу квартиру заглянул Сталин: «Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!» Мама не захотела. «Ладно, — сказал Сталин, — как хотите. Тогда распорядись, пусть какой-то особняк подберут».

И дачу мы сменили после его приезда. В районе села Ильинское, что по Рублевскому шоссе, был у нас небольшой домик из трех комнаток. Сталин приехал, осмотрел и говорит: «Я в ссылке лучше жил.» И нас переселили на дачу по соседству с Кагановичем, Орджоникидзе. Котлов и бассейнов ни у кого там не было. Запомнилась лишь дача маршала Конева. Он привез из Германии и развел у себя павлинов.

Мать, как и другие жены членов Политбюро, в магазины не могла ходить. Существовала специальная служба. Например, комендант получал заказ, брал деньги и привозил все, что было необходимо той или иной семье. А излишества просто не позволялись, если даже появлялось у кого-то из сталинского окружения такое желание. Лишь один пример: вторых брюк у меня не было. Первую шубу в своей жизни мама получила в подарок от меня, когда я получил Государственную премию. И дело не в том, что отец с матерью были бедные люди. Конечно же, нет. Просто в те годы, повторяю, не принято было жить в роскоши. Сталин ведь сам был аскет. Никаких излишеств! Единственно, это сказывалось на его окружении.

Он никогда не предупреждал о своих приходах. Сам любил простую пищу и смотрел, как живут другие. Пышных застолий ни у нас, ни на дачах Сталина, о которых столько написано, я не видел. Ни коньяка, ни водки, кроме хорошего грузинского вина. Это потом уже руководители страны почувствовали вкус к роскоши...

Как и все мы, отец был неприхотлив к еде. Быт высшего эшелона, разумеется, отличался от того, который был присущ миллионам людей. Была охрана, существовали определенные льготы, правда, абсолютно

не те, которыми партийная номенклатура облагодетельствовала себя впоследствии. Приходила девушка, помогавшая в уборке квартиры, на кухне. Был повар, очень молодой симпатичный человек, и, если не ошибаюсь, он даже имел соответствующую подготовку — окончил нечто наподобие знаменитого хазановского кулинарного техникума. Но, как выяснилось, опыта работы он не имел, что, впрочем, ничуть не смутило домашних. Мама сама готовила хорошо, так что наш повар быстро перенял все секреты кулинарного мастерства и готовил вполне сносно.

Предпочтение, естественно, отдавалось грузинской кухне: фасоль, ореховые соусы. Если ждали гостей, тут же подключались все. Особых пиршеств не было никогда, но всегда это было приятно. Собирались ученые, художники, писатели, военные, навещали близкие из Грузии, друзья. Словом, как у всех».

Спорить с сыном Берия трудно. Да и нет в том нужды. Вполне возможно, что все так и было — как у всех. Но я все чаще и чаще задаюсь вопросом: почему? Что скрывалось за этим показным скромным бытом партийной верхушки. Уж не уверенность ли в том, что завтрашний и все последующие дни вполне обеспечены? Или в том, что даже при самых катастрофических для большевиков изменениях они окажутся по-настоящему нищими?

Власть не может существовать без средств, у нее должен быть крепкий, прочный фундамент. Поддержка народных масс — хорошо, но этого слишком мало. И такой прочный фундамент у советской элиты, несомненно, был.

На случай падения Советской власти существовал тщательно засекреченный фонд драгоценностей. Рассекретил этот фонд бывший секретарь Сталина Борис

Бажанов, когда давал показания английским спецслужбам.

Одно время Бажанов работал в качестве ответственного сотрудника Народного Комиссариата финансов. Однажды утром он собирался войти в кабинет Наркома финансов Брюханова, как вдруг что-то заставило его остановиться на пороге.

Бажанов в своих воспоминаниях пишет об этом так:

«Я уже открывал дверь в кабинет наркома, когда услышал, как он берет трубку телефона-автомата. Надо заметить, что автоматическая телефонная связь в Кремле охватывала ограниченное количество номеров, ею пользовалась только большевистская верхушка, обеспечивая строгую секретность телефонных разговоров. Я задержался в дверях, не желая беспокоить наркома. В приемной никого, кроме меня, не было: секретарь отсутствовал. Дверь оставалась приоткрытой, и я отчетливо слышал разговор Брюханова с собеседником, которым оказался, судя по первым фразам, Сталин.

Из реплик Брюханова я понял, что существует абсолютно секретный фонд драгоценностей (возможно, тот самый, с которым я заочно имел дело в 1924 г., в бытность мою секретарем Политбюро). Брюханов оценил его стоимость лишь приблизительно, сказав: «несколько миллионов».

Сталин, очевидно, спрашивал, не может ли Брюханов дать более точную оценку. Тот ответил: «Это сделать трудно. Стоимость драгоценных камней определяется обычно целым рядом переменных факторов: и то, как они котируются на внутреннем рынке, не является решительным показателем. К тому же, все эти драгоценности рассчитаны на реализацию за границей и при обстоятельствах, которых сейчас предвидеть

просто невозможно. В любом случае, полагаю, достаточно исходить из того, что они стоят несколько миллионов. Но я все же постараюсь уточнить эту цифру и тогда позвоню вам».

Впоследствии Бажанов узнал, что этот секретный фонд драгоценных камней был предназначен исключительно для членов Политбюро и хранился на случай падения Советской власти.

«Хотя Брюханов говорил, понизив голос, — продолжает Бажанов, — я услышал, что он сказал Сталину, посмеиваясь: «Как это вы смело выразились — «в случае утраты власти!» Услышь это, Лев Давыдович (Троцкий), он бы вас тут же обвинил в неверии в возможность победы социализма в одной стране!»

В этот момент Сталин, не склонный выслушивать подобные шутки, очевидно, перевел разговор на другую тему и заговорил о необходимости соблюдения строжайшей секретности, так как Брюханов поторопился ответить «Конечно, конечно, я отлично все понимаю. Это просто временная предосторожность на случай войны. И это делается не только «анонимно», но у нас даже ничего не зафиксировано на бумаге!»

Для хранения драгоценностей была выбрана квартира Клавдии Тимофеевны Свердловой. Далее Бажанов указывает на это:

«Я понимаю, что это необходимо для членов Политбюро, чтобы предотвратить паралич в работе Центра в случае чрезвычайных обстоятельств. Но вы сказали, что хотели бы изменить систему хранения... Что я должен сделать в этом смысле?»

Последовал длинный ответ Сталина, затем Брюханов сказал, что он полностью согласен: лучшего места для хранения драгоценностей, чем квартира Клавдии Тимофеевны, не найти.

Со всеми предосторожностями ценности были перевезены на новое место хранения.

В этом мероприятии участвовало несколько особо доверенных лиц, каждый из которых знал не больше того, что ему было необходимо по его положению определенного звена в цепи.

Что касается самих членов Политбюро, им, конечно, было сообщено об этом фонде, созданном «на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств», однако, без уточнения, где именно он находится.

Только Сталин, Брюханов, Клавдия Тимофеевна и — волею случая — Бажанов знали все.

Эта женщина, фамилию которой Брюханов избегал называть даже в доверительном телефонном разговоре со Сталиным, была хорошо знакома Бажанову. Он знал, что речь шла о К. Т. Новгородцевой, вдове покойного председателя ВЦИК Якова Свердлова. А она обладала двумя необходимыми для подобного предприятия качествами. Во-первых, она была известна своей неподкупной честностью и принципиальностью. Во-вторых, ее квартира находилась на территории Кремля, что весьма удобно.

Бажанов рассказывал, как он получил подтверждение этой необычной информации. Он был знаком с сыном Новгородцевой, Андреем, подростком лет пятнадцати, который жил с матерью. В конце лета 1927 г. ему удалось завести с мальчиком беседу на интересующую его тему. Андрей поведал, как его мать открывает ключом буфет в своей комнате. В том буфете хранились документы ее покойного мужа, и там же лежала «целая куча» драгоценных камней. Когда Андрей спросил, что это такое, мать ответила, что это «семейные украшения», «стекляшки» и «безделушки», которые ничего не стоят. Однако, как ему показалось, она

была сильно раздражена тем, что сын заинтересовался ими. Андрей поверил матери. «Конечно, они все фальшивые, — сказал он Бажанову. — Откуда бы у нее могло взяться столько настоящих драгоценностей». И, естественно, Бажанов согласился с этим.

Это, как мне представляется, один из тех случаев, которые характеризуют извечные отношения власти и золота. Но он — далеко не единственный в истории становления, развития и падения власти большевиков в России.

КТО СКАЗАЛ, ЧТО ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ?

*Богатством не изменишь
происхождения.*

Гораций

*Лиса меняет шкуру, но
не нрав.*

Светоний

К началу 30-х годов вся система торговли в СССР пришла в полное расстройство. Хлебозаготовки приняли характер продразверстки, так как закупочные цены уже не соответствовали себестоимости сельскохозяйственной продукции. Из-за недостатка продуктов в городах были введены строгое нормирование и карточная система. Для рабочих и служащих вводились пайки различных категорий в зависимости от

места работы, занимаемой должности и т. п. Во многих сельских районах свирепствовал голод, уносивший миллионы жизней. Страна опять возвращалась к экономике «курной избы». Торговля опять стала уступать место продуктообмену, при котором города снабжались продовольственными, а деревня — промышленными товарами.

Такое тяжелое положение послужило толчком к очередному беспределу, чинимому большевистским руководством в стране — распродаже культурного наследия России. В результате этой операции мы лишились многих культурных ценностей, накапливаемых веками во благо будущих поколений. Общая выручка СССР от продажи за границу коллекций Эрмитажа, Музея нового западного искусства в Москве (вошедшего в Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), многих ценных предметов, конфискованных у царской семьи и высших представителей русского дворянства, составила более 100 млн. долларов. Но эта цифра — ничего, по сравнению с тем, что потеряла в действительности Россия. Не имея представления о подлинной ценности всех этих предметов искусства, большевики распродали не просто картины или «безделушки» и «побрякушки», принадлежавшие ранее эксплуататорам пролетариата, они распродали по частям душу народа, способствовали ее обнищанию.

Академик Д. Лихачев так сказал по этому поводу:

«Наши художественные ценности, которые хранились в музеях, усадьбах, домах, в библиотеках (о чем совершенно забыли), — это не просто вещи и памятники, не просто ценности, лежавшие втуне. Вещи живут и действуют, создают культурную атмосферу. Я бы сказал — культурную ауру. Поэтому отсутствие или

исчезновение многих этих вещей означало падение, снижение культуры страны. Ослабело силовое поле культуры... Разрушение памятников стало разрушением культуры, гибелью современного мастерства. Поэтому уровень культуры падает от отсутствия великих образцов. С чего сегодня надо начинать? Я полагаю — с открытия архивов. Хотя многие из них также уничтожены.

Вообразить глубину трагедии, которая произошла с нашей культурой, невозможно. Это бездонная пропасть. Но трагедия требует своей истории, своих историков. Время не ждет, историю эту надо писать уже сегодня. И сегодня многие ценности уходят из страны. Только написав историю продажи собственной культуры, мы сможем это остановить. У нас в городах, как ни в одной стране, были сконцентрированы памятники культуры. Уничтожив и разбазарив их, мы принялись за уничтожение и разбазаривание природы. Есть опасность, что дети перестанут понимать пейзажи Левитана, потому что будет уничтожен сам пейзаж».

Открытие масштабов распродажи культурных ценностей не только поражает, но и приводит в отчаяние. Я продолжаю задаваться одним и тем же печальным вопросом: неужели все, что мы умеем, так это разбазаривать то, что было накоплено до нас? Но человек так устроен, что он всегда расположен верить в хорошее. И я также тешу себя надеждой, что когда-нибудь сознание наших людей переменится, что они начнут, наконец, понимать, что не хлебом единым жив человек, что все звенья в цепи взаимосвязаны и что общего благополучия никогда не достичь при отсутствии какого-либо из этих звеньев.

«Соккрытие зла питает и оживляет его», — сказал Вергилий. Может быть, когда люди, наконец, узнают

подлинный размах преступной распродажи культурного наследия России, они начнут понимать, как были обворованы радетелями за их благополучие? Александр Мосякин, человек, который тщательно и скрупулезно занимался изучением этой проблемы, пишет:

«Отгремела сенсациями аукционов и торгов эта история. Мир давно успел подивиться ею и успокоиться. Только мы все молчим, в тайну играем. Будто и не было ее вовсе, будто не было сгинувших невесть куда сокровищ Романовых, эрмитажных полотен, убранства десятков поражавших Европу дворцов Петербурга и тысяч усадеб, монастырей и церквей, разбросанных по всей необъятной Руси. Будто не было их. А то, что было, уместили в Эрмитаж и музеи Кремля. Но Россию в шляпу не уместишь. И живы ее сокровища. Вот уже полвека гуляют они по чужестранным городам и весям, принося баснословные прибыли их очередным владельцам. А мы делаем вид, что нас это не касается. Что это не наше, не родное, не кровное... А ведь это наше, завещанное веками богатство. Так не пора ли нам вспомнить о нем и по сроку давности снять табу с той «таинственной истории», что приключилась пять десятилетий назад? По-моему, пора. По многим причинам.

Во-первых, народ должен знать правду, ведь речь идет о национальной катастрофе.

Во-вторых, это наша история и без знания обстоятельств этого дела нельзя в полной мере представить развитие советско-американских и советско-западноевропейских экономических, политических и культурных контактов в период между двумя мировыми войнами...

И, наконец, из свершившегося надо сделать нравственный вывод, что торговать культурой своего на-

рода преступно, дивидендов такая торговля не принесет. И как бы нам ни было трудно, и каким бы легким ни казался этот путь, мы должны помнить трагические уроки прошлого и никогда их больше не повторять...»

Начало истории о распродаже культурного наследия России уходит своими корнями в первые послевоенные годы. Ее пиком принято считать 1933 г., когда эта акция достигла наивысшего масштаба. Но нельзя сказать, что на этом она прекратилась. И в последующие годы распродажа предметов искусства продолжала осуществляться. Правда, в менее крупных размерах.

Слухи о том, что распродают Эрмитаж и сокровища частных собраний, ходили по миру еще с 20-х годов. Расположение мировой общественности к Советской России определялось во многом ее отношением к культурному наследию прошлого. В 1924 г. Бенуа писал: «В мою недавнюю бытность за границей, в беседах с людьми... наибольшее впечатление производили те мои рассказы, в которых я сообщал о сохранности всех драгоценностей, доставшихся революции в наследство от старого строя. Эти мои сообщения опровергали тенденциозные слухи, что после Октябрьской революции все было расхищено и уничтожено. Симпатии к СССР в самых широких западноевропейских кругах завоевали именно подобные, подтвержденные действительностью, опровержения».

Но посмотрим, как же все обстояло на самом деле. На первый взгляд, большевиков весьма задевали обвинения мировой общественности в том, что в Советской России царит варварское и бескультурное отношение к наследию прошлого. Для опровержения подобного рода представлений внутри страны и за

рубежом даже устраивались показательные выставки, издавалась специальная литература, организовывались ознакомительные поездки известных западных деятелей культуры и искусства. Одна такая поездка состоялась весной 1924 г., когда в Москву и Ленинград прибыл с визитом популярный в то время английский путешественник и коллекционер, член британского парламента Мартин Конвей. Он приехал в СССР с намерением изучить художественные сокровища России. В итоге, по возвращении на родину, Конвей издал книгу «Сокровища искусства в Советской России», в которой утверждал, как очевидец, что все они целы и невредимы. Но, с другой стороны, показанные ему коллекции и произведения искусства, вскоре стали предметом сенсационных торгов.

Книга Конвея была прочитана многими западными коллекционерами и дельцами. Понимая, что большевистское руководство не представляет себе истинной ценности всех предметов культуры и искусства, сосредоточенных в его руках, эти люди начали помышлять об их приобретении. Друг Мартина Конвея, Джозеф Дьювин, к примеру, подробно выпрашивал его, что где лежит и как к этому подступиться. За ним последовали и другие. Но пока их мечта оставалась несбыточной. В конце 1924 г. глава советской торговой делегации в Лондоне Ф. И. Рабинович заявил корреспонденту одной из английских газет, ссылаясь на письмо директора Эрмитажа Тройницкого, что «появившиеся в британской прессе статьи об обширных распродажах музейных ценностей из русских музеев, и, в первую очередь, из ленинградского Эрмитажа, ...не имеет под собой никаких оснований».

Однако, уже очень скоро подобные основания появились. Осенью 1927 г. влиятельный французский

маршал Жермен Селигман получил весьма интригующее предложение от торгового представителя в Париже Георгия Пятакова принять участие в одном «рискованном коммерческом предприятии». Ему было предложено, в частности, провести отбор произведений искусства, принадлежавших СССР, для зарубежных покупателей. Воспылав вождеденной мечтой, Селигман отправился в Москву. Но тут его ожидало разочарование — отбор касался лишь незначительных на его взгляд предметов из национализированных частных собраний: люстр, малахитов, ювелирных украшений, картин и т. п. Все это было не то, о чем мечтал влиятельный французский маршал. Разочаровавшись в своем предприятии, он отправился в Париж. Но через несколько месяцев его посетила другая советская делегация, предложившая организовать массовую распродажу культурных ценностей Советского Союза и обещавшая при этом полную свободу действий. Предложение это было заманчивое, но весьма рискованное. В первую очередь, потому, что в Париже обосновалось большое количество русских эмигрантов, которые могли сорвать сделку и потребовать возвращения конфискованного у них имущества. Селигман попытался заручиться поддержкой французского правительства, но и оно не могло гарантировать успех подобного предприятия. Селигман вынужден был отступить.

Но в это время в Москве шла отчаянная борьба за судьбу Эрмитажа. Вокруг него кружился рой дельцов от искусства, жужжавших, как пчелы вокруг сахара. Но Эрмитаж — богатейшая сокровищница искусств остался до поры до времени неприкосновенным. Существовавшие декреты запрещали вывоз и продажу за границу предметов особого художест-

венного и исторического значения. Значит, понимали большевики, в целях вынужденной необходимости надо было создать новые декреты, отменявшие всяческие запреты прежних. Осенью 1928 г. такое решение было принято. Все полномочия по реализации культурных ценностей были возложены на Комиссариат внешней торговли и, в частности, на Наркома А. И. Микояна.

Первые крупные сделки Микоян заключил с известным армянским миллиардером Калюстом Гульбенкяном, который помог большевикам реализовать на мировом рынке нефть. Сделал он это в обмен на их согласие продать ему ряд произведений искусства из Эрмитажа, чтобы увеличить запасы твердой валюты. Попытку спасти музей сделал тогда Луначарский. 28 сентября 1928 г. у него состоялся неприятный разговор с наркомом внешней торговли, после которого Луначарский отправился к Сталину. Но все его доводы не убедили главу Советского государства, которого не особенно волновали все эти вопросы и который полностью полагался на расчет Микояна. В результате Гульбенкян совершил свою первую покупку летом 1929 г. За 54 тыс. ф. ст. им были приобретены 24 золотых и серебряных изделия французской работы XVIII в., две картины Гюбера Робера с видами Версаля, «Благовещение» Дирка Боутса и письменный стол короля Людовика XVI. Зимой того же года начались переговоры о второй сделке. Гульбенкян запросил 15 изделий из серебра работы придворных французских мастеров и «Портрет Елены Фоурмен» кисти Рубенса. В конце концов, французское серебро и портрет Рубенса за 155 тыс. ф. ст. благополучно отправились в Лиссабон. А в мае следующего года через Ленинградский Антиквариат ар-

мянский миллиардер приобрел за 140 тыс. ф. ст. «Диану» Гудона и 5 картин Рембрандта, Треборха, Ватто и Ланкре.

К счастью для потомков, вскоре во взаимоотношениях партнеров наступило охлаждение. Приобретая в октябре 1930 г. за 30 тыс. ф. ст. «Портрет пожилого человека» Рембрандта, Гульбенкян удалился от эрмитажных дел.

Однако, перед тем, как сделать это, армянский предприниматель написал любопытное письмо Г. Пятакову, который, в свою очередь, осуществлял все валютные операции с заграницей, включая и продажу культурных ценностей через Антиквариат. В этом письме говорилось:

«Вы знаете, я всегда придерживался мнения, что вещи, которые многие годы хранятся в ваших музеях, не могут быть предметом распродаж. Они не только являются национальным достоянием, но и великим источником культуры и национальной гордости. Если продажи осуществляются и факт их станет известен, то престиж вашего правительства пострадает. Для России это ошибочный путь, и он не принесет значительных сумм для пополнения финансов государства. Продавайте, что хотите, но только не музеи, ибо разорение национальных сокровищниц вызовет серьезные подозрения. Если вы не нуждаетесь в иностранном доверии, то можете делать все, что пожелаете, но лучше извлекать пользу от такого доверия, чем делать то, что принесет заведомый вред. Не забывайте, что те, чьего доверия вы добиаетесь, являются и вашими потенциальными покупателями. Я искренне убежден, что вы не должны ничего продавать мне. Говорю так, чтобы вы не подумали, будто я написал это из желания остаться единственным покупателем».

Гульбенкян во многом был искренен. Предметы искусства и культурные ценности распродавались с широчайшим размахом и не только ему. Еще в конце 1928 г. в Берлине и Вене были организованы аукционы по распродаже сокровищ Эрмитажа и дворцов Петербурга, а также национализированные частные собрания. Примером тому — аукционы «Лепке-хаус» и «Доротеум». Русским эмигрантам удалось снять с торгов ряд вещей, но аукционы эти все же состоялись, хотя уровень цен был разочаровывающе низок.

Сам факт распродаж получил широкую мировую огласку. Слухи о них заполнили и Америку. Зимой 1928—29 гг. с Армандом и Виктором Хаммерами, жившими тогда в Москве, связался из Нью-Йорка их брат Гарри, который сообщил о намерении синдиката американских торговцев искусством сделать предложение Советскому правительству о покупке ряда культурных ценностей. В случае, если Хаммеры согласятся помочь в этом предприятии, они могут рассчитывать на 10% комиссионных от каждой проданной картины. Братья немедленно увиделись с директором Антиквариата Николаем Ильиным и его агентом по экспорту произведений искусства Шапиро. Ответ был таковым: «Если ваши друзья в Америке захотят сделать предложения, мы обязуемся представить их на рассмотрение соответствующих властей...»

Уже через два дня синдикат предоставил список сорока шедевров картинной галереи Эрмитажа, за которые предлагалось 5 млн. долларов. Шапиро был оскорблен: «Они, что, думают, мы дети? Не представляем, сколько это может стоить в Париже, Лондоне или Нью-Йорке? Если хотят вести дела серьезно, пусть делают серьезные предложения». Ткнув пальцем в «Мадонну Бенуа» Леонардо да Винчи эрмитажного катало-

га, знаток искусства предложил за картину 2,5 млн. долларов. К счастью, американцы предложили только 2 млн. И «Мадонна Бенуа» осталась в СССР.

Но подобная принципиальность, как показали дальнейшие события, являлась, в действительности, обыкновенным позерством. После финансовой осечки с первыми аукционами были сняты последние ограничения, и за границу бурным потоком полились шедевры. Уже на втором берлинском аукционе «Ленинградские музеи и дворцы» распродавались 325 произведений искусства из Эрмитажа, Павловска, Гатчины, Шуваловского дворца и Румянцевского музея в Москве. Среди 109 картин старых мастеров были: две уникальные флорентийские иконы XIV в. «Богоматерь на троне», два полотна Тициана — «Святой Иероним» и «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем», блестящий эрмитажный «Портрет курфюрста Фридриха Вайса» кисти Лукаса Кранаха, «Голова Христа» Рембрандта и «Захоронение Христа» Рубенса, «Портрет графини Кутайсовой» и «Женский портрет» кисти Левицкого, пейзажи Каналетто, Гварди, де Витте, картины Морони, Бассано, Бордоне, Госсарта, Гойена, Мориса, Метсю, Греза, Буше и других.

Позже состоялись и другие аукционы. Вслед за «Лепке-хаус» к торгам подключились немецкие антикварные фирмы «К. Г. Бернер хаус», «Герман Баль и Пауль Граупе», потом «Ноудлер энд компани», синдикат Дьювина, музеи и частные галереи Европы, Америки, Австралии. Распродавались тысячи лучших шедевров Эрмитажа. Нет ни одного отдела, ни одной эрмитажной коллекции, которая бы не понесла ущерб в ходе этой кощунственной и безумной акции. В адские жернова всемогущей машины попало все: картины, керамика, ювелирные украшения, стекло, изделия

художественного металла, оружие, гобелены, скульптура. Была распродана крупнейшая в Европе коллекция рыцарских доспехов. То, что сейчас можно видеть в Рыцарском зале Эрмитажа — лишь жалкие крохи этой коллекции.

Поражает воображение еще одна из величайших сделок в истории коллекционирования, заключенная миллиардером и бывшим министром финансов США Эндрю Меллоном и имевшая позже широкую огласку.

В конце 20-х годов глава Матхайзенской галереи в Берлине решил приобрести некоторые предметы искусства из Эрмитажа, от которых, как он был осведомлен, «советы» хотели бы избавиться. Но он понимал, что для такого предприятия у него нет ни достаточного опыта, ни, тем более, нужного капитала. Тогда через посредников он обратился за помощью к Эндрю Меллону, в то время министру финансов США, который также являлся крупным коллекционером предметов искусства и культуры. Меллон, заинтересовавшись этой сделкой, отправился в Вашингтон добывать недостающий капитал для приобретения ряда картин из Эрмитажа. Сделка обещала принести прибыль в половину от продажной цены. В течение двух лет Меллон доставлял картины в Америку, заплатив за них всего 7 млн. долларов. Все эти события развивались на фоне «великой депрессии» в Америке. В начале 1933 г. президент новоявленной компании сделал сенсационное заявление: «Четыре года назад мы получили конфиденциальную информацию, что русские решили избавиться от ряда великих шедевров искусства... Как только возможность продажи этих выдающихся произведений стала известна, мы незамедлительно предприняли шаги для установления контактов с их компе-

тентными властями, пытаясь не упустить исключительный шанс в условиях жестокой конкуренции, существующей в мире искусства. Мы начали переговоры, и в течение четырех лет приобрели многие шедевры, привезенные в Россию Екатериной Великой. Советы не были склонны расставаться с ними, сознавая их огромную художественную значимость и культурную ценность. Мы намеревались приобрести «Благовещение», «Распятие» и «Страшный суд» ван Эйка — основоположника и величайшего художника нидерландской школы... отныне принадлежат Метрополитен-музею».

Помимо того, что это заявление наделало много шума, оно выглядело еще, в значительной мере, весьма странным. Был назван адресат лишь двух из перечисленных картин ван Эйка. Какова же судьба принадлежавшего его кисти полотна «Благовещение» и других «многих шедевров», привезенных Екатериной Великой в Россию, было непонятно. Мировая пресса начала свое расследование, и вскоре завесы тайны постепенно начали открываться. На страницах замелькало имя Эндрю Меллона. Еще 10 мая 1931 г., после последней покупки, в «Нью-Йорк таймс» появилась заметка о том, что Меллон прячет от налогового ведомства сказочные сокровища, неизвестно как приобретенные. Но только теперь факты всплывали наружу. В мае 1935 г. началось предварительное судебное разбирательство по поводу неуплаты Меллоном огромной суммы — более 32 млн. долларов налогов.

Как поступил Меллон, чтобы избавиться от таких серьезных обвинений? Весьма просто: он решил подарить коллекцию городу Вашингтону, чтобы на основе ее создать национальную галерею искусств.

Вот что он написал Рузвельту в декабре 1936 г.:

«Дорогой мистер Президент! В течении многих лет я собирал ценные и редкие картины и скульптуры с той целью, чтобы они в конечном счете стали достоянием народа Соединенных Штатов и были помещены в национальную галерею в городе Вашингтоне, для развития и изучения изящных искусств».

Спустя несколько дней, последовал ответ от президента:

«Дорогой мистер Меллон! Я совершенно восхищен вашим великолепным предложением... Оно было для меня особенно радостным, потому что я давно чувствовал необходимость создания национальной галереи искусств в столице...»

Меллон умер, так и не увидев своего детища. Однако, согласно его завещанию, собранная им коллекция поступила в дар столице Америки. Позже в нее вошло множество других частных коллекций, но основным «гвоздем программы» в музее и по нынешний день являются те бесценные полотна, которые были переданы Эндрю Меллоном.

Вот список этих полотен (в скобках указан их бывший эрмитажный номер):

Ян ван Эйк. «Благовещение» (№ 443). Продана в июне 1930 г. за 502 899 долларов.

Боттичелли. «Поклонение волхвов» (№ 3). Куплено для Эрмитажа Александром I в 1808 г., продано в феврале 1931 г. за 838 350 долларов.

Перуджино. Триптих «Распяtie с Богородицею, святыми Иоаном, Иеронимом и Марией Магдаленой» (№ 1666). Долгое время находился в Италии, потом в коллекции князей Голицыных и, наконец, — в Эрмитаже. Этот шедевр приобретен Эндрю Меллоном за 195 602 доллара.

Рафаэль Санти. «Мадонна Альба» (№ 38). В 1836 г. куплена для Эрмитажа за 14 000 ф. ст., а в апреле 1931 г. продана за 1 000 000 долларов. Ныне ее стоимость на порядок выше.

Веласкес. Эскиз к портрету Папы Иннокентия X (№ 418). На этом эскизе воспитано не одно поколение великих русских портретистов, среди которых: Брюллов, Репин, Серов, Нестеров и многие другие. Продан в январе 1931 года за 223 562 доллара.

Тициан. «Венера перед зеркалом» (№ 99). Продана вкуче с «Мадонной Альбой» за 1 710 558 долларов.

Рембрандт. «Жена Потифария обвиняет Иосифа перед мужем» (№ 794), «Польский гетман» («Ян Собеский», № 811), «Турок» (№ 813), «Дама с гвоздикой» (№ 819), «Девочка с метлой» (№ 826).

Франс Хальс. «Портрет офицера» (№ 773), «Портрет молодого человека» (№ 770).

Веронезе. «Нахождение Моисея» (№ 138). Эскиз к большой картине из музея Прадо.

Ван Дейк. Серия блестящих портретов: Изабеллы Брант (№ 575), Сусанны Фоурмен с дочерью (№ 635), «Фламандка» (№ 581 — парный к эрмитажному № 580), лорда Филиппа Уордона (№ 616), Вильгельма II, принца Нассаусского и Оранского (№ 611).

Шарден. «Карточный домик» (№ 1515).

За картины Рембрандта, Хальса, Веронезе, ван Дейка и Шардена оптом уплачено 2 661 144 доллара; всего за 21 шедевр из Эрмитажа Меллоном на счета «Ноудлер энд компани» переведено 6 654 053 доллара. В 1935 г. эти картины были оценены в 50 млн. долларов, вскоре после войны — вдвое дороже, а об их нынешней стоимости говорить бессмысленно. Они бесценны.

Все эти данные взяты мною из статьи Александра Мосякина «Продажа», печатавшейся в свое время в «Огоньке».

Стоит ли удивляться после ознакомления с подобными фактами, что уровень культуры в нашей стране столь низок? Даже закоренелые «материалисты», понимающие ценность чего-либо лишь измеряемую в ее денежном эквиваленте, содрогнутся при перечислении преступных сделок большевистских руководителей СССР, которые те совершили в 20—30-е годы XX века. Ведь неизвестно, в каком — следующем или через много веков восполнится для нашей страны тот урон, который был причинен русскому народу.

Но история с распродажей культурных ценностей Меллону — не последняя точка в преступной деятельности тогдашних правителей Кремля. Подобным «пунктом сбора» бывших эрмитажных полотен оказался второй крупнейший американский музей — Метрополитен в Нью-Йорке. Там нашел свое пристанище хранившийся в Эрмитаже до мая 1930 г. прославленный шедевр Антуана Ватто «Меценат», купленный еще Екатериной II. Туда же попал и портрет Елены Фоурмен кисти Рубенса, и известная картина Терборха «Концерт», и полотна Ланкре «Урок музыки» и «Купальщицы», а также знаменитый складень, принадлежащий Д. П. Татищеву. Этот триптих, приписываемый Губерту ван Эйку, включал «Поклонение волхвов», «Распятие» и «Страшный суд». Средник был украден, а боковые створки в 1845 г. поступили по завещанию в Эрмитаж, где хранились до 1933 г., когда были проданы за 195 тыс. долларов и впоследствии из Фонда Флетчер переданы в Метрополитен-музей.

В филладельфийском музее находится шедевр Пуссена «Триумф Нептуна и Амфитрины», который затем

оказался в коллекции Кроза, а оттуда уже поступил в Эрмитаж и хранился там до 1932 г. Эта картина была продана за 50 000 долларов. В «Тимкен галери» в Сан-Диего попало таким же образом полотно Рембрандта «Христос и самаритянка», украшавшее некогда стены Строгановского дворца. В это же время исчезла из Эрмитажа еще одна картина Рембрандта, на которой он запечатлел своего любимого сына Титуса. Сменив трех владельцев, она оказалась в Лувре, куда поступила из собрания Этьена Никола. Сейчас она экспонируется в амстердамском Рейксмузеум. Там же находится и одна из известнейших композиций Рембрандта «Отречение Апостола Петра». Раньше она также хранилась в Эрмитаже под № 799.

Своеобразный филиал Эрмитажа открылся в 30-е годы в Лиссабоне. Как оказалось, армянский миллиардер Гульбенкян не удалился от «русского рынка». Его приобретения существенно пополнили основанный им в португальской столице культурный фонд. Кроме картин Рубенса, Ватто, Терборха, Ланкре, здесь обосновались скульптура Гудона «Диана», картина Дирка Боутса «Благовещение», «Портрет пожилого человека» Рембрандта, полотно этого же мастера «Афина Паллада».

В Национальной галерее Виктории в Мельбурне находится «Пир Клеопатры» Джованни-Батиста Тьеполло, который был куплен Екатериной II вместе с коллекцией графа Брюля и при императоре Павле I украшал в виде плафона потолок одного из залов Михайловского замка в Петербурге, откуда был передан в Эрмитаж, где и хранился до 1932 г. А в Немецком музее в Нюрнберге находится картина Иоганна Платцера «Концерт», парная к ней картина «Оргия» по-прежнему хранится в Эрмитаже. В Вальраф-Рихардц-

музее в Кельне отыскался «Портрет Ганса Шелленбергера» кисти Бургкмайера. В Ганновере — целая россыпь полотен из Эрмитажа, и среди них две картины Рубенса, пять полотен ван Дейка, пейзажные работы Верне, Воувермана, Ван де Вельде, Вейнантса и многих других.

Каталоги аукциона 30-х годов показывают: за границу из Советской России в то время уплывали десятки тысяч произведений искусства. Ущерб, нанесенный таким образом по культурному наследию страны, представляется совершенно невозможным.

В мае 1932 г. на аукционе в Лейпциге распродавалось богатейшее эрмитажное собрание рисунков и гравюр. Всю свою жизнь великий русский путешественник Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский собирал живопись нидерландской, фламандской и голландской школ. Он завещал свою крупнейшую в мире коллекцию — более 700 произведений свыше 400 мастеров — не сыновьям, а Эрмитажу, чтобы она служила народу. Этот бескорыстный дар был продан с молотка. Что продали, а что осталось, не знают даже правнуки собирателя. Подобная участь постигла десятки русских частных коллекций, подаренных Эрмитажу или переданных туда после национализации.

Как правило, на международных аукционах уровень цен во много превышает уровень цен лимитных. Здесь же они, в лучшем случае, практически совпадали. Бывало и так, что предметы искусства продавались ниже лимитного предела. К примеру, на весеннем берлинском аукционе уровень продажных цен составлял лишь 30—50% от лимитов, заявленных в каталоге. К 1933 г. торги достигли пика. Их полнейшая абсурдность стала столь очевидной, что это просто невозможно было уже не заметить. Зарубежные средства мас-

совой информации писали: «Эрмитаж все сильнее истощается. Многие произведения искусства распродаются с минимальной для великого государства пользой по прихоти политиканов, которые мнят себя апостолами культуры». Это явилось призывом к работникам Эрмитажа «принять любые шаги для спасения музея». Но только в 1934 г. грабеж Эрмитажа был прекращен. Однако, шесть долгих лет беспредела нанесли музею огромный урон.

Александр Мосякин пишет об этом так:

«Это были самые трагические годы в жизни музея. По священным залам национальной сокровищницы искусств, как по своей вотчине, ходили иностранные дельцы в сопровождении работников Антиквариата и ОГПУ. Они тыкали пальцами, назначали цены, и любая вещь, на которой сходились в цене, отправлялась за границу. Покупатели приезжали по ночам. Ну, а если днем, то работников музея просто выгоняли из залов или, в лучшем случае, позволяли сопровождать груженую шедеврами тележку. За ней шли заплаканные люди. Легенды об этих похоронных процессиях до сих пор живут в Эрмитаже.

Драматически сложилась судьба документов об этих событиях: они сгорели в блокаду вместе с частью эрмитажных архивов. Но впоследствии список потерь удалось восстановить, и сейчас он хранится в Эрмитаже. Как хранятся в музейной библиотеке каталоги тех аукционеров, где разноцветными карандашами проставлены суммы в марках, за которые продана та или иная вещь, или же красной тушью аккуратно выведено «Z» или «н/п», что означает «не продано»...»

Одной из позорных страниц истории советских времен, бесспорно, является распродажа икон, которая

осуществлялась с конца 20-х до начала 30-х годов. Так, в 1928 г. было принято решение о продаже икон США. Американской стороной была организована серия таких распродаж, крупнейшей из которых явился нью-йоркский аукцион «Русские иконы».

Иностранные дипломаты могли легко приобретать заинтересовавшие их иконы с комиссионных магазинах Ленинграда, где выбор был богатейший, а цены — символические. Именно за счет таких покупок было сформировано выдающееся собрание русской иконописи Национального музея в Стокгольме. Многие из этих шедевров искусства попали в Великобританию, Германию, США.

А из России безвозвратно ушли многочисленные реликвии величайших святых христианства. Среди них — холстяная рубашка — риза Господня, сотканная без единого шва, которая попала на Русь в 1625 г. в качестве дара персидского шаха Аббаса царю Михаилу Федоровичу. Бесследно исчезла и другая ценнейшая реликвия — риза пресвятой Богородицы, которая попала на Русь из Византии и хранилась в Казанском соборе Московского Кремля, где в честь ее построена церковь Ризоположения. Неизвестна судьба сокровищ Вознесенского монастыря, основанного в 1393 г. вдовой Дмитрия Донского Евдокией, который был усыпальницей русских великих княгинь, цариц и цариц. Сейчас невозможно также отыскать путь уникального собрания древних христианских рукописей, икон и произведений искусства, находившихся в Чудовом монастыре. Все это и многое-многое другое было утеряно во мраке трагической истории.

Бесследно пропали целые иконостасы. В Казанском соборе в Ленинграде был серебряный иконостас, изготовленный из трофейного серебра, которое казаки ата-

мана Платонова отбили у отступавших наполеоновских войск. Этот памятник войны 1812 г., установленный у могилы Кутузова, был выкорчеван «с кровью и мясом» штыками и кувалдами, после чего пропал неизвестно куда. Такая же участь постигла и серебряный иконостас Андреевской церкви в Киеве.

Сейчас невозможно отыскать ни одного памятника культуры, который бы не был разграблен или распродан по частям или полностью за границу. Новой власти, поселившейся в Кремле в 1917 г., все эти предметы культуры или искусства в том чистом виде, в котором они их «наследовали» от царской России, были без надобности. Все в спешном порядке переводилось в твердую валюту, и при этом не бралась в расчет даже материальная ущербность подобных сомнительных предприятий.

Время не пожалело и четыре жемчужины русской культуры: Строгановский, Юсуповский, Шуваловский и Шереметьевский дворцы. Эти дворцы-музеи были варварски разорены и отданы различным организациям. Часть их имущества была распылена по разным музеям страны, а другая — распродана. Можно говорить лишь об относительном «везении» Юсуповского дворца. В Париже жили его бывшие хозяева, и имущество, таким образом, не ушло с молотка. Многие из спрятанных в его тайниках сокровищ остались на родине, а уникальная коллекция скрипок итальянских мастеров составила основу Госколлекции музыкальных инструментов. Однако, значительная часть дворцовых коллекций прикладного искусства, мебели, книг и ювелирных ценностей также бесследно потеряна для России.

Подлинному разгрому подвергся Строгановский дворец. Подобно тому, как распродавались экспона-

ты Эрмитажа, уходили с молотка и предметы искусства из этого дворца. В мае 1931 г. антикварная фирма «Рудольф Лепке хаус» организовала шумный аукцион «Строгановский дворец». В результате были распроданы: 108 картин западноевропейских мастеров, включая полотна Рембрандта, Рубенса, Кранаха. Джованни Беллини, Андреа дель Сарто, Пуссена, Лоррена, Греза, Буше, Робера, Рейсдаля, Ромни и пять портретов ван Дейка, оказавшихся потом в Ганновере; 52 редких образца мебели; 23 скульптуры и скульптурных рельефа, включая бюсты Вольтера и Дидро, работы Гудона и известную скульптуру Фальконе «Купидон»; 4 гобелена 1781 г. знаменитой парижской мануфактуры «Ателье Козетта»; 4 фамильные иконы в дорогих окладах, китайский фарфор; а также уникальные жирандоли, торшеры, вазы, часы...

Более-менее приличную цену получили лишь портреты кисти ван Дейка — 157 080 долларов за пару. Остальное ушло за бесценок, в том числе: «Христос и самаритянка» Рембрандта — за 49 980 долларов, «Портрет графа Воронцова с дочерью» Джоржа Ромни — за 11 900 долларов, «Адам и Ева» Лукаса Кранаха — за 11 186 долларов, «Аллегория вечности» Рубенса и «Вид Гарлема» Рейсдаля — за 14 280 долларов, а бюсты Вольтера и Дидро — за 10 710 и 6 188 долларов. Всего за 256 вещей на аукционе было получено 613 326 долларов.

Разграбление частных коллекций также началось в первые послереволюционные годы. После подписания декрета о национализации художественных ценностей был создан Государственный музейный фонд, который учитывал и распределял по музеям национализированное имущество. Однако, зачастую выходило

так, что учетом занимались люди, абсолютно ничего не понимавшие в этом деле. Отсутствовала фотофиксация, музейные описи скорее напоминали акты инвентаризации. Чтобы разобраться во всех тонкостях такой работы, требовалось время. В итоге к концу 20-х годов должным образом была задокументирована только часть вещей, переданных в центральные музеи Ленинграда и Москвы. Многие же из того, что оставалось в провинции, погибло из-за отсутствия условий хранения и специалистов. В период массовых репрессий значительная часть конфискованного имущества попала на склады ОГПУ — НКВД. Многие из этих ценностей украсили квартиры, дачи и кабинеты советских чиновников.

«Признаком хорошего тона для Сталина и лиц его окружения, — пишет А. Мосякин, — считалось поднесение даров — не без умысла, разумеется. Дарили царские драгоценности, музейное имущество. Дарили на официальных приемах и за дружеским завтраком, по случаю знаменательных дат и при посещении вернисажей. В 1933 г. с юбилейной выставки «Художники РСФСР за XV лет» бесследно исчезла акварель Филонова «Итальянские каменщики», а вскоре пропала картина Петрова-Водкина «Матери», объявившаяся недавно в Италии.

Особым расположением Сталина пользовались дипломаты. Нужным из них создавался режим наибольшего благоприятствования в приобретении отечественных сокровищ. Причем, интересно: продажа ценностей производилась на рубли по курсу 1 доллар = 45 руб., а с 1938 г. 1 доллар = 7 руб. Обмен производился в специальных точках, которые дипломаты прозвали «черным рынком рублей». Одна из таких точек находилась в здании ГУМа. Только два года прожил

в Москве американский посол Джозеф Дэвис, но за это время успел сколотить значительную коллекцию русского и советского искусства, включая двадцать первоклассных икон XVI — XVIII в.: 9 — из собрания Государственной Третьяковской галереи, 8 — из Киево-Печерской лавры и 3 — из бывшего Чудова монастыря в Москве. Для него и его супруги Мариории Пост устраивались «ознакомительные» экскурсии в закрома Антиквариата, в Феодосийскую Картинную галерею имени Айвазовского и музеи Кремля, благодаря которым Джозеф имел возможность пополнять свою коллекцию живописи и прикладного искусства, включая шесть тарелок Владимирского орденового сервиза, купленных им за 200 рублей (за 4,5 доллара!) в Ленинграде, а Мариория — свое собрание русских императорских драгоценностей. Посильные услуги в этом деле ей оказывала незадолго до ареста жена Молотова (и это ей потом вменилось в вину), через которую она получила в дар две роскошные вазы из Музея керамики в Кускове. Дары получали Аверелл Гарриман, английские, шведские, французские, германские дипломаты...

В наши дни продолжателем «славной» традиции стало Министерство культуры СССР. В 1972 г. министр культуры Е. А. Фурцева подарила Арманду Хаммеру картину Казимира Малевича «Супрематическая архитектоника» из Третьяковской галереи, оцененную примерно в 1,5 млн. марок. Через три года аналогичная участь постигла картину Малевича «Динамический супрематизм», ушедшую в частную коллекцию в Англию. Оба дара предполагалось сделать за счет Русского музея, но его директор В. А. Пушкирев ответил категорическим отказом, а вот его коллега из Третьяковки не устоял.

Многие бесценные творения искусства спасли для нас лишь низкий уровень аукционных цен и то обстоятельство, что в эмиграции жили их бывшие владельцы, грозившиеся потребовать возвращения их себе. Только поэтому удалось сберечь крупнейшее в мире собрание современной французской живописи из коллекций Морозова и Щукина. В те годы искусство импрессионизма и постимпрессионизма считалось у нас «эстетически малоценным» и «идеологически вредным», и от него решили избавиться. Поначалу сторговывали частями, а весной 1933 г. «Ноудлер энд компани» вступила в переговоры с Антиквариатом о полной распродаже этих коллекций. Но тут вмешались наследники — и сделка века (похлестче меллоновской!) сорвалась, хотя два шедевра — «Портрет жены художника» Сезанна и «Ночное кафе в Арле» Ван Гога — все же были проданы в частные коллекции США.

Чтобы оценить масштаб потерь, скажу, что на последних аукционах «Сотбиз» две куда менее известные картины Ван Гога были проданы за 37 и 53 млн. долларов, что официально занесено в книгу рекордов Гиннеса. Непонятным образом оказались за границей еще некоторые картины из этих собраний (например, пейзаж Ван Гога). Какой-то пейзаж Сезанна из России приобрел тогда через Хеншеля и Матхайзенскую галерею филадельфийский коллекционер Альберт Барнс.

Но распродавались не только частные коллекции, распродавались и библиотеки — государственные, церковные, личные. Этому мероприятию способствовала, в частности, организация «Международная книга», на совести которой сотни тысяч вывезенных за границу ценнейших книг, архивов, рукописей.

Через коммерческие букамагазины Москвы и Ленинграда и представительства Наркомвнешторга были распроданы десятки реквизированных библиотек членов царской семьи, высшей аристократии и буржуазии. Личная библиотека Николая II, к примеру, которая насчитывала более 1700 томов, в 1930 г. перекочевала в Библиотеку конгресса США. Среди проданных реликвий Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде был один из величайших памятников письменности — старинная греческая рукопись Нового завета, дополненная двумя апокрифами, всемирно известная, как «Синайский кодекс». Этот подарок Александру II хранился в Публичной библиотеке до конца 1933 г., когда и был продан за 500 тыс. долларов Британскому музею. Не пожалели и другой уникальный памятник средневековой культуры — Коран шаха Аббаса. Но перечислить все исчезнувшие из библиотек раритеты просто невозможно.

Неисчислимыми количествами распродалось современное русское искусство. Первой официальной выставкой-распродажей этих предметов искусства стала «Первая русская художественная выставка», открывшаяся 15 октября 1922 г. в одной из лучших галерей Берлина — Ван Димена. Она явилась детищем Раппальского договора и на нее было отобрано свыше 200 лучших произведений «русского авангарда».

При непосредственном участии американского журналиста, коллекционера и общественного деятеля Кристиана Бринтона в декабре 1923 г. в Нью-Йорк в сопровождении директора Третьяковской галереи И. Э. Грабаря отправилась гигантская экспозиция современного русского искусства (940 картин, рисунков, акварелей

и скульптур 84 ведущих советских художников). Выставка этих произведений состоялась в 1924 г. А весной следующего года было создано Всероссийское общество культурных связей с границей, которое возглавила сестра Троцкого Ольга Каменева. В апреле 1927 г. в Нью-Йорке возникло «Американское общество за культурные связи с Россией», куда вошли известные деятели американской интеллигенции, симпатизировавшие СССР. Итогом всей их деятельности явилось подписание 27 июня 1928 г. соглашения с руководством ВОКСа об организации серии выставок-распродаж современного русского и советского искусства в США. Вся эта вакханалия продолжалась до конца 1940 г.

Тяжелейшим ударом по культурному достоянию страны, помимо прочих, явилась утрата коллекций русского ювелирного искусства. В первую очередь, это коснулось фамильных сокровищ династии Романовых, которые насчитывали сотни тысяч ценнейших образцов изобразительного и прикладного искусства, орденов, оружия, редких книг, ювелирных украшений и императорских реликвий, включая и коллекцию русских коронных драгоценностей.

После Октябрьского переворота все эти предметы искусства были национализированы и поступили в ведение Госмузфонда и различных музеев. А ювелирные ценности частью отправились в Эрмитаж, а частью переданы в Государственное хранилище ценностей (Гохран), образованное 3 февраля 1920 г. директором Совнаркома и получившее название «Алмазный фонд РСФСР». То, что хранится в этом фонде сейчас — лишь жалкие крохи того, что было национализировано сразу же после революции.

В истории исчезновения части коллекций русского ювелирного искусства были замешаны многие банки,

фирмы, частные лица. Но, как считает А. Мосякин, главную роль в этом деле сыграл Арманд Хаммер, который с 1924 г. возглавлял в СССР концессию по производству и сбыту канцелярских товаров и представлял интересы 38 американских компаний и фирм.

Из записки Ленина, которую он направил членам ЦК 14 октября 1921 г.:

«Рейнштейн сообщил мне вчера, что американский миллионер Хаммер, русский родом... дает миллион пудов уральским рабочим на очень льготных условиях... с приемом уральских драгоценностей на комиссию для продажи в Америке. В России находится сын (и компаньон) этого Хаммера, врач, привезший Семашко в подарок хирургических инструментов на 60 тыс. долларов. Этот сын был на Урале с Мартенсом и решил помочь восстановить уральскую промышленность. Доклад сделает вскоре Мартенс официально. Ленин».

Таким образом, возникла концессия «Аламерико», которой Ленин придавал огромное значение. Председателем правления концессии стал Юлиус Хаммер, а его секретарем и помощником — сын его Арманд. Концессия занималась разработкой Алапаевского асбестового рудника на Урале. О бескорыстном подвиге русских по происхождению американцев по восстановлению экономики в СССР речь, конечно, не шла. Хаммеры подошли к делу серьезно. И первой ласточкой советско-американских торговых отношений явилась поставка хлеба для голодающих Урала и Поволжья. А зимой 1921—22 гг. русская пушнина, кожа и черная икра были обменены на доллары, и пароходы с американской пшеницей стали прибывать в Петроград.

Но вскоре на рынках Амстердама и Антверпена стали также появляться русские бриллианты. Мест-

ные дельцы сразу сделали предположение, что это, возможно, часть российских коронных драгоценностей. Затем через антикварный магазин в Стокгольме была реализована партия гобеленов, ковров и фарфора, а также других произведений искусства из национализированных частных собраний.

Надо заметить, что подобными предметами антиквариата в те годы было забито все: торговые лавки, гостиницы, рестораны и барахолки. Свою первую покупку Хаммеры сделали на барахолке, где за трешку купили прекрасное блюдо из царского сервиза, изготовленного на Императорском фарфоровом заводе. Обедая как-то в одной из петроградских гостиниц, они обнаружили ценнейший банкетный сервиз Николая I, датированный 1825 г., который находился в общем пользовании. Директор ресторана жаловался, что тарелки весьма не практичны и легко бьются. Арманд предложил ему взамен новый фаянсовый столовый набор. Обмен состоялся. Примерно, таким же образом к Хаммерам попал и известный сервиз Николая II «Птицы», первоначально состоявший из шести тысяч предметов, на изготовление которого ушло около шести лет. Потом к их приобретениям добавились картины, иконы, произведения прикладного и ювелирного искусства. Через несколько лет 30-комнатный особняк Арманда Хаммера на Садово-Самотечной улице превратился в настоящий музей.

Летом 1928 г. Арманда Хаммера посетил известный нью-йоркский антиквар Е. Сахо, который был очень заинтересован романовскими сокровищами. Он предложил Хаммеру партнерство, и тот ответил, что «справится у своих друзей в Советском правительстве, которые намекали ему, что он сможет их вывезти, если заплатит пошлину». В скором времени между Хам-

мером и правительством большевиков состоялось соглашение, по которому одна сторона передавала свою карандашную фабрику в обмен на предоставление второй стороне права на вывоз и продажу в Америке произведений искусства.

Однако, из-за «великого биржевого кризиса» альянс с Сахо не состоялся. Братья Хаммеры решили действовать самостоятельно. Весной 1931 г. через галерею Уоллес Дэй они выставили небольшую коллекцию северских фарфоровых ваз, фламандских гобеленов, обеденных сервизов, люстр, мебели, кружев, часов и картин. Но им крупно не повезло: аукцион принес организаторам лишь 69136 долларов. Понимая, что при правильном ведении дела этот бизнес может оказаться весьма прибыльным, они решили на этом не останавливаться. Был разработан блестящий ход: распродать ювелирные изделия через обычные универсальные магазины. Затем были разосланы письма директорам крупнейших американских универмагов, в которых предлагалась сорокапроцентная скидка от реальной цены. И после этого начались для многих тогда непонятные метания Хаммеров между Америкой, Европой и Россией. Юлиус Хаммер заявлял, что ему необходимо посетить Москву, чтобы «уладить дела фамильной карандашной концессии и приобрести антиквариат и произведения искусства для галереи Эрмитажа на углу 3-й Восточной и 52-й стрит в Нью-Йорке». Такого музея в природе не существовало, но зато по этому адресу располагался фамильный хаммеровский антикварный магазин.

Вскоре у Хаммеров появился надежный друг — парижский маршал Александр Шаффер, которому Арманд оформил визу в Советский Союз. И теперь уже

тот начал совершать челночные рейсы через океан, посещая музеи Ленинграда и Москвы. В 1934 г. он устроил собственный аукцион «Русские императорские сокровища», а в 1937 г. — выставку своих приобретений, которая затмила даже хаммеровскую.

К сожалению, таких предприимчивых дельцов в то смутное время было очень и очень много. В результате Россия лишилась тех, действительно, несметных сокровищ, которыми располагала к началу XX столетия. Можно сказать, что этот прискорбный факт уже случился и винить кого-либо в нем не имеет смысла. Возможно, это и в самом деле так. Ведь зарубежные «ценители изящного» делали свои приобретения на собственные деньги и никого не обворовывали — в том общепринятом смысле, в котором подразумевается это явление. Говорят: дают — бери... Но мне эта ситуация напоминает другую, когда несмышленому ребенку подсовывают вместо одной стодолларовой бумажки двадцать других, но однодолларовых.

В последнее время, и особенно в постперестроечный период, на родину возвращаются предметы искусства, которые попали за границу в смутные 20—30-е годы. Бескорыстными дарителями здесь выступают иностранцы, оставившие свой след в этой печальной истории. Так, к примеру, известный бизнесмен и коллекционер Арманд Хаммер в конце 80-х годов сделал свой очередной вклад в нашу сокровищницу произведений русской живописи. Он передал в дар Советскому фонду культуры картину Айвазовского «Гурзуф ночью. Дорога вдоль моря», написанную автором в 1865 г. Такие примеры не единичны, но заставляют о многом задуматься.

«Сейчас толпы страждущих, — пишет А. Мосякин, — осаждают Алмазный фонд, желая лицезреть

несметные сокровища России. И многие всерьез полагают, что эта камерная выставка на склонах кремлевского холма и есть ювелирное богатство огромной страны, накопленное ее имущими классами за сотни лет!

Теперь, чтобы поглядеть на сокровища России, нужно пересечь океан или поспеть на выставки, которые иностранцы великодушно привозят к нам... Да и что говорить, если только на двух швейцарских аукционах «Кристи» в апреле 1975 и в ноябре 1977 г. я насчитал 471 шедевр русского ювелирного искусства: иконы в дорогих окладах (включая «Введение Марии во храм» — подарок Николаю II от Троице-Сергиева монастыря в честь 300-летия дома Романовых), несколько табакерок Екатерины II и Александра III с его золотобрюллиантовым вензелем, бриллиантовый знак императорского ордена Андрея Первозванного, принадлежавший Александру II, 325 изделий фирмы Фаберже (это больше, чем во всех наших музеях вместе взятых!) и более ста — фирм П. Овчинникова, И. Хлебникова, П. Сезикова и других, которые тоже были поставщиками для «высочайшего двора», тоже разделили участь наследия «великого Карла». И такие аукционы там идут уже шестьдесят лет!

Резюмируя, можно сказать: продавалось все, что имеет отношение к культуре. За период с 1922 по 1940 г. состоялось свыше 30 крупных аукционов, множество тайных и публичных распродаж. По данным Роберта Вильямса, лишь за первые три квартала 1929 г. Советский Союз продал на аукционах 1192 тонны культурных ценностей, а за такой же период 1930 г. — 1681 тонну. За два года это почти 4 тыс. тонн, а за шесть «пиковых» лет (1928—1933) — более 6 тыс. тонн (!). И это без того, что было переплавлено, продано

по индивидуальным сделкам, через антикварные, букинистические и комиссионные магазины, скупку и иным путем.

Джозеф Дьювин в те годы в сердцах произнес: «Я не понимаю. Как может нация так торговать своими сокровищами. Они их продают словно груз медной или оловянной руды». И он был прав. Эшелонами уходили ценности на распродажу, десятками эшелонов — в переплавку...

11 апреля 1938 г. Народный Комиссариат иностранных дел направил всем посольствам в Москве депешу такого содержания:

«Протокольный отдел Народного Комиссариата иностранных дел имеет честь обратить внимание членов дипломатического корпуса на следующее:

Советское правительство отмечает значительную утечку за границу предметов антиквариата и искусства, имеющих художественную ценность для Советского Союза. Поэтому Главному таможенному управлению отныне отдан приказ выдавать разрешения на вывоз таких вещей в строгом соответствии с инструкцией Главного таможенного управления № 120 от 28 сентября 1928 г., копия прилагается...»

Поднятый на многие годы шлагбаум был, наконец, опущен. Времена менялись, и то, чем вчера бездумно швырялись налево и направо, становилось государственной ценностью и национальным достоянием. И хотя по Америке еще катились последние волны «русских выставок», опустошительная «культурная эпопея» подходила к концу. Она становилась историей. Наступали новые времена, а с ними и новые опустошения, ведь у порога страны стояла война...

Справедливости ради нужно отметить, что сейчас, несмотря ни на что, кремлевская сокровищница оста-

ется одной из лучших мировых коллекций. В свое время корреспондент «Известий» Ядвига Юферова встретила с директором Государственного музея-заповедника «Московский Кремль» И. А. Родимцевой. Приведу отрывки из этой беседы, касающиеся интересующей нас темы.

Я. Ю.: Ваша жизнь проходит за могучей Кремлевской стеной. Хоть у вашего музея нет проблем или?..

И. Р.: Конечно, на заповедник можно смотреть, как на визитную карточку России, но, вместе с тем, это уникальное научное учреждение, которое обязано сохранить для будущего тысячелетия коллекцию более чем из ста тысяч вещей, живших-бытовавших в Кремле. Это особая родословная великих имен, энциклопедия русской, восточной и европейской культуры.

Я. Ю.: А кражи в музеях Кремля бывали?

И. Р.: Последняя случилась в 1918 г., в патриаршей ризнице.

Я. Ю.: И корона Российской империи никогда не пропадала?

И. Р.: Кстати, когда к нам пришли киношники с известным сценарием о ее пропаже, наши хранители искренне возмутились: такого не может быть никогда, хотя сокровищница всегда делила судьбу своего государства. Войны, пожары не проходили мимо. Дважды сокровищница покидала Кремль — в 1812 г. уезжала в Нижний Новгород, в 1941 — на Урал.

Самый большой урон кремлевским сокровищам был нанесен Лжедмитрием. Он варварски уничтожал произведения искусства: разламывал их на куски и разбрасывал своим наемникам. Это было начало его и Марины Мнишек платы-расплаты за русский престол. Потом Наполеон вошел в горящий Кремль

и страшно надругался над святынями, расположив в Успенском соборе гусарский полк и конюшню:

Я. Ю.: Ирина Александровна, а много ли было распродано богатств России?

И. Р.: Увы, много. Не только распродано, но и переплавлено и разрушено. Немало уже сказано про роковую роль Гохрана в 20—30 гг., но судьбой, наверное, предназначено, чтобы многое опять вернулось в Кремль.

В 1967 г. много писали, что в СССР ничего не осталось из царских коронных бриллиантов. Тогда было принято решение открыть в Оружейной палате выставку из Алмазного фонда. Сегодня ее посетителей не интересует, какому ведомству подчиняются те или иные сокровища. Главное, чтобы они оставались национальным достоянием России и чтобы современное законодательство смогло подтвердить эту независимость.

Да, многое ушло, многое продано через аукционы, это бесспорно, сомнительны лишь многочисленные байки о подарках женам генсеков из музейных фондов...

Как бы там ни было, но факт остается фактом. Предметы искусства и культуры, представляющие особую историческую ценность, уплывали из России огромным потоком. Так было во все времена, но по наиболее трагическому сценарию события развивались именно в 20—30 гг. нашего столетия. И сейчас, каким бы путем эти предметы искусства или культуры ни покинули пределы России, они являются, увы, отнюдь, не нашим национальным достоянием. На ноябрьских 1997 г. торгах в Женеве было представлено, к примеру, серебро, царские табакерки и изделия Фаберже. Из 390 лотов коллекции декоративно-приклад-

ного искусства, выставленной на торги «Сотбиз», следует упомянуть и наиболее ценных с исторической точки зрения.

Среди прочих было выставлено зеркальное блюдо из серебра, датированное около 1897 г. Оно принадлежало Николаю II и было подарено Франсуа Феликсу Фору (1841—1899) во время его визита в Россию. Трудно понять, почему Николай II, при дворе которого работали Фаберже и Болин с большой группой великолепных серебряных дел мастеров, подарил французскому президенту это огромное (около метра в длину) блюдо французского производства.

Следующий лот — позолоченный поднос из серебра, имеющий вес более 4 кг и длину 55 см, кроме французского клейма, имеет также и русское. Вероятно, когда-то этот поднос знаменитого французского мастера Одио принадлежал какой-то знатной семье из России.

Позолоченная ваза из серебра (Жан Батист Клод Одио. Париж. 1798 — 1809), весом около 3 кг и длиной 36,5 см, которая, вероятно, входила в комплект Демидовского сервиза, проданного американцам в 1928 г., размещается на четырех фигурках Бахуса и имеет ручки в виде лебедей. В счете, который Демидов уплатил мастерской, среди прочих предметов указаны два ведерка для льда, десертное блюдо с фигурами Бахуса и лебедей. Полностью обеденный сервиз Демидова экспонировался на промышленной выставке в Лувре в 1819 г.

Золотая табакерка с портретной миниатюрой (Германия. Конец XIX в.). Принадлежала русской императорской фамилии и была подарена принцу Генри Прусскому, который продал ее на благотворительный торгах во время 1-й мировой войны.

Золотая табакерка, украшенная мозаичным видом Петергофа (С.-Петербург. 184/?/ Веклер.), диаметром 6,6 см. Вероятно, также принадлежала русской императорской фамилии.

Пара позолоченных ваз (Фаберже. С.-Петербург. Мастерская Михаила Перхина). Высота 15,7 см. Два года назад эти русские вазы пурпурного цвета на постаментах в виде колонн из черного агата продавались среди имущества герцога Баденского. Только специалисты могут определить, из какого материала выполнены эти вазы. Кажется, что они вырезаны из какого-то необычайного редкого камня ярко-красного цвета. Однако, это непрозрачное стекло, называемое «пурпурин», известное по изделиям итальянских мастеров, применявших его в мозаиках и для украшения табакерок. В работах венецианских мастеров это стекло также нашло свое применение, и состав материала хранился в строгом секрете. К середине XIX в. пурпурин открыли во Франции. А с 1858 г. в результате химических экспериментов его удалось получить на Императорском стекольном заводе в России.

Веер, декорированный золотом, перламутром, рубинами и сапфирами (С.-Петербург. Фаберже. Мастерская Вигстрема. Около 1910 г.). корона с монограммой Августы-Виктории, королевы Пруссии, объясняет, почему веер называется «императорским». Мастерские Фаберже выпускали самую разнообразную продукцию, но вееры Фаберже никогда не встречались на антикварном рынке, что подчеркивает уникальность данного лота.

Произведения великих мастеров не находят своего выражения в золотом или валютном эквиваленте — они не имеют настоящей цены. Это — мысль художника, посылаемая через столетия последующим поколе-

ниям, облекаемая в материальную оболочку, чтобы быть доступной для прочтения. Попадая на неродную почву, эта мысль утрачивает свое предназначение. Как невозможно вычленишь одно звено из цепи, не нарушив ее целостности, так невозможно понять себя, потеряв связь с прошлым. В этом, на мой взгляд, и скрывается корень зла той трагедии, которая имела место в нашей истории в 20—30-е годы.

ТОРЖЕСТВО И СЛАВА ЛИКУЮЩЕГО ПОБЕДИТЕЛЯ

Всякую войну легко начать, но крайне трудно кончить.

Саллюстий

Иногда я думаю, сколь жестока человеческая натура, насколько сильно она отличается от общепринятых норм поведения, и тогда мне становится страшно: неужели все так безнадежно и непоправимо. Но иногда я задумываюсь о лжи во имя спасения человечества, о сокрытии правды, и тогда мне становится страшно вдвойне. Ведь совершенно очевидно, что ложь не является эффективным лекарством при лечении общественных пороков. Скорее, она усугубляет эти негативные явления, способствует увеличению их до неограниченных количеств.

Человек так устроен, что он постоянно тянется к знанию. Ему все непременно нужно знать, что было прежде, в каком обществе он живет сейчас, он даже

пытается приоткрыть завесы времени и заглянуть в будущее. Это путь эволюции. Но когда его лишают возможности познания, он начинает фантазировать. И воображение рисует картины, которые порой оказываются неверными. Тогда возникают слухи и домыслы, не подтвержденные фактам предположения. В таких условиях невозможно извлечь уроки из прошлого и не допустить повторения роковых ошибок. В такой ситуации страдает истина.

Меня очень волнует проблема запретных тем. Особенно таких, на которые гриф «совершенно секретно» накладывает само общество. Разрешение мифа в таком случае недопустимо. А это, в свою очередь, создаст неправильное понимание проблемы. Скажем, такое понятие, как «священная» Великая Отечественная война. Должна сказать, что я нисколько не подвергаю сомнению факт священности этой войны. Еще живы люди, участвовавшие в ней, те, которые победили фашизм. Я способна воспринимать величие Победы через симпатию к этим людям. Они — частица меня, их действия — наша история. Но придут поколения, для которых эти люди станут прошлым. У них не будет возможности собственными глазами видеть очевидцев тех трагических для всего мира событий. Они, что совершенно понятно, станут отвергать прошлое, подвергать его скрупулезной ревизии. Тогда не окажется людей, которые помогли бы этим последующим поколениям разобраться в действительности, отличить ложь от правды. Вот поэтому я уверена, что начинать пересмотр фактов, очищать правду от лжи нужно сейчас, когда еще живы очевидцы. Но этот процесс непременно должен быть подлинным. Умалчивание, утаивание никого не спасет. Время произведет свою ревизию, и тогда будет уже поздно.

Человек падок на богатства. Даже если он не понимает ценности какой-либо вещи, он все равно поднимает ее, если она встретится у него на пути. Этого не изменишь. Никакая система не в состоянии переделать человека. Страх, невежество, конечно, сдерживающие факторы. Но и они не решают проблему, они лишь вгоняют желания и страсти куда-то далеко, в подсознание. А оттуда их очень легко извлечь при благоприятных обстоятельствах. Скажем, когда ослабеваает режим или когда этому способствует конкретная обстановка.

В последнее время довольно часто всплывают факты о хищениях материальных и культурных ценностей в период 2-й мировой войны. Говорят о фашистах, занимавшихся грабежами на оккупированных ими территориях, о своеобразных «коллекционерах» золотых коронок, снятых с живых или умерших людей, о подпольных миллионерах из числа уцелевших немецких нацистов, заканчивающих свой жизненный путь на кладбищах для нищих. Наконец, о тех культурных и исторических ценностях, которых лишилась Россия во время войны. В частности, о Янтарной комнате, исчезнувшей, кажется, уже навсегда. Но все эти факты в средствах массовой информации выглядят какими-то однобокими. Получается, что хищением занимались лишь нацисты. Потому что такова их природа. Какое отношение имеют к этому победители фашизма? Ведь их миссия заключалась не в ограблении, а в избавлении от страданий, в том, чтобы принести мир. С этим спорить невозможно. Меня интересует другое: куда девалась человеческая натура, как известно, падкая к обогащению?

Во времена Римской империи существовало одно строгое и непререкаемое правило: по отношению

к врагу все дозволено. И тогда, и позже — при всех известных в истории войнах поверженные города отдавались на разграбления и милость победителей. Этим полководцы воздавали своим армиям за то моральное и физическое напряжение, которое сопутствовало победе. Правда, общественное мнение всегда выносило осуждающий приговор этим алчным проявлениям, и, особенно, в тех случаях, когда наблюдались явные перегибы. Но, тем не менее, они признавались как должное, и никто не старался от них открещиваться.

История, которую я хочу рассказать, относится скорее к области слухов, домыслов и предположений. Но она, на мой взгляд, очень характерно раскрывает один из важнейших аспектов взаимоотношения золота и власти.

В свое время маршалу Советского Союза Г. К. Жукову ставилось в упрек то, что он, используя свое положение, занимался присвоением трофейного имущества поверженной Германии. Нет, никаких прямых обвинений в адрес маршала по этому поводу вовсе не было. Пострадали люди — те, которые были близки к нему, его окружение. Это на них заводились уголовные дела, это они испытывали на себе изощренные методы воздействия карательной машины МГБ. Ну, а сам Жуков оставался величиной недосягаемой. Ведь это был человек, который в 1945 подписал капитуляцию фашистской Германии. И авторитет его при таких обстоятельствах был непререкаем.

Но ходили слухи, что из Германии шли целые эшелоны с награбленным добром, что многочисленные драгоценные вещи, предметы культуры и искусства потом оседали на дачах и в квартирах высокопоставленных военных чиновников. Человеческое воображе-

ние в поисках сенсаций порождало множество слухов и домыслов. К таким можно отнести рассказ о том, как Жуков, посетив прощальную выставку картин Дрезденской галереи, возвращаемых на родину, показывал на некоторые полотна, приговаривая: «Моя».

Как было на самом деле, знают только очевидцы. А они молчат, и приходится восстанавливать картину происходившего по тем скучным документальным фактам, которые имеются. И, что особенно печально, выдвигать новые, может, снова ошибочные предположения.

Это запутанная история, в которой совершенно ясно одно: Жуков-победитель был неуютен сталинскому режиму. Его авторитет хотели замарать. Без этого его нельзя было поставить на место. Значит, нужно было действовать крайне осторожно, чтобы никто не догадался, в чем причина.

Но кому и зачем это было необходимо? Восстанавливая хронику тех событий, ответ приходит сам собой. Каких бы высот ни достиг Жуков, над ним возвышались настоящие глыбы. В первую очередь — Сталин. А за ним — врастающая в небо (на одной отдельно взятой территории) Система. Достигнув невообразимых высот, она перестала носить неодушевленный характер.

Победа во 2-й мировой войне вознесла Сталина на недостижимую высоту. Железный занавес стал открываться, мир заговорил о Советском Союзе прежде всего, как об освободителе от фашистской чумы. Все это как бы списывало прежние ошибки Сталина и оправдывало ту чудовищную кампанию 30-х годов, которая была направлена на уничтожение своего же народа. Сталин был недоволен результатами войны. И тот факт, что он отказался принимать

парад Победы, лишь подчеркивает это. Видимо, поэтому идеологический аппарат после мая 1945 г. развернул широкомасштабную акцию по возвеличению Верховного Главнокомандующего. Она предусматривала, что Сталин — единственный спаситель Родины. Отныне все успешные фронтовые операции стали именоваться не иначе, как «сталинскими ударами» и «сталинскими прорывами».

Однако, в эти строгие рамки не укладывалась деятельность выдающихся полководцев, которые внесли свою весомую лепту в разгром фашизма. Как убрать из народного сознания их образы? Любое упоминание о заслугах этих полководцев стало пресекаться. Сталин имел право на лавровый венок победителя. С военнослужащими, которые пытались отрицать это, расправлялись жестоко. В первую очередь, «всевидящее око» МГБ пало на маршала Жукова.

В 1947 г. Г. К. Жуков был отправлен в ссылку — его назначили командовать малочисленным и второразрядным Одесским военным округом. С его назначением началась перетряска офицерских кадров, последовали массовые аресты среди командного состава сухопутных войск.

Помимо статьи 5810, указывающую на государственную измену, некоторым генералам вменялось в вину присвоение трофейного имущества.

Вот что сам Жуков пишет о тех событиях:

«В 1947 г. была арестована большая группа генералов и офицеров, и, главным образом, те, кто когда-либо работал со мной. В числе арестованных были генералы Минюк, Варейников, Крюков, бывший член Военного совета 1-го Белорусского фронта К. Ф. Телегин и другие. Всех их физически принуждали признаться в подготовке «военного заговора» против сталинского

руководства, организованного маршалом Жуковым. Этим делом руководили Абакумов и Берия...»

Опальные генералы и их родственники были арестованы в период с 1947 по 1949 гг., посажены в Лефортово и, находясь под следствием, подвергались всяческому унижениям, непрерывным ночным допросам, пыткам и жестоким истязаниям. Все они были проинформированы о завершении следствия в один и тот же день, что наводит на мысль о поступившей сверху команде.

В первых числах ноября 1951 г. состоялись закрытые судебные процессы Военной коллегии Верховного суда СССР, на которых дела подсудимых слушались за закрытой дверью, без участия защитников и вызова свидетелей. Приговоры и протоколы судебных заседаний помечались грифом «совершенно секретно».

К счастью, сейчас к этим документам появился доступ, и мы имеем возможность разобраться в происшедших тогда событиях. Среди прочих слушалось «дело» генерала Терентьева, которому вменялась в вину антисоветская деятельность. Якобы, он на своей квартире обсуждал действия советского руководства (что само по себе непозволительная дерзость) и проявил себя злым противником этого руководства. По мнению Терентьева, это руководство уже довело страну до нищенского состояния и «способно пойти на уничтожение 50 миллионов недовольных, лишь бы удержать власть».

СПРАВКА ИЗ АРХИВНОГО ДЕЛА:

«Терентьев Василий Григорьевич, 1899 г. рождения, из крестьян, после революции командовал 1-м Таманским полком, 1-й Таманской бригадой и 5-й Кубанской дивизией. В годы Великой Отечественной войны

командир ряда стрелковых дивизий и корпуса. В 1945 г. — генерал для особых поручений при маршале Жукове. Награжден семью орденами и многими медалями».

Фамилия Жукова в материалах «дела» Терентьева не упоминалась, но он сделал собственное заключение о причинах своих несчастий. Впрочем, фамилия маршала Жукова не упоминалась и в некоторых других «делах» подсудимых, а в некоторых случаях она тщательно вымарывалась. Жизненный опыт заставлял тех, кто вел эти «дела», проявлять крайнюю осторожность, ведь обстоятельства могли и перемениться. Но ни у кого из подследственных не вызывало сомнений то, что они попали в лапы МГБ благодаря своей связи с Жуковым.

Об этом заявил на суде и генерал Терентьев:

— Основную вину свою я вижу в том, что, когда, по решению партии, Жуков был смещен с должности Главнокомандующего сухопутными войсками, я, единственный, из генералов присутствовал на вокзале при отъезде Жукова в Одессу.

Терентьев даже просил маршала взять его с собой в Одесский военный округ, предвидя, что повлечет за собой его хорошее расположение к Жукову. Тот согласился и предложил ему должность в этом военном округе.

— Теперь я понимаю, что в этом заключается мое основное преступление, — завершил свою речь Терентьев. — Хоть оно не вменено мне следствием в вину.

Генерала Терентьева осудили на 25 лет лишения свободы, и его след затерялся среди миллионов узников ГУЛАГа.

По похожему по сути обвинениям были приговорены к 10 годам заключения генералы Л. Ф. Минюк и А. А. Филатов. Первому ставилось в вину то, что он «долгое время вынашивал вражеские взгляды и высказывал клеветнические измышления». Второй, помимо всего прочего, «возводил клевету на советскую действительность, заявляя, что денежная реформа (имеется в виду денежная реформа 1947 г. — В. К.) проведена в ущерб рабочему классу, решение об отмене карточек является показным. За критику в Советском Союзе лишают свободы, и поэтому нельзя написать пьесу в духе Островского или Гоголя, ибо тут же окажешься за решеткой».

Характерно во всех случаях то, что опальные генералы высказывали свои мысли среди сослуживцев или в домашнем кругу. Высказывали, несмотря на 30-е годы, проглотившие столько вольнодумцев, что, казалось бы, проявления подобного рода должны были бы исчезнуть навсегда. Но это были люди, которые повидали другой мир и своими глазами увидели порядки того другого мира, что позволило более трезво взглянуть на положение вещей в своей стране. Страх перед карающей рукой МГБ отступил, но, как оказалось, несвоевременно.

Генерал Минюков позволил себе, к примеру, критиковать назначение на должность Главнокомандующего сухопутными войсками не подходящего для этого человека, Булганина. «...Булганину больше подходит руководить гражданским министерством, как человеку штатскому...» Чем обернулась эта неосторожность, он вскоре сумел убедиться.

Однако, более любопытными с точки зрения нашей темы являются процессы над генералами Крюковым и Телегиным. Вместе с Крюковым была осуждена

и его супруга, известная исполнительница русских народных песен Лидия Русланова. Следует отметить, что семьи Жуковых и Крюковых-Руслановых были близки, поддерживали дружеские взаимоотношения и часто навещали друг друга в домашней обстановке, что давало возможность разжиться компроматом на маршала Жукова.

СПРАВКА ИЗ АРХИВНОГО ДЕЛА:

«Крюков Владимир Викторович, 1897 года рождения, уроженец Воронежской области, поручик царской армии, с 1918 г. в РККА на различных командных должностях в кавалерийских частях, в годы Великой Отечественной войны — командир 2-го Гвардейского корпуса. Герой Советского Союза, награжден 8 орденами и несколькими медалями. До ареста, произведенного 18 сентября 1948 г. — заместитель командира 36-го стрелкового корпуса».

А вот выдержка из анкеты, подшитой к «Делу № 1762» по обвинению Крюковой-Руслановой Лидии Андреевны, которое было начато 27 сентября 1948 г. и окончено 3 сентября 1949:

«Родилась я в 1900 г. в семье крестьянина Лейкина Андрея Маркеловича. Пяти лет от роду осталась сиротой и до 1914 г. воспитывалась в сиротском приюте. Затем жила у дяди, работала на различных фабриках и училась пению у профессора Саратовской консерватории. В 1916 г. приехала на фронт в качестве сестры милосердия, там сошлась с неким Степановым, от которого в мае 1917 родился ребенок... В 1919, будучи в Виннице, вышла замуж за сотрудника ВЧК Наумина Наума Ионыча, с которым жила до 1929 г. В том же году вышла замуж за артиста Мосэстрады Гаркави Ми-

хаила Наумовича, но в 1942 развелась и вышла за генерала Крюкова...»

Допросы генерала Крюкова и его супруги Лидии Руслановой велись параллельно.

В качестве обвинения Крюкову было вменено распространение антисоветской агитации. В частности, это якобы проявилось в том, что он, беседуя с генералом Минюковым высказал недовольство по поводу смещения Жукова с должности Главкома. А также в том, что в беседах с генералом Павловым он утверждал об отсутствии в стране свободы личности, и что вместе с женой Л. Руслановой занимался прославлением и преувеличением заслуг маршала Жукова.

Председательствовал на процессе бессменный генерал-майор юстиции Зарянов. На заданный им вопрос о Жукове Крюков ответил:

— В 1946 г., по случаю рождения моей дочери, я пригласил к себе Жукова. У меня тогда собирались писатели и артисты с женами. Писатель Погодин попросил Жукова рассказать что-нибудь о разгроме немцев под Москвой. Жуков рассказал, но при этом ни слова не упомянул о роли Сталина.

Следующий вопрос касался супруги подсудимого.

ЗАРЯНОВ: Правильно ли вы показали на следствии, что Русланова допустила враждебный выпад по адресу Советского правительства?

КРЮКОВ: Она не имела при этом враждебного намерения.

ЗАРЯНОВ: На следствии вы показали, что «при всяком удобном случае я перевозносил Жукова как непревзойденного полководца, в чем мне активную помощь оказывала моя жена, Русланова, которой по адресу Жукова было пущено в обиход образное выражение «Георгий Победоносец». Правильно показали?

КРЮКОВ: Правильно.

ЗАРЯНОВ: Далее вы дали такие показания: «...в своем зазнайстве Жуков дошел до того, что стал противопоставлять себя Верховному Главнокомандующему, бесстыдно выявляя, что не Сталину принадлежит заслуга в разгроме немцев, а ему — Жукову».

КРЮКОВ: Жуков никогда не говорил, что ему принадлежит заслуга в разгроме немцев, а не Сталину. Но поскольку он подчеркивал свое «я», то я пришел к такому выводу.

К генералу Крюкову, как отмечалось в официальном документе, «применялись изоцтренные методы ведения следствия». Но, даже несмотря на это, работники МГБ не добились от него желаемого результата. Генерал так и не признал, что «маршал Жуков возглавляет заговор с целью осуществления в стране военного переворота».

В более эмоционально выдержанных тонах проходило расследование «дела» Лидии Руслановой. Помимо подрывной работы против партии и правительства, распространения клеветы о советской действительности, ей ставилось в вину то обстоятельство, что она, будучи со своим мужем в Германии, занималась присвоением в больших масштабах трофейного имущества.

Следователей в этом «деле» интересовало все до пикантных подробностей. Всплыл наружу даже факт существования притона «Веселая канарейка», предназначенного для развлечения высокопоставленных военных чиновников. Этот притон якобы посещали сама Русланова, а также ее супруг, генерал Крюков.

Следователь майор Гришаев потребовал у подсудимой подтверждения этого факта.

— Не знаю ни о каком притоне, — последовал ответ.

— Бросьте! — в сердцах выкрикнул майор Гришаев. — Нам хорошо известно, что на квартире заведующего постановочной частью Марьянова устраивались самые настоящие оргии. Вначале Крюкова туда водили адъютанты, а потом он захаживал вместе с вами.

Но не этот вопрос был главным, который интересовал следствие. На допросе генерал Крюков как-то обмолвился о том, что Русланова была награждена орденом, и произошло это не без участия Жукова.

— Какие правительственные награды вы имеете? — постепенно Гришаев подбирался к самому главному.

— Я награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

— А разве других наград вы не имеете?

— Имею. В августе 1945 г. я была награждена орденом Отечественной войны 1-й степени. Однако, в 1947 г. по решению правительства этот орден, как незаконно выданный, у меня отобрали.

— Кем вы были награждены?

— Награждена я была по приказу (имя вымарано), командовавшего в то время оккупированными войсками (вымарано).

— За какие заслуги вас наградили?

— За культурное обслуживание воинских частей и за то, что я на свои деньги купила две батареи минометов «катюша».

Следует заметить здесь, что семейство Крюковых-Руслановых, действительно, было весьма состоятельным. У них было две дачи, три квартиры, четыре автомобиля, антикварная мебель, картины, представляю-

щие собой художественную ценность, шкурки соболя и каракуля, аккордеоны, рояли, драгоценности...

— Материалами следствия вы изобличаетесь в том, — продолжал допрос майор Гришаев, — что во время пребывания в Германии вы занимались грабежом и присвоением трофейного имущества в больших масштабах. Вы признаете это?

— Нет! — резко ответила Русланова.

— В каких взаимоотношениях вы находились с Жуковым?

— Мы были хорошими знакомыми. А с мужем они старые сослуживцы. Мы неоднократно бывали друг у друга в гостях, дружили семьями... Когда его понизили в должности и отправили в Одессу, в канун Октябрьских праздников я послала ему телеграмму, которую подписала: «Преданная вашей семье Русланова». А в устных беседах говорила, что считаю его великим полководцем, великим человеком и готова идти за ним хоть в Сибирь!

Впрочем. Так оно и получилось. Без Жукова, но Лидия Русланова последовала в указанном направлении... на три года. Ей повезло. Путешествие не длилось долго.

Но пока Гришаев допытывался:

— При обыске на вашей даче было изъято большое количество ценностей и имущества. Откуда?

— Это имущество принадлежит моему мужу. А ему его прислали в подарок из Германии... — Русланова сделала паузу и добавила неуверенно: — По всей вероятности, подчиненные.

Затем в допросах последовал значительный — более двух месяцев — перерыв, после которого следователь предстал перед обвиняемой с новыми фактами:

— Дополнительным обыском в квартире вашей бывшей няни Егоровой, проживающей на Петровке, 26, в специальном тайнике под плитой, были изъяты принадлежавшие вам 208 бриллиантов и, кроме того, изумруды, сапфиры, рубины, жемчуг, платиновые, золотые и серебряные изделия. Почему вы до сих пор скрывали, что обладаете такими крупными ценностями?

— Мне было жаль... — Лидия Русланова была крайне взволнована: она не ожидала такого удара. — Мне было жаль лишиться этих бриллиантов. Ведь их приобретению я отдала все последние годы!

— А где вы брали деньги? — уточнил следователь.

— Я хорошо зарабатывала исполнением русских песен. Особенно во время войны, когда «левых» концертов стало намного больше. Этим занималась не только я. Картины и драгоценности скупали и другие артисты. Например, на квартире Екатерины Васильевны Гельцер я видела богатую коллекцию картин, а также очень крупные бриллианты и изумруды. Большое количество драгоценностей у Антонины Васильевны Неждановой. Среди артистов даже ходит анекдот, что, когда Нежданова наденет свои бриллианты, ее муж Голованов ходит за ней с совком, боясь, как бы она их не растеряла. Женкин скупает картины и золотые часы. Очень богатым человеком слывет Ирма Яуз-зем. Имеются ценные бриллианты у Леонида Утесова, я сама их видела на его дочери. Большие деньги нажила Любовь Орлова, в основном, за счет «левых» концертов. А Исаака Дунаевского в нашей среде называют советским миллионером, у него тоже большое количество картин и бриллиантов... Что касается меня, то признаю, что картины, бриллианты, платиновые

и золотые изделия приобрела нелегально, с рук, в целях наживы. В стяжательстве и незаконных поступках признаю себя виновной...

Тут, как мне кажется, следует сделать одно небольшое отступление, чтобы внести ясность. Факты, раскрытые Лидией Руслановой на следствии, носили не такой уж сенсационный характер. В стране к тому моменту начинался процесс переосмысления ценностей, рушились созданные первыми большевиками-революционерами стандарты на воззрение о накопительстве и стяжательстве. На смену первым большевикам-идеалистам приходили другие — большевики-материалисты. Это уже потом всех их смешали в одну общую кучу — в назидание потомкам. Для такой переоценки ценностей существовали реальные обстоятельства. Во-первых, многие вернулись «оттуда», а «там» они смогли воочию убедиться, как на самом деле живут представители загнивающего капитализма. Во-вторых, железный занавес начинал понемногу приоткрываться, в столице устраивались многочисленные правительственные приемы, на которых присутствовали иностранцы. Время вынужденного пуританства уходило в прошлое. Нужно было создать видимость всеобщего благополучия в условиях единственно верного и справедливого общественного строя. Поэтому власть имущие и те, которые в первую очередь обслуживали эту власть, — артисты, певцы, композиторы, художники и т. п. — получили право на некоторую роскошь. Но, как водится, они тут же бросились из одной крайности в другую. По-человечески это понять можно: неуверенные в завтрашнем дне, они стремились в кратчайшие сроки захватить как можно больше ценностей. Однако, у этой медали была и обратная

сторона: значительная часть населения, существовавшая по «единственно правильным и справедливым» законам такого же общества, не могла позволить себе подобную роскошь. Благо, эта значительная часть была занята восстановлением народного хозяйства и по сути расчищала страну от руин. Но и ей необходима была подачка, чтобы не утратилась иллюзия справедливости общественного строя. Такой подачкой явилась денежная реформа 1947 г., о несостоятельности (и даже вредности для класса рабочих) которой говорил опальный генерал Терентьев. Карточная система была отменена, люди начали получать зарплату, на которую могли — если не брать в расчет все связанные с этим трудности — приобретать все, что заблагорассудится.

Вот как описывает эту ситуацию Бенедикт Сарнов в своей книге «Смотрите, кто пришел»:

«Я вспоминаю один замечательный разговор.

У меня был сосед — Иван Иванович Роцин. Он был когда-то подручным маляра, потом маляром, потом мастером. Брал Зимний. Вступил в РКП. На гражданской потерял ногу. Потом кончил не то ком-, не то промакадемию и стал ответственным работником. Он занимал важный пост в каком-то главке, и поэтому за ним каждое утро приезжала машина.

Иван Иванович любил поговорить на разные отвлеченные темы. Например, о том, как легко давались ему науки. Особенно философия. К философии он питал особую склонность. Он даже намекал иногда, чуть смущенно улыбаясь, что именно в занятиях философией, а не Главсоли или Главхлебе лежало истинное его призвание. Но — ничего не поделаешь! Партия бросила его в Главсоль, а для коммуниста воля партии — закон.

Шел 1945 г., последний год войны, первый год мира. Вероятно, именно в этом году для всех уже стало ясно, что башмак окончательно стоптался на ноге. Именно тогда, я думаю, в голове у Милована Джиласа впервые забрезжило название его будущей книги: «Новый класс». Во всяком случае, именно тогда возник так полюбившийся москвичам анекдот про изможденных, заморенных, убого одетых хозяев жизни, торопящихся куда-то по утрам, и — размордевших, вальяжно развалившихся в персональных машинах, одетых в добротные габардиновые плащи и велюровые шляпы слуг народа.

Это было время, когда с государства нашего, «первого в мире государства рабочих и крестьян», слетели последние фиговые листки. Люди, стоявшие у власти, стали жадно хапать все что ни попадя — квартиры, дачи, машины, ковры, мебельные гарнитуры, каракулевые шубы, люстры, хрустальные вазы, сервизы, отрезы... Может быть, иным из них (или их женам) случалось это делать и раньше, но никогда еще они не делали это так нагло и открыто, в сознании своего святого права на все эти простые и грубые ценности жизни.

И вот как-то раз я заговорил с моим соседом Иваном Ивановичем Роциным на эту тему. С дурацкой горячностью своих семнадцати лет я говорил о том, что коммунисты стали перерожденцами. Куда девался, орал я ему, благородный идеализм вашей юности?! Во что превратились бескорыстные коммунары, готовые идти на любые лишения для блага народного?! Как не стыдно этим нынешним хапугам носить высокое и славное звание коммунистов?!

Иван Иванович сперва слушал меня довольно благосклонно. Да я, признаться, на это и рассчитывал,

ведь он как-никак был не из нынешних, а из тех, прежних.

Но при слове «идеализм» лицо его вдруг изменилось: выражение его стало жестким, отчужденным.

— А мы — материалисты! — веско оборвал он меня. — Мы никогда и не выдавали себя за идеалистов.

На меня словно опрокинули ушат холодной воды.

«Боже мой! — подумал я. — Он даже не понял, что я употребил слово «идеализм» не в философском, а в совсем ином смысле! Говоря об «идеализме» прежних коммунаров, я ведь имел в виду не философские воззрения, а их бесконечную преданность идее, их бескорыстное донкихотство.

Надо ему объяснить, — думал я. — Сейчас я ему растолкую, что есть два разных значения этого слова, и он сразу поймет, какую он сморозил чушь...»

Но Иван Иванович продолжал развивать свою мысль, и я понял, что объяснить ему нельзя. Где-то там, в пром- или комакадемии ему объяснили, что слово «материализм» происходит от слова «материя». А материя — это все, что нас окружает, все материальные предметы окружающего нас мира. У него как-то так выходило, что «материализм» происходит от слова «материя» не в отвлеченном, философском, а в самом простом, пошлом, мануфактурном смысле: материя — это ситец, сатин, шевиот или вот этот самый габардин, из которого им шьют эти одинаковые серые макинтоши. Говоря: «Мы — материалисты», он давал понять, что он никому не уступит своего честно завоеванного права на шевиотовый костюм, на этот вот габардиновый макинтош...

Не скрою, он тогда казался мне фигурой комической, жалким невеждой, заблудившимся в трех соснах

азбучной философской политграмоты. Про себя я потешался над ним, особенно, над его смехотворной любовью к философии.

Лишь много лет спустя, понял, как глубоко прав был мой сосед Иван Иванович. У него и в самом деле было неподдельное философское чутье. Он, действительно, нутром чувствовал самые темные глубины этой науки наук.

Как бы то ни было, он совершенно правильно почувствовал то, что мне было невдомек: что между философским и вот этим обывательским, шевиотовым, габардиновым материализмом на самом деле существует глубочайшая внутренняя связь».

Чтобы оправдать себя, власть идет на любые ухищрения, изыскивает любые возможности, вплоть до самых абсурдных. Подмена понятий — это лишь один из способов, которые в большом количестве имеются в ее арсенале.

Но вернемся к «делу» Лидии Руслановой. Чтобы поддержать иллюзию справедливости, кто-то должен был отвечать перед законом. Выбор пал на нее. Русланову приговорили к 10 годам исправительно-трудового лагеря с конфискацией имущества. Но вскоре из Иркутской области, где она отбывала срок наказания, пришла бумага следующего содержания: «Вокруг Руслановой группируются разного рода вражеские элементы из числа заключенных». В июне 1950 г. 10 лет ИТЛ были заменены на 10 лет тюремного заключения.

Лидия Русланова оказалась более стойкой, чем многие мужчины, прошедшие тогда по «делу» о государственной измене. Она была верной своим принципам и убеждениям, даже словом плохо не обмолвилась о Жукове.

В числе опальных генералов предстал перед судом Военной коллегии и К. Ф. Телегин.

СПРАВКА ИЗ АРХИВНОГО ДЕЛА:

«Телегин Константин Федорович, 1899 г. рождения, уроженец Новосибирской области, из крестьян, в РККА с 1918 г., комиссар и начальник политотдела ряда частей. В годы Великой Отечественной войны член военного Совета Московского военного округа и Московской зоны обороны, Центрального, Донского, Сталинградского, 1-го Белорусского фронтов. После войны член военного совета Группы советских оккупационных войск в Германии. Награжден 8 орденами и несколькими медалями. В июне 1947 года уволен в запас и наказан в партийном порядке за представление к награждению Л. Руслановой орденом».

Телегин был арестован вскоре после того, как вместе с женой навестил Жукова, чтобы поздравить их с наступлением Нового года. Никто из других приглашенных не явились к маршалу, и их визит хоть как-то разрядил печальную обстановку. Правда, ненадолго заскочили Крюков и Русланова.

Русланова вынула из пакета двух подстреленных тетеревов и сказала:

— Я желаю, Георгий Константинович, чтобы так выглядели все твои враги.

Но до этого момента было еще далеко. Пока что враги Жукова обладали всей полнотой власти, и они не позволяли подобной дерзости.

Давая показания на суде, Телегин сказал:

— В процессе следствия я подвергся издевательствам и унижительным допросам. Сразу после ареста меня привезли к министру госбезопасности Абакумо-

ву, который встретил меня матом и сказал: «Признавайся во вражеской деятельности, иначе отправим в тюрьму».

Это меня ошеломило. Затем я попал к следователям. Бесперывные допросы днем и ночью. Я решил, что жизнь моя кончена, и стал подписывать все, что они формулировали. Я сам себя прикончил.

В результате четырех лет, в течение которых велось следствие по «делу» Телегина, компетентные органы вынесли следующий вердикт:

«Располагая фактами, свидетельствующими о враждебном отношении со стороны близких ему военачальников к Верховному Главнокомандующему и к политической работе в Советской Армии, скрывал это от ЦК ВКП(б)».

Фамилия маршала Жукова в ходе следствия не упоминалась, но, как и у других обвиняемых, у Телегина также не возникло сомнений, что он оказался на скамье подсудимых именно благодаря своему хорошему расположению к Жукову.

Генерал Телегин был одним из тех, кто обвинялся в хищении трофейного имущества. На суде он поведал о том, как на одном из банкетов маршал Жуков решил дать офицерам волю на три дня после овладения Берлином. Тут же от председательствовавшего на процессе генерал-майора юстиции Зарянова последовал вопрос:

— Значит, была дана команда грабить и убивать?

— Нет, нами велась строжайшая борьба с мародерством, — ответил опальный генерал.

Он рассказал о том, как на банкете в Потсдаме Лидия Русланова назвала Жукова «Георгием Победоносцем», и признался, что частенько использовала это выражение, выступая перед военнослужащими.

Не скрывал генерал и то, что после смещения Жукова с должности Главкома сухопутных войск пытался хлопотать за него.

Однако, особый интерес на процессе вызвал рассказ подсудимого о банкете, который маршал устраивал на своей даче в Сосновке сразу после парада Победы в июне 1945 г. На нем присутствовали многие видные военачальники. Первый тост Жуков произнес не в честь Сталина, как было принято, а за «старейшего командира Чуйкова».

Присутствовавшие на процессе члены Военной коллегии сразу оживились. А когда генерал упомянул еще об одном не менее любопытном факте, они решили, что в конце тоннеля, наконец, забрезжил свет. Телегин рассказал, что в тот вечер особенным красноречивым тостом отличилась Лидия Русланова. Встав, она произнесла:

— Кто стирал ваши портки и портянки, кто заботился о вашем здоровье? Правительство не придумало награждать боевых подруг, а я награждаю лучшую из женщин.

С этими словами известная певица сняла с груди бриллиантовую брошь в виде звезды и преподнесла ее Жуковой.

Это признание вызвало у судей шквал негодования.

ЗАРЯНОВ: Правильно вы показали на следствии, что «несмотря на явно политически вредное выступление Руслановой, я на него критически не реагировал и, как дурак, наградил ее аплодисментами?»

ТЕЛЕГИН: Подтверждаю.

ЗАРЯНОВ: Вместо того, чтобы пресечь выступление Руслановой, противопоставившей себя правительству, вы аплодируете ей. Правильно вы показали,

что Русланова подарила Жуковой бриллиантовую брошь, как своего рода взятку за орден, которым вы ее наградили?

ТЕЛЕГИН: Русланова была награждена за то, что на свои средства купила и подарила корпусу две батареи «катюш» и, кроме того, проводила в частях массово-политическую работу. Жуков, узнав об этом, удивился, что Русланова до сих пор не награждена. После этого было составлено представление, и мы его с Жуковым подписали.

ЗАРЯНОВ: На листе «дела № 206» вы показали: «Чтобы не испортить своих отношений с Жуковым, я стал заискивать перед ним, угождать ему во всем и благодаря этому превратился в его руках в послушную пешку». Правильно вы показали?

ТЕЛЕГИН: Нет, эти показания 17 сентября, когда не мог ни ходить, ни сидеть, после избиения меня полковником Соколовым и следователем Самариным, которые били меня по два раза в день, вырывали из меня куски мяса. Побили кости. После этого я им сказал: «Пишите, что хотите, я подпишу».

Председательствующий огласил показания подсудимого на листе 215, из которых следовало, что Телегин считал Жукова достойным преемником Сталина и заявлял об этом маршалу.

Генерал ответил на это так:

— Я искренне считал, что только Жуков может быть министром Вооруженных Сил СССР.

ЗАРЯНОВ: На листе «дела № 217» вы показали: «...я заключаю, что стремление Жукова стать во главе армии и через Серова прибрать к рукам разведку объяснялось его намерением узурпировать в своих руках всю власть в стране, подобно тому, как в свое время это сделал Наполеон во Франции».

ТЕЛЕГИН: Этот вывод органы предварительного следствия сделали сами. Я подписал этот протокол, но заявлял, что записано неправильно. Члены Военной коллегии так и не добились желаемого результата. Генерал Телегин, как и другие его друзья по несчастью, не признали факт существования заговора во главе с маршалом Жуковым в целях свержения сталинского режима. Дело было отправлено на доработку. Новое разбирательство состоялось через год. Но и тогда обвинение генерала Телегина в государственной измене не нашло своего подтверждения. Эта статья была исключена. Он был осужден за «недоносительство об антисоветских беседах» и за хищение военного имущества во время его пребывания в Германии. Военная коллегия определила Телегину максимальную по тем временам меру наказания в виде 25 лет лагерей с лишением генеральского звания и поражением в правах.

Джордж Оруэлл писал:

«Цель репрессий — репрессии. Цель пытки — пытка. Цель власти — власть».

Прошло совсем немного времени с момента оглашения приговоров опальным генералам, и почти все они вернулись к своей прежней жизни. В марте 1953 г. Жуков стал первым заместителем министра Вооруженных Сил СССР. В июне того же года были расстреляны Берия, Абакумов... Еще месяц спустя, все дела генералов, проходящих по делу о «государственной измене» были пересмотрены Военной коллегией в новом составе. И новый председательствующий генерал Чепцов вынес вердикт об освобождении генералов из-под стражи. Лидия Русланова вернулась в Москву в августе 1953 г.

ЖИЗНЬ В СТРАНЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ

Война — это мир.

Свобода — это рабство.

Незнание — сила.

*Свобода — это возможность
сказать, что дважды два —
четыре. Если дозволено это,
все остальное отсюда следует.*

Джордж Оруэлл

Передо мной лежит одна из моих самых любимых книг — роман Джорджа Оруэлла «1984». Я перелистываю страницы и не могу удержаться, чтобы снова не перечитать их. Как все верно. И вот, я забываю о том, что читаю книгу. Мне кажется, что я продолжаю размышлять о проблемах моей страны, о ее прошлом, настоящем и будущем. Чумная бактерия коммунизма очень трудно поддается искоренению, потому что она поражает все — внешние и внутренние — органы общества. Она — ложь. Она — голая теория, не подтверждающаяся практикой.

Океания, описанная Оруэллом, — не конкретная страна, живущая по абсурдным законам; это территория, над которой властвует диктатура. Старший Брат — это Система, вынужденная воспроизводить себя многократно, чтобы не погибнуть. Внутренняя партия — это те, которые работают на эту Систему и которые заинтересованы в том, чтобы она не погибла. Ну, а пролы, — это все остальные, т. е. — народ.

«Если есть надежда, то больше ей негде быть: только в пролах, в этой клубящейся на государственных задворках массе, которая составляет восемьдесят пять процентов населения Океании, может родиться сила, способная уничтожить партию. Партию нельзя свергнуть изнутри. Ее враги — если у нее есть враги — не могут соединиться, не могут даже узнать друг друга. Даже если существует легендарное Братство — это не исключено, — нельзя себе представить, чтобы члены его собирались группами больше двух или трех человек. Их бунт — выражение глаз, интонация в голосе; самое большое — словечко, произнесенное шепотом. А пролам, если бы они только могли осознать свою силу, заговоры ни к чему. Им достаточно встать и встряхнуться — как лошадь стряхивает мух. Стоит им захотеть, и завтра утром они разнесут партию в щепки. Рано или поздно они до этого додумаются. Но!..»

Так размышлял главный герой романа Уинстон, внутри которого уже созрел бунт против несправедливого устройства жизни. Он полагался на пролов — народ. Он свято верил в то, сто пролы могут что-либо изменить. Давайте посмотрим, что из этого вышло:

«Он вспомнил, как однажды шел по людной улице, и вдруг из переулка впереди вырвался оглушительный, в тысячу глоток, крик, женский крик. Мощный, грозный вопль гнева и отчаяния, густое «А-а-а-а!», гудящее, как колокол. Сердце у него застучало. «Началось! — подумал он. — Мятеж! Наконец-то они восстали!» Он подошел ближе и увидел толпу: двести или триста женщин сгрудились перед рыночными ларьками, и лица у них были трагические, как у пассажиров на тонущем пароходе. У него на глазах объе-

диненная отчаянием толпа будто распалась: раздробилась на островки отдельных ссор. По-видимому, один из ларьков торговал кастрюлями. Убогие, утлые жестянки — но кухонную посуду всегда было трудно достать. А сейчас товар неожиданно кончился. Счастливы, провожаемые толчками и тычками, протискивались прочь со своими кастрюлями, а неудачливые галдели вокруг ларька и обвиняли ларечника в том, что дает по блату, что прячет под прилавком. Раздался новый крик. Две толстухи — одна с распущенными волосами — вцепились в кастрюльку и тянули в разные стороны. Обе дернули, ручка оторвалась. Уинстон наблюдал с отвращением. Однако, какая же устрашающая сила прозвучала в крике всего двухсот или трехсот голосов! Ну почему они никогда не кричат из-за чего-нибудь стоящего!

Он написал:

«Они никогда не взбунтуются, пока не станут сознательными, а сознательными не станут, пока не взбунтуются».

Со смертью Сталина умер сталинский режим, но осталась прежняя Система. С одной стороны, пришла «хрущевская оттепель». В страну ворвался поток свежего воздуха, люди перестали опасаться за свою жизнь, им дозволено было думать, и они, воспользовавшись дарованным правом, понемногу начинали говорить то, о чем думали. Но, с другой стороны, в системе распределения всех жизненных благ ничего не изменилось. И в результате от потока свежего воздуха остался лишь жалкий глоток, который выпадал на долю значительной массы населения. Сложилась довольно-таки странная ситуация. Чтобы не разрушить уже сформированный прочный устой, так как ничего другого взамен предложить пока было

невозможно, приходилось изворачиваться, снова подменять практику несостоятельной теорией, бережно охранять те идеи, которые были обречены на вырождение.

Жить по законам полумер нереально, но на территории одной отдельно взятой страны такая практика не исключила себя. К примеру, страсть к предпринимательству. Она, как известно, неистребима. Даже в эпоху сталинского режима эта страсть находила свое проявление. Можно лишить человека собственности, ограничить его в праве на виды деятельности, платить ничтожную зарплату — все равно из мелких денежных средств будут вырастать накопления, которые под страхом тюрьмы и конфискации всего нажитого будут вкладываться в «дело». В годы войны и послевоенного восстановления, предпринимательство затормозилось в своем развитии, что совершенно очевидно. Но пришла пора «хрущевской оттепели», и предприниматели вновь заявили о себе. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что предпринимательство, как явление, официально в СССР отсутствовало, — ведь государство монополизировало права на всякого рода деятельность.

И снова из одной лжи выростала другая. Питательной средой для подпольного предпринимательства являлось само устройство социалистического государства, так как невозможно скрестить плановый механизм с рыночными принципами. Как утверждает статистика, во второй половине 50-х годов нелегальные доходы населения росли, превысив к 1960 г. доходы колхозников. В 1961 г. доходы теневиков заметно снизились, но с 1967 по 1969 гг. возросли опять. С 1970 г. рост нелегальных доходов заметно ускорился. Исключением был только 1972 г., когда они несколько снизились. Та-

кая динамика нелегальных доходов объясняется изменением отношения властей к подпольным предпринимателям.

Официальная статистика в СССР показала, что расходы населения превышали их доходы. В такое легко верится, учитывая ту мизерную заработную плату, которую получали люди. Но деньги все же оседали на вкладах, банковских текущих счетах, в наличных сбережениях. Были и такие, которые не несли свои сбережения в банк, а пускали их в «дело». Проявлялся один из нонсенов социалистического управления экономикой. Если бы она работала в строгом соответствии с марксистской теорией, то баланс между денежными расходами и доходами восполнялся бы точно. На деле же выходило совершенно иначе. По величине расхождений между доходами и расходами можно установить скрытую часть доходов.

Легальный аппарат торговли и услуг не мог полностью удовлетворить потребности населения. Тогда свой существенный вклад в сферу торговли и услуг вносил черный рынок. Обычные труженики несли свои денежные сбережения на черный рынок, чтобы приобрести необходимые им товары. А представители теневой экономики расходовали почти все свои сбережения в легальной сфере услуг: покупали автомобили, дачи, ковры, мебель, хрусталь, золото. Кроме того, они тратили свои деньги на еду, одежду, обувь, как и все остальные люди. В отличие от безвозвратно потребляемых продуктов, деньги обращаются. Поэтому одна и та же денежная купюра обслуживала не одну, а две единицы товара — на черном и легальном рынках, — т. е. присутствовала одновременно в легальных и нелегальных денежных доходах.

В период сталинского режима к предпринимателям относились довольно терпимо. Иными словами говоря, на них у представителей правопорядка просто не хватало времени. Нужно было бороться с «врагами народа», с проявлениями инакомыслия. Политический аспект здесь играл ключевую роль. Но вот с высоких трибун XX съезда партии прозвучал обвинительный приговор режиму, который, однако, не отрицал правильности выбранного курса. Страна продолжала шагать проторенным путем марксизма-ленинизма. В такой ситуации был брошен новый лозунг: «Все на борьбу с расхитителями социалистической собственности, дадим отпор предпринимательству!»

В 1961 г. Н. Хрущев выдвинул новую установку: покончить с экономической преступностью. Власти объявили предпринимателям настоящую войну. Шумные политические процессы ушли в прошлое, но в стране еще остались «враги народа», которые мешали поступательному продвижению к светлому будущему. Таких не только можно, но и нужно было расстреливать, лишать всех жизненных благ. Подпольные миллионеры типа Корейко вынуждены были затаиться, почувствовав в воздухе запах паленого.

«Вы знаете, товарищи, что влагомеры, как правило, во время хлебозаготовок испорчены, — говорил глава государства Н. Хрущев. — Заводы сделают хорошие аппараты, но все равно найдутся причины, чтобы влагомер не работал. Почему? Это ясно. Привезут из колхоза или совхоза сдавать зерно, приемщик берет зернышко на зуб и — влажность определил. Как цыган на ярмарке серебряный царский рубль проверял, — оловянный он или не оловянный, так и сейчас некоторые приемщики зерно проверяют: берут зерно на зуб, и готово: влажность 20%, хотя на самом деле влажность,

к примеру, 17%. И можете себе представить, сколько такой приемщик «законно» уворовал зерна.

Мы ни одного заведующего складом не судили за недостачу зерна. Если перевесить хлеб, который хранится на складах, то недостатка не будет, но всегда найдутся большие излишки. Почему? Потому, что среди заготовителей есть нечестные люди, они обвешивают, обманывают колхозы и совхозы.

Не секрет, что часто разложившегося, проворовавшегося работника выгоняют с работы, он старается пристроиться на молокоприемный пункт. Как пчелы и мухи лезут на мед, так и разложившиеся элементы идут на эти пункты. Почему? Можно с уверенностью сказать, что он будет сыт и пьян и нос в табаке, и новый домик построит обязательно через год-два. Это все знают. Но почему это делается?

Бутимометры, которыми определяют жирность молока, как правило, разбиты на этих пунктах, и потому жирность определяют на глазок. А что такое жирность молока, вы слышали».

Все это, возможно, было бы бесспорным, если бы не одно весьма существенное «но»... Противопоставить хотя бы «законное» воровство за счет неисправных влагомеров и бутимометров тому «законному» беспределу, который был доступен находившимся у сытой кормушки власти. Воровство, как мне представляется, входило в сознание советского человека, как нечто совершенно обычное, этому пороку было подвержено все общество.

«Двоемыслие, — пишет Джордж Оруэлл, — означает способность одновременно держаться двух противоположных убеждений. Партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, сознает, что мошенничает с действительностью;

однако, при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна. Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникает ощущение лжи, а значит, и вины. Двоемыслие — душа ангоса, поскольку партия пользуется намеренным обманом, твердо держа курс к своей цели, а это требует полной честности. Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, — все это абсолютно необходимо. Даже пользуясь словом «двоемыслие», необходимо прибегать к двоемыслию. Ибо, пользуясь этим словом, ты признаешь, что мошенничаешь с действительностью; еще один акт двоемыслия — и ты стер это в памяти; и так до бесконечности, причем, ложь все время на шаг впереди истины. В конечном счете именно благодаря двоемыслию партии удалось (и кто знает, еще тысячи лет может удаваться) остановить ход истории».

По указанию Хрущева КГБ завел множество дел о хищениях социалистической собственности, валютных операциях и взяточничестве. Под следствие попали директора заводов, фабрик, совхозов, руководители кооперативов и государственные чиновники. Благодаря обширному опыту работы в расследовании уголовных дел, органы в средствах не стеснялись. В ход шли не только угрозы, но и обещания сократить срок наказания или полностью амнистировать подсудимого. Однако, на деле эти обещания были сплошным надувательством.

В середине 60-х гг. был арестован подпольный предприниматель Ройфман, с которого начались «текс-

тильные» процессы. На допросах он молчал, хотя к нему подсаживали наседок из сотрудничавших с властями преступников. Понимая, что такими примитивными мерами подсудимого не «расколоть» на признание, с ним встретились руководитель КГБ Семичастный и заместитель Генерального прокурора Маляров. Они дали честное партийное слово, что если Ройфман выдаст сообщников и сдаст драгоценности, его не расстреляют. Он сломался и был расстрелян.

Вспоминает Владимир Буковский:

В 67-м году мне в камеру привели человека, пожилого уже, директора какой-то текстильной фабрики. Целыми днями он сидел неподвижно на койке, уставясь в одну точку, то вскакивал, бил себя кулаками по голове, бегал по камере и вопил: «Идиот! Какой я идиот! Что я наделал!». Постепенно я выспросил у него, что случилось. Оказалось, просидел он девять месяцев в КГБ и девять месяцев молчал. Практически, обвинения против него не было — так, пустяки, года на три. Уже и следствие шло к концу, но наседка уговорил сдать свои зарытые ценности — дескать, меньше дадут. И старый дурак послушался: отдал золота и бриллиантов на три с половиной миллиона рублей. Тут же ему, во-первых, вlepили еще статью: незаконное хранение валютных ценностей, а во-вторых, пришлось объяснять, откуда он их достал. В результате он не только сам получил 15 лет, но и еще десять человек посадил».

Я иногда думаю о том, как прочно засел в сознании наших людей большевистский тезис: «Чтобы не было богатых». Это аномальное желание живуче и по сей день. Как мне кажется, это своеобразное психическое отклонение — самолюбование своей нищетой — сдерживает нормальное развитие общества.

В «хрущевскую» пору подпольные предприниматели попадались иногда на том, что решались заняться настоящей благотворительностью. Они добровольно брали на себя те обязанности, которые в социалистическом обществе должно выполнять лишь государство. К таким проявлениям ОБХСС и КГБ относились с особой нетерпимостью.

Сейчас Арбат — один из наиболее фешенебельных районов Москвы, где селятся легальные миллионеры. В 60-е годы это был район коммуналок, и населяли его крайне бедные люди. Но даже в то время на этой улице жили миллионеры. Правда, народ не знал своих героев в лицо. Об одном из них, директоре Московской красильной фабрики Иосифе Львовиче Клемперте, я хочу рассказать.

До тех пор, пока этот человек зарабатывал свой капитал и не лез в государственные проблемы по благоустройству общества, на него никто не обращал внимания. Но вот Клемперт заметил, как плохо живут его рабочие: в грязных тесных бараках, не имея достаточных средств к существованию. Со второй задачей ему не под силу было справиться, но вот о первой он серьезно призадумался. Он попытался выпросить у государства деньги на строительство дома для рабочих, но государство было крайне занято другими «первостепенной значимости» делами, и не откликнулось на просьбу директора красильной фабрики. Тогда Клемперт решил построить дом на собственные средства, что, как оказалось впоследствии, было его роковой ошибкой.

Дом получился роскошный, не в стиле тогдашних «хрущоб». Люди уже готовы были въехать в эти царские апартаменты, как тут нагрянула инспекция с проверкой и посыпались, как из рога изобилия,

на голову неосторожного Клемперта всевозможные неприятности. Государство отнеслось к подобному начинанию ревностно. Ведь только оно — партия и Советское правительство, имели право заботиться о благосостоянии народном. В итоге рабочие так и не заселились в роскошный дом, а Клемперт был арестован и в 1965 г. расстрелян.

Следует заметить, что как раз в этот момент в СССР был взят курс на либеральные реформы в экономике. По первоначальному плану они заключали в себе изменение состава и уменьшение числа спускаемых сверху плановых показателей, расширение прав предприятий, выдвижение на первый план экономических мер управления, опору на материальные интересы трудящихся при стимулировании производства, сочетание интересов производителей с интересами потребителей и т. п. Однако, все это шло вразрез с плановой системой экономики и поэтому едва ли могло иметь надежду на претворение в жизнь.

Но ветер перемен все же оказал свое благотворное воздействие на людей. В СССР стали очевидны изменения. Материальный достаток уже не высмеивался, как прежде. Человека, который зарабатывал деньги для себя, уже не презирали. Страшно подумать, но в СССР появилась-таки мода! Иностранная одежда, обувь, драгоценности стали элементами престижа. В такой ситуации советская промышленность, явно не справлявшаяся со своими обязанностями, не могла обеспечить возросшие интересы общества. Всем хотелось жить хорошо и красиво, а купить престижные товары можно было только у теневиков. Теневик становился необходимым элементом советского общества. Иностранных товаров стало не хватать, а за границу выезд был все еще ограничен. Человеческая предпри-

имчивость, не знающая пределов, нашла выход из сложившегося положения. Для перевозки шмоток через кордон стали использоваться иностранцы. Особенно активны в этом плане были финны, которые из-за существовавшего у них в стране сухого закона вынуждены были мотаться за спиртным в Ленинград или Таллинн. Но и этим только дело не ограничивалось. Подпольные цеха начали заниматься изготовлением товаров под зарубежные. Впрочем, и здесь не обошлось без контактов с иностранцами, которые поставляли ткань для джинсов, ватников и плащей, фирменные ярлыки. Один лишь тбилисский подпольный цех одел в плащи «болонья» не только всю Грузию, но и Москву.

Чтобы лучше представить эту ситуацию, я возвращаюсь к Оруэллу:

«...На лестнице послышались быстрые шаги. В комнату ворвалась Джулия. У нее была коричневая брезентовая сумка для инструментов... Он было обнял ее, но она поспешно освободилась — может быть, потому, что еще держала сумку.

— Подожди, — сказала она. — Дай покажу, что я притащила. Ты принес эту гадость, кофе «Победа»? Так я и знала. Можешь отнести его туда, откуда взял, — он не понадобится. Смотри.

Она встала на колени, раскрыла сумку и вывалила лежавшие сверху гаечные ключи и отвертку. Под ними спрятаны аккуратные бумажные пакеты. В первом, который она протянула Уинстону, было что-то странное, но как будто знакомое на ощупь. Тяжелое вещество подавалось под пальцами, как песок.

— Это не сахар? — спросил он.

— Настоящий сахар. Не сахарин, а сахар. А вот батон хлеба — порядочного хлеба, не нашей дряни...

и баночка джема. Тут банка молока... и смотри! Вот моя главная гордость! Пришлось завернуть в мешковину, чтобы...

Но она не могла объяснить, зачем завернула. Запах уже наполнил комнату, густой и теплый; повеяло ранним детством, хотя и теперь случалось этот запах слышать: то в проулке им потянет до того, как захлопнулась дверь, то таинственно расплывается он вдруг в уличной толпе и тут же рассеется.

— Кофе, — пробормотал он, — настоящий кофе.

— Кофе для внутренней партии. Целый килограмм.

— Где ты столько всякого достала?

— Продукты для внутренней партии. У этих сволочей есть все на свете. Но, конечно, официанты и челядь воруют... смотри, еще пакетик чаю.

Уинстон сел рядом с ней на корточки. Он надорвал угол пакета.

— И чай настоящий. Не черносмородиновый лист...

— Знаешь что, милый? Отвернись на три минуты, ладно? Сядь на кровать с другой стороны. Не подходи близко к окну. И не оборачивайся, пока не скажу.

Уинстон праздно глядел на двор из-за муслиновой занавески...

— Можешь повернуться, — сказала Джулия.

Уинстон обернулся и не узнал ее. Он ожидал увидеть ее голой. Но она не была голой. Превращение ее оказалось куда заметнее. Она накрасилась.

...Губы — ярко-красные от помады, щеки нарумянены, нос напудрен; и даже глаза подвела: они стали ярче... Джулия похорошела удивительно. Чуть-чуть краски в нужных местах — и она стала не только красивее, но и, самое главное, женственнее. Короткая стрижка и мальчишеский комбинезон лишь усиливали

впечатление. Когда он обнял Джулию, на него пахло синтетическим запахом фиалок...

— Духи, — сказал он.

— Да, милый, духи. И знаешь, что я теперь сделаю? Где-нибудь достану настоящее платье и надену его вместо этих гнусных брюк. Ндену шелковые чулки и туфли на высоком каблуке...»

Художественное произведение способно преувеличивать действительность. Однако, суть такого преувеличения — правда. А правда заключается в том, что никакие сдерживающие факторы не в силах изменить человека, заставить его во имя великих идей отказаться от стремления к роскоши и обогащению.

Говорят: красиво жить не запретишь. Но рост активности теневиков в 60-е годы не означал, что власти перестали с ними бороться. Трудности заключались в том, что общество уже не поддерживало такие фальшивые меры. Да и сама милиция почувствовала, что занимается «не тем делом». Львиную долю средств теневиков съедали взятки милиции, чиновникам и работникам партии. Так, по следственным материалам, директор елисеевского «Гастронома» Соколов более 50% выручки отстегивал тем, кто обеспечивал ему «крышу».

В 70-е годы на Карагандинской фабрике меховых изделий предприниматель Снопков так организовал производство, что каждое второе изделие шло на черный рынок. И при этом своей деятельностью он не препятствовал социалистическим принципам: его фабрика справлялась с планом, ей вручались переходящие вымпела, знамена, награждались передовики и ударники. Помимо прочего, наряду с официальной зарплатой, работникам выплачивался и заработок за шитье левой продукции. И ни один рабочий не пожа-

ловался на то, что его труд эксплуатировался или что за его счет наживался кто-либо другой. Следует признать, что если бы все шло нормальным путем, если бы предприимчивость не была уголовно наказуема, а, наоборот, поддерживалась государством, то таких предприятий было бы намного больше, и главное — их деятельность была бы законной.

Но пока Снопкову, как и многим другим, кто ступал на эту шаткую стезю, приходилось заводить знакомства среди состоятельных людей, готовых рискнуть вложить свои капиталы в выгодное дело, и среди тех, кто мог обеспечить ему относительное спокойствие. Закупив сверхмощное оборудование, Снопков, вместе с Дунаевым, возглавлявшим юридическую консультацию, и Эпельбеймом, заведующим кафедрой уголовного права в Высшей школе МВД, создали цех по производству меховых изделий. В районном отделении милиции у компаньонов был свой человек, который предупреждал их о малейшей опасности. Но «прикрытие» осуществлялось и на более высоком уровне. В гостинице «Метрополь» в Москве они постоянно держали номер-люкс, в котором принимали высокооплачиваемых гостей — из партийного и хозяйственного руководства. Услуги оплачивались не только деньгами, но и дорогими проститутками.

Коррупционированность органов охраны правопорядка вела к ослаблению общей борьбы с преступностью. За период с 1961 по 1975 гг. доходы мафии поступательно возрастали — соответственно с 96,2% до 105,0%. В то же время возросло и число зарегистрированных преступлений — с 87,8 тыс. до 119,8 тыс. Связь между теневыми доходами и ростом преступности очевидна. Черный рынок требовал огромных денег за престижные товары. А советские труженики

со своей нищенской зарплатой могли взять эти деньги только воруя, грабя, занимаясь проституцией. Вместе с тем, чем больше были нелегальные доходы, тем больше плодилось взяточников. Приходилось платить таможенникам, милиции, чиновникам, которые закрывали глаза на экономические правонарушения. Выработался даже особый взяточнический язык. Если чиновник говорил: «Зайдите во вторник», подразумевалось, что ему нужно дать две тысячи. Если же он говорил: «Зайдите в пятницу» — он требовал пять тысяч. Подпольные предприниматели и чиновничество стали по сути дела одним кланом. Каждый из представителей этого клана нуждался в другом, чтобы не иссякла золотая жила поступлений. В конечном итоге все это отражалось на политике, так как и у кормушки власти находились заинтересованные в подобном беспределе люди.

Исследуя эту проблему, Юрий Бокарев пишет:

«Ярким примером совместной политической деятельности чиновников, партocrats, подпольных предпринимателей и беспредельщиков является дискредитация и развал партийной программы, принятой XXII съездом КПСС. Больше всего не устраивал мафию в этой программе курс на слияние государственной и колхозной собственности в рамках агропромышленной интеграции. Дело в том, что ко времени принятия программы мафия овладела плодоовощными базами и колхозными рынками. В сметливом уме подпольных предпринимателей сразу зародился план, как делать деньги, перекачивая продукты из плодоовощных баз на колхозные рынки. Продукты на базы поступали из колхозов и совхозов. Работники баз, используя дармовую рабочую силу студентов, инженеров и рабочих, производили

сортировку продукции. Дармовая рабочая сила была полезна и в другом отношении: на воровство ученых можно было списать любую утечку продукции, зарегистрированную ОБХСС. После сортировки худшая продукция поступала в государственные магазины и вызывала бурю негодования по поводу качества социалистической продукции), а лучшая часть через подставных лиц продавалась на колхозных рынках.

Еще в конце 70-х годов я подсчитал размеры перераспределяемой таким образом продукции, поступившей на плодоовощные базы. Подсчет базировался на расхождениях в показаниях сельскохозяйственной статистики и статистики торговли...

Мы видим, что всегда в государственных магазинах оказывалось меньше продукции, чем ее поступало на плодоовощные базы. Однако, и до колхозных рынков доходила только часть реализованной жителями села на внедеревенском рынке продукции. Получается, что существенная часть товарной продукции исчезала. Считалось, что она сгнивает на плодоовощных базах. Однако, куда девались колхозниками продукты?

Вопрос интересный. Сельскохозяйственная статистика регистрировала любые случаи продажи сельчанами продукции, включая и продажу перекупщикам. Статистика торговли регистрировала только реальный оборот колхозных рынков. Поэтому разница в показателях сельскохозяйственной и торговой статистики объясняется наличием скупленной у сельчан, но не проданной продукции.

Кому же выгодно было гноить не только «бесплатную» государственную, но и купленную на личные деньги продукцию? Да тому же, кто и устроил

систему перераспределения сельскохозяйственных продуктов с плодоовощных баз на колхозные рынки. Дело в том, что теневая торговля была очень заинтересована в поднятии цен на колхозных рынках. Поэтому она не желала, чтобы предложение превысило спрос.

Колхозников останавливали у ворот рынков. Им предлагали оптом закупить все содержимое их машин. Несогласных заставляли силой. В результате если в 1960 г. цены колхозного рынка на картофель и овощи превышали цены государственной торговли в 1,77 раз, то в 1975 г. — уже в 2,78 раз!

Однако в 60—70 гг. торговая мафия еще не действовала открыто. Она боялась разоблачения. Поэтому она была заинтересована в сохранении сложившейся экономической системы. Важно было, чтобы существовали колхозы и совхозы, поставляющие на плодоовощные базы свою продукцию, чтобы оставались приусадебные участки, на которые можно списывать рост оборотов торговли на колхозных рынках.

Однако, с начала 60-х годов в стране стала разворачиваться агропромышленная интеграция. Совхозы строили на своей территории заводы по переработке сельскохозяйственной продукции, укрепляли транспортную систему и заводили магазины в городах. К началу 1966 г. в стране было организовано 287 совхозов-заводов. В 1972 г. их было уже 700...

Все это, понятно, отнюдь, не радовало торговую мафию. Во-первых, с развитием агропромышленной интеграции решалась продовольственная проблема и перепродажа сельскохозяйственных товаров с плодоовощных баз на колхозные рынки перестала бы приносить доход. Во-вторых, с развитием в городах сети магазинов совхоз-заводов существование и самих

плодоовощных баз, и колхозных рынков становилось ненужным.

Уже в начале 70-х годов на агропромышленную интеграцию стали производиться атаки. Использовались все средства: партаппарат, министерства, наука, литература, печать, экономические диверсии. Через Политбюро, например, было проведено постановление против чрезмерного гигантизма в агропромышленном движении. У совхоз-заводов отобрали магазины, а заодно и транспорт. После этого их можно было прихлопнуть экономически.

Например, эфиромасличные культуры не переносят длительного хранения. А что, если прикрыть им рынок сбыта? Ну, конечно, не просто ничего не покупать, а, например, не подавать транспорт или срезать фонды. Ведь если не покупать, то это обратит на себя внимание, а перебои с транспортом, срезание фондов — обычное для социализма дело...

Первое потрясение приходится на 1971 г., когда из-за нехватки средств на оплату труда произошла кадровая текучка. В результате производство сырья упало на 6,1%, но производство эфирных масел сократилось меньше — всего на 3,5%. Второе более мощное потрясение случилось в 1972 г. Этот год беды не обещал. И число совхоз-заводов, и площадь сельскохозяйственных угодий, и количество работников значительно возросли, но во время уборки сельхозтехнику у них изъяли. В результате сбор сырья составил лишь 56,5% от прошлогоднего, а производство эфирных масел — только на 76,1%...

Есть и менее «тонкие» случаи. В 1978 г. я проводил полевое исследование и собрал следующие данные. Новосибирская область всегда страдала от недостатка овощей. Помидоры сюда привозили из Болгарии. В на-

чале 70-х годов были созданы два овощеводческих совхоз-завода, достаточных для удовлетворения потребностей области. В момент урожая не был подан транспорт. Гигантский урожай сгнил на полях. Совхоз-заводы расформировались.

Агропромышленное объединение «Крымская роза» отрезали от рынков сбыта. Представьте себе огромные склады, заваленные ароматными розовыми лепестками. Рядом находится «опытное» хозяйство ВАСХНИЛ. В момент гниения розовых лепестков приехала комиссия ЦК. Посмотрела, как плачевны дела «Крымской розы», полюбовалась на цветущее «опытное» хозяйство, поставила галочку и уехала».

Приводя ряд доказательных фактов, Ю. Бокарев приходит к выводу: обрушиваясь на агропромышленную интеграцию, защитники колхозной собственности искажали действительность. К этой работе были подключены все звенья, и, в первую очередь те, кто должны были доносить волю партии и правительства до широких народных масс — экономисты, историки, писатели, журналисты. Преобразование колхозной собственности в государственную подавалось как акт насилия над крестьянином. Приводились также аргументы неэффективности агропромышленной интеграции. Бокарев приводит пример, как в 1964 г. в Белоруссии спиртзаводы были переданы 56 картофелеводческим совхозам, и в результате потребность заводов в сырье стала удовлетворяться лишь на 60—65%.

Наконец, цель была достигнута, мафия могла облегченно вздохнуть. Было принято решение, что агропромышленная интеграция в СССР уже завершена и потому ничего больше строить не нужно. В 1977 г. была принята Конституция СССР, где утверждалось:

экономика страны представляет собой «единый агропромышленный комплекс».

«Проведенное мной по архивам газет «Правда» «Труд» исследование показало, — пишет Ю. Бокарев, — что в ходе обсуждения проекта (имеется в виду проект Конституции — В. К.) никто против этого тезиса не выступил...

В результате, к середине 70-х агропромышленная интеллигенция стала постепенно сворачиваться. Если к 1972 г., как я указывал, в стране было 700 совхоз-заводов, то на начало 1974 г. осталось только 456 агропромышленных объединения.

Торговая мафия могла больше не опасаться за свое существование.

Я не знаю, какие перспективы ожидали бы социализм, если бы агропромышленная интеграция была проведена. Но с ее крушением у социализма никаких перспектив уже не было. Как может выжить экономическая система, в которой сельское хозяйство превратилось в огромную черную дыру, где исчезли субсидии и инвестиции?»

К сожалению, такое положение вещей существовало не только в сельском хозяйстве. Вся экономика страны оказалась опутанной паучьими мафиозными сетями. Те, кто находились у власти, уже не останавливались ни перед какими моральными принципами в погоне за личным обогащением. Нищенское существование народа их не волновало. Не в пример прежним временам, «слути народа» жирели на глазах у обворованного им же народа. И, как ни странно, народ этот не роптал. Он привык мыслить и жить по двойному стандарту. Он познал хитрую арифметику официальной статистики и научился производить математические операции, перенося эту статистику на реальную действительность.

«А вообще, — думал он, — перекраивая арифметику министерства избытия, это даже не подлог», — читаем мы у Оруэлла. — «Просто замена одного вздора другим... Статистика в первоначальном виде — такая же фантазия, как и в исправленном. Чаще всего требуется, чтобы ты высасывал ее из пальца. Например, министерство избытия предполагало выпустить в 4-м квартале 145 миллионов пар обуви. Сообщают, что реально произведено 62 миллиона. Уинстон же, переписывая прогноз, уменьшил плановую цифру до 57 миллионов — чтобы план, как всегда, оказался перевыполненным. Во всяком случае, 62 миллиона ничуть не ближе к истине, чем 57 миллионов или 145. Весьма вероятно, что обуви вообще не произвели. Еще вероятнее, что никто не знает, сколько ее произвели, и, главное, не желает знать. Известно только одно: каждый квартал на бумаге производят астрономическое количество обуви, между тем, как половина населения Океании ходит босиком. То же самое — с любым документированным фактом, крупным и мелким. Все расплывается в прозрачном мире, и даже сегодняшнее число едва ли определишь...»

Пожалуй, для полноты картины следует рассказать о первом человеке государства, в котором все прочие приспособлялись жить по двойным стандартам. Как жилось ему и был ли он доволен своей жизнью? Чтобы понять это, нужно обратиться к очевидцам. Конечно, взгляд человека на ту или иную проблему всегда оказывается субъективным: накладываются его симпатии и антипатии, приятие или отрицание какого-либо явления. Но вкупе с общей картиной реальности мы имеем возможность сделать для себя определенные выводы.

Предлагаю вашему вниманию воспоминания М. С. Докучаева. На протяжении пятнадцати лет он был одним из руководителей 9-го управления КГБ СССР, обеспечивавшего безопасность высших руководителей страны.

«В сравнении со Сталиным совсем другим человеком и государственным деятелем предстает в памяти сотрудников безопасности Н. С. Хрущев, — пишет он в своей книге «Москва. Кремль. Охрана.». — При нем, естественно, офицерам охраны приходилось работать тяжело и очень много. Хрущев беспрестанно ездил по стране и за границу, а это требовало кропотливой подготовки, чрезмерных физических нагрузок. Мало того, Никита Сергеевич всегда был недоволен службой охраны, строго, порой грубо обращался с ней. Он никогда не проявлял заботы об этих людях, которые, не щадя своей жизни, готовы были защищать его в любых условиях и местах его пребывания...

В Москве Хрущев жил на улице Грановского, затем в особняке на Ленинских горах, на загородной даче Горки-IX, а последнее время в Петрово-Дальнем...

Во время визита в Венгрию он посетил военный завод. В состав делегации тогда входил Первый секретарь ЦК Компартии Украины Шелест. Когда Хрущев попросил директора завода рассказать о состоянии дел, тот ответил, что все хорошо, но вот Украина не поставляет вовремя комплектующие детали. После беседы Хрущев, вместо того, чтобы спросить об этом Шелеста, стал резко отчитывать прикрепленного Короткова, будто он был виноват в этом...

При поездках по стране он, как правило, предупреждал заранее местные власти о местах посещения и маршрутах следования, любил показуху и очень хотел видеть советских людей, живущих при коммуниз-

ме. С этой целью в места его посещения в магазины завозили продукты, создавая видимость изобилия, однако, их не продавали населению до его отъезда. То же самое делали со скотом, который пригоняли из других областей, чтобы показать рост его поголовья и продуктивности...

В ряде городов, которые он посетил, ему пришлось столкнуться с возмущением народа. Так, в Новосибирске и Караганде пришлось убежать от разбушевавшихся людей. Из Горького после митинга, на котором народу объявили о замораживании облигаций, пришлось уезжать ночью. В Тбилиси били стекла автомашины. В Киеве, Новороссийске, Ташкенте на улицах собиралось много недовольных по поводу запрета содержания скота в рабочих поселках. Большое число жалобников каждый раз собиралось в Пицунде и Ливадии, когда Хрущев приезжал туда на отдых...

Хрущев, как правило, отдыхал дважды в году: в апреле, с тем, чтобы 17 апреля отметить день своего рождения, и в конце лета. На отдых всегда ездил с семьей. Следовал поездом до Симферополя, а далее до Ялты на автомашинах. Обычно к поезду прицепляли четыре вагона для Хрущева и его семьи, сопровождающих лиц и охраны...

Никита Сергеевич любил плавать с надувным кругом — далеко в море он не заплывал, а плавал вдоль берега. Иногда он приплывал на городской пляж и за просто беседовал с отдыхающими. С народом он всегда говорил свободно. Быстро находил общий язык с собеседниками. Главной задачей для себя считал заботу о простых людях, хотя в жизни это у него не всегда получалось...

Подчас охране доставалось и за хозяйственные дела. На даче Горки-IX Хрущев имел участок, засеянный

кукурузой, за которой смотрели лучше, чем за самим Никитой Сергеевичем. Он сам ее выхаживал или осуществлял контроль за своевременным уходом. Его любимым местом на даче также был огород. Обычно по утрам он шел туда, вытаскивал морковь, обтирал ее о росистую траву и о брюки и ел. На замечания охраны говорил, что в детстве очень любил таким образом есть морковь и так и не смог расстаться с этой привычкой. По утрам он регулярно пил морковный сок, независимо от того, был на огороде или нет. Иногда ходил за грибами, и бросалось в глаза, как он очень бережно подрезал их при сборе. Увлекался пешими прогулками.

Любимым занятием Никиты Сергеевича была стрельба по движущимся тарелкам. Для этого за забором дачи был устроен тир, где он стрелял, тренируясь для охоты на дичь, особенно уток.

У Никиты Сергеевича было несколько ружей, подаренных туляками и другими оружейниками. Иногда он выезжал в Беловежскую пущу, которая полюбилась ему с первого посещения. Охотился на кабанов, лосей, но редко. Больше стрелял уток. Два-три раза Хрущев выезжал на охоту под Киев, в Залесье. Стрелял он хорошо, с ходу, как заядлый охотник, а если промахивался, то находил виновного, кто попадал под руку, и выдавал ему как следует.

Хрущев не любил излишеств, шик и все броское. Это отражалось на его взглядах на некоторые государственные дела, особенно, на строительство жилых и административных зданий... Равнодушно относился к спорту, поэтому редко бывал на футбольных матчах, хоккей не знал вообще. По-видимому, на это влияла занятость в работе. В последнее время, когда он был не у дел, увлекся фотографией и, конечно, занимался огородом».

На противоречивость личности Хрущева указывают многие из тех, кто хорошо его знал. Впрочем, такая отличительная черта легко угадывается и в его поступках, в примере всей его жизни. С одной стороны, это был человек, который осудил сталинизм, как явление. С другой — при Хрущеве в партию и правительственный аппарат проникла и заняла там прочные позиции коррупция. Это была натура двух крайностей, в ней сочетались две исключаящие друг друга противоположности. Не зря, видимо, Эрнст Неизвестный, изваяв ему надмогильный памятник, изобразил его наполовину черным, а наполовину белым. При всем том положительном, что было достигнуто при Хрущеве, нельзя забывать о его гонениях на деятелей искусства, о массовом расстреле рабочих в Новочеркасске в 1962 г., о том, что он поставил заключительную точку в вопросе разгрома церкви и еще о многом таком, что, вообще, трудно укладывается в голове. Он не построил коммунизм в течение двух десятилетий, как намечал. И не обогнал США по производству продуктов питания и товаров широкого потребления на душу населения. Возможно, потому, что за великими целями и задачами не видел душу этого населения. При Хрущеве СССР стал закупать зерно за границей. Как-то у Черчилля спросили, кто является самым умным человеком в мире, он ответил: «Несомненно, Хрущев. Нужно же суметь оставить двести миллионов человек без хлеба».

В медицине есть одно золотое правило: не навреди. Оно, на мой взгляд, применимо и к политике. Люди, взявшие на себя право руководить обществом, должны сначала хорошенько подумать прежде, чем что-либо изменить. Любая перемена влечет за

собой беспорядок и хаос. В 1917 г. был нарушен обычный ход вещей. У людей отобрали веру в Бога. После XX съезда КПСС у них отобрали веру в Сталина, ничего позитивного взамен не предложив. Была отличная возможность пойти путем правды, но этого не произошло. На XX съезде Хрущев заявил: «Если образно говорить, мы поднялись на такую гору, на такую высоту, откуда уже зримо видны широкие горизонты на пути к конечной цели — коммунистическому обществу». Истина здесь заключается в том, что эти широкие горизонты были доступны для обозрения лишь немногим. Основная часть населения страны, вступающей в коммунистическое светлое завтра, вынуждена была идти туда с закрытыми глазами. Она не могла подтвердить или опровергнуть факт «приближающегося коммунизма», поскольку взойти на ту гору, откуда уже обозревались широкие горизонты, было дозволено лишь избранным.

Сознанием людей овладела пустота. Пугающая пустота. Но проблема эта по большому счету уже никого не волновала. Наружу вырывались уже не регулируемые животные инстинкты. Этот недуг охватил все общество. Чтобы победить животные инстинкты, требовался мощный взрыв общественного негодования или длительное время бездействия. Первое, в силу объективных причин, произойти просто не могло. Тогда время, отведенное на самопожирание коррумпированной власти, включило свой счетчик.

ПОРА ПОЖИНАТЬ ПЛОДЫ

Если совершенствуешь себя, то разве трудно будет управлять государством? Если же не можешь усовершенствовать себя, то как сможешь усовершенствовать других людей?

Конфуций

Наблюдать людей значит презирать их, т. е. лишать себя возможности понимать их; чтобы понимать их, надо жить с ними, презирая их образ жизни, а не их самих.

В. О. Ключевский

То время, когда у руля Советского государства стоял Л. И. Брежнев, принято считать эпохой застоя. Я не берусь оспаривать это утверждение, поскольку, на мой взгляд, оно наиболее приближено к истине. Сам факт долголетия его власти наводит на мысль о застое. Но я хочу слегка углубиться в изучение проблемы, чтобы понять, какие последствия в дальнейшей судьбе общества имело это явление.

У медали, как известно, есть и обратная сторона. То, что лежит на поверхности брежневской эпохи застоя, очевидно всем. Семя, брошенное в землю в пост-сталинский или хрущевский период, оказалось в благодатной почве, что позволило уже в самое ближайшее время снимать хороший урожай. Власть отбросила ложный стыд и принялась сколачивать себе капитал, не взирая на социалистические лозунги о равноправии

и всеобщем благоденствии. Этому способствовало упорное молчание тех, кого обворовывали и нагло обманывали, прикрываясь все теми же лозунгами. В данном случае, как мне кажется, молчание это сыграла свою положительную роль. Не критикуемая, не контролируемая никем и ничем, власть показала свое истинное лицо. Пусть те, кто жили при ней, не видели этого. Зато это отлично разглядели потомки. И внутренние процессы, которые проходили интенсивно на фоне внешнего спокойного застоя, приблизили крах бюрократической системы. Иными словами, коррумпированная власть пожрала себя самое. Процесс этот был, отнюдь, не застойным, а развивался с бешеной скоростью. Так выглядит обратная сторона медали того явления, которое принято считать эпохой брежневского застоя.

М. С. Докучаев пишет:

«Л. И. Брежнев отличался хорошими организаторскими способностями, до определенной поры был энергичен, активен, но в то же время ценил и берег кадры. После заседания Политбюро, на котором его избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС, он ехал в машине вместе с А. Н. Косыгиным... Леонид Ильич тогда говорил Косыгину, что главная задача на данном этапе деятельности ЦК партии и Советского правительства — обеспечить спокойную жизнь для советских людей. Он сказал, что «при Сталине люди боялись репрессий, при Хрущеве — реорганизаций и перестановок. Народ был не уверен в завтрашнем дне. Поэтому, — заключил Леонид Ильич, советский народ должен получить в дальнейшем спокойную жизнь для плодотворной работы».

Первостепенная задача, как мне представляется, была сформулирована новоиспеченным руководителем

страны абсолютно верно. Бдительность советского народа, благодаря всеобщим усилиям, была к тому моменту настолько усыплена, что он пребывал в относительном спокойствии. Необходимо было сделать еще один штрих, и советский народ окончательно потерял бы дар речи, если это касается спора с представителями власти. Не вызывает сомнений и то, что советский народ получил-таки возможность для плодотворной деятельности. Вопрос в другом: во благо кому этот плодотворный труд совершался, кто пожинал его результаты?

Дальше у М. С. Докучаева читаем:

«...во времена Брежнева имела место скрытая междоусобная борьба среди руководителей высшего эшелона власти и выживал в ней сильный и ловкий...

Следует сказать, что период руководства Л. И. Брежнева государством и КПСС был тревожным и с той точки зрения, что в советском обществе назревали бурные события, которые должны были вот-вот произойти. Они были связаны с тем, что в результате устоявшихся и закостенелых бюрократических методов руководства и отношения к народу советские люди не могли решать своих личных проблем, которые для них были важнее любых государственных. К тому же, тогда все решала Москва. К ней обращались все взоры и надежды, но она отталкивала их и оставляла рассмотрение просьб и жалоб на усмотрение местных властей...»

Позволю себе дать собственное понимание данной проблемы. Как мне кажется, М. С. Докучаев говорит здесь о «кризисе верхов», изложенном еще родоначальником большевизма в России — В. И. Лениным. Но в новой исторической ситуации ленинский тезис приобрел новое значение. «Низы» еще могли жить по-

старому, но «верхи» уже не могли разделить между собой власть. Власть стала лакомым куском, так как власть имущие могли совершить все, что им заблагорассудится, перед ними не стояло никаких ограничений. Пока народ копошился внизу, решая свои мелкие повседневные проблемы, обособленно от него вверху происходила оживленная борьба за место рядом с Солнцем, а также за все вытекающие из высокого социального статуса последствия.

В такой обстановке выживал тот, кто был ловчее, хитрее, предприимчивее. Ни о каких подлинных достоинствах речи быть не могло. Чины и звания выдавались по праву родства, по знакомству, из хорошего расположения. Это в ту пору пришло анекдотическое понимание преемственности поколений. Оно означало, что сын полковника, к примеру, может стать только полковником, — не выше, так как у генерала тоже есть свой сын. Такое положение оставалось неизменным на каждой из ступенек иерархической лестницы власти.

Брежнев не только ценил и берег кадры, но и способствовал их увеличению. В 1964 г. он решил восстановить общесоюзное Министерство внутренних дел, упраздненное четырьмя годами ранее. Хрущев верил в силу общественного порядка, в то, что сам народ может регулировать общественные взаимоотношения и поддерживать общественную безопасность, без каких-либо специальных структур. Новое руководство, как никто другой, понимало, что народу справиться с подобной сложной задачей не под силу. Прежде всего, потому, что он не сможет разобраться в хитросплетении и условности методов поощрения или наказания за какой-либо поступок или вину.

В 1966 г. Министерство охраны общественного порядка прекратило свое существование, превратившись

в Министерство внутренних дел СССР. Во главе его стал Николай Анисимович Щелоков, протерпевший на своем посту 16 долгих лет — с 1966 по 1982 гг. Этот срок почти совпадает с периодом пребывания на посту Генсека ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Несомненно, глава государства оказывал поддержку министру МВД. Иначе бы его политическое долголетие не оказалось столь внушительным. Такому положению вещей можно найти логичное и естественное объяснение: Брежнев и Щелоков были знакомы по партийной работе в Днепропетровске еще с конца 30-х — начала 40-х гг.

Весьма ценными для изучения проблемы представляются сведения очевидца К. М. Грушевского, который перед Великой Отечественной войной также работал в Днепропетровске и имел возможность наблюдать за развитием взаимоотношений двух вышеуказанных партийных деятелей.

К. Грушевский вспоминает множество любопытных фактов из жизни Брежнева и Щелокова. В числе таких, например, его рассказ о том, как председатель горсовета Щелоков занимался в начале войны эвакуацией населения и материальных ценностей. Когда враг приближался к Днепропетровску, он и секретарь горкома партии Н. Г. Манзюк обратились в обком партии с предложением продать оставшиеся в городе продукты и другие товары по сниженным ценам населению, чтобы они не достались фашистам.

После окончания войны Щелоков некоторое время работал заместителем министра местной промышленности Украины, затем в аппарате Центрального Комитета КПУ. С 1951 г. он перебирается в Молдавию, где годом ранее Первым секретарем ЦК республики стал Брежнев. С 1965 г. и вплоть до своего назначения на

пост министра МВД Щелоков занимал пост 2-го секретаря ЦК КП Молдавии.

Связь между ним и Брежневым очевидна. Перебравшись поближе к своему покровителю, Щелоков начинает постепенное восхождение по служебной лестнице. С 1966 г. он становится кандидатом в члены ЦК КПСС, а с 1968 г. — членом ЦК КПСС. Получив при назначении на пост министра МВД СССР звание генерал-лейтенанта, он уже на следующий год становится генерал-полковником, а в 1976 г. — генералом армии. С 1978 г. Щелоков — доктор экономических наук, а в 1980 г. получает звание Героя Социалистического Труда.

Владимир Некрасов, рисуя политический портрет Н. А. Щелокова, делает подробный анализ всей его деятельности на посту министра МВД СССР, раскрывает все то положительное и отрицательное, что было присуще ему, как человеку и государственному деятелю. Впрочем, такую противоположность в характере можно отыскать у любого человека, независимо от того, какой социальный статус он имеет. Тем более, что противоречием отличалась и сама система, при которой жил и работал Щелоков.

В. Некрасов указывает на то, что в качестве министра МВД Щелокову удалось сделать немало полезного, — как собственными усилиями, так и при поддержке со стороны верхних эшелонов власти. «С другой стороны, — пишет автор, — как показала жизнь, человеком Н. А. Щелоков был излишне импульсивным, в нем, действительно, было немало изъянов, которые в последующем, разрастаясь, привели его к падению».

Тут же В. Некрасов ссылается на свидетельство заместителя министра МВД Н. А. Рожкова, который проработал в данной структуре 8 лет: «...Щелоков имел

сильный характер и за счет этого достигал многого. Качества крупного руководителя у него не отнимешь, он умел доверять подчиненным, давал возможность проявлять инициативу, но умел и спрашивать. При решении какого-либо важного вопроса он имел 33 мнения ученых и опытных практиков, выбирал оптимальные варианты. Постоянно заботился о подготовке кадров и развитии науки внутри системы МВД СССР».

Что же, по мнению очевидцев, было положительно-го в деятельности Н. Щелокова?

Во-первых, при нем была открыта Академия и 17 высших учебных заведений МВД СССР по стране. Во-вторых, он постоянно ставил перед партийными и государственным руководством страны крупные проблемы, связанные с деятельностью министерства. В частности, уже в самом начале своей работы в качестве министра ему удалось решить вопрос о дополнительном призыве в ноябре-декабре 1966 г. 15 тыс. человек во внутренние войска в связи с их большим некомплектом. Он также заботился о повышении авторитета органов правопорядка. С целью воспитания сотрудников милиции вносилось предложение создать в МООП СССР Управление, а в МООП — УООП республик, краев и областей отделы-отделения политико-воспитательной работы, а также ввести во всех райгорорганах должности заместителей начальников по политико-воспитательной работе. Для подготовки кадров целесообразно было Ленинградскую политическую школу преобразовать в Высшее политическое училище. А Высшую школу МООП СССР — в Академию.

В-третьих, Щелоков заботился о профессиональной подготовке кадров, для чего ежегодно созывались Всесоюзные совещания руководящих работников органов внутренних дел. Там же проводились комплексные

учения и практические занятия по руководству деятельностью органов в сложной обстановке. На семинарах осуществлялось знакомство с передовыми формами и методами работы.

В-четвертых, министра особенно волновала такая проблема, как возвращение внутренним войскам единой войсковой структуры: дивизии, бригады, полка и т. п. Такой статус был утрачен в 1951 г., и лишь в 1968 г. эта проблема благополучно разрешилась.

В-пятых, Щелоков проявлял исключительное внимание к достижению научной мысли, стремился всю деятельность министерства и органов на местах строить на научной основе. Управлением учебных заведений совместно с Всесоюзным научно-исследовательским институтом МООП СССР была проведена огромная работа в данном направлении, и в результате был представлен перечень 216 проблем, которые впоследствии должны были найти свое отражение в диссертациях и иных научных исследованиях.

В-шестых, ежегодно составлялись планы выездов членов коллегии МВД СССР на места для проверки работы и оказания помощи. В 1970 г., к примеру, министр, в соответствии с планом, лично посетил Молдавию, республики Прибалтики и Закавказья, съездил с инспекцией на Украину и в Белоруссию.

В-седьмых, он бывал за рубежом, где знакомился с тамошним опытом работы правоохранительных органов.

В-восьмых, Щелоков осуществлял строгий контроль за исполнением поручений, данных им же, в поставленный перед подчиненными конкретный срок.

В-девятых, он с большим вниманием относился к вопросам разработки истории органов внутренних дел, чтобы иметь возможность использовать в их сов-

местной работе крупицы прошлого опыта. С этой целью в Научном Центре проблем управления Академии МВД СССР было создано специальное подразделение, которое осуществляло определенные наработки...

Этот перечень можно продолжить до бесконечности. Возможно, все эти меры имели какую-то целесообразность. Не побоюсь осуждения в примитивизме, но меня, как обвинителя, интересует скорее качественный, нежели количественный аспект деятельности министерства МВД под руководством Н. А. Щелокова. Эта проблема не так проста, как может показаться на первый взгляд. МВД СССР, как и другие структуры, существовали за счет государства, а, значит, за счет налогоплательщиков, т. е. народа.

В предыдущей главе я приводила данные по динамике роста общей преступности и доходов мафии. Сейчас хочу остановиться на показателях зарегистрированных преступлений. В 1966 г., согласно статистике, количество правонарушений по сравнению с предыдущим годом возросло с 93,1% до 125,4%. К 1968 г. этот показатель падает до 101,1%, но уже в следующем, 1969 г. — увеличивается до 134,4%. В последующие годы наблюдается его незначительное падение. Но приведу свидетельство В. Некрасова, который по этому поводу, в частности, пишет: «За десятилетие с 1973 по 1982 г. общее число ежегодно совершаемых преступлений увеличилось почти вдвое, в том числе, тяжких насильственных преступлений против личности — более, чем на 50%, разбоев и грабежей — в 2 раза, квартирных краж и взяточничества — в 3 раза. Количество преступных посягательств в сфере экономики за этот период возросло почти на 40%». Такое положение вещей автор склонен объяснить «усталостью» министра за более, чем десять лет службы на своем посту. А также тем, что «сказывались негатив-

ные экономические и социальные процессы в обществе, просчеты в деятельности правоохранительных органов, в том числе, и системы МВД».

Негативные экономические и социальные процессы в обществе не могли не найти своего проявления в системе правоохранения.

«Несмотря на принимаемые меры по укреплению социалистической законности, — утверждает В. Некрасов, — в деятельности органов внутренних дел обстановка продолжала оставаться сложной. За превышение власти, злоупотребление служебным положением и другие преступления по службе в 1967 г. было привлечено к уголовной ответственности 309 работников органов охраны общественного порядка, в первом полугодии 1968 г. — 260. В связи с таким положением Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко 18 сентября 1968 г. направил письмо на имя Н. А. Щелокова о нарушениях соцзаконности. Эти материалы были рассмотрены на коллегии министерства, проведен ряд практических мероприятий, но избавиться от этой болезни МВД СССР не может и до сих пор.

19 ноября 1968 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О серьезных недостатках деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению» В связи с этим 3 декабря 1968 г. было проведено Всесоюзное совещание руководящих работников МВД СССР. В нем участвовало 1300 человек. С докладом перед собравшимися в Колонном зале Дома союзов выступил Н. А. Щелоков. Он отметил, что затраты государства по укреплению милиции в соответствии с названным постановлением составили 220 млн. рублей».

Оказывается, все довольно просто, и незачем поднимать бурю в стакане воды. Просто в том понимании,

что среди руководящего состава МВД едва ли можно было найти такого человека, который не использовал бы свое служебное положение для собственной наживы. Сам министр, как выяснилось после его смерти, был в этом отношении нечист. Тогда что говорить о других, стоявших на ступеньку, две, три и т. д., ниже? Безотказная народная мудрость гласит: рыба гниет с головы. Как с этим поспоришь?

Н. А. Щелоков ушел из жизни безвременно, по причине собственного волеизъявления, в самом конце славного застойного периода, в 1984 г. Этому печальному событию предшествовал ряд не менее печальных событий. 10 ноября 1982 г. умер покровитель Щелокова, Генсек ЦК КПСС Л. И. Брежнев. На Пленуме ЦК партии спустя два дня был избран новый руководитель государства Ю. В. Андропов. Еще месяц спустя Щелокова отстранили от занимаемой должности, его сменил на этом посту В. В. Федорчук, некоторое время работавший председателем КГБ СССР. Однако, потеряв пост министра, Щелоков пока еще не отошел от государственных дел. Как генерала армии, партия и правительство назначили его в группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Одновременно с этим по указанию нового руководителя МВД проводилась проверка деятельности данной структуры, которая выявила большие злоупотребления со стороны Щелокова. Материалы были направлены в Главную Военную прокуратуру.

Дальнейшие события развивались стремительно. 19 февраля 1983 г. покончила самоубийством жена Щелокова, Светлана Владимировна. В июне того же года бывшего руководителя МВД СССР вывели из состава ЦК КПСС. В результате выявления все новых и новых фактов злоупотребления своим служебным положением, обнаруженных работниками Главной Во-

енной прокуратуры, 6 ноября 1984 г. Щелокова лишили звания генерала армии. Еще месяц спустя Комитет партийного контроля ЦК КПСС принял решение: «За грубое нарушение партийной и государственной дисциплины, принципов подбора, расстановки руководящих кадров, злоупотребления служебным положением в корыстных целях в бытность министром внутренних дел СССР члена КПСС Щелокова Николая Анисимовича (партбилет № 00139000) из партии исключить». Президиум Верховного Совета СССР вынес свой обвинительный приговор, выразившийся в лишении Щелокова всех наград, кроме боевых, и звания Героя Социалистического Труда. 13 декабря 1984 г., не вынеся всей тяжести обвинений, Щелоков застрелился.

Какие же вновь открывшиеся факты привели к столь трагическому финалу? Следствие, проводимое Главной Военной прокуратурой, установило, что начальник ХОЗУ МВД СССР генерал-майор Виктор Калинин организовал «преступную группу расхитителей социалистической собственности и путем злоупотребления своим служебным положением систематически похищал государственное имущество, обращая его в свою собственность и собственность других лиц». Именно от него потянулась ниточка, которая привела к центральной фигуре в МВД — Щелокову, который принимал непосредственное участие в деятельности «преступной группы». Позже, когда Щелокова уже не было в живых, в июле 1986 г., судебная коллегия вынесла приговор по делу бывшего начальника ХОЗУ В. Калинина. Он и его окружение обвинялись в хищении государственных материальных ценностей на сумму 67,1 тыс. рублей.

На основании уголовных дел «преступной группы» были собраны материалы (21 том!) уголовного «дела»

и самого Щелокова. Оказалось, что с 1970 г. по инициативе бывшего министра внутренних дел подразделения ХОЗУ, в том числе и Кремлевский Дворец съездов, принимали различные материальные ценности, «находившиеся в личной собственности, с оплатой их владельцам стоимости этих вещей». Щелоков неоднократно приказывал Калинину принять в ХОЗУ его личные вещи и выплатить за них деньги, как за новые товары, «хотя вещи, сдаваемые родственниками Щелокова, находились длительное время в использовании и утратили первоначальную стоимость». Для изъятия денег из кассы подразделений руководящие должностные лица составляли авансовые счета на суммы, которые будто бы были потрачены на закупку вещей в торговых организациях. К отчетам даже прилагались фиктивные товарные чеки.

За период с 1975 по 1982 г., как указывает В. Некрасов, «членам семьи Щелокова было безвозмездно передано материальных ценностей на сумму свыше 80 тыс. рублей. Среди полученного имущества были дорогостоящая мебель, радиоаппаратура, видеомагнитофонные кассеты, электро- и сантехническое оборудование, строительные материалы. Только после освобождения Щелокова от должности им и членам его семьи внесено в кассу министерства за эти ценности 65 тыс. рублей».

Далее он приводит такие данные:

«Незаконно было израсходовано свыше 60 тыс. рублей на содержание под видом спецобъектов 9 квартир, в которых, в основном, проживали родственники и знакомые Щелокова (дочь личного портного Щелокова и другие).

В 1972 г. по указанию Щелокова якобы для обслуживания оперативного состава был открыт магазин,

которым пользовались только члены семьи и родственники министра. По договоренности с внешнеторговыми организациями сюда поступали импортные товары повышенного спроса: магнитофоны, телевизоры, радиоаппаратура, меховые изделия, обувь, одежда... Ежегодно здесь скупались дефицитные товары на сумму 50—70 тыс. рублей. По некоторым данным, эти товары родственниками Щелокова потом перепродавались по более дорогой цене. Во всяком случае, в кассах министерства было обменено на новые купюры 100—129 тыс. рублей бывших в употреблении денежных знаков.

В 1977 г. была достигнута договоренность с безвозмездной передачей фирмой «Даймлер-Бенц» автомобилем для МВД СССР с целью, как было указано в документах, «обеспечения безопасности движения в связи с проведением Олимпийских игр 1980 г.». Однако, затем один из «мерседесов» был зарегистрирован в ГАИ Киевского района г. Москвы как принадлежащий лично министру. Деньги за указанную автомашину в сумме 15,2 тыс. рублей Щелоковым были уплачены только в феврале 1982 г. Такие же автомобили были зарегистрированы на жену и детей Щелокова в 1977, 1978, 1980 гг.

В поселке Большево Московской области и деревне Редькино Калининской области находились две дачи, оформленные на близких родственников Щелокова, и, кроме того, в поселке Николина Гора строилась еще одна дача. Дачи представляют собой, как бесстрастно свидетельствует документ, многокомнатные капитальные строения с гаражами, банями и другими надворными постройками. По показаниям одного из осужденных работников МВД, дача в Большево была куплена за 200 тыс. рублей в 1973 г. у эмигрировавшего за гра-

ницу артиста эстрады; ее ремонт и реконструкция произведены за счет средств МВД СССР.

В мае 1979 г. по указанию Щелокова в его распоряжение были переданы антикварные ценности почти на 250 тысяч рублей, ставшие вещественными доказательствами по уголовному делу одного из валютчиков, а также картина М. Сарьяна «Полевые цветы», купленная за 10 тыс. рублей на средства МВД в Армянской ССР. По документам все это было оформлено как имущество, переданное в Центральный музей МВД СССР...

Семьей Щелокова были взяты в МВД СССР без оплаты 62 импортные хрустальные вазы стоимостью свыше 50 тыс. рублей, а также видео- и магнитофонные кассеты на сумму более 20 тыс. рублей. В ноябре 1980 г. Щелокову в связи с 70-летием Ю. М. Чурбанов вручил в качестве подарка от МВД СССР золотые карманные часы «Налпако» с золотой цепью общей стоимостью 4 тыс. рублей. Они были куплены на средства МВД СССР, а затем списаны по фиктивному акту как врученные руководителю компартии одной из социалистических стран.

Скупые на эмоции документы опять же свидетельствуют, что только в 1979—1982 гг. по указанию Н. А. Щелокова живые цветы на сумму 36,3 тыс. рублей развозились на квартиры близких ему людей, а списывались как возложенные на могилу Неизвестного солдата и к Мавзолею В. И. Ленина.

Своего тестя в возрасте 64 лет Щелоков зачислил на службу в органы МВД, присвоил ему специальное звание майора, затем уволил на пенсию с суммой 120 рублей, а когда тот скончался, похоронил его за счет средств МВД СССР.

В 1980—1982 гг. в киноотделе МВД СССР по указанию Щелокова был создан двухсерийный фильм

«Страницы жизни» об этапах его жизненного пути. Затраты на создание этого фильма составили свыше 50 тыс. рублей. Фильм нигде не показывался и лежит в запасниках.

Всего преступными действиями Щелокова государству причинен ущерб на сумму свыше полумиллиона рублей. В возмещение ущерба им и членами его семьи возвращено, а также изъято органами следствия имущества на сумму 296 тыс. рублей, внесено наличными 126 тыс. рублей».

Открытые со смертью Брежнева факты позволяют судить о том размахе, с которым была поставлена работа в органах внутренних дел. Правоохранительная мафия опутала своими паучьими сетями всю систему органов, расставив, начиная с республиканских руководителей и заканчивая районными, своих людей. Деяния этих «законников» просто не укладываются в голове: как такое могло произойти в стране с самым справедливым общественным строем? Ответ, как мне кажется, напрашивается сам собой. Значит, этот общественный строй, отнюдь, не являлся справедливым. Брежневская эпоха красноречиво свидетельствует об агонии социализма, о крахе всех его бесосновательных идей.

Позже прозвучат запоздалые раскаяния в содеянных преступлениях, бывшие стражи порядка не единожды подмявшие закон, который были призваны защищать, станут поливать друг на друга грязью. Они сделают это, чтобы оправдаться в глазах соотечественников, но главное — перед партией, пестовавшей и лелеявшей своих «лучших сынов». По большому счету от этих признаний уже никому легче не станет.

Материалы уголовных дел свидетельствуют о многочисленных примерах подобных раскаяний. Кто-то из древних сказал, что незнание не избавляет от вины. Я

с этим полностью согласна. Тем более, что в данном случае в неосведомленность подсудимых не верится.

Так, Хасанбаев, бывший заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР, в свое время пришел к открытию: «Я стал замечать, что в нашей системе творятся непонятные явления, странные перемещения по службе, поощрения, награды. Мое мнение было такое, что эти люди пользовались хорошими отношениями с Яхъяевым».

Во всех признаниях присутствует парадоксальная закономерность: своя вина в содеянном либо отрицается полностью, либо частично списывается за счет того же непонимания ситуации. Примером тому показания Хайдара Халимовича Яхъяева, министра внутренних дел Узбекской ССР с 1968 г., депутата Верховного Совета Узбекской ССР с 1963 г. С 1966 по 1979 гг. он избирался членом ЦК Компартии Узбекистана, имел 30 поощрений по службе, был награжден орденом Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями, почетными грамотами. В 1970 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта, а в 1977 — звание Заслуженный юрист Узбекской ССР. Вот как он описывает свои взаимоотношения со Щелоковым:

«До этого времени между нами не было никаких конфликтных ситуаций: полное доверие, взаимопонимание, полную поддержку я имел тогда от Щелокова в решении всех служебных вопросов. Однако, вскоре наши отношения со Щелоковым несколько осложнились. Это было связано с моей активной позицией по разоблачению... преступной группировки Насриддиновой, Курбанова и др. Затрагивались интересы высшего круга должностных лиц, все это шло вразрез с линией МВД СССР не вмешиваться в серьезные вопросы, не вскрывать и не показывать фактическое положение

дел, не нарушать обстановки мнимого благополучия в стране. Конечно, Щелоков был недоволен тем, что я напрямую обратился, минуя его, с докладной запиской к Генеральному секретарю ЦК КПСС, что, несмотря на его недовольство, продолжал собирать материал об их преступлениях, что активно помогал с аппаратом министерства следствию Прокуратуры СССР. В ноябре 1975 г. я приезжал в Москву, на совещание в МВД СССР, где встретился со Щелоковым у него в кабинете. Щелоков держался со мной не как раньше, по-приятельски, а сухо, почти официально. Вновь упрекнул меня в том, что я лезу не в свои дела, замахиваюсь на таких руководителей, не думаю о возможных последствиях».

Генеральный секретарь ЦК КПСС, конечно, принял докладную записку министра внутренних дел Узбекистана к сведению — положение обязывало. Но, как никто другой, может быть, в этой стране Брежнев понимал, каким плачевным, если не сказать больше, могут оказаться последствия в том случае, если разворошить осиное гнездо. Тут же может всплыть и связь Щелокова, Чурбанова с преступной деятельностью руководителей союзной республики. Ни о каком серьезном реагировании в данной ситуации речи быть не могло, мнимое благополучие в стране нужно было поддерживать во что бы то ни стало.

Из показаний Абдуллаева, бывшего секретаря ЦК Компартии Узбекистана:

«Бесспорно, что сложившаяся негативная обстановка оказала свое отрицательное воздействие на отраслевые органы власти и управления, в том числе, на МВД Узбекской ССР. В руках мафии органы внутренних дел, сами пораженные взяточничеством, выступали и в качестве важнейшего орудия прикрытия коррупции

в других отраслях народного хозяйства. Учитывая значимость этих органов, соответственно подбирались и его начальствующий состав лиц, лично преданных мафии... Органы внутренних дел были поставлены в такие условия, при которых они не были заинтересованы в том, чтобы раскрывать и показывать истинное трагическое положение дел, вести подлинную борьбу с коррупцией. Более того, эта ситуация позволяла недобросовестным и нечестным работникам «ловить рыбку в мутной воде», злоупотреблять своим служебным положением. Этому способствовала вседозволенность и безнаказанность. Возникает закономерный вопрос: почему МВД СССР не выявляло такого разложения в подчиненном ему республиканском министерстве? Ведь эта система отличается централизацией и военной дисциплиной... МВД СССР находилось вне зоны критики и контроля... достаточно хорошо известно, что министр внутренних дел Щелоков Н. А. пользовался полной поддержкой и доверием Брежнева Л. И., а первый заместитель министра Чурбанов Ю. М. являлся, кроме того, и членом семьи Л. И. Брежнева. При такой обстановке ни Щелоков, ни Чурбанов не были заинтересованы в раскрытии преступлений и борьбе с коррупцией. Нет сомнения, что они «подпитывались» из «кормушки» взяточничества, получая свою долю доходов из республик, в том числе, Узбекистана».

«Славная» деятельность Юрия Михайловича Чурбанова, зятя Брежнева, на посту заместителя министра внутренних дел СССР заслуживает того, чтобы на ней остановиться более подробно.

Не легким был путь этого человека к его высокому социальному статусу. Он родился в столице, в семье секретаря райкома партии, в ноябре 1936 г. После школьной скамьи отправился на авиационный завод

познавать азы пролетарской науки. Но недолго Юрий Михайлович трудился там во благо Родине в качестве механика и секретаря комсомольской организации — сначала первичной, а затем цеха. Закончив техникум, он вскоре стал инструктором Ленинградского райкома ВЛКСМ города Москвы, потом инструктором МГК комсомола. В 1961 г. был призван на службу в войска МВД, где постепенно зарабатывал очки в пользу своей профессиональной карьеры. Одно время он был инструктором политотдела мест заключения МВД РСФСР, потом — помощником начальника политотдела мест заключения УВД Мособлисполкома по работе среди комсомольцев и молодежи. Уволившись в запас в августе 1964 г., Юрий Михайлович Чурбанов был направлен на работу в ЦК ВЛКСМ на должность инструктора, а затем заведующего сектором отдела агитации и пропаганды. Параллельно он обучался науке всех наук — философии, для чего окончил философский факультет МГУ. Параллельно же обзавелся семьей. Но к моменту очередного призыва на службу в органы МВД СССР с семьей своей Юрий Михайлович расстался. В 1970 г. он был назначен заместителем начальника политотдела ГУИТУ МВД СССР с присвоением ему звания «полковник внутренней службы». В марте 1971 г. он уже стал заместителем начальника Политуправления внутренних войск МВД СССР, а спустя месяц, ему досрочно присвоено звание «полковник».

Что способствовало такому триумфальному шествию по служебной лестнице Ю. М. Чурбанова, уже ни для кого не секрет. В апреле 1971 года он вступил в законный брак с дочерью Генсека ЦК КПСС, 42-летней Галиной Леонидовной Брежневой. До того момента она уже дважды успела побывать замужем, но все за

людьми несерьезных профессий. Теперь же у нее появился муж, серьезный и положительный во всех отношениях. И что самое главное, Генсеку он очень понравился.

Леонид Ильич Брежнев, действительно, любил своего нового зятя. Не убоившись разного рода кривотолков и упреков (если таковые, вообще, могли возникнуть в то время), он помогал его активному продвижению к власти. В ноябре 1973 г. Юрий Михайлович Чурбанов стал генерал-майором. С 1975 по 1977 гг. он являлся заместителем начальника Главного управления — начальником Политуправления внутренних войск. В октябре 1977 г. ему было присвоено очередное звание «генерал-лейтенант». А в ноябре 1977 г. Л. И. Брежнев приставил своего зятя к своему ближайшему соратнику, Щелокову, в качестве первого заместителя министра внутренних дел СССР. На этой должности он продержался до ноября 1984 г., когда был назначен, не без непосредственного участия выше упомянутого Федорчука, на должность заместителя начальника внутренних войск МВД СССР. Но с тех пор уже начинается «бесславная» полоса жизни Чурбанова, так как со смертью покровителя Л. И. Брежнева в судьбе его и многих других его товарищей по несчастью наступил трагический поворот. Благодаря личному покровительству Генсека ЦК КПСС, Юрий Михайлович Чурбанов совершил невообразимый скачок в своем профессиональном развитии, дослужившись до звания «генерал-полковник». За время службы в органах внутренних дел он был награжден орденом Красного Знамени и Красной Звезды, 17 медалями СССР и многочисленными медалями зарубежных стран. Знаки отличия и поощрения сыпались на него с необычайной быстротой, едва ли он успевал это оценить по достоинству.

Помимо того, что за два года службы в органах Чурбанов стал заслуженным работником МВД СССР, со всеми вытекающими из этого последствиями, в 1980 г. он был уже лауреатом Государственной премии СССР «за осуществление комплекса мероприятий, обеспечивающих успешное проведение Олимпийских игр в Москве». Здесь следует отметить одно небольшое замечание: ответственность за это поручение нес совершенно другой человек — заместитель министра Шмилин.

Само собой разумеется, что свой счастливый лотерейный билет Юрий Михайлович вытянул, женившись на Галине Брежневой. Помимо продвижения по службе, Л. И. Брежнев был щедр и на другие подарки. Сразу же после бракосочетания лично зятю от Генсека был подарен автомобиль «Шкода-100», который в тот же год почему-то оказался в комиссионке. Но ничего, Леонид Ильич подарил Чурбанову другой автомобиль, новенький «Рено-16», а заодно и выделил молодоженам квартиру на Бронной. А после расщедрился и предоставил им четырехкомнатные апартаменты на улице Щусева, 10.

По воспоминаниям родственников и близких, Чурбанов не отличался скромностью характера. К примеру, он ревностно пересчитывал знаки отличия на своей широкой груди. Это объясняется тем, что им был взят курс на соревнование с сыном Брежнева, который также был облагодетельствован Генсеком высокой должностью — заместителя министра внешней торговли СССР.

Ну, а что же сделал первым делом сам зять, оказавшись на своем высоком посту? Несомненно, тут он внес весомый вклад в повышение престижа и работоспособности работников органов внутренних дел. Своим первым указом Чурбанов запретил курить в слу-

жебных помещениях МВД. Как утверждают очевидцы, профессиональная непригодность Юрия Михайловича была понята ими почти сразу же, как только он перебрался в свой рабочий кабинет. Он не любил работы, не понимал ее и придирался к подчиненным по пустякам. По рассказам некоторых работников МВД, Чурбанов не утруждал себя детальным изучением документов, которые ему по долгу службы необходимо было прочесть. Вместо этого он частенько подлавливал в коридорах младших офицеров и отчитывал их за непочищенную обувь или криво висящую планку.

Такое нервное поведение являлось отчасти желанием оправдать свое генеральское звание, а отчасти тем, что его раздражала повседневная обыденность службы. Но иногда от нее можно было и отвлечься. Например, в поездках с инспекцией по стране или во время торжественных кремлевских обедов и приемов. Щелоков недолюбливал суету, особенно, когда нужно было сниматься с места и ехать куда-то. Благо заместитель придерживался иной точки зрения. А потому Юрий Михайлович объездил почти всю страну, и везде его встречали на самом высоком уровне. Провинциальное чутье местных руководителей подсказывало, что обижать зятя Генсека ЦК КПСС нельзя, — этим самым можно обидеть и самого Генсека. Вот и старались из последних сил, возили на экскурсии по местам «боевой и трудовой» славы, устраивали грандиозные сафари — не в пример какой-то там королевской охоте в Индии, кормили до отвала и поили всласть, чем, может быть, и нанесли непоправимый урон здоровью Чурбанова. Одним словом, угождали, чем могли, даже своеобразные соревнования устраивали. В одном месте военный парад проведут, чтобы угодить дорогому гостю, в другом — маневры, а в тре-

тьем — еще что-нибудь помпезное придумают, с флагами и фанфарами.

Что же касается Чурбанова, то он за это в долгу не оставался: под конец официального визита обязательно повышал кого-нибудь в звании или намекал на содействие, помощь в решении какого-нибудь важного государственного вопроса.

За период своей успешной карьеры Юрий Михайлович проникся философски пониманием бытия. Все почести в его адрес воспринимались им как должное. Но ведь и он постарался, не зря достиг таких высот! К примеру, в результате длительных и упорных поисков Чурбанов вывел для себя безотказную формулу «как нравиться всем». «Надо просто уметь пить, — говорил он о своем открытии знакомым. — Пить как можно больше, но при этом держаться на ногах. Тогда выйдешь в люди».

Он был последователен, пил со всеми, не ради наслаждения, а во имя Отечества. Пил, даже несмотря на то, что из-за этого возникали ссоры с супругой. Тут Юрий Михайлович был абсолютно спокоен, ведь в случае чего тесть поставит свою дочь на место, так как лично в нем души не чает.

Но чтобы «нравиться всем», мало было только пить, — нужно было еще и брать, не отказываться от тех подношений, которыми одаривали гостеприимные хозяева из союзных республик. Возвращаясь из поездок, Чурбанов иногда с удивлением обнаруживал в своих карманах, коробках с фруктами, портфелях и чемоданах упаковки новеньких хрустящих банкнот. Предшествующие шумные события не позволяли вспомнить, где и при каких обстоятельствах он получил такую значительную сумму денег. Что ни говори, а служить Отечеству — тяжелый труд. Ведь, если ра-

зобратъся, деньги эти Юрию Михайловичу были совсем не нужны. Кормились он и Галина Леонидовна из спецраспределителя на Грановского, лечились в поликлинике 4-го Главного управления Минздрава, ездили на служебной машине, строительство дачи финансировал тестъ, обувь и одежду покупать необходимости также не было. Так было заведено, так жили все, кто находился у сытой кормушки власти. Однако, здесь следует сделать одно небольшое замечание. Деньги все же Чурбанову могли понадобиться — на приобретение драгоценностей, к которым была очень равнодушна Галина Брежнева. Когда она появлялась в обществе в сверкающих бриллиантах, у других генеральских жен перехватывало дыхание от зависти.

Вот и приходилось Чурбанову волей-неволей брать эти злосчастные взятки, чтобы угодить вельможной супруге.

Позже, на допросах, один из «дарителей», министр внутренних дел Узбекистана Яхъяев вспомнил:

«Куда бы ни выезжал Чурбанов, везде его встречали на самом высоком уровне, везде были «дары» в виде денег, подарков со всех сторон. Все это в конечном итоге и привело к тому печальному результату, когда разложение в системе органов внутренних дел достигло в конце 70-х — начале 80-х годов своего апогея».

Пришло время, и факты взяточничества и хищения материальных государственных ценностей в особо крупных размерах выплыли наружу. Новые представители власти установили свои порядки. В такой ситуации избежать наказания не удалось никому, в том числе, и Юрию Михайловичу Чурбанову. 14 января 1987 г. его вызвали в следственную часть прокуратуры СССР, где была предъявлена санкция на арест. А оттуда с наручниками на запястьях он был доставлен

в Лефортово, где, по заведенному и неискоренимому обычаю, перед приездом нового заключенного заново покрасили и побелили камеру.

За короткий период правления Андропова борьба с преступностью облеченных властью государственных мужей шла по нарастающей. Потом она продолжалась по инерции и после его смерти, но не долго. В 1982 г. было выявлено 7,8 тыс. фактов взяточничества, в 1983 г. — 8,6 тыс., в 1984 г. — 9,6 тыс., а в 1985 г. — 10,6 тыс. Возрастало также число следственных дел по другим видам преступлений высших государственных чиновников. Так, в 1982 г. было зарегистрировано 74,2 тыс. фактов хищения государственного и общественного имущества, совершенных путем присвоения, растрат или злоупотребления служебным положением. В 1983 г. эта цифра увеличилась до 79,6 тыс., в 1984 г. — до 85,1 тыс., а в 1985 г. — до 93,0 тыс.

Эти события сопровождались новыми преступлениями, совершаемыми представителями коррумпированной власти в предчувствии разоблачения. Ликвидировались вещественные доказательства их деятельности, устранялись неудобные свидетели, уже попавшие в поле зрения следственных органов. Понятно, что эту работу должны были выполнять своего рода «квалифицированные» люди — уголовники. Зачастую получалось так, что исполнители заказных убийств и их жертвы находились в изоляторах или местах заключения. Преступная власть, испугавшись разоблачения, вошла в непосредственный контакт с представителями уголовного мира.

В стране начался настоящий мор свидетелей. Их убивали ночью на нарах, выбрасывали из окон следственных изоляторов, взрывали в машинах, душили

в квартирах, с ними расправлялись и на многолюдных улицах, и в закрытых пансионатах. Резко возросло число несчастных случаев со свидетелями, как и чисто свидетелей-самоубийц. За период с 1982 по 1985 г. погибло около 100 свидетелей. Случались и неправдоподобные случаи их самоубийств. К примеру, свидетель по делу о злоупотреблениях министра внутренних дел Узбекистана Давыдов покончил с собой в ташкентском госпитале, трижды выстрелив себе в голову из чужого пистолета. Бывало и такое, что люди уходили из жизни, оставляя потомкам оправдательные письма. Бывший министр внутренних дел Узбекской ССР Кудрат Эргашев, к примеру, вывел неровным почерком на листе бумаги: «Я абсолютно одинокий человек, сын бедняка, оклеветан Рашидовым и его шайкой. Я, честный член КПСС, марксист-ленинец — умер. Да здравствует КПСС! Марксизм-ленинизм! Да здравствует советский народ! Кудрат». Это произошло ранним утром 15 августа 1984 г. Составив послание, Эргашев взял свой «браунинг» шестого калибра, лег на кровать, приставил дуло к виску и нажал курок.

С самого начала борьбы с высокопоставленными преступниками суды ее явно тормозили. Из каждых 100 дел о взяточничестве обвинительные приговоры выносились только по 54. Следует заметить, что многие «дела» расследовались наспех, признания добывались не всегда законным путем, следственные версии часто не отрабатывались по фактам. Свой вклад в «борьбу» внесли и законодатели. В 1962 г. Верховным Советом РСФСР, а также Советами всех союзных республик, был принят закон об уголовной ответственности за дачу взятки. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 г. взятодатели «уровнялись в правах» со взяточниками. При этом не

бралось в расчет то, что дача взятки в большинстве случаев — вынужденное действие и не может рассматриваться как преступление. После этого указа взятодатели, опасаясь тюремного заключения сроком до пятнадцати лет с возможной конфискацией имущества, потеряли охоту разоблачать взяточников. Тогда-то борьба с этим негативным проявлением в обществе и пошла на убыль. В лагерях оказались не только чиновники-взяточники, а и тысячи простых тружеников, отчаявшихся законным путем устроиться на работу, получить квартиру или поставить телефон. В 1987 г. число выявленных взяточников составило 64,3%, в 1988 г. — 44,6%, а в 1989 г. — 30,5% от уровня 1986 г.

Весьма любопытным, на мой взгляд, представляется итог борьбы с коррупцией, а именно — некоторое изменение в направлении этой борьбы. «Дело», начатое Гдяном и Ивановым, постепенно переросло в «дело» о Гдяне и Иванове. Коррупционеры неожиданно воспылали страстью к закону и принялись называть себя несчастными предпринимателями. Неизвестно, куда бы привела эта страсть, а также поддержка новых покровителей от власти, если бы не вмешался народ. В одной Москве состоялись десятки митингов в поддержку Гдяна и Иванова. Параллельно была поднята шумиха в средствах массовой информации.

Но ушли в прошлое бурные события тех лет, люди, окунувшись в повседневную действительность, стали понемногу забывать о них. Вернулись к своей прежней, если можно так выразиться относительно нынешней ситуации, жизни те, кто были привлечены к уголовной ответственности более десяти лет назад. Как сложилась их судьба? Думаю, читателю небезынтересно будет узнать об этом.

Сейчас ходят многочисленные слухи о том, что Галина Леонидовна Брежнева спилась, влачит жалкое существование. Дыма без огня не бывает. Но я не люблю слухов и домыслов, я предпочитаю проверенные факты.

М. С. Докучаев пишет в своей книге «Москва. Кремль. Охрана.»:

«Леонид Ильич всю жизнь работал и не имел возможности уделять достаточного внимания воспитанию детей. Виктория Петровна была слишком мягкой женщиной и не могла держать их в руках. Условия жизни и возможности портили их.

Все это привело к тому, что дочь Галина и сын Юрий стали увлекаться выпивкой... Сын Леонида Ильича Юрий Леонидович Брежнев, бывший заместитель министра внешней торговли, был хроническим алкоголиком и оставался в должности только благодаря отцу.

До прихода в семью Брежневых Ю. М. Чурбанова Галина не была так пристрастна к вину. А он виноват в том, что она стала увлекаться спиртными напитками...»

В 1993 г. корреспондент журнала «Столица» Елена Салина встретила с Галиной Брежневой. Приведу выдержки из монолога «львицы на пенсии», как назвала дочь бывшего Генсека ЦК КПСС Е. Салина, чтобы пролить свет на дальнейшую судьбу описанных в этой главе героев.

«...Я не со всеми разговариваю. Просто вы напоролась на мое хорошее настроение. Тут англичане зарулили, сделали фильм обо мне. По всей Европе прокатили, и все. Мне пяти копеек не заплатили. Ну, они англичане... Вить, принеси мне, пожалуйста, попить, потому что я же даю интервью...»

А что писали обо мне, а? Что писал Додолев? Что я просто алкоголичка и ношу сдавать бутылки. Мама

мия! Когда Женя Додолев пришел ко мне извиняться — принес чего-то там такое, ну, шампанское, фрукты, это раньше я могла что покруче, а сейчас только шампанское, — я говорю: «Жень, ну какие же я бутылки сдаю? Что мне, жить не на что или как?» Я говорю: «Женечка... дорогой, за что ты меня оболгал?» А он отвечает: «Галочка, милая, это ж наш кусок хлеба...»

Рассказать про себя? А можно про Сахалин? Вот я лично знаю, что на острове отличная погода. Чурбанов вышел. Но я с ним развелась. Поэтому он зарулил к сестре. На Алабяна он проживает, могу дать телефончик.

У сестры-то своя квартира, трехкомнатная, на Алабяна их родители жили — она сейчас туда зарулила. Отец с матерью умерли, и квартиру эту мы Чурбанову приватизировали. У него же ничего не осталось — он просто обыкновенный заключенный.

Ну, было у нас четыре комнаты на Кутузовском. Но это все принадлежало мне, потому что Юрий Михайлович был прописан как мой муж. Несмотря на все его регалии... Ну, квартира была большая, а я женщина чистоплотная, не люблю пыли. У моего брата — сын, у того — двое детей, значит, их четверо, а я одна. В общем, я решила махнуться. Теперь здесь живу, на Алексея Толстого, в трехкомнатной. Знаете, почему эта улица называется престижной? В честь меня.

И брат здесь же, Юрий Леонидович, с супругой. Я — на пятом, он — на третьем... А дочь моя, Виктория, она на Щусева, с мужем и дочкой Галочкой — у меня внучке уже двадцать лет. Ну, у них пятикомнатная квартира.

А я сама с двадцать девятого года, мне шестьдесят четыре полных, но никто этого почему-то мне не дает. Вот и сейчас флоксы у меня стоят. Я столько пережи-

ла. И мне предлагают любые деньги — только откройте рот.

Вот живу одна... Пенсия — десять тысяч, ну на пенсию же не проживешь... А я объясню почему. Я — генерал дипломатической службы Министерства иностранных дел. Но у меня нет выслуги лет, потому что у меня два паспорта: я и Брежнева, и Милаева. Чурбановой я не была. У меня и орден Трудового Красного Знамени за мою дипломатическую деятельность выписан на Милаеву. Вот так... И Брежнева, и... эта... Ну, смотря куда рулила, в какую сторону. Понимаете, в жизни ни у Юрия Михалыча, ни у меня — у нас не было трудовых книжек. Что получали, то получали — он больше, я меньше. Мои родители нам чего-то подбрасывали — так и жили. Как обычная советская семья. Прожили шестнадцать лет. Утром он меня на службу забрасывал, вечером — ужин. Домработниц у меня не было, я очень хорошая кулинарка и содержала два дома одна. Мы закрывали квартиру и жили на даче. А чего там ехать-то? Жуковка. Академгородок. Ну, «ЗиЛ» подаст отец — мы и едем. Юрий Михалыч был всего генерал-полковник, ему не положено. Но отец его любил...

А теперь сдаю свою виллу. Ну, дачу. Своему приятелю. Спасибо папе, что построил. Вот на это я и живу.

Когда случилось это крушение, нашелся один подонки — запишите: Валерий Иванович Власов, который обокрал меня до нитки. Раньше он стоял по стойке «смирно» и носил нам покушать — ну, завмаг. А когда я, значит, растерялась, он взял и вывез все: ковры, хрусталь, даже нашу кровать. Полсервиза одного, полсервиза другого — все увез к себе. Ну, хорошо, это я пережила, я не ем еще из оловянных плошек. Телевизоры... Два «Грюндига» унес, нет, три «Грюндига», по-

том видик, который Юрию Михалычу подарили, когда был в Южном Йемене. В общем, дача теперь пустая. Колец с бриллиантами — ничего у меня нет. В этой квартире главная ценность — это я. Юрий Михалыч теперь вышел, пускай он разбирается...

Как мы познакомились? Ну, моим первым-то мужем был Милаев, народный артист Советского Союза, Герой Соцтруда... Но он сыграл в ящик — уже там спит. Потом был Игорь Кио. Ему было восемнадцать лет, а я на восемнадцать лет старше... Как познакомились с Чурбановым, я расскажу.

Значит, так. Рулю я с приятелем в Дом архитектора, здесь, рядом, поужинать. Ну, мы сидим. И Юрий Михалыч там. И вдруг этот подонок, Игорь Щелоков, ну, сын Щелокова; говорит: иди сюда, дескать, сейчас я вас познакомлю. И нас поженили. А потом Игорь с Нонкой поженились. Она бросила Мишку Гарта, моего приятеля. Они его засадили, Мишка десять лет отсидел. Ничего — он сейчас в Нью-Йорке.

А когда Юрия Михалыча не стало, они и меня бросили. Только промахнулись немножко. Обосрались. А теперь боятся приползти. Игорь Щелоков открыл пивной бар на Николиной Горе. Игорек! Зарулим, чтоб ты нас обслужил. Сын Щелокова! Представляешь? Ну чего, поехали сейчас на Николину Гору, он будет нас обслуживать... Они думали, Чурбанов не вернется.

Но Чурбанов вернулся!!! Да, Вить?.. А вы не знаете, кто это? Это ж полковник эмвэдэ. Последний адъютант Его Превосходительства...

...Они пришли все описывать, когда Юрий Михалыч уже в тюрьме сидел. Целая туча: и оттуда, и отсюда, и изо всех организаций, которые только существуют. На меня навалились. А я с бутылкой. Они говорят: «Перестаньте мотаться с бутылкой». А я мотаюсь.

Они: «Да вы присядьте». А я говорю: «Нет, я не присяду. Что, вы за мной пришли? Так берите...» И они поняли, что так просто эту бабу не возьмешь. Меня за рупь двадцать не купишь! Вот.

...Сейчас я вам надиктую.

Я жила при коммунизме!!!

Вам этого не понять. Мы вот так: воткнули семечку — и во-от такой арбуз. Воткнули — и все. На Украине. До войны...

Дорогая Леночка. Ты стояла за куском хлеба в войну? А я стояла. А мой отец воевал с гит-ле-риз-мом. А товарищ Сталин, когда он засветился в Молдавии, спросил: «Кто вот этот красивый молдаванин? И — в Москву его...

А сейчас я живу спокойно. Мои тревоги кончились. И хочу сказать, что о сегодняшнем дне не жалею...

Вы Брежнева знаете? Слышали? Вот он идет по коридору, а навстречу чувак ему говорит: «Леонид Ильич...» Подождите, сейчас вспомню. Сейчас выпью и вспомню. «Леонид Ильич! Христос воскрес!» — «Понял, — он говорит: — знаю. Мне уже докладывали».

Хотите о серьезном? Какая сейчас жизнь у всех? А я скажу. Х...вая. когда я иду в свою кибитку и вижу, как бабушки стоят за хлебом... Вот они стоят и ждут, когда привезут хлеб. Я стараюсь туда не смотреть. Я готова заплакать, а чтоб я заплакала — много надо. При Леониде Ильиче об этом не думали.

Сейчас мама звонила, Виктория Петровна. У нее лекарство кончилось. Я говорю: «Мамочка, потерпи до вечера...» У жены Генсека нет лекарств! Ей Жискард д'Эстен шампанское подавал, а демократы... их мать, лекарства не дают.

А Ельцин... Что Ельцин? Я уже давала интервью, когда ходила на избирательный участок. Меня спра-

шивают: «Галина Леонидовна, почему вы голосуете за Ельцина?» — «Ну, — говорю, — мы же россияне...» — «А как вы считаете, как он должен управлять страной?» Я говорю: «Коллегиально». Я и сейчас так считаю, что не должен один человек рулить...

Я каждый день была счастливой и несчастной, и не важно, что я не знаю, какой сегодня день. Все равно счастья было больше...

Весь мир объездила. И на Брионах баловалась — это резиденция Тито, и у короля Дауда тоже, а Афганистане. В Америке, правда, не была. Не пустили. Там стреляют. Ну, я к Феде, на Кубу зарулила. Спрашивайте, спрашивайте, мне скрывать нечего, я атомной энергией не занималась. Я не филолог. И историк...

А перед Чурбановым я ни в чем не виновата. Я не ела икру — ему посылала. Брат едет на свидание, я ему: «Игорек, передай от меня то-то и то-то, деньги там, лук, яблоки, картофель».

Игорь едет, кормит его и поит... Ему там было плохо — мы здесь мучились. Он мне книгу посвятил «Я расскажу все, как было». В Нижнем Тагиле написал, потом передал, и ее напечатали. Он написал не «жене». Он написал: «посвящаю Брежневой Галине Леонидовне».

Вдруг я с ума соскочу и опять на нем женюсь? А он даже не зашел...

Все, что я имела от Чурбанова, — сотрясение мозга... Он убивал меня вручную...»

Весьма примечательна последняя фраза Галины Леонидовны Брежневой, которой она заканчивает свой монолог: «Ребята, а вы не боитесь, что мы вас посадим?» В ней заключается не безысходное рычание обиженной на судьбу «львицы». В этом замечании я склонна видеть гораздо большее.

В последнее время все чаще и чаще в народе слышны утверждения, что куда лучше было бы для общего блага повернуть все назад. Сейчас, дескать, такой беспредел, какого и при «застойном» Брежневе, и до него, не было. При этом образ самого Генсека подается непременно в теплых нежных тонах, в ироничной, карикатурной манере. Там, где присутствует юмор, нет неприязни. Леонид Ильич остался в памяти народной этаким добряком, который обеспечил советским людям спокойную жизнь. Он любил пошутить, отпустить меткое остроумное словечко в адрес кого-либо из своих соратников, а это уже наводит на мысль о возможной критике. Значит, допускает примитивное мышление, в Советском Союзе и в ту пору существовала гласность, только сытому, одетому и обеспеченному человеку во всеуслышание об имевших место недостатках не хотелось.

Все это, на первый взгляд, вполне нормальное явление. До определенной степени я и сама не склонна видеть в этом каких-либо аномальных отклонений, чего-то из ряда вон выходящего. Брежнев умер, прошло некоторое время, и он превратился в символ. Само собой разумеется, что образ Брежнева накладывается на образ эпохи, в которой управлял государством Брежнев. Но если хорошенько задуматься над проблемой, то становится очевидно, что символ Брежнева, как человека, подменяется символом целой эпохи. А эта эпоха, в чем я абсолютно уверена, не являлась такой безобидной, какой мы ее сейчас склонны представлять себе. И вскрытые факты преступлений чиновников высшего ранга — лишнее подтверждение тому. Можно прощать человеку за допущенные им при жизни ошибки (у кого их не бывает), но нельзя прощать их Системе.

Желание вернуть свое прошлое так или иначе присутствует у каждого из нас. Но при этом мы зачастую забываем, что оно не подвержено возвращению по частям, что нельзя вернуть только хорошее в этом прошлом. Когда нарушается нормальный ход истории, прошлое привносит в действительность и самые отвратительные свои черты.

В рассказе Галины Леонидовны Брежневой есть один очень любопытный момент. Ее фраза: «Я жила при коммунизме!!!», как я думаю, вполне соответствует истине. Верхушка, элита, представители власти, действительно, жили при коммунизме. Они не испытывали на себе тех повседневных забот, какие испытывали остальные. Они построили коммунизм исключительно для себя, вырастили его в парниковых условиях в небольших количествах и для избранного круга лиц. Что же касается основной части населения страны, то беспристрастное время неопровержимо свидетельствует: она не могла похвастаться подобными достижениями. Это она стояла в очередях за хлебом (очереди были всегда, — не в столице, так на периферии). И это она выращивала урожай, — постепенно, этап за этапом, а не так, чтобы «воткнул семечку — и во-от такой арбуз». И это она работала на свою власть, чтобы создать ей иллюзию коммунизма.

Непонимание таких очевидных вещей меня пугает. Нельзя вернуться в прошлое, купить там батон дешевой колбасы, а затем снова оказаться в своем времени. Что ни говори. А сознание наше очень изменилось. К хорошему (к разнообразию товаров, возможности высказать все, что пожелаешь) быстро привыкаешь. Но вот что ужасно: те зерна, которые были брошены в землю в эпоху застоя, еще не проросли. Они скрыты от нас, и мы не имеем возможности увидеть их урод-

ливых форм. И что еще ужаснее, они присутствуют в сознании каждого из нас, раздваивая его. Они дают по привычке некоторое ощущение защищенности. Люди пребывают в состоянии ожидания: авось, что-то изменится. Они не желают задумываться над тем, как что-либо улучшить, а ожидают, когда же вернется то время, в которое можно, вообще, не думать.

Не знаю, может быть, я несколько сгущаю краски. Ведь нельзя не доверять своему народу. Народ мудр, он видит истину, как бы старательно ее не маскировали. Но иногда мной овладевает отчаяние. Я перестаю верить всему, что когда-то открыла для себя. Я начинаю искать выход из этого тупикового состояния и не нахожу его. Так, наверное, и все остальные, — пытаются отыскать истину, но она постоянно ускользает от них. Я — оптимистка. Главное, в чем я убеждена, — не дать возможности моему отчаянию овладеть мною окончательно.

ЗАВЕРШЕНИЕ ПУТИ ДЛИННОЮ В СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Пожнут твои плоды потомки.

Вергилий

Когда читаешь книгу, можно с абсолютной достоверностью передать содержание предыдущих страниц, можно предположить, что будет описано на последующих, можно даже спрогнозировать финал. Но жизнь — не книга. Будущее предугадать не дано никому.

Мне интересно знать, предполагал ли Михаил Сергеевич Горбачев и его сподвижники, планируя перестройку, чем все это обернется для России и ее людей? Наверное, нет. Многие из тех, кто проявляли активность в первые годы перестройки, в том числе, и сам Горбачев, уже оказались за бортом истории. Не в том смысле, что они навсегда вычеркнуты из реальности, а в том, что их голос сейчас вряд ли имеет прежний вес. Возможно, так оно и должно быть. Само понятие «перестройка» неактуально в наши дни. А жизнь, как известно, жестокая вещь.

Но я задаюсь вопросом: что изменилось в нашей стране с приходом к власти реформаторов? Первый ответ, который лежит на поверхности, — изменилось очень и очень многое. Что конкретно, каждый способен решить, исходя из тех позиций, на которых он ныне находится.

В связи с этим, как мне представляется, возникает не менее маловажный вопрос: в чем причина таких разногласий? Чтобы понять это, нужно вернуться в не такое уж далекое прошлое и разобраться, как все начиналось и кто все начинал.

В свое время французский педагог Франсуа Жиакomini сказал:

«Я бы назвал Горбачева человеком, который способен ускорять идущие процессы. И, с другой стороны, держать их под контролем, следить за тем, чтобы их не «занесло». Французская история знает случаи, когда борьба за демократию кончилась террором. Возврата к прошлому в СССР я не вижу, поэтому на сегодняшний день, я думаю, что выбор заключается в следующем: либо Горбачев, либо взрыв.

Масштаб его личности сейчас признается всеми. Даже те, кто мало симпатизирует Советскому Союзу,

подтверждают, что импульс к переменам в Восточной Европе дан Горбачевым, его политикой. Он положил конец «холодной войне», которая велась с 1945 г., и в более широком смысле — с 1917. Я читал его выступление в ООН. Эта речь содержит идеи планомерного масштаба, которые идут дальше формулировки целей на ближайшие годы. Он связывает политику и мораль, предлагает меры развития в соответствии с общечеловеческими ценностями.

Его проект переустройства советского общества должен привести к тому, что люди станут хозяевами своей жизни и одновременно свободны. Общество станет эффективным, но не пойдет по пути неконтролируемого либерализма, который сейчас угрожает миру. В этом смысле он тоже владеет ситуацией, так как понимает, что решение проблемы не в том, чтобы копировать Запад. Как говорится, одна Америка в мире уже есть, и надо попытаться построить другое общество — общество, где бы главенствовали человеческая мораль и солидарность».

Это свидетельство, как мне кажется, очень ценно. Во-первых, потому, что это взгляд со стороны. А во-вторых, потому, что здесь обозначены те опасные моменты, с которыми пришлось столкнуться архитекторам нашей судьбы. Результаты их деятельности мы имеем возможность ощущать на себе ежеминутно.

То, что Михаил Сергеевич Горбачев привнес процесс в наше общество, способны отрицать лишь закостенелые коммунисты-консерваторы, для которых чуждо понятие «истина». Это признается во всем мире, это подтверждает сама история. Он вывел страну из дипломатической (но не экономической) изоляции. Еще в конце 1879 г. Маргарет Тэтчер заявила своему министру иностранных дел лорду Каррингтону: «Я не разре-

шаю вам вести какие бы то ни было дела с этими русскими». Но ей достаточно было трех с половиной часов беседы с Горбачевым, чтобы понять, что с русскими можно и нужно вести дела. Такая положительная оценка оказала воздействие на богатейшую советскую номенклатуру. В конечном итоге визит Горбачева в Лондон повлиял на избрание его секретарем ЦК КПСС в 1985 г. До этого момента у Горбачева были весомые соперники — В. В. Гришин и Г. В. Романов.

Вокруг Михаила Сергеевича Горбачева складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, мало кем отвергается его прогрессивное значение, как политического деятеля. Но в то же время, как в годы перестройки, так и в наши дни его образ окрашивается в черные тона. За границей его любят, у нас же в стране отношение к нему доходит до нескрываемой неприязни.

Вот как над этой проблемой размышляет Юрий Бонаков:

«Сделав ставку на Горбачева, номенклатура не сразу поняла, что просчиталась. Секретари московской и ленинградской партийных организаций были куда более лояльными людьми, чем бывший ставропольский секретарь. Сознывая себя «отцом русской демократии» и избранником Запада, Горбачев не всегда учитывал интересы своего класса. Не имея никаких шансов стать своим для демократов, он, тем не менее, пошел гораздо дальше, чем того хотела номенклатура. Это стало причиной его политического одиночества. Но перед этим он едва не уничтожил тот класс, который поставил его у власти. И, хотя это произошло отчасти случайно, это была именно та случайность, которую продолжают исторические закономерности.

Начатой Горбачевым перестройке предшествовала перестройка внутри номенклатурного класса. Извест-

но, что, по меньшей мере, до начала 80-х годов номенклатура считала все национальное богатство своей страны коллективной собственностью. По мере личного обогащения за счет взяток и хищений номенклатурщики стали предпочитать личную собственность коллективной. Дело доходило до смешного. Государственный «ЗИЛ» ценился ниже, чем личные «Жигули». Роскошным государственным дачам стали предпочитаться тесные, но собственные домики. Пользование государственным имуществом стало признаком низкого социального статуса внутри номенклатурного класса. Коллективная собственность стала ненавистной, ничьей. Может быть, поэтому номенклатура вплоть до начала 90-х годов так и не созрела для идей тотального передела между собой своей недвижимой коллективной собственности.

Номенклатура упорно отвергала предлагавшиеся западными собеседниками с конца 80-х годов идеи приватизации. Как можно поделить то, что номенклатура привыкла тайно использовать в целях извлечения личной прибыли? Иное дело передать кому-либо за взятки право на пользование государственной недвижимостью, накопить на этом капитал, приобрести на него такие вещи, которые недоступны коллегам. В этом удовольствие, в этом весь смысл жизни. Вот почему номенклатура раньше созрела для идей свободы личного обогащения, развития рыночных отношений, насаждения мелкого предпринимательства, во всем зависимого от чиновников. Именно с этого и началась перестройка».

Общеизвестно, что нельзя перестроить общество, не перестроив сначала человеческое мышление. Мышление советской номенклатуры, как я себе это представляю, нельзя переделать никогда. Ее жизненное

кредо — фальшь. Зачем брать на себя такую ответственность, как приватизация государственной недвижимости? Ведь в случае чего за ошибки придется отвечать перед обществом, которое доверило тебе свою судьбу. И взятый курс на перемены... Что он означает? Не то ли, что обогащение, как социальное стремление, уже не отвергается общественным мнением? Но демократическая система предполагает, что путь к обогащению открыт для всех. В таком случае, что нужно сделать, чтобы в кратчайшие сроки удовлетворить желания всего общества? Номенклатура еще не дошла до понимания того, как открыто накормить волков и при этом сохранить в целостности поголовье овец.

Однако, давайте посмотрим, какого мнения по вопросу личного благосостояния придерживался сам Михаил Сергеевич Горбачев. Во время визита в Лондон мировая общественность смогла убедиться в том, что Горбачев и его супруга Раиса Максимовна, — очень богатые люди, даже по западным меркам. Раиса Максимовна, к примеру, обладала «золотой» кредитной карточкой «Америкэн экспресс», доступной лишь миллионерам. По ней она расплатилась за алмазные сережки, стоимостью в 1780 долларов. Сам Горбачев заказал себе несколько костюмов у «Дживса и Хоука» — самых престижных дорогих портных, столетиями обслуживающих членов королевской семьи.

Отсюда возникает вполне закономерный вопрос: уж не получила ли чета Горбачевых многомиллионное наследство, оправдывающее такое состояние. Если нет, то каким «честным» путем оно было нажито при неблагоприятных для накопительства советских условиях? Этот серьезный вопрос имеет не менее серьезные последствия, в том числе, это отразилось и на снижении популярности Горбачева среди соотечественни-

ков. Конфуций сказал: «Когда государство не управляется согласно с разумом, то постыдны богатства и почести». Нельзя достичь абсолютной честности и требовать этого от других, не будучи при этом откровенным самому.

Вспоминает М. С. Докучаев:

«В день смерти К. У. Черненко состоялось заседание Политбюро, на котором решалась судьба М. С. Горбачева. С предложением о выдвижении кандидатуры на пост Генерального секретаря ЦК КПСС первым тогда выступил Г. В. Романов и, согласно завещанию К. У. Черненко, выдвинул В. В. Гришина. После этого встал А. А. Громыко и заявил, что хватит нам носить гробы, пора выдвигать молодые кадры с перспективой на ближайшие десять лет и более. Он настоял на кандидатуре М. С. Горбачева, который и был избран на пост Генерального секретаря большинством в один голос.

Нужно откровенно сказать, что коммунисты и весь советский народ восприняли его назначение весьма одобрительно. Он был молод, но уже с достаточным стажем партийной и хозяйственной работы, пообтерся к тому времени в верхних эшелонах руководства, имел соответствующие внешние данные, хотя очень стеснялся показывать родимое пятно на голове. Со временем он и к этому станет относиться спокойно.

Перед партией и народом по-прежнему стояли огромные проблемы, и, в первую очередь, связанные с экономикой и поднятием ее на уровень современности на базе дальнейшего развития научно-технического прогресса. До этого были приняты две весьма содержательные программы: продовольственная и экономическая, однако, они здорово пробуксовывали, и дело шло крайне плохо...

Тогда возникла идея перестройки, глашатаем которой стал М. С. Горбачев. Она пронизала всю жизнь Советского социалистического общества...

В первые годы деятельность М. С. Горбачева была плодотворной и насыщенной огромным количеством различных мероприятий как внутреннего, так и внешнего характера. Он подавал пример в делах перестройки и призывал к участию в них всех способных на то партийных и общественных деятелей, тружеников города и села. Он много ездил по стране и ежегодно совершал три-четыре важных поездки за границу...

Первый его визит в капиталистическую страну был осенью 1985 г. во Францию. После Парижа супруги Горбачевы осмелели и стали выезжать в зарубежные поездки все чаще и чаще. В ходе их для службы безопасности появились новые проблемы, связанные с личной амбициозностью как самого М. С. Горбачева, так и его супруги. Они наотрез отказывались от поездок в ходе визитов на местных автомашинах, хотя по протоколу любой страны гости обязаны совершать все поездки на транспортных средствах только того государства, в котором они находятся. По-видимому, примером в этом для Горбачева послужили поездки президента и госсекретаря США, которые разъезжают везде на своих самолетах и в своих автомашинах.

Даже в соцстраны, где имелись наши отечественные машины «ЗИЛ-115», Горбачев приказывал направлять для себя автомашины гаража особого назначения. Это подчас вызывало недоумение у друзей, возражения, но приходилось настаивать, убеждать, просить, доказывать, что так надо. Обычным доводом в таких случаях был тот, что М. С. Горбачев является Представителем Государственного Комитета Оборона и обязан находиться в своей машине со специальной

связью. Для мадам такой довод не подходил, но она всегда ставила вопрос ребром: будет ездить только на советской автомашине и со своим водителем. Нужно было как-то скрыть это мещанство, и поэтому решили наши автомашины предоставить и другим членам Политбюро, а также охране.

Дело заключалось не столько в самих машинах, сколько в их транспортировке. Каждая заграничная поездка при такой постановке дела требовала доставки в страну визита до двадцати автомашин марки «ЗИЛ-115». Под них необходимо было семь транспортных самолетов «Ил-76», каждый из которых берет на борт три автомашины. Учитывая, что перелеты осуществлялись также и по стране, в которую наносился визит, порой переброска автомашин требовала до 30 и более полетов самолетов. Если представить себе визиты в Вашингтон, Нью-Йорк, на Кубу, в Дели, то нетрудно подсчитать, во что обходилась эта переброска автомашин, да еще при нашем дефиците горючего.

С другой стороны, с каждым разом увеличивалось число членов делегаций, сопровождающих лиц, сотрудников охраны и связи и обслуживающего персонала. В общей сложности все это в последнее время достигло 400—500 человек, для которых также требовалось не менее пяти-шести самолетов. Таким образом, каждый визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а затем Президента СССР обходился Советскому государству и народу в весьма круглую копеечку.

Нам, сотрудникам безопасности, порой было странно наблюдать, как президенты и главы правительств других государств прилетали к нам с визитами на самолетах типа «Фалкон», рассчитанных всего на десять-двенадцать пассажиров. Да и наши руководители

до Горбачева никогда не злоупотребляли своими возможностями. Обычно под делегацию, возглавляемую Л. И. Брежневым, выделялось два самолета. О доставке своих машин не было и речи. Ездили на том транспорте, который предоставляла принимающая сторона и не показывали своего расточительства и барства».

Автор пишет, что Михаил Сергеевич Горбачев и его супруга не отличались скромностью, что проявлялось во всех областях жизни. Как утверждает Докучаев, «барством Горбачев страдал еще со времен Ставрополя, когда он был первым человеком в этом богатом обширном крае. Уже тогда он частенько наезжал в государственные особняки на Северном Кавказе, предназначенные для отдыха высоких советских руководителей, и устраивал там пышные попойки. Затем, будучи в Москве и войдя во вкус власти, он во всей полноте показал себя великим стяжателем. Он стал строить себе особняки и квартиры, приморские дачи, которые обошлись государству в весьма кругленькие суммы.

Горбачев жил на прекрасной государственной даче под Москвой, доставшейся ему по наследству от предшественника Ф. Д. Кулакова, но она почему-то его не устраивала. Ему построили новую дачу на участке земли, когда-то принадлежавшем царскому премьер-министру Витте. Эта дача по прошлым ценам обошлась государству в 6,5 миллиона рублей, не говоря о затраченной валюте.

По распоряжению Горбачева была реставрирована дача в Ново-Огареве под зимнюю резиденцию для приема иностранных гостей. В действительности, она стала домом приемов Горбачева и его супруги и обошлась в 5 с лишним миллионов рублей. На этой даче принимали всего лишь нескольких глав государств и правительств: Р. Рейгана, Р. Ганди и, кажется, Миттерана. Там отме-

чались два-три раза новогодние праздники с участием членов Политбюро и их жен. Когда Р. М. Горбачева показывала этот особняк Соне Ганди, та спросила ее: «А это ваш собственный особняк?» Хотя Р. М. Горбачева ответила, что это государственное здание, в действительности, оно находилось только в распоряжении президента Горбачева и его супруги.

Филиал этой резиденции в Ново-Огареве был также отремонтирован, обставлен богатой мебелью и превращен в дом переговоров Горбачева с президентами союзных республик.

В последние годы для Горбачева построили две дачи на Черноморском побережье: в Крыму — в Форосе и на Кавказе в районе Пицунды. В обоих этих районах уже имелись прекрасные дачи, на которых с удовольствием отдыхали Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов и другие советские руководители, но, видимо, они не пришлись по вкусу супругам Горбачевым.

В Форосе была построена дача (вернее, комплекс современных зданий, в которые входят: резиденция, гостиница на 300 мест, бассейн, гаражи, подсобные помещения, пляжные сооружения и т. п.) общей стоимостью в 5,5 млн. рублей, не считая валютных затрат, а в Пицунде — не меньший комплекс, стоимостью 13 млн. рублей при дешевой солдатской рабочей силе.

После того, как эти дачи сдали в эксплуатацию, несколько сот человек получили в качестве премии крупные суммы денег. Среди них были министры, их заместители, начальники главков, не менее сотни генералов. Когда же Горбачев с семьей прибыл на отдых в Форос, то случился курьез. Его дочь стала открывать занавес в спальном комнате, и гардина сорвалась со стены — видимо, была слабо прибита — и ударила ее слегка по голове. Это послужило причиной снятия

с должностей и увольнения со службы двух десятков генералов и офицеров службы безопасности, а также строгого наказания других лиц, причастных к строительству этой дачи.

Имелась прекрасная квартира на улице Щусева, однако, Горбачеву и ряду его близких членов Политбюро построили состоящий из нескольких квартир дом, который также стоил немалых средств.

Следует также сказать, что почти каждый год рабочие кабинеты Горбачева в Кремле и в здании ЦК КПСС основательно ремонтировали, меняли их интерьер и мебель. Можно представить, что такого имперского барства не позволял и не позволяет себе ни один другой глава государства. Немаловажным подтверждением этому являются и поездки супругов Горбачевых в другие страны, о чем говорилось выше, издание ими громадными тиражами за границей и в Союзе книг, за что они получили весьма солидные гонорары.

То, что Горбачев и его супруга требовали повышенного внимания к себе, можно заключить по изменениям в дипломатическом протоколе. Никто, например, из бывших руководителей страны не принимал так помпезно высоких иностранных гостей, как это начали делать они в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. К этому времени наглядно проявились и другие личные качества Горбачевых. Они показали себя людьми «в себе», то есть людьми, которые не допускают никого в свою семейную орбиту и, тем более, не заводят близких и дружественных отношений с другими. Наибольшее сближение у них было с Болдыными, но и то до определенной поры. Не нашли они друзей и среди членов Политбюро, других видных деятелей Советского государства, не говоря уже о простых людях.

Свою общительность они проявляли, главным образом, в рамках протокольных мероприятий и по служебной линии. Во время визитов за границу они любили по вечерам и даже поздно ночью устраивать обеды с приглашением близкого окружения и известных деятелей науки и культуры. С другой стороны, у них стала проявляться тяга к знакомству с видными людьми в зарубежных странах, к поездкам за границу и иностранным почестям. Последнее подтверждается тем, что Горбачев за время своей деятельности в должности Генерального секретаря и главы государства не получил, даже в честь своего шестидесятилетия, никаких советских наград, зато с огромным удовольствием принимал их от западных государств и различных иностранных организаций».

«Власть меняет нравы», — утверждали древние. С этим я абсолютно согласна. Конечно, некоторые предпосылки к подобным изменениям должны быть, но еще никто не избежал «звездной болезни» популярности. А кто, как не лидер государства, обладает наибольшей популярностью в этом государстве.

Об этом вспоминает телохранитель Горбачева, опубликовавший свои мемуары под псевдонимом Ян Касимов:

«Мои коллеги, работавшие с Горбачевым до того, как М. С. стал первым человеком страны, вспоминают, что тогда Р. М. была совсем другой. Она могла кататься за городом на велосипеде, общаться с окружающими. В общем, вела себя вполне естественно. К сожалению, я застал ее уже взбалмошной, избалованной всеобщим вниманием и внешним поклонением женщиной. Впрочем, «благодарить» за это следует ее и ее ближайшее окружение. Сколько раз я слышал семейные голоса Кручины, Болдина, обращенные к ней. Но толь-

ко ли они? Высокоставленный дипломат умилялся: «Ах, какой у вас замечательный английский! Это же Нью-Йоркский диалект!»

Кстати, о дочери Ирине. Она все эти годы ездила на машине мужа, в «Жигулях» («восьмерке») цвета мокрого асфальта. Анатолий, правда, их несколько раз разбивал. Тогда на заводе по спецзаказу делали новые, но точно такой же марки и цвета. И за Ириной, и за Анатолием всегда, без исключения, следовала машина с «целью наружного наблюдения». Это делалось так аккуратно, что супруги могли не замечать, хотя, наверное, догадывались. В любую минуту дня и ночи Горбачев мог спросить: «Где Ирина?» — и ему немедленно давали исчерпывающий ответ.

Знал он все и об Анатолии, о том, для чего тот вечерами, случалось по несколько часов, просиживал в гараже. Поэтому М. С. не раз проводил с ним воспитательные беседы на тему «трезвость — норма жизни».

На скорости двести километров в час мы влетаем на дачу (подмосковная Барвиха-4). Кругом редкостный лес: реликтовые корабельные сосны. Дача невысокая, но просторная, с небольшим бассейном, каминным залом, домашним кинотеатром, двумя спальнями на втором этаже, кабинетом и гостиной. Есть еще дань номенклатурной традиции — бильярдная. Ею М. С., вообще, не пользовался. Он, вообще, не играл ни в какие игры, любой спорт игнорировал. Единственно, что, действительно, любил, так это спокойно поплавать, понежиться в бассейне, особенно, по утрам, перед работой.

Дом был поделен на две половины. В одной жили М. С. и Р. М., в другой — члены семьи: Ирина, Анатолий, внучки Ксюша и Настенька. Иногда приезжали мама и сестра Р. М. и — все. Ни единого гостя, никаких шумных «посиделок». Жизнь затворников.

Если М. С. был пунктуален, то Р. М. — типичная «копуха». Когда за рубежом супруги готовились идти на официальный прием, то М. С. вечно ждал жену, которая мучительно долго выбирала, в какой наряд ей облачиться. Она пристально следила и за его внешним видом. Ходят многочисленные слухи о ее расточительности за границей. В зарубежных поездках я был при Р. М. только эпизодически и чего-то подобного не припомню. Скажу больше, у нее с собой не было не только «золотой» кредитной карточки, но и элементарной наличности. И приходилось как-то выходить из положения. Р. М. изобрела нехитрый способ — пользуясь тем вниманием, которое естественно или искусственно создавалось вокруг нее, она выбирала магазинчик и заходила «поглядеть».

В Мадриде — это была чуть ли не последняя их поездка в качестве главы государства и «первой леди» — Р. М. приглянулся парфюмерный магазин. Она зашла в него и, как написали в советской хронике, «выразила восхищение» дорогими духами. По практике нескольких лет она, видимо, предполагала, что хозяин вручит приглянувшийся флакон в подарок.

На сей раз вышла осечка.

Тогда Р. М. в растерянности повернулась к начальнику протокола Владимиру Шевченко. Он же — хранитель финансов во время визитов. Шевченко, конечно, не мог отказать».

Известно, что сколько людей, столько и мнений. В. Соловьев и Е. Клепикова в книге «Заговорщики в Кремле» трактуют падение нравов высокой четы вследствие «искушения властью» таким образом:

«Как секретарь ЦК, Горбачев получил в Москве пятикомнатную квартиру в правительственном доме на улице Алексея Толстого, откуда, спустя три года,

переехал в еще более роскошную квартиру в доме 26 по Кутузовскому проспекту, где его соседями оказались Брежнев, Андропов и Черненко, и это тесное соседство сыграло немаловажную роль в его дальнейшей карьере.

Предприимчивая Раиса Максимовна быстро обставила квартиру в 200 квадратных метров дефицитной финской мебелью, украсила ее дорогими бухарскими коврами, старинным фарфором и новинками западной техники. В отсутствие мужа она приглашала своих прежних приятельниц полюбоваться своей «королевской» — по советским стандартам — квартирой. Благодаря этому мы и смогли ее вкратце описать.

Хотя Брежнев и брал Викторию Петровну за границу (в народе ее называли «бесплатным приложением к Брежневу»), ей было строго-настрого заказано говорить о политике, об экономике, о собственном муже и о фактах его биографии, а также обо всем, что так или иначе касалось внутренней жизни СССР. Единственные дозволенные ей темы были погода и семья, однако, даже о собственной семье она была обязана говорить поверхностно, без интимных деталей. К этому надо было добавить тщательно продуманный «представительный» туалет для кремлевских жен за границей, который включал туфли на высоком каблуке, хотя у себя дома они явно предпочитали, ввиду своих габаритов, устойчивый низкий каблук.

Общительная и болтливая Галина Брежнева рассказывала, какая мука была для ее грузной матери носить эти обязательные модные узкие лодочки, в которые с трудом, как в знаменитое орудие пытки, втискивали ее распухшие от ходьбы ноги. Схожие муки испытывала прежде и Нина Петровна Хрущева, но она хоть иногда во время неофициальных приемов потихоньку сни-

мала туфли и давала отдохнуть гудящим ногам, а вот Виктория Петровна Брежнева — не смела...

Впрочем, время шло, и старомодный, чопорный кодекс поведения кремлевских жен за границей был в срочном порядке модернизирован в приближении к европейскому вольному этикету Раисой Максимовной Горбачевой, которая оказалась на целых два поколения моложе своих «коллег».

Когда она прибыла с мужем накануне Рождества 1984 г. в Англию, у нее, единственной из всех кремлевских жен, было свое, независимое от официального, расписание встреч и экскурсий... Будучи женщиной тщеславной и модной, она разбила в пух и прах многолетнюю традицию солидного и непременно представительного гардероба кремлевских жен на официальных приемах... и предпочла модные шелковые блузки и удлиненные костюмы, попеременно сменяя белую норковую горжетку на шубу из нутрии, производя сенсацию, появившись на приеме в советском посольстве в кремовом атласном платье и шитых золотом открытых туфлях.

«Что за контраст с другими женами советских руководителей, которые выглядят так, как будто их только что привезли со строительства сибирской плотины!» — писала одна из английских газет.

Даже по западным представлениям о поведении первой леди Раиса Горбачева слегка перебрала с гардеробом, который меняла иногда несколько раз в день. Лондонский визит мадам Горбачевой был ее первым выходом в свет, и, наслаждаясь вниманием и восторгами западной прессы, она, безусловно, переувлеклась в своем женском тщеславии, которое никак не могла удовлетворить на Родине, где кремлевские жены живут как монастырские затворницы, хотя и в очень при-

вилегированном монастыре. В отличие от Хрущева и Брежнева, которые во времена официальных зарубежных поездок держали своих жен в железной узде, а также Андропова, который из профессиональной любви к тайнам, ухитрился само существование своей жены сделать проблематичным (советские и зарубежные граждане впервые увидели ее на похоронах), Горбачев предоставил своей жене полную свободу действий за границей...

Поэтому в Англии, а позднее во Франции, Швейцарии, мадам Горбачева вела себя вольнее и чувствовала непринужденнее, чем все предыдущие кремлевские жены, как бы сознательно взрывая традицию их унылого, церемонного престарелого существования...

Однако, шутки шутками, а Раиса Горбачева допустила серьезный тактический промах с точки зрения советской государственной морали.

Не совладав со своей страстью, к драгоценным камням, которая сама собой предосудительна для почетной представительницы государства рабочих и крестьян, Раиса Горбачева купила в фешенебельном лондонском магазине «Картье» бриллиантовые сережки стоимостью 2500 долларов и расплатилась за них с помощью кредитной карточки «Американ Экспресс». Это было уже беспрецедентное, из ряда вон выходящее событие: никогда раньше ни один руководитель Советского Союза, ни, тем более, его жена не имели «Американ Экспресс», наличие которой предполагает, что у владелицы имеется счет в одном из западных банков или, что значительно вероятнее, Советское правительство, имеющее такие счета, оплачивает такие покупки.

Ведь даже Брежневу, с его почти патологической страстью к иностранным автомобилям, приходилось заниматься ловким вымогательством у правительств

западных стран, чтобы добыть очередную машинку-люкс для своей коллекции, в то время, как жена будущего кремлевского лидера спокойно и даже демонстративно покупает бриллиантовые серьги за государственный счет (все члены Политбюро и Секретариата имеют право, разумеется, секретное и нигде не обнародованное, на «открытый счет» в Государственном банке, откуда могут брать, когда угодно и сколько угодно рублей, но не твердой, свободно конвертируемой валюты за границей!)».

Что вытекает из этих рассуждений очевидцев? У руля перестройки встали люди, принадлежавшие той же системе и мыслявшие, как представители этой системы, которую они собирались перестраивать. Сами они еще не доросли до понимания прав и обязанностей собственника, но учили этому нелегкому делу народ. Как? Естественно, голословно.

Я не знаю, как все обстояло в действительности и не могу достоверно сказать, что руководило этими людьми. Возможно, когда-нибудь это покажет время. Я также не уверена относительно того, что Михаил Сергеевич Горбачев понял, какую ошибку совершил, не перестроив сначала себя и советскую партийную номенклатуру, прежде чем выйти с этой ширококомаштабной программой в народ. Но мне совершенно очевидно, что именно эта ошибка привела номенклатуру и лично Горбачева к политической гибели. И поэтому же демократические процессы в обществе приобрели в тот период оттенок фарса.

Номенклатура старалась выжить в этих сложных для нее условиях. Народу была дарована гласность, а с ней и все вытекающие отсюда последствия. Народу также была дарована возможность работать и зарабатывать деньги, как это делается там, за пределами Со-

ветского Союза. Появились кооперативы. А вместе с ними открылась возможность грабить эти кооперативы всем, кто только пожелает. Таким промыслом не гнушались промышленники, чиновники, милиция, уголовники и т. п. Государственная торговля все еще занимала стабильные позиции и предоставляла обществу товары по утвержденным государством ценам. Альтернативная — кооперативная, — хотя и завышала цены, но это можно логически объяснить. В недрах ее зарождались собственнические отношения, а они шли вразрез с главенствующей позицией советского законодательства. Номенклатуре, однако, было в определенной степени выгодно кооперативное движение. Держа в руках идеологию, она могла не опасаться за растение советского человека всякими там капиталистическими идеями. А с кооператоров, помимо всего прочего, можно было неплохо пожить. Они нуждались в помещениях, и чиновники сдавали им их в аренду из государственного жилого и нежилого фонда. Кооператоры постоянно зависели от разных обстоятельств: их могли лишить права на существование государственные банки, милиция, санэпидемнадзор. За благосклонность приходилось расплачиваться, — ведь этот путь проверенный, а значит, самый точный. Еще одной угрозой кооперативного движения был рэкет, с которым правоохранительные органы боролись неохотно.

Когда же кооператоры пошли на вынужденные меры и значительно подняли цены, начались поджоги арендованных ими помещений. Наконец, получивший право на выражение собственного мнения народ стал высказывать опасение, что кооперативное движение представляет собой угрозу его материальному благосостоянию. В силу этих и других причин кооперативы

стали утрачивать свое первоначальное значение. Номенклатура, прекрасно понимая, что от этого движения исходит и материальная угроза для нее самой, не поспешила поддержать его. Сильный конкурент — опасный враг.

Нужно было искать новый, более надежный источник доходов. Тратить «НЗ», деньги партии, не хотелось, но пришлось. Первым был задействован резерв — комсомол. Получив партийное благословение, и что, главное, — материальную и финансовую поддержку, — он начал заниматься бизнесом. Повсеместно стали открываться комсомольские бары, клубы, дискотеки, устраиваться различные увеселительные акции для молодежи. Этим мероприятием партийная номенклатура убивала сразу двух зайцев. Во-первых, делом занимались идеологически подкованные люди. Во-вторых, деньги не тратились впустую, а приносили доход.

Но этого было мало. Предприимчивых людей не могли остановить трудности, кооперативное движение хоть и развивалось медленно, но все же не заглохло вообще. И отменять его никто не собирался. Тогда в стране начали появляться различные акционерные организации: банки, биржи, торговые дома, производственные предприятия, которые учреждались на партийные и государственные деньги. Свои силы в бизнесе пробовали конкретные номенклатурные подразделения, такие, как министерства, облпотребсоюзы, учебные и научно-исследовательские институты, даже коммерческие депутатские центры. Первой ласточкой номенклатурного бизнеса стала акционерная компания закрытого типа «Совкомфлот», созданная Министерством морского флота СССР в апреле 1988 г. Она прославилась тем, что отказалась оплатить размещенные

в ФРГ заказы на постройку семи судов, объявив себя банкротом. В результате пострадали немецкие судостроительные фирмы.

Во главе акционерных организаций были поставлены «свои», надежные люди, которыми легко управлять. Зачастую это были дети и родственники номенклатурных работников. Так, в апреле 1989 г. К. Боровой, сын известной работницы партаппарата, основал первую акционерную биржу — Российскую товарно-сырьевую. Главным экспертом этой биржи стала Ирина Хакамада, дочь влиятельного деятеля японского коммунистического движения, в свое время эмигрировавшего в СССР. Таких примеров множество. Но номенклатура снова просчиталась. Вскоре ей пришлось убедиться, что контролировать бизнесменов, пусть даже и близких, своих, невозможно. Социалистические представления о бизнесе не уживались с самим понятием «бизнес». Возглавив банки и биржи, бывшие номенклатурные работники быстро вошли во вкус и оторвались от своего класса. Они стали жить за счет банковской и биржевой прибыли. А остальная часть, значительно большая, по-прежнему существовала за счет прибыли от руководимых ею государственных предприятий и партийных взносов. Конечно, обе части номенклатуры на определенном этапе нуждались друг в друге. Первые не могли развиваться, не получая от вторых их денежных средств, а вторые охотно доверяли свои деньги банкам, надеясь вернуть их с процентами. Однако, вторая часть номенклатуры понимала, что долго такое продолжаться не сможет и что путь, на который они ступили, очень рискованный.

Анализируя эту ситуацию, Юрий Бокарев пишет:

«Однако, бывшая номенклатура, при ее гигантском опыте управления плановой экономикой, не имела на-

выков ведения капиталистического хозяйства. В 1990—1991 гг. я проанализировал деятельность нескольких товарных бирж и понял, что доход с оборота составляет довольно скромную часть их расходов. В основном, биржи существуют за счет средств, внесенных учредителями и полученных от продаж акций. Как только спрос на их ценные бумаги упадет, биржи разорятся. А значит, пропадут те денежные средства, которые в них вложены учредителями и инвесторами.

В 1991 г. М. С. Горбачев и Н. Е. Кручина санкционировали законность обращения партийных денег в акции и другие ценные бумаги ведущих иностранных корпораций, с тем, чтобы сохранить их в условиях возможной инфляции, нарастить за счет депозитов, а в случае нужды, легко можно было обратиться в твердую валюту. Распоряжение было секретное. Знали о нем очень немногие. Специалисты по ценным бумагам к этой операции подключены не были. Она осуществлялась, в основном, через брокерские фирмы.

В это время я был аналитиком одной из брокерских фирм. На мой компьютер поступали сводки с фондовых бирж и фондовых отделов бирж. Среди предлагавшихся для продажи ценных бумаг наших жалких акционерных предприятий внезапно появились акции ведущих американских корпораций. Сначала я не поверил и стал наводить справки. Сомнений не было: на биржах, действительно, были выставлены на торги акции американских корпораций. Все-таки я отнесся к этим бумагам скептически. Во-первых, поражало обилие самых крупных фирм (включая даже «Bank of America»). Во-вторых, насторожило отсутствие указания продавца. В-третьих, вызвало подозрение близость цен на акции на наших биржах с их мировыми

ценами. В условиях ажиотажного спроса на акции такое было невозможно...

Поэтому я никому не рекомендовал их приобретать. Тем не менее, эти бумаги расходились. По приблизительным подсчетам их было продано на сумму в 100 млрд. долларов.

Все разъяснилось в конце 1991 г. В 80-е годы американский «Ситибанк» при переходе на электронную технологию решил избавиться от ставших ненужными сертификатов акций и обратился к компаниям, специализирующимся на уничтожении бумаг. Многие из этих компаний контролируются американской мафией. Дело в том, что поступающие из банков бумаги используются для изготовления фальшивых банкнот. Американская мафия тесно связана с итальянской, а последняя, в свою очередь, установила контакты с русской. Итальянцы и предложили русским коллегам аннулировать ценные бумаги ведущих американских корпораций. Отсюда они попали на наш фондовый рынок. А вырученные таким образом миллиардные суммы поделила международная мафия.

Конечно, не только КПСС тратила свои сбережения на эти липовые акции. Росту спроса на эти бумаги со стороны коммерческих организаций способствовали постоянные угрозы правительства Валентина Павлова засветить иностранные счета русских коммерческих фирм. В результате, лишились капитала многие теневики, была потеряна часть выручки от экспорта 1991—1992 гг., часть активов коммерческих банков оказалась липовой. Но главное — КПСС лишилась значительной части своих денежных средств. Я думаю, что именно это заставило Кручину покончить с собой».

Конечно, это лишь одно из мнений по поводу того, куда подевались деньги КПСС. Я думаю, найти истин-

ный ответ на этот вопрос удастся весьма и весьма не скоро. И, прежде всего, потому, что живы еще свидетели и непосредственные участники тех событий. Коммунисты вновь набирают силу, и, кто знает, какие средства поддерживают их существование. Ясно одно: так просто партия на могла лишиться своих денег.

Но, «лишившись денег, — продолжает автор, — партия уже не могла претендовать на прежнюю роль в обществе. Она не могла создавать общественное мнение, проводить демонстрации, влиять на избирательные кампании. Поэтому ее легко мог запретить Б. Н. Ельцин в октябре 1991 г. Партия была главной опорой номенклатурного класса. После ее уничтожения он не мог консолидироваться и оказался на грани уничтожения».

Кстати, об акциях. В это тяжелое смутное время повсеместно — начиная с высоких кабинетов, в кулуарах Верховного Совета СССР, на предприятиях и в различных организациях, и заканчивая тесными кухнями обычных советских тружеников, — обсуждался вопрос приватизации государственной собственности. Обсуждение проходило в напряженнейших спорах, доходящих порой до рукоприкладства. Следует заметить, что дело это было нелегкое, и мало кто понимал, как, вообще, осуществить приватизацию государственной, т. е. народной и одновременно общей, собственности. Не опускаться же до примитивного передела на всех по части. Тогда в стране обязательно наступит разброд и шатание.

Хотя, если быть до конца откровенной, такие мысли не раз возникали у государственных мужей. В шутку, всерьез или от безысходности, но появлялись идеи вернуть людям то, что было отнято у них за период Советской власти. Но тут опять же возникали со-

мнения: кто истинный владелец всех этих благ? Если искать его, то можно уйти далеко. И опять все возвращается на круги своя.

Нет, до такой степени, законодатели, конечно, договориться не могли. Помимо возврата предлагались также аренда и выкуп. На мой взгляд, безвозмездная приватизация госсобственности носит абсурдный характер. Земля — крестьянам, это еще как-то укладывается в голове. Квартиры — жильцам, с этим тоже проблем не возникает. Но как быть с заводами, фабриками, культурными учреждениями и т. п.? Разделить их невозможно. Если по такому пути пойти, то дорогостоящее метро должны были поделить между собой метрополитеновцы, самолеты — летный состав, космические корабли — космонавты, Кремлевский Дворец съездов — обслуживающий персонал, убогие сапожные мастерские — сапожники, а дворникам ничего другого не оставалось бы, как взять себе метлы. Предлагали все раздарить, но не всем, а только желающим. И не все предприятия, а только мелкие, с преимущественным правом передачи в частную собственность их работникам. Но и это не являлось решением проблемы. Хотя бы потому, что желающих могло оказаться гораздо больше, чем требовалось. Да и подобный способ напоминал бы растаскивание госимущества по «большому и маленькому» кирпичикам.

Наконец, запутавшись во всевозможных вариантах решения проблемы, государственные мужи обратились к опыту экономически развитых стран. Взять, к примеру, опыт США и других государств, где профсоюзы «откупают» имущество у владельцев и распределяют его в виде акций между работниками каждого предприятия. Таких «народных» предприятий в США около 3%. Но профсоюзы были не готовы материально

к выкупу госсобственности в пользу граждан. Пример Англии, где денационализация шла только путем выкупа, также не подходил. Ни в одной другой стране мира у населения не отбиралась в госкарман такая доля ресурсов, как при командно-административной экономике в СССР. И нигде поэтому госсектор не разбух до практически единственной сферы производства, до госдолга страны перед народом.

Трудность в решении вопроса о приватизации государственной собственности заключалась, прежде всего, в том, что никто не знал размеров госсобственности. Любое государство, по каким бы экономическим и политическим законам оно не развивалось, формирует для выполнения своих функций государственный «капитал». На верхнем уровне сосредотачиваются военные сооружения, объекты государственной финансово-кредитной системы, имущество милиции, органов безопасности, космодромы, линии связи, музеи, национальные театры, библиотеки, высшие учебные заведения, техникумы, школы, больницы и т. п. Непонятно, что оставить в ведении государства, а что передать-продать-подарить народу? Можно представить себе коммерческие театры, выставки, больницы, учебные заведения... Но как вообразить себе коммерческое военное сооружение?

Как известно, земля и другие природные ресурсы, от Бога, а не от труда предков. Учитывая эту бесспорную истину, не совсем ясно, кто имеет права на пользование ими: государство или народ? С одной стороны, крестьяне желали бы получить обратно землю, сначала розданную им большевиками, а потом снова ими же отнятую под колхозы и совхозы. Однако, и тут не все просто. За долгие годы социалистического эксперимента те, кто всегда жили и работали от земли, разучи-

лись возделывать ее самостоятельно. Одним желанием обладать землей страну, как известно, не накормишь. А пускаться в такую авантюру ради восстановления исторической справедливости весьма рискованно.

Прежде, чем делить государственную собственность, нужно было ее оценить. Как это сделать, чтобы не ошибиться? До того, как был взят курс на всеобщую приватизацию, некоторые предприимчивые бизнесмены успели прикупить немало объектов по низкой первоначальной цене (цене давнего создания, которая на много ниже современной), уменьшенной на «экспертно» завышенный износ. Нетрудно догадаться, что «экспертами» в данном случае выступали заинтересованные в продаже государственного имущества по заниженным ценам чиновники. Иными словами, за взятки или из каких-либо других соображений, они разбазаривали государственный капитал.

Но возникало и другое опасение, что если не нечистые на руку чиновники, то сам народ разбазарит государственный капитал. Что, если люмпенизированные элементы общества пропьют свой пай, предварительно продав его мафии, которая с удовольствием продолжит паразитировать на народе. Эти опасения имели под собой почву. Во-первых, люмпенизированные элементы общества, действительно, не представляли себе подлинную ценность государственного имущества. И, тем более, не имели понятия, как распорядиться со своей частью, приумножить ее, чтобы потом передать следующим поколениям. Во-вторых, мафия и в самом деле выжидала, чем закончится решение вопроса о приватизации.

Мафия в то смутное время набирала силу, и, как и все общество, вынуждена была «перестраиваться».

До распада СССР насчитывалось около пятнадцати

крупных мафиозных структур, в которых партократы и теневики занимали подчиненное место. Решения принимали боссы, которые руководили всеми звеньями уголовного мира. Они же поделили между собой не только территорию Советского Союза, но и зарубежные страны: Германию, Польшу, Афганистан и др. Сферы влияния были распределены точно, и никто не имел права вмешиваться в дела «конкурента». Внутри самой мафиозной структуры принятое боссом решение не обсуждалось, даже если это противоречило интересам структур более низкого уровня.

Власть у боссов была огромная, они могли повлиять и на судьбу страны. Одним из таких боссов, к примеру, являлся Сангак Сафаров, распространивший свое влияние на часть Сибири, Узбекистан, Киргизию, Таджикистан и часть Афганистана. К вершине своего авторитета он поднялся от простого угонщика автомобилей и лагерного воина до босса. Он не раз координировал восстания заключенных во всех лагерях страны. Проведя 23 года в заключении, Сафаров вышел на свободу и организовал Народный фронт Таджикистана. Сила его влияния распространялась гораздо дальше, чем это может себе представить обыватель. Он привел к власти новое правительство Таджикистана и лично распределил в нем портфели между представителями кланов. Его ужасно боялись. Восстановленный им в должности министра внутренних дел Навджуванов замахнулся на уголовный мир. Сафаров отругал его по телефону, и через пару часов министра разбил паралич. Но влияние мафиозного босса распространяется еще дальше. Навестив лидеров таджикских беженцев в Афганистане, он уговорил их вернуться в страну и тем самым отдалил афгано-таджикскую войну. Он мог бы, вообще, предотвратить ее, если бы не был убит

вместе со своей охраной в 1992 г. во время разборки со взбунтовавшимся «полевым командиром» Файзали Саидовым. В Таджикистане Сафаров всегда считался национальным героем, его именем назывались детские сады и школы.

Существует мнение, что в августе 1991 г. уголовный мир поддержал Ельцина, это решение исходило с самого верха воровской иерархии. Боссы организовали проельциновские выступления в лагерях, дали команду направить киоскеров и работников бирж на защиту Белого дома.

В 1987 г., на фоне перестройки общества, происходил раздел Москвы между ворами в законе. Здесь тоже дало о себе знать новое веяние времени. Прежде всего, произошел отказ от принципа раздела территорий. Возобладавшее новое правило: «Где другой слабее — там я» привело к многочисленным разборкам. Так, в июле 1991 г. в Братске в собственном автомобиле взорвался главарь группировки, которая контролировала рынок автомобилей для строителей БАМа, Маса (Александр Масеев). Если рыночное мышление в нормальной общественной среде с трудом пробивало себе дорогу, то в мафиозной среде, которая сама по себе предполагает жесткие законы развития, приближенные к «боевой» обстановке, эти процессы шли значительно быстрее. В данном конкретном случае проявившая слабость «пехота» авторитета была отброшена, а дело поделили между собой другие группировки. Другой пример — история с убийством главаря банды, занимавшейся экспортом редкоземельных металлов, нефти и золота, Глобусом (Валерием Длукачем), который был застрелен в Москве. Его дело поделили между собой солнцевская, мытищинская и центральная группировки.

Волна преступности, захлестнувшая страну, помимо объективных причин, была также связана с поддержкой воровского мира некоторыми государственными структурами. В частности, структурой правоохранительных органов. Но ставки на мафию делались неоднократно. Взять хотя бы пример демократов, которые в свое время были увлечены идеей использовать преступный мир в интересах капиталистического возрождения России. Абсурдность таких идей очевидна. Мафия не может пожертвовать своим личным благосостоянием ради каких-либо высоких целей. Представители теневой экономики, таким образом, не могли оправдать доверия, поскольку использовали благосклонность властей исключительно в интересах собственного обогащения.

Тем не менее, даже такая серьезная структура, как КГБ, не исключала возможности сотрудничества с мафией. В 1993 г. в газете «Совершенно секретно» публиковалась статья А. Круглова «Отцы наши крестные». В ней автор раскрывает один любопытный пример таких взаимоотношений. Он утверждает, что в 1985 г. представители КГБ заключили с авторитетами сделку по продаже компьютеров на сумму 4 млрд. рублей. Колоссальность этой суммы объясняется тем, что она составляет около одного процента всего национального дохода. На предприятиях и организациях были созданы специальные формы, предназначенные для приобретения компьютеров. Цены в десятки раз превышали мировые. Благодаря СЭВу, некоторые страны которого имели одновременно конвертируемую валюту и жесткий курс в отношении рубля, первоначальная прибыль возрастала во множество раз. Внешэкономбанк был осажден желающими обменять рубли на злотые или форинты. Каждый рубль, переведенный

в злотые, а через него в доллары, превращался в восемь рублей. На доллары вновь закупались компьютеры, и оборот рубля приносил уже 400—800 рублей чистой прибыли.

Этот пример — лишнее подтверждение тому, что предпринимательство, как явление, не имеет границ. Следующие же доказывают, что оно не имеет и моральных ограничений. В той ситуации, в которой оказалась страна с ее огромнейшим потенциалом, когда ей приходилось заново, на чистом листе, создавать действительность, проявились и самые негативные формы предпринимательства. Появились источники бешеной наживы — валютная проституция, рэкет, наркотики, контрабандный экспорт и импорт, грабеж иностранцев и т. д. Если искать причину таких проявлений, то, на мой взгляд, она схожа с ситуацией прихода к власти большевиков. Всякая новая власть отрицает старую. Но всякое отрицание чего-либо предполагает возмещение утерянного. Отрицая лживые социалистические законы существования, представители нового мировоззрения не объяснили (а правильнее сказать, не ограничили желания законами), каким путем нужно следовать дальше.

Но вернемся к конкретным примерам. В 1987 г. тайные агенты ЦРУ в Москве выявили созданную КГБ сеть валютных проституток. По американским агентурным данным комитетчики завлекли в эту сеть от 10 до 13 тыс. девушек от 16 до 30 лет. Девушки проходили специальные недельные курсы обучения в центре подготовки КГБ в Ясенево. Там их обучали английскому языку в пределах 50-ти слов, а после этого отправляли в московские, ленинградские, киевские и ташкентские гостиницы. Они никогда не поднимались в гостиничные номера. КГБ предоставил в качестве

места работы для валютных проституток тысячи квартир в Москве в районе Давыдовской улицы. Когда сей нелицеприятный факт всплыл наружу, органы попытались опровергнуть данные доклада ЦРУ, но они были подтверждены французским корреспондентом в сентябре 1990 г.

Другим источником доходов стал рэкет. КГБ располагал подробными сведениями о богатстве и доходах России, часть которых была собрана еще при Андропове, когда органы составляли списки подпольных миллионеров. КГБ, так и не сумевший перестроить свое социалистическое мышление на рыночное, видел в этих миллионерах своего рода угрозу государственной безопасности. Даже в новых условиях он не перестал с ними бороться. По американским агентурным данным, списки подпольных миллионеров попадали в руки рэкетиров и сотрудников МВД, подрабатывавших рэкетом, непосредственно от КГБ. Но к началу 90-х годов в это дело включилась также и налоговая инспекция, которая брала на учет все более или менее значимые доходные поступления населения. Эти списки передавались затем в КГБ и прокуратуру, а оттуда — проторенным путем шли в руки рэкетиров. Таким образом, по стране прокатилась волна хорошо спланированных грабежей, квартирных краж, вымогательств. Сам же рэкет приобрел целевой характер.

Какие цели ставил перед собой КГБ, взаимодействуя с мафией? Свое понимание этой проблемы дает Юрий Бокарев в статье «Власть и преступность в России»:

«Можно предложить несколько объяснений тому, почему КГБ активно помогал преступному миру. Во-первых, возможно, что «контора» пыталась внедриться в среду воров в целях установления контроля над их

деятельностью. Во-вторых, помогая более слабым во-
рам в борьбе с ворами в законе, комитетчики, возмож-
но, хотели расколоть и ослабить преступный мир. В-
третьих, КГБ, может быть, пытался использовать пре-
ступников для решения задач, с воровским миром не
связанных. Например, во второй половине 80-х закон-
ное отвращение населения к органам вызвало необходи-
мость их реорганизации. Опасаясь, как бы власти не
зашли в этом деле очень далеко, «контора», с одной
стороны, раздувала свои заслуги в борьбе с преступ-
ным миром, а с другой стороны, тайно поддерживала
его, полагая, что разгул преступности будет для нее
лучшей защитой.

Как бы там ни было, но действия КГБ оказались
крайне недалёковидными. Они нанесли прямой ущерб
государственной безопасности. Джин был выпущен из
бутылки. Загнать его обратно уже невозможно».

Я склонна согласиться с такими убедительными до-
водами. Однако, при этом, как мне кажется, не следует
забывать о материальной выгоде, которую, несомнен-
но, преследовали здесь представители правопорядка.
В конечном итоге любая искусственно насаждаемая го-
сударственными механизмами доктрина отступает пе-
ред естественными желаниями, характеризующими
человеческую натуру.

Чтобы попытаться оправдать свою точку зрения
(если она, вообще, нуждается в оправдании), приведу
конкретный пример. Сразу скажу, что другого объяс-
нения, нежели стремления извлечь из ситуации мате-
риальную выгоду, я не нашла в этом примере. Если же
это не так, то его следует рассматривать, как измену
Родине.

Совсем недавно мы имели возможность узнать
о двух утерянных «ядерных чемоданчиках», которые

представляют собой определенную угрозу обществу. Об этом откровенно заявил Александр Лебедь, а впоследствии подтвердил реальную возможность «утери» и Алексей Яблоков. По мнению первого, Кремль еще со времен распада в 1991 г. Советского Союза утратил контроль над сотней таких «ядерных чемоданчиков», попросту потеряв их след. Беря во внимание тот факт, что Лебедь мог сделать подобное заявление, ставя перед собой определенную цель по компрометации нынешней власти, нельзя, однако, не учитывать свидетельство авторитетного и уважаемого ученого-эколога, как Яблоков. Он, кстати, работал в Совете Безопасности России еще задолго до Лебеда.

По словам ученого, которые он повторил и перед комиссией Конгресса США, лично он встречался с некоторыми изготовителями ядерных «бомб-чемоданов» — мобильных взрывных устройств мощностью в килотонну, каждая из которых способна уничтожить до 100 тыс. человек. Яблоков и Лебедь утверждают, что подобные устройства находились в распоряжении самых секретных советских спецслужб, а не Министерства обороны, которое имеет контроль над всем ядерным оружием страны. Правда, эти два очевидца расходятся во мнениях относительно того, кто именно мог распоряжаться этими устройствами: КГБ — как считает Яблоков, или ГРУ — как считает Лебедь.

Переносные ядерные взрывные устройства по словам обоих были разработаны в семидесятых годах по заказу советских спецслужб в провокационных целях. Самая большая опасность таится в том, что мобильное устройство может привести в действие один человек, и ему понадобится для этого, приблизительно, полчаса времени. А это, в свою очередь, теоретически делает данное устройство мечтой террористов нового поколения.

Спорить о существовании подобных «ядерных чемоданчиков», а также о возможных их владельцах, которые распоряжаются ими по собственному усмотрению, можно до бесконечности. Ясно одно: дыма без огня не бывает. Доказательством тому — случай, произошедший в 1994 г. в Мюнхене, когда германские пограничники задержали пассажиров самолета, прибывшего из Москвы, у которых было изъято значительное количество оружейного плутония. Следует заметить, что такие «щекотливые» темы окружены огромной тайной и вряд ли кому удастся доказать конкретные факты их проявления. Из соображений государственной необходимости все они удерживаются в строжайшей секретности. Я могу поверить в государственную необходимость, но мне всегда претит любая ложь. Этот метод, как я уже отмечала, не является эффективным способом лечения общественных недугов.

Откровения Лебеда премьер Черномырдин назвал «абсолютным безумием». Быстрые опровержения последовали и от министерств обороны и атомной энергии, а также от ФСБ и Генштаба. Хотелось бы верить, что они соответствуют действительности.

Российские военные, в целом, не отрицают, что теоретически создание таких портативных ядерных бомб возможно. Но их производство, содержание и демонтаж очень дорогостоящи. Настолько, что ни одна страна в мире, включая и США, не в состоянии позволить себе подобную вещь. Вместе с тем, многие международные специалисты-ядерщики признают, что в России до сих пор, действительно, осуществляется строжайший контроль над ядерным оружием. Однако, и здесь возникают определенные сложности, так как учитывать всевозможные каналы утечки ядерного

оружия просто нереально, поскольку в былые времена (что тоже носит характер версий и предположений) портативные ядерные взрывные устройства могли содержаться и в союзных республиках.

Беспокойство Запада по поводу «российской ядерной угрозы», таким образом, становится небезосновательным. Если доказать утечку портативных «ядерных чемоданчиков» не представляется возможным, то имеются конкретные примеры утечки из России ядерных материалов, из которых это оружие можно создать. Ну, а в то время, когда страна была охвачена хаосом, сопутствующим развалу СССР и переделу собственности, такие случаи были нередки. Продавался не только ядерный материал, но и любое другое стратегическое сырье. Вспомнить хотя бы титановые лопаты, перевозимые за границу или железные ломы, охотно скупаемые японцами, которые сразу же отправлялись в переплавку. Отдавалось все, что «не нужно», не имело большого значения для определенного круга лиц. А продавать, на мой взгляд, имел возможность только тот, кто достоверно знал, откуда и сколько чего можно взять.

Тема распродажи государственного имущества охотно эксплуатируется в наше время представителями различных политических ориентаций. Вопреки здравому смыслу, она даже приносит «политические очки». На этой теме строят свою концепцию коммунисты, обвиняя демократов в преступной халатности по отношению к национальному достоянию Отечества. По их мнению, именно это и привело к всеобщему обнищанию населения. Демократы же, в свою очередь, апеллируют тем, что разбазаривание этого достояния началось еще при советской партийной номенклатуре.

Я ни в коем случае не желаю выступать третьей-ским судьей в этом бесконечном споре. На мой взгляд, сама суть спора абсурдна: что пропало, того уже не вернешь; вот как сделать так, чтобы сохранить и приумножить оставшееся... Но, исключительно из-за любви к фактам — конкретным, а не вымышленным — могу предложить на суд читателя кое-что любопытное.

Откуда возникла идея потребительского отношения к национальному достоянию? Даже при ближайшем рассмотрении, не отправляясь за примерами в далекое прошлое нашей истории, можно прийти к выводу: она родилась от отсутствия чувства собственности. Все, общее — значит, не мое, и им можно пользоваться сколько угодно. Но нужно отдать также дань времени, которому свойственно все расставлять на свои места. Советская партийная номенклатура к началу перестройки воспринимала общественное достояние, как свое личное, поэтому ей было выгодно сохранять и приумножать его. Но вот в страну пришли перемены, а вместе с ними возникли предпосылки потерять прочные позиции. Что делает власть в данной ситуации? Она пытается обеспечить себя за счет общества, которое, кажется, готово предать ее ради собственных интересов. Начинается разгул страстей, унять который уже невозможно никому. Наконец, проявляется все гадкое и мерзкое, что длительное время пряталось за маской заботы о всеобщем благополучии. Маска слетает, и мы видим подлинное лицо революционеров, борца за «народное дело».

Что такое национальное достояние Отечества? Конечно, не абстрактная величина. Это же понимали и представители советской номенклатуры. Помимо того, что можно было огромными партиями вывозить за

границу, оставалось то, чем можно было пользоваться, не стесняя себя в возможностях. Другой вопрос: проходил ли этот процесс осознанно? Что, впрочем, дела не меняет, поскольку здесь проявляются все те же противоречия социалистического способа ведения хозяйства.

Итак, к 1990 г. революционный сад борьбы за народное дело насчитывал 1749 гектаров прекраснейших, в том числе, заповедных земель и 559 роскошных государственных дач. Госдачи располагались в Подмосковье, Крыму, на Кавказе, на Валдае и в прочих живописных и климатически благоприятных местах. Ежегодно на их содержание затрачивалось почти 5 миллионов рублей, которые, скажем мягко, изымались из карманов налогоплательщиков. Однако содержались они и за счет союзного бюджета.

Убытки за содержание этих комплексов культуры и отдыха государственных чиновников казна несла воистину огромные. К примеру, за 1988—90 гг. они составили: от содержания дач Госнаба СССР — 460,4 тыс. рублей, Минрадиопрома СССР и МВЭС — по 19 тыс. рублей (за 1990 г.), Минсудпрома СССР — 40,3 тыс. рублей, Минэлектронпрома СССР — 13,5 тыс. рублей. Дотации на содержание дач Минобороны и МВД в 1989 г. равнялись соответственно: 149,1 тыс. рублей и 25 тыс. рублей; КГБ СССР в 1989 г. — 206,4 тыс. рублей, а в 1990 г. — 101,6 тыс. рублей; Миноборонпрома СССР — 52,6 тыс. рублей, Минфина СССР — 44,6 тыс. рублей, Госплана СССР — 50 тыс. рублей и т. д.

Следует обратить внимание на то, что подобные вещи происходили как раз в тот момент, когда партийная номенклатура, наконец, задумалась о необходимости перестройки. Не знаю, могла ли она перестроить

общество но себя она переставала весьма и весьма своеобразно.

К тому времени с высоких партийных трибун было заявлено, что с бесплатными дачными привилегиями высшего партийного и государственного руководства было покончено раз и навсегда. Однако, номенклатура пошла дальше, создавая иллюзию перехода к новому историческому мышлению. 22 октября 1990 г. по распоряжению главы Советского правительства Н. И. Рыжкова все министры и председатели комитетов СССР были освобождены от какой-либо платы за пользование дачами. Делалось это под предлогом «отнесения этих расходов на доходы от хозяйственной деятельности министерств и комитетов.» Поскольку никакой прибыльной хозяйственной деятельности ни министры, ни их заместители не занимались, а подпитывались из госбюджета, то их роскошные виллы и замки оказывались на содержании народа. Вот и получалось, что пресловутый воз был и ныне там. Номенклатура по-прежнему продолжала возводить монументальное здание коммунизма, но только лишь для себя и обворовывая собственный и до того впавший в нищету народ.

Не вызывает сомнения, что власть в тот период всеми мыслимыми и немыслимыми способами приумножала свой капитал. Чужая, наверное, куда ветер дует, и что вскоре настанут еще более глобальные перемены. Конечно, создавать в такой ситуации четкие законодательные нормы она не спешила. Поэтому механизм передачи госимущества в кооперативную и личную собственность осуществлялся на довольно свободных началах.

Ярчайшим примером тому история с распродажей госдач аппарату Совмина.

Когда в парламенте страны еще только начали обсуждать идею приватизации («прихватизации» — как точно переиначил это диковинное слово наш мудрый народ), и законодательной базы для этого еще не было, светлые чиновничьи головы сразу смекнули, каким способом им можно быстро, а главное, дешево, приумножить свое личное благосостояние.

29 марта 1989 г. распоряжением Председателя Совета Министров СССР впервые было принято решение распродать часть госдач руководящим работникам названного аппарата. Осуществить эту операцию выпало на долю кооператива «Назарьево». Когда он только создавался, в уставе отмечалось, что его задачей является строительство и эксплуатация объектов. Однако, помимо того, что был нарушен порядок регистрации самого кооператива и отвода ему земель, ни о каком масштабном строительстве речь, конечно, не велась. Этим распоряжением аппарат Совмина получил возможность покупать готовые госдачи, а также производить различные махинации, связанные с куплей-продажей их. Так, продажная стоимость дачного поселка, определенная оценочной комиссией под руководством председателя профкома аппарата Совмина СССР М. Анфилова, оказалась меньше его балансовой стоимости на 2802,9 тыс. рублей.

Дачи и 86,4 га земли были распроданы практически за бесценок, их размели в мгновение ока. Но деньги на содержание дачного поселка, проданного частным владельцам, продолжали идти из госбюджета. В 1991 г. на эту расходную статью была выделена сумма в размере 296,1 тыс. рублей.

По проторенной работниками совминовского аппарата дорожке последовали и их коллеги из Госнаба СССР, которые подобным образом приватизировали го-

симущество. Во главе этой концессии стал непосредственный предводитель Госснаба П. Мостовой. Благодаря стараниям его и его заместителей, появилась возможность купить дачи по заниженным ценам. Причем, у самих же себя.

Подобная картина деятельности наблюдалась в МВЭС СССР, Минсудпроме СССР, Минрадиопроме СССР и прочих министерствах. Участвовали в махинациях с госнедвижимостью лишь те, кто находился у самой кормушки, а, потому, был заинтересован в строжайшей конспирации.

Один из руководителей МВЭС А. Качанов, к примеру, отхватил себе настоящий терем, площадью 136,4 м², с жилыми комнатами, тремя верандами, балконом, подвалом, ванной с газовой колонкой, гаражом, телефоном, сараем и иными предметами удобств.

Если у кого-либо возникают сомнения относительно того, разбазаривалось ли таким образом национальное достояние России, скажу, что на аукционе такая дача обошлась бы нашему государству в 100 тыс. рублей. Номенклатурный работник приобрел ее за 15,3 тыс. рублей. Другой номенклатурный работник, Л. А. Воронин, купил себе дачу за 22,812 тыс. рублей, которая реально стоила 46,490 тыс. рублей. Дача в поселке Николина Гора, построенная в разгар перестройки, была приобретена А. П. Бирюковой за 18 с лишним тыс. рублей — при ее фактической стоимости 75,3 тыс. рублей. Плюс ко всему, в проданных особняках не было электросчетчиков, отчего новые хозяева могли пользоваться дармовой электроэнергией сколько душа пожелает. При покупке никто из номенклатурщиков не предоставлял декларацию об источниках доходов, что уже по тем временам было определено соответствующим постановлением Совмина СССР. Госпошлина

бралась с них не в 10-ти процентах, как положено, а в 5-ти — как с простых смертных. Только простыми они не были ни тогда, и не являются таковыми сейчас. Нет-нет, да и мелькнет порой с экранов телевизоров лицо вот такого номенклатурщика, который до сих пор не может отречься от фальшивых идей коммунизма. Но он-то знает настоящую цену им. А что до бесконечного спора о преимуществах предыдущей и нынешней власти, так, на мой взгляд, она и должна в борьбе за свое существование доказывать свою состоятельность. Благо, теперь у нас появилась возможность делать свой выбор...

Так что скептик пусть хорошенько призадумается и посчитает, в какую копеечку влетела подобная операция «прихватизации» нашему государству. Да не забудет о том, чего стоила распродажа дефицитнейшего и почти нового имущества теми же деятелями перестройки.

Из акта ревизии КРУ Минфина СССР:

«С объекта № 4 (дача Маршала Советского Союза Соколова С. Л.) реализованы два холодильника «ЗИЛ» за 218 рублей, холодильник «Минск» за 290 рублей... Всего на 5592 рубля. Деньги внесены в кассу по квитанциям через Домкова С. Ф. С объекта № 8 (дача генерала армии Лизичева А. Д.) проданы спальный гарнитур «Марсель», кресла и журнальный столик из набора «Каролина», три ковра, два серванта, два дивана, два холодильника «Минск», холодильник «ЗИЛ», телевизоры «Рекорд» и «Рубин», ложки из мельхиора и другое имущество, всего на 20,5 тыс. рублей. Деньги внесены в кассу т. Лизичевым через т. Лянцевича К. П.»

«Я не имею никакого основания обвинять старость», — сказал Цицерон.

Я тоже могла бы не иметь оснований обвинять старость. По большому счету, я не обвиняю конкретный людей за их ошибки и просчеты, какие бы последствия не принесли эти ошибки и просчеты всему обществу. Человек, вообще, не совершенен.

Но я имею право и могу рассуждать о порочности социалистической системы, которая на всех этапах своего существования проявляла свою несостоятельность.

Поэтому меня волнует то обстоятельство, что старость постоянно стремится напомнить о себе, а что еще хуже — навязать свою точку зрения нынешнему поколению. Старость прошла свой путь длиною в семь десятилетий. Плохой он был или хороший — тут каждый останется при своем, особом мнении.

ВЕЛИКОЕ ПРАВО ЛЮБИТЬ РОДИНУ

Самая губительная ошибка, которая когда-либо была сделана в мире, — это отделение политической науки от нравственной.

П. Шелли

Что значит любить Родину? Любить ли ее, как нечто обобщенно-абстрактное, запечатленное в памяти и символах? Любить ее необъятные просторы, первозданную красоту природы, широкую отзывчивую душу русского человека... Или любить конкретные поня-

тия и явления? Бездумное потребительское отношение к природе и такое же бездумное и потребительское отношение к себе — к своему прошлому, настоящему и будущему.

Можно ли любить Родину? Ту, которая единственная для любого человека, родину твоих предков, то место во Вселенной, где ты родился и где каждый ощущает себя своим среди своих. И ту, которая отвергает твою насильственную любовь ради сохранения своей целостности.

Нужно ли любить Родину? Ту, которую необходимо оберегать от захватнических посягательств — беззащитную, ранимую, слабую. И ту, которая может за себя постоять — величественную, мощную, сильную.

Какую Родину можно и нужно любить? Запечатленную в памяти, рисуемую воображением, ту, которую подсказывает любить сердце. Или конкретную, ту, в которой присутствуешь ежесекундно, любить которую безоглядно не позволяет разум.

Что значит: любить Родину по-настоящему? Забыть обо всем негативном, что хранит память, любить ее самозабвенно, любить ее каждой частичкой сердца и души, понимая, что другой у тебя не будет никогда...

Но разве можно любить как-то иначе, чем по-настоящему? Разве само понятие «любовь» не предполагает подлинность чувства?

Когда мы любим человека, то принимаем все его достоинства и все недостатки. Мы просто любим его, и все. Но почему тогда мы не можем перенести подобное безоглядное чувство любви к конкретному человеку на любовь к Родине? Почему мы испытываем неловкость в отношении к своей Родине, когда она оказывается «не на высоте»? Почему мы постоянно

стремимся к отрицанию своей сущности — то есть своей Родины?

Кто дает право любить Родину? Является ли этот выбор самостоятельным или он диктуется теми, кто стоит во главе Родины, кто на данном временном промежутке является олицетворением Родины в глазах мирового сообщества?

Как должны любить Родину те, кто призваны ее охранять?

Я не военный человек, а поэтому могу лишь вообразить себе силу их чувств — подлинных, натуральных. Их готовность умереть за Родину не голословна, а подтверждена многими историческими реалиями.

В прежние времена военные присягали на веру Царю и Отечеству. Во время Великой Отечественной войны они умирали за Родину и за Сталина. В большинстве случаев эти два понятия отождествлялись, что, на мой взгляд, вполне нормальное явление. В Афганистане они также оправдывали свое высокое предназначение, выполняя свой интернациональный долг. Можно отрицать целесообразность поставленной перед военными задачи. Можно оспаривать сам факт необходимости подобной жертвы. Но как отрицать очевидность смертей? Или как объяснить родителям, родным, близким, тем, из жизни которых были просто вычеркнуты эти люди, что погибшие в Чечне солдаты и офицеры пали жертвой собственной недалёковидности?

Пересматривать, подвергать скрупулезному анализу свое прошлое очень важно. Прежде всего, потому, чтобы негативные проявления прошлого больше никогда не стали реальностью. Однако, при этом нельзя забывать, что искать истину ради самой истины не только глупо, но даже вредно. Истина заключается в том, что участниками любого события являются живые лю-

ди, а не неодушевленные механизмы. У них есть ранимые души, человек не может и не должен отвечать за глобальные ошибки общества.

Военные — представители самой консервативной профессии. Мощность любой армии в мире определяется ее непоколебимостью, ее беспрекословной готовностью служить долгу. Когда военные начинают оспаривать решения властей, возникает анархия. Само государство перестает быть мощным.

Есть ли выбор у военных? За этим, казалось бы, риторическим вопросом кроются весьма серьезные вещи. Если рассматривать армию, как живую структуру, то, конечно, можно с уверенностью утверждать, что военные обладают правом выбора. Но какие трагические последствия влечет за собой это право?

В последнее время мы все чаще и чаще слышим высказывания о том, что наша армия морально разложилась. Уже нет той прежней, мощной, армии, что была в СССР. В чем причина этого?

Чтобы понять это, нужно заглянуть в наше не такое уж и далекое прошлое. В тот ответственный для нашей истории момент, когда решалась судьба Советского Союза, армия сделала свой выбор. Вопреки традиции, она не поддержала руководителя государства М. С. Горбачева. Конечно, новые представители власти пришли к власти не благодаря военному перевороту. Однако, военные, при желании, могли бы предотвратить этот приход. Почему же они остались в стороне и позволили свершиться факту? Может быть, М. С. Горбачев чем-то обидел армию? Может быть, она увидела, что руководитель государства не проявляет должную заботу о ней?

Давайте посмотрим на конкретные реалии. Деятельность Горбачева с начала его прихода к власти

широко известна — как у нас в стране, так и за рубежом. В самом начале перестройки средства массовой информации, само общество без устали превозносили стремление Горбачева к разоружению, к сохранению мира во всем мире. Когда в 1991 г. Горбачев получил Нобелевскую премию, это было воспринято соотечественниками, как должное. Ведь это так хорошо укладывалось в прокрустово ложе нашего представления об СССР, как о гаранте мира во всем мире.

Рухнула берлинская стена, с карты мира исчезла Германская Демократическая Республика. Восторжествовала историческая справедливость — единый народ объединился в единое целое. Восточная Германия уже перестала представлять собой реальную угрозу ядерной катастрофы, которая существовала прежде.

Несомненно, весь мир получил возможность вздохнуть облегченно и возблагодарить за это М. С. Горбачева — выразителя мнения всего прогрессивного человечества.

Когда я начинаю думать обобщенно-абстрактными категориями, то проникаюсь недоверием к себе. Чтобы прийти к пониманию общего, необходимо сначала произвести анализ его составных частей. Я начинаю оспаривать любой, даже, казалось бы, самый бесспорный факт. Меня интересует вопрос: почему? Почему произошло так, а не иначе? Почему это должно было произойти? Почему во имя достижения великой и благородной цели я должна ущемлять свои права или кто-то должен претерпеть лишения? Тогда почему это должна быть именно я? Куда лучше и справедливее, если обязанность распределяются равномерно.

Что получила взамен Россия (правопреемница СССР), дав возможность Германии объединиться?

Договор между ФРГ и СССР, подписанный 12 октя-

бря 1990 г., определял условия временного пребывания и планомерного вывода советских войск с территории Федеративной Республики Германии. Это одна сторона медали. Но есть и другая сторона, которая носит трагический характер. Этот договор уничтожил самую крупнейшую военную группировку на планете — Западную группу войск.

Не знаю, благодаря какой исключительной черте своего характера, но мы имеем тенденцию отрещиваться как от всего негативного в своем прошлом, так и от того, что является положительным в нем. ЗГВ — самые боеспособные, подготовленные, имевшие за спиной героический путь и величайшие воинские традиции, полки и дивизии наших Вооруженных Сил ушли в прошлое. И это, опять-таки, воспринимается нами, как нормальное явление.

Михаил Болтунов, в своей книге «ЗГВ: горькая дорога домой», пишет:

«Да, это было настоящее государство с более чем полумиллионным населением. На вооружении ЗГВ состояло столько танков, боевых машин, самолетов, сколько с трудом собирал весь бундесвер.

В 777 военных городках, расположенных во всех землях Восточной Германии, неустанно шла боевая учеба.

Только на боевое дежурство здесь каждый день заступало 14 тыс. человек, а в карауле и суточном наряде не смыкали глаз 40 тыс. солдат и офицеров.

В воздухе и на аэродромах в готовности к боевому применению находилось 1400 самолетов и вертолетов, на старых позициях — десятки ракетных установок с ядерным оружием.

Офицеры и солдаты совершенствовались боевое мастерство в учебных центрах, располагая самым большим полигоном в Европе.

Магдебургский учебный центр раскинулся на 43 тысячах гектаров и позволял проводить дивизионные учения с боевой стрельбой.

Ежегодно группа в цилиндрах своих двигателей сжигала 800 тыс. тонн топлива и горюче-смазочных материалов.

Каждый день, чтобы обеспечить жизнь группы, на дороги германии выходили 14 тыс. автомобилей.

Группа советских войск в Германии из года в год создавала, лепила собственную, необходимую для жизни и боя, инфраструктуру.

Оглядывая сегодня ее нелегкий путь, понимаешь: она и вправду была уникальным, единственным за всю историю Советского Союза и России, воинским формированием.

Уникальным по целям своим и задачам, по размаху и мощи, по исторической роли для судеб советского и немецкого народов.

Это она выполняла решения Ялтинской и Потсдамской конференций, участвовала в ликвидации основ нацизма на немецкой земле, разворачивала деятельность советской военной администрации.

Группа войск осуществляла не только оккупационные функции, но, прежде всего, налаживала нормальную жизнь Восточной Германии, занималась становлением органов власти и управления, обеспечивала немецкое население продовольствием, медицинским обслуживанием, открывала школы, театры, музеи...»

Возмущенный обыватель скажет: какое мне дело до судеб немецкого народа, когда в стране кавардак? Нам бы обустроить Россию, а немцы пусть о себе сами позаботятся.

Все правильно, я с этим могу согласиться. Но тут же опять возникает вопрос о безалаберном отношении

к своему прошлому, к своему культурному и материальному наследию. Когда начинаешь спрашивать себя: отчего все так плохо, отчего материальные, духовные и культурные ценности ускользают от нас с катастрофической скоростью, то на ум приходит лишь один, единственно правильный ответ: общего без частного не бывает.

Конечно, ни Россия, ни какая бы то ни было другая страна не могла встать на пути стремления немецкого народа к объединению. То, что свершилось, на мой взгляд, — великое благо. Сдерживать развитие нации — преступно. Как любил повторять один наш весьма дальновидный политик: «Сын не может отвечать за поступки отца».

И это бесспорно. Но какой ценой было уплачено за объединение двух Германий и за вывод советских войск с территории Восточной Германии? Об этом мало кто задумывается. Как и о том, были ли вообще у нашей страны какие-либо интересы в Германии: политические, военно-стратегические, интересы собственного имущества на миллиарды немецких марок, накопленных в ГДР за полвека службы ЗГВ. Кому достался приоритет в политическом и военно-стратегическом отношении после вывода из Германии советских войск. Кому, наконец, достались эти миллиарды немецких марок — материальная собственность России. И не сопровождалась ли эта акция новыми затратами нашего государства, что отразилось на общей картине обнищания наших людей.

Вот что я могла бы возразить обывателю, которого не интересуют подобные мелочи, как объединение двух Германий и вывод советских войск из Восточной. В таких вопросах я склонна придерживаться авторитетного мнения профессионалов.

«Чего греха таить, каждая из стран, участвующих в процессе объединения Германии, имела здесь свои интересы, — утверждает М. Болтунов. — Да, и США, и Англия, и Франция, и Советский Союз, а в последующем его правопреемница Россия, и, разумеется, сама Германия.

Кто более всего выиграл? Германия. Ныне мощное, самое мощное государство в Европе.

А кто же проиграл? Увы, Советский Союз, Россия. Да, став инициатором объединения немецкого государства, обладая международным приоритетом, а главное, возможностью отстаивать свои интересы, наше руководство проиграло по всем статьям, потерпело сокрушительный провал. Когда знакомишься с документами тех лет, беседуешь с очевидцами событий, экспертами и специалистами, создается впечатление, что Горбачев и Шеварднадзе попросту играли в поддавки с Западом, сдавая одну позицию за другой.

Многие мои беседы, интервью в Западной группе войск заканчивались на удивление стандартно. В конце разговора, офицер ли, генерал, раздосадованный, махнув на все рукой, говорил:

— Ну что тебе не ясно? Продали они Россию. Не знаю, за сколько сребреников, но продали».

При всем том негативном, что имело место в СССР, несомненно одно: это была мощная держава, диктовавшая свои условия. Принимали или нет эти условия остальные державы мира, — это уже детали. Кстати, это же берут на вооружение сторонники возрождения Советского Союза, оспаривая популярную сегодня точку зрения о необходимости его развала. Но вот в начале 90-х годов произошла «сдача позиций», и гордая, сильная держава опустилась на колени, вынуждена была просить милостыню у Запада на восстановление подо-

рванной экономики. Я не собираюсь открывать такую щекотливую тему, как: нужно или не нужно было разваливать СССР. Все равно, каждый в этом вопросе останется при своем мнении, что мною абсолютно допустимо. Но мне интересно было бы знать, кем была подорвана экономика нашей страны и можно ли было предотвратить такую глобальную катастрофу.

История с выводом ЗГВ из Восточной Германии, как мне кажется, помогает проникнуться пониманием данной проблемы.

Итак, М. С. Горбачев явился непосредственным инициатором объединения Германии, взяв на себя ответственность перечеркнуть историческое решение предшествующего поколения.

Президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер назвал день объединения историческим не только для немцев, но и для всей Европы и мира в целом. Не случайно он поставил эти два имени рядом — объединенная Германия и Горбачев.

Но не вся Европа безоговорочно поддержала инициативу Советского президента. В мире уже установился определенный баланс сил. Мощная Германия обязательно должна была нарушить его.

В июле 1990 г. парижский корреспондент известной немецкой газеты «Берлинер моргенпост» опубликовал статью: «Мечты Франции об имперском величии окончательно рассеялись». Вот что писал в ней автор:

«Когда Коль возвратился из СССР и с восторгом информировал прессу о триумфальных итогах своей встречи с Горбачевым, во Франции, выражаясь фигурально, были приспущены государственные флаги.

Узнав о результатах переговоров, один из официальный представителей МИДа Франции сказал: «Мечтам французов о величии своей страны пришел конец!»

Французская газета «Котильен де пари» выразила эту точку зрения так:

«После встречи Горбачева с Колем положение Франции можно сравнить с ощущением светской дамы, оказавшейся голой на людной улице.

В течение полувека французы мнили себя представителями великой державы: французские оккупационные войска размещались на территории Германии, Франция обладала собственны ядерным потенциалом, являлась постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Германия никогда в послевоенной истории не рассматривалась ею, как мировая держава. Теперь договор меняет благостную картину».

Что в первую очередь приходит на ум, когда читаешь эти строки? Как мне кажется, в них заключены не только ностальгические воспоминания Франции по былому величию, но и опасения изменить привычное, существующее положение вещей. И не столько эгоистичные амбиции Франции не допустить развития Германии. Картина представляется мне таковой: в отличие от М. С. Горбачева, вещавшего от имени своего народа, правительство Франции не забыло об ответственности перед своим народом, как не забыло и о той трагической роли фашистской Германии, которую та сыграла в судьбе французов.

Но великодушная русская душа способна с легкостью прощать такую роковую роль, а также забыть о тех потерях, которые понесла Россия во время Великой Отечественной войны. И правда, кто способен измерить количество этих потерь? А уж если говорить о прогрессе, так зачем вечно носить камень за пазухой. Нынешняя Германия — не та, что пришла в 40-х годах на нашу землю и принесла с собой опустошения и страдания.

С этим можно было бы согласиться. Лично меня приводит в восторг способность русского человека к всепрощению. Однако, не следует забывать, что за преувеличением этой способности стоит куда более важная проблема — нежелание помнить свое прошлое, уверенность в том, что оно абсолютно ушло в небытие.

Забывая себя, кто мы есть и кто были наши предки, мы предаем и себя, и наших предков. Тем самым, мы не можем рассчитывать на то, что наши дети будут помнить о нас и не предадут нас. И что не повторится абсурдная привычка к нигилизму — отрицанию прошлого. Так вот, если брать в расчет этот аспект, то мне не хотелось бы, чтобы мои дети вычеркнули меня из своей истории.

Но чем же руководствовались М. С. Горбачев и его единомышленники, благоустраивая Германию?

В 1990 г. ответственный работник ЦК КПСС, советник Президента Н. Португалов на страницах «Шпигеля» так высказывал позицию советского руководства:

«Новые отношения между русскими и немцами дают СССР шанс вернуться в Европу и спастись от надвигающейся экономической катастрофы. Немецкая помощь позволит Советскому Союзу создать систему подлинно рыночного хозяйства, отчасти расплатиться с долгами и осуществить вывод войск из Германии, не бросая возвращающихся оттуда военнослужащих на произвол судьбы».

Великая задача и благородная цель. Рассуждая о том, как сложилась судьба военнослужащих, ушедших из Германии, М. Болтунов пишет:

«Рассеянные по необъятной территории Росси, Украины и Беларуси, эти части и соединения ютились в бараках, заброшенных строениях, армейских палатках. Офицеры делили на семьи старые казармы, вре-

мянки, сельские избы. Мерзли, мокли, проклиная все на свете, и уходили, уходили, уходили из армии.

Лучшие офицеры теряли веру в себя и в Отечество.

Это была гибель Великой Армии.

В самые напряженные периоды вывод войск опережал темпы строительства жилья в 9 раз. В августе 1993 г., когда до окончательного вывода оставался год, Германию покинуло 76% личного состава Западной группы войск, то есть 419 тыс. человек.

А это значит более 40 тыс. семей офицеров и прапорщиков.

В России же на август 1993 г. было введено в строй 2 (!) военных городка.

Бездомными, по существу, на улице, оказались около 140 тыс. человек.

Разве это не преступление века? Кто и когда, в какой стране, в каком государстве на исходе XX-го столетия, позволил бы подобное издевательство над своей армией, над офицерами и прапорщиками, над их женами и детьми?»

Действительно, хотелось бы знать, в какой еще стране мира подобное могло произойти? Если вам тоже интересно об этом узнать, то загляните поглубже в себя и посмотрите, какие проблемы интересуют лично вас.

Но я не имею права судить, тем более, не ставлю перед собой такой цели. Я лишь пытаюсь найти причину и разбираюсь в следствиях какого-либо явления. И потому прихожу к выводу: это не должно было, но произошло именно в нашей стране. И не только потому, что средства массовой информации и общественное мнение подавали деятельность руководства страны как несомненно правильные и направленные на созидательные цели переустройства всего мира.

В то время мало кто понимал, что дипломатические успехи М. С. Горбачева, на самом деле, являлись его провалами. Результат этих переговоров мы имеем возможность наблюдать и анализировать. С падением берлинской стены и объединением Германии вполне естественным казался вопрос о роспуске обоих военных блоков, контролировавших ситуацию в Германии, — НАТО и Варшавского Договора. Эти блоки, помимо своей первостепенной задачи, на протяжении полувека противостояли друг другу. Вполне естественно допустить, что в силу новых исторических реалий, это противостояние ослабло, хотя бы по отношению к самой Германии. Так рассуждали и те, чья судьба непосредственно решалась в данной ситуации.

Так считал и западногерманский генерал в отставке Г. Шмюкле, с 1978 по 1980 гг. занимавший пост заместителя Верховного Главнокомандующего ОВС НАТО в Европе. В журнале «Шпигель» за март 1990 г. он предлагал, к примеру, отказаться от старых военно-политических структур, распустить Северо-атлантический блок и Варшавский Договор и создать вместо них новую Евро-атлантическую систему безопасности, включающую в себя нынешнюю зону ответственности НАТО и ОВД.

Подобного мнения придерживался и начальник штаба ОВС стран Варшавского Договора генерал армии В. Н. Лобов. В газете «Вельт» в том же марте 1990 он заявил: «Советский Союз и другие члены Варшавского Договора выступают за одновременный роспуск обоих европейских военно-политических блоков».

Дальнейшие события показали, что НАТО оказалось более жизнеспособной структурой, нежели Варшавский Договор. Или более убедительными были те, кто отстаивал интересы НАТО. Оно укрепилось и по-

лучило право на дальнейшее развитие, в то время, как Варшавский Договор ушел в небытие. Северо-атлантический блок представлял себя гарантом ядерной безопасности в мире. А Горбачев на это не нашелся чем возразить. В новой ситуации его волновало другое: блоковая принадлежность объединенной, мощной Германии. А именно — войдет ли новая Германия в НАТО, или ее удастся нейтрализовать.

И начался затяжной спор между всеми заинтересованными в решении вопроса странами-участницами. Собственно говоря, спорили все, кроме СССР. Советский Союз встал на путь соглашений. Поначалу, конечно, Восток (СССР) протестовал против вхождения объединенной Германии в Североатлантический альянс. Но долго такая ситуация продолжаться не могла.

Европа тем временем захлебывалась в похвалах Горбачеву, но уступать за столом переговоров не собиралась ни на йоту. В интервью телевидению ФРГ М. Тэтчер заявила: «История Европы не должна игнорироваться, поэтому необходимо добиться четких гарантий безусловного членства объединенной Германии в НАТО и ЕЭС». Министр иностранных дел Франции Р. Дюма высказал опасение, что если не будут учтены интересы безопасности СССР, то Москва может заблокировать процесс европейской разрядки и разоружения.

Москва, конечно, могла постоять за себя, учитывая весомость своего слова, но не сделала этого. На 3-й сессии Верховного Совета СССР Горбачев неожиданно поддержал бредовую идею одновременного членства Германии в НАТО и Варшавском Договоре. Бредовую, так как при этом отпадала необходимость в существовании двух альянсов. Или Германия каким-то образом могла оказаться тем единственным островком в мире,

где исчезали противоречия между ними? Речь шла о сотрудничестве двух изначально антагонистических структур в военной области.

Новая инициатива советского руководителя о «двойном членстве» Германии была тут же отвергнута Западом. Газета «Вельт» писала: «Д. Буш и Д. Бейкер отвергли компромиссное предложение М. Горбачева, сделанное 12 июня с. г.».

А вот заявление агентства Рейтер:

«Руководство НАТО отклонило предложение Э. Шеварднадзе, который в интервью журналу «НАТО сикстин нейшнз» заявил о возможности временного членства объединенной Германии одновременно в двух военно-политических союзах.

С соответствующими заявлениями выступали представитель штаб-квартиры НАТО, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер, министр иностранных дел Великобритании Д. Хэрд, представитель Белого Дома».

Это поражение, кажется, не очень обеспокоило М. Горбачева. Он выдвинул новое. Он был готов согласиться на вхождение объединенной Германии в НАТО, но при условии, если этот союз из чисто военного превратится в политический. Такую инициативу поддержала лишь Франция, но, конечно, в своем варианте. Во время визита в Москву Ф. Миттеран поделился соображением, что новое немецкое государство может войти в политические структуры Североатлантического блока и не принимать участия в его военной деятельности.

Я не специалист и потому не знаю, могла ли, вообще, реализоваться такая инициатива. Если Германия входила в НАТО одной ногой, то почему бы не закрепиться там на прочных позициях? Тем более, что

первая схватка была уже выиграна, и СССР допустил мысль о том, что Германия может находиться в НАТО. На стороне ФРГ были США, Англия. На стороне Советского Союза, если не принимать в расчет спорную «французскую модель» в улаживании конфликта, лишь Советский Союз. Но, похоже, не только это заставило его капитулировать перед противником. Видимо, руководство СССР имело и иные представления о реальной действительности. Как итог — в июне 1990 г. в Берлине на очередном раунде переговоров по формуле «2—4» министр иностранных дел СССР Шеварднадзе выдвинул новые советские предложения. Они заключались в «просьбе» к Германии сократить Вооруженные Силы страны до 200—250 тыс. человек, а численность войск держав-победительниц на 50%. Все воинские контингенты должны были покинуть Берлин через 6 месяцев после объединения Германии.

На эти предложения ФРГ откликнулась протестом, учуяв в них насильственный характер решения проблемы. Другие участники переговоров также были склонны видеть в предложении советской стороны явное ущемление прав немецкого государства. В тот же день телевидение ФРГ сообщило: «Пакет выдвинутых советским министром инициатив был встречен западными участниками переговоров более чем прохладно». Заручившись таким пониманием, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер подчеркнул, что «только полностью суверенная Германия могла бы обеспечить стабильность в Европе. Поэтому уже сейчас следует начать подготовку к выводу советских войск с территории ГДР».

Вот в чем, как оказалось, заключался корень зла. Значит, лишь присутствие советских войск на терри-

тории ГДР мешало обеспечению стабильности в Европе. А как же приоритетное право СССР в решении «немецкого вопроса»? Как быть с тем, что Советский Союз в годы 2-й мировой войны взвалил на себя такой непосильный труд, как избавление мира от фашистской чумы? Теперь получалось, что об этих и других заслугах необходимо забыть — в целях поддержания стабильности в Европе.

Понимали ли это Горбачев и его соратники? Наверное, да. Во всяком случае, хочется верить в то, что в глубине души он и другие испытывали неловкость за свои предательские по отношению к Родине поступки. Однако, ответом было согласие на вступление объединенной Германии в НАТО без всяких дополнительных условий со стороны СССР — т. е. полная капитуляция СССР в этом судьбоносном для Европы решении. История с капитуляцией повторилась, но теперь мы были, отнюдь, не на высоте.

Газета «Вельт ам зонтаг» писала: «Верховный Главнокомандующий ОВС НАТО в Европе американский генерал Д. Ж. Гэлвин заявил: «Я испытал большое счастье и облегчение, узнав, что Горбачев... дал согласие на членство объединенной Германии в НАТО». А газета «Берлинер цайтунг» в августе 1990 г. заявила: «Фракция СДПГ в городской палате депутатов Западного Берлина считает необходимым выступить с предложением о присвоении М. Горбачеву Нобелевской премии мира. Руководство фракции намерено подать заявку в норвежский Нобелевский комитет».

За кратчайшие сроки руководство СССР сдавало одну за другой позиции в решении «немецкого вопроса». После крушения идеи об одновременном отказе Германии от двух военно-политических альянсов оно потерпело поражение и в вопросе о ядерном разору-

жении. Складывалась парадоксальная ситуация: то, что не могло иметь место в Восточной Германии, то позволялось иметь в Западной. Как на территории одной Германии, так и на территории другой находилось столько ядерного оружия, что им можно было уничтожить все живое на планете. Горбачев решил очистить от этого смертоносного оружия леса не только ГДР, но и ФРГ. Такую инициативу поддержало руководство Восточной Германии. Сам немецкий народ, что вытекает из проводимых социологических исследований, в большинстве своем стремился избавиться от размещения на своей земле ядерного оружия.

Западногерманский журнал «Винер» в марте 1990 г. писал:

«По результатам опроса, проведенного институтом Виккерта, одновременно в ГДР (1507 чел.) и в ФРГ (2068 чел.) абсолютное большинство немцев (98% в ГДР и 93% в ФРГ) убеждено, что на территории объединенной Германии не должно быть места ядерному оружию».

Однако, что значит мнение людей по сравнению с проблемами мировой значимости? Радио «Свободный Берлин» в октябре того же года передавало: «Как сообщила мюнхенская газета «Абендблат», военное руководство США разработало секретный план, согласно которому дислоцированные в ФРГ американские бомбардировщики будут оснащены новыми ядерными бомбами», что, само собой подразумевало: никакое ядерное разоружение в Германии НАТО не планировало.

«Не берусь утверждать, — пишет в своей книге М. Болтунов, — был ли такой план, но если и был, излишне сокращать его не имело смысла. Ведь уже в декабре того же года, на сессии Комитета военного пла-

нирования НАТО, немецкая делегация заявила о том, что «правительство ФРГ не возражает против дальнейшего нахождения на территории страны американских авиационных бомб в ядерном снаряжении...»

Не знаю, какие контрмеры принимали Горбачев и Шеварднадзе по дипломатическим каналам, но в Западной группе войск стали судорожно сворачивать ракетные бригады, дивизионы, вывозить ядерные боеголовки... работа шла споро, без задержек, московские инспекторы подгоняли ракетчиков, невзирая на строгие инструкции, а нередко и правила безопасности. Слава Богу, все обошлось, советские боеголовки препроводили на Родину и уже 22 октября 1991 г. на 4-м заседании смешанной советско-германской комиссии было заявлено: на территории Германии советского ядерного оружия нет».

Таким образом, Горбачев сдал еще одну позицию в решении «немецкого вопроса». Оставалась последняя — пребывание в Германии крупнейшей военной группировки в мире — ЗГВ.

Но советское руководство уже проявило свою слабыхарактерность, и уже ничто не мешало освободить объединенные земли Германии от присутствия в них советских войск. По мнению Председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге ФРГ А. Дреггера, «нахождение советских войск на территории ГДР является «пережитком» и потеряло всякий смысл».

Здравый смысл подсказывает, что Горбачев должен был немедленно оспорить подобные заявления. Ведь нахождение ЗГВ на территории Германии было продиктовано исторической необходимостью. Но коль скоро необходимость в их присутствии отпала, то такая же ситуация складывалась и с присутствием американской военной силы в объединенной Германии.

Однако, давайте посмотрим, что делает руководитель государства, поставленный во главе его для того, чтобы блюсти интересы этого государства. По словам самого Горбачева, он не видел проблемы в том, чтобы американские войска остались в Германии. «В разговоре с Бушем, — утверждал он на страницах своей мало известной на родине книги «Переговоры на высшем уровне. Секретные протоколы времен моего правления», — я совершенно определенно заявил, что пребывание американских войск в Европе является стабилизирующим фактором».

Как иначе расценивать подобное заявление, если не сдачей собственных позиций? Ведь совершенно очевидно, что раз присутствие советских войск нарушает стабильность в Европе, то и нахождение там американских не прибавляет стабильности. Если же это не признается первым лицом государства, то возникает вопрос: как сам Горбачев оценивал возможности вверенной ему армии и народа в целом? И почему вдруг его мнение так резко изменилось? Оказывается, все довольно просто: позиция Горбачева изменилась «после анализа реальностей в мире». Но что последовало за таким своеобразным откровением свыше? За ответом далеко ходить не нужно. Президент СССР стал лауреатом Нобелевской премии мира, а руководство ФРГ предложило СССР финансовую, моральную и материальную поддержку для скорейшего вывода Западной группы войск с территории Германии. Что это была за помощь, расскажем ниже. Теперь же, как мне кажется, следует остановиться на весьма важном аспекте — поспешном выводе ЗГВ из Германии.

«Малые погрешности кажутся большими, если обнаруживаются в поведении тех, кому доверена власть», — утверждал Плутарх. Но речь не может ид-

ти о «малых погрешностях», когда власть пренебрегает хотя бы одним из своих соотечественников. М. С. Горбачев был едва ли не первым, кто заговорил о «человеческом факторе». А это, прежде всего, подразумевало заботу о конкретном человеке.

Как проявлял подобную заботу о конкретных людях первый и последний Президент СССР Горбачев, видно из того, какие сроки он определил для вывода советских войск из Германии. Он решил, что 3—4 лет будет вполне достаточно, чтобы справиться с этой задачей. Даже мировую общественность столь сжатые сроки привели в замешательство. В ЗГВ входило около полмиллиона человек, и на то, чтобы уйти из Германии, им отводилось всего 3—4 года. Чтобы понять подлинный характер заботы об этих людях, нужно противопоставить ее заботе о своих военнослужащих других держав-победительниц. Так, американцы планировали 60 тыс. человек вывести из Германии за 7 лет. Французы — 50 тыс. человек за 4-е года. Не правда ли, в этом угадывается не только забота о людях, но и стремление «не потерять свое лицо», сделать все с достоинством. Впрочем, в данной исторической ситуации советское руководство явно не задумывалось о достоинстве державы. Как и о том, что своими действиями бросает тень на все население этой державы.

Когда знакомишься с фактами тех событий, складывается впечатление: не нас подгоняли, а мы сами излишне суетились, чтобы поскорее уйти из Германии. Некоторыми советскими политиками ставился под сомнение даже столь короткий срок, как 3—4 года. Один из советников Горбачева, Валентин Коптельцев, который позже стал послом России в Берлине, «советовал» своему шефу вывести войска из Германии за 2—3 года. Как это сделать? Очень просто: демобилизовать

офицеров и прапорщиков. Послужили Родине и достаточно. А другой советник, В. Дашичев, внес не менее любопытное предложение — «немедленный вывод войск».

Зачем же Господь не воспрепятствовал продвижению глупцов к власти? Во истину, во имя великой любви к нам он постоянно испытывает нас на прочность. Что ж, в таком случае, русские — самая прочная и жизнестойкая нация. Подобное нелепо даже представить себе, но в то смутное время, когда нужно было все силы бросить на восстановление Родины, мы были крайне заинтересованы спасением всего человечества.

Потеряли ли что-нибудь немцы с выходом советских войск из Германии? Без всякого сомнения, это так. Привычка — великая вещь. Но помимо привычки, немцы лишились также и конкретных доходов. В декабре 1993 г. газета «Берлинер цайтунг» писала:

«Жители Фюрстенберга со смешанными чувствами наблюдали за выводом частей ЗГВ. С одной стороны, они испытывали облегчение, а с другой — обеспокоенность за свое будущее. Конечно, с уходом русских не стало беспокойных соседей, сократилось число краж и других мелких инцидентов. Одновременно резко упал оборот местной торговли, о чем сокрушаются владельцы многочисленных кафе и магазинов. Хозяин-колбасник с грустью вспоминает, что были времена, когда его поставки исчислялись тоннами. Сейчас производство мясных продуктов в городе резко сократилось.

Бургомистр Фюрстенберга Айманс вспоминает, что во времена пребывания русских даже пожарная охрана была более многочисленной. Это диктовалось необходимостью тушения лесных пожаров по их вине. Со-

кратилось и число занятых в различных строительных фирмах и учреждениях, сотрудничавших в ЗГВ. Безработица в городе достигла 22%».

Однако, эти печальные утверждения касаются утрат, которые понесли земли Германии, когда ЗГВ покинула их территорию. А проблема наших собственных потерь? Ведь если брать в расчет численность группы и полувековой срок ее пребывания в Германии, то трудно вообразить себе масштаб богатств ЗГВ. В народе бытует мнение: «Один небольшой переезд хуже большого пожара». Тут же надо учитывать, что переезд осуществлялся с астрономической скоростью.

Раз уж военных поставили перед фактом переезда, то нужно было решить, что брать с собой, а что оставлять. Увезти с собой на Родину все, было конечно, невозможно. Да и сама Родина не проявляет в этом вопросе должной заинтересованности. Но недвижность... Как быть с ней? На протяжении пятидесяти лет стараниями ЗГВ были возведены 777 военных городков, 5269 складов и баз, 3422 учебных центра и полигона, 47 аэродромов, а помимо того — санатории, лечебницы, наконец, жилые дома. Уходя, советские войска оставили в Германии 20 тыс. квартир. Эта тема, как мне кажется, весьма актуальна в наши дни.

Кому досталась недвижность ЗГВ после ее ухода из Германии? Высокое мнение посчитало, что необходимо уступить желанию хозяев владеть этим достоянием. Почему? Стыдно было за соотечественников, которые не проявляли должной бережливости по отношению к окружающей среде.

Как было на самом деле, отчасти свидетельствует заявление немецкой газеты «Маркише альгемайне», которая с сожалением отмечала:

«В представлении непосвященных любой полигон, тем более русский, — это всегда нечто, связанное с нарушением природы, окружающей среды. Но это далеко не так. По словам представителя земельного лесничества, в настоящее время на территории Крампницкого полигона имеется столько орланов-белохвостов, сколько во всех старых землях, вместе взятых... На этой территории, в отличие от сельскохозяйственных угодий, никогда не применялись химические удобрения и средства защиты растений. Девственное состояние окружающей среды способствовало сохранению многих видов животных, которые в других местах уже давно вымерли...»

Но вот было выдвинуто новое соображение: недвижимость ЗГВ не пользовалась должным спросом, а потому продать ее было практически невозможно.

«Находились ли покупатели нашей недвижимости?» — задается вопросом М. Болтунов. И отвечает: «Штабной городок известной 1-й гвардейской Краснознаменной танковой армии в Дрездене по экспертной оценке наших специалистов стоил около полумиллиона немецких марок. Западные фирмы предлагали 2 миллиона.

На торгах в Потсдаме военный городок Крампниц, где квартировала 35-я мотострелковая Краснознаменная дивизия, оценивался покупателями в 5 млн. при реальной стоимости 3,5 млн. дойчмарок.

Пользовались спросом городки, расположенные в курортной зоне — на Балтийском побережье, на острове Рюген. Там у нас было 5 городков.

Построены они в 80-е г. Базовая стоимость — 1 млн. марок. Однако, как считают специалисты, продать их можно было в 3—4 раза дороже.

То же самое следует сказать и о домах отдыха Западной группы войск (Линдав, Бад-Заров, Бад-

Эльстер), находившихся в живописных местах Германии.

Ну а теперь несколько слов о покупателях. Прежде всего, в приобретении недвижимости были заинтересованы немецкие фирмы, и поэтому их в числе претендентов оказалось больше.

Берлинская фирма GENU предлагала к покупке недвижимость в крупных городах, таких как Дрезден, Лейпциг... Только в Дрездене — несколько военных городков. Кроме названного уже штабного, городки 11-й гвардейской танковой дивизии, 68-го пантонно-мостового полка, 3-го отдельного полка связи.

Складские помещения в Потсдаме и Бранденбурге хотели приобрести бранденбургские заводы по обработке металла, а фирма «Майерхофер» предлагала свою достаточно высокую цену за санаторий и дома отдыха ЗГВ.

Берлинский «Индастри консалт» желал выкупить военный городок в районе Берлина, Потсдама, а фирма «Везорта» такой же городок недалеко от Котбуса или Франкфурта-на-Одере.

Вносили свои предложения по приобретению недвижимости и совместные советско-германские предприятия.

«Дойче-Лада» искала удобные участки земли для оборудования автомобильных стоянок, а совместное советско-американское предприятие «Диалог» — городки в курортной зоне на острове Рюген.

Коммерческо-методический центр «Аэропоиск» из Санкт-Петербурга тоже присматривал городок на побережье Балтики.

Были заинтересованы фирмы из Австрии и даже из Японии...»

Здесь речь шла о недвижимости, возведенной за счет советской стороны, а, значит, принадлежавшей ей

на законном основании. Продать ее было возможно, пусть даже с ущербом для себя. По одной из, скажем так, «недальновидной» уступке советского руководства все решения принимались сначала объединенной Германией, после чего с результатами знакомились четыре державы-победительницы. Благодаря этому, германская сторона получала право объявить любой объект зоной федеральных интересов и выплатить соответственно минимальную компенсацию. Таким образом, недвижимость ЗГВ становилась собственностью Германии. Но и получить за нее компенсацию оказалось весьма проблематичной задачей, так как документация, подтверждающая права ЗГВ на недвижимость, неожиданно сгорела в огне пожаров. В июне 1992 г. загорелся Потсдамский филиал Федерального управления имущества, после чего сохранилась лишь четвертая часть документов. А в апреле 1993 г. огонь уничтожил 400 метров дел в Центральном архиве земельных книг новых земель в Барби.

Но и это еще не конец истории с советской недвижимостью в Германии. Здесь говорилось о «готовых» деньгах, которые СССР мог взять без всяких затруднений при условии правильной постановки дела. Однако, была еще недвижимость, продажа которой могла быть каким-то образом оспорена по морально-этическим проблемам.

Летом 1993 г. в немецких газетах поднялась шумиха о том, что «Москва требует 1000 объектов Восточно-германской недвижимости», «Россия выдвигает требования на лучшие сооружения Берлинского центра», «Борис Ельцин хочет предъявить претензии на 1000 объектов недвижимости».

В августе 1993 г. газета «Берлинер цайтунг» писала:

«...Гигантская больная тема о недвижимости, которой в последующем могут заниматься немецкие суды, а также Боннское Международное ведомство. В конце концов, речь идет об академически привлекательном вопросе, можно ли мягкое понятие конфискация перевести юридически точно, как «энтайгнуг» — «экспроприация». В том случае Москва бы получила миллиардную сумму.

Спор века, корни которого уходят почти на 50 лет в прошлое».

Что же так беспокоило немецкую прессу и Германию вообще?

31 декабря 1945 г. Г. К. Жуков издал приказ № 126 «О конфискации имущества национал-социалистской партии, ее органов и примыкающих к ней организаций». В пункте первом приказывалось: «Конфисковать имущество, находящееся на территории Германии, оккупированной войсками Красной Армии, принадлежащее национал-социалистской партии, ее органам и примыкающим к ней организациям, перечисленным в прилагаемом списке». В списке обозначены 62 организации, в том числе: канцелярия фюрера, расово-политическое управление, имперский союз германских чиновников, государственная тайная полиция, штурмовые отряды СА, отряды СС, включая войска СС, службы безопасности СД и штабы и т. п. но и в последующем эта работа продолжалась. Так, 29 марта 1946 г. вышел приказ № 97, а 17 апреля 1948 г. — приказ № 64, которые предусматривали конфискацию имущества нацистских организаций. Необходимость таких мер доказана исторической целесообразностью. После окончания 2-й мировой войны никто не усматривал в них ущемления прав немецкого населения в Германии. В 90-х годах история эта была пересмотр-

рена и подвергнута резкой критике. Делать упор на эмоции очень выгодно, когда имеешь дело с предрасположенными к эмоциональному восприятию действительности русскими. Но немцы — педантичная нация, они привыкли исходить в своих рассуждениях от буквы закона.

Одной из уважаемых и высокооплачиваемых профессий в Германии является профессия адвоката. Западный мир, вообще, отличается практичностью мышления. Когда речь идет о возможном увеличении личного благосостояния, национальные интересы отодвигаются на задний план.

В июле 1991 г. Главком ЗГВ М. Бурлаков отправил Министру Обороны СССР Д. Язову весьма любопытную телеграмму:

«К командованию ЗГВ обратился господин Н. Бухбиндер — адвокат, представляющий интересы фирмы «Мультакон ГмбХ», член ИАСФ (Международной ассоциации адвокатов), с заявлением о том, что на основании приказов Советской военной администрации... существует реальное право СССР на владение 2600 земельными участками с их недвижимым имуществом.

В случае, если заявление фирмы «Мультакон» имеет под собой реальную правовую основу, то стоимость советской недвижимости может возрасти многократно, поскольку основную ценность представляют земельные участки».

Неизвестно, как бы повернулись обстоятельства, но Д. Язов не успел проявить себя в этом вопросе, поскольку в августе того же года случился путч, и он в числе основных инициаторов оказался в тюрьме. Но работа по проверке материалов велась. Были выявлены 17 тыс. 650 промышленных, торговых и сельскохозяйственных предприятий, конфискованные в Со-

ветской зоне оккупации. Однако, и тут вступала в силу извечная русская безалаберность — отыскать конкретные списки данных предприятий не представлялось возможным за давностью лет.

В ноябре 1991 г. Главком ЗГВ М. Бурлаков отправляет письмо уже новому Министру Обороны СССР — Е. Шапошникову. В нем он сообщает:

«Советская сторона не имеет самостоятельного доступа в немецкие архивы... Для привлечения к этой работе немецких юристов потребуется около 2 млн. марок ФРГ, которыми Группа не располагает».

Но далее следует не менее любопытное утверждение:

«К командованию Западной группы войск обратился господин Хартмут Туровский, управляющий фирмы «Кон Про Интернешнл Маркетинг энд Коммуникейшнз Менеджмент ГмбХ» и предложил концепцию создания совместного Общества по поиску и реализации недвижимости имущества, принадлежащего СССР (концепция прилагается).

Фирма берет на себя расходы по созданию Общества и затраты, связанные с поиском принадлежащей СССР на территории бывшей ГДР недвижимости, провела предварительную работу по привлечению видных юристов ФРГ. При выявлении недвижимости, принадлежащей СССР, господин Туровский предлагает реализовать ее на условиях: 30% от суммы реализации за вычетом расходов на содержание Общества получит фирма, а 70% — Советская сторона.

В случае неудачи в поиске советских объектов недвижимости все расходы (убытки) господин Туровский берет на себя».

«Господин Туровский», конечно, знал, что предлагать. Но какие же наивные эти иностранцы, полагая,

что советскую сторону могут заинтересовать подобные авантюрные предложения. Ведь для этого нужно «подсуетиться», оторваться от мягкого и удобного кресла. Прав был поэт, который говорил: «Против течения может только живое поплыть...» И правы были немцы, которые назвали спор по недвижимости «спором века».

Самим Горбачевым недвижимость в Германии оценивалась в 30 млрд. марок, плюс возросшая «многократно» стоимость, на что указывал Главком ЗГВ М. Бурлаков. Трудно даже вообразить, что Россия приобрела бы, если бы извечная российская безалаберность не возоблудала над выгодой. Но что же она получила? Пепел после сгоревших в архивах земельных книг и 3 земельных участка с 9-ю зданиями в районе Карлсхорст в Берлине да двухэтажной виллы в Дрездене, купленных на деньги Минвнешторга СССР... Ну и еще кое-что по мелочам.

Но тут убежденный оптимист воскликнет: «Зачем уж так унижать Родину? Ведь не надо забывать о преимуществах договоренности между советским руководством и руководством ФРГ — сначала по выводу ЗГВ из Германии, а потом и по размещению военнослужащих на территории Советского Союза. Нужно признать, что мы не только теряли, но и приобретали, — хотя бы средства на временную поддержку в условиях переходного периода...»

Чтобы рассеять подобную иллюзию, обратимся к конкретным фактам.

«...Согласно советско-германским договоренностям, — пишет М. Болтунов, — правительство ФРГ вносит в так называемый переходный фонд на содержание ЗГВ 3 млрд. марок, а также предоставляет нашей стране беспроцентный кредит на эти же цели.

Надо отдать должное, немцы выполняли свои обязательства исключительно пунктуально.

Что же касается группы войск, то она постоянно несла потери.

Почему? Да очень просто. Сумма переходного фонда строго фиксирована — 3 млрд., и ни пфеннига больше. Но ведь уже тогда, в 1990 г., когда подписывались документы, было очевидно — рост цен в новых землях Германии неизбежен. Так и получилось. За три года с 1990 по 1993 стоимость электроэнергии увеличилась в среднем на 21—26%, питьевой воды на 12—14%, газа — на 20—75%. И, как результат, — «дипломатическая близорукость» обернулась для Западной группы войск дополнительными расходами в 150 млн. немецких марок».

И здесь, как и во всех остальных вопросах, советским руководством не были рассмотрены всевозможные варианты. Создается впечатление, что оно, родимое, вообще не интересовалось делами собственных военнослужащих, находившихся в Германии. К примеру, передислокация одного из батальонов внутри группы войск, дело не только хлопотное, но и дорогостоящее. Кто за это должен платить? В виду того, что о подобных «мелочах» в Договоре не упоминалось, обязательства брала на себя советская сторона.

Или еще один не менее актуальный вопрос для военнослужащих ЗГВ — обеспечение своего временного пребывания на территории Германии до полного вывода войск. Помимо того, что 546 тыс. человек нужно было кормить, обувать, одевать, согревать и т. п., случилось, их еще необходимо было и лечить. А одни сутки лечения в немецкой клинике стоили 400—500 марок. Российские расценки соответствовали 10 рублям за сутки лечения. Ну, а о том, чтобы обеспечить граж-

данские права военнослужащих ЗГВ не могло быть и речи. Для того, чтобы вызвать свидетеля какого-либо преступления, немецкого гражданина в суд, тоже нужно было платить из казны Западной группы войск. Только 30-минутное пребывание такого свидетеля в суде обходилось в среднем в полтысячи немецких марок.

Равнодушие советских властей по отношению к защитникам Родины удивляли за рубежом, в том числе, и в самой Германии.

Журнал «Шпигель» в ноябре 1990 г. писал:

«Министр хозяйства Х. Хусман, которому поручено это направление, сетует на «некомпетентность, отсутствие инициативы» и ведомственную неразбериху у советских партнеров. Он полуслуштя говорит, что «армия — единственная система, которая здесь еще функционирует».

Двумя месяцами раньше телевидении ФРГ заявило:

«В Москве завершена работа над текстом Советско-германского Договора о предоставлении СССР финансовой помощи. В соответствии с Договором, ФРГ предоставит Советскому Союзу 12 млрд. марок, а также 3-миллиардный беспроцентный кредит. 7,8 млрд. ДМ из этой суммы планируется использовать для финансирования строительства 36 тысяч квартир для вывода войск...»

«Программа 7,8 млрд. марок» предусматривала строительство жилья для располагавшейся в приграничных округах ЗГВ. Соединения Западной группы войск выходили на Украину и в Белоруссию — в Прикарпатский, Киевский, Одесский, Белорусский округа. Следует заметить, что строительство, действительно, шло весьма активно, особенно в Белоруссии, где за два

года — 1991—1992 — были введены в строй 4 городка. На Украине — 2 военных городка, в Кривом Роге и Староконстантинове. В Белоруссии были сданы в эксплуатацию почти 6 тыс. квартир для военнослужащих ЗГВ, а на Украине — 5 170 квартир.

Однако, как показало ближайшее время, и этими квартирами им не суждено было долго пользоваться. Вряд ли Горбачев и его сподвижники по вопросу вывода из Германии советских войск и их благоустройства на Родине просчитывали всевозможные варианты последствий этой затеи. Не поверю, чтобы руководитель государства не знал, что это государство на грани развала. Если абстрагироваться от масштабных выводов и взять пример ЗГВ, то можно представить себе, что волновало руководство страны в первую очередь. Не судьба зависящих от их решений людей, это уж точно.

Но дело сделано, военнослужащие из самой элитной в Советской Армии группы войск вселились в новые квартиры и встали на оборону новых рубежей.

«Когда закладывалось жилье, — пишет М. Болтунов, — еще никто не подозревал, что с развалом Советского Союза все эти тысячи квартир окажутся за рубежом, за границей, и в городках разместятся дивизии суверенной Беларуси и «самостийной» Украины.

А Россия? Россия осталась без новейших образцов танков, боевых машин пехоты, бронетранспортеров, ведущих полков дальней авиации. Они также оказались в приграничных округах и стали теперь собственностью новых государств — бывших республик Советского Союза. Произошло то же, что и с квартирами.

Взяв под свою юрисдикцию Западную группу войск, Россия унаследовала все проблемы вывода, в том числе, и острейшую из них — жилищную.

Кое-что удалось построить и в Российской Федерации — городки Владикавказ и Шайковка. Не знаю, можно ли считать военный городок, возведенный во Владикавказе, российским, но в Шайковке — наверняка. А это всего лишь тысяча квартир...

На десятки тысяч выводимых войск — тысяча квартир (!?).

Таким образом, построив более 7 тыс. квартир, Западная группа осталась практически без жилья».

Следует ли удивляться сейчас моральному разложению армии? Ее предали, причем, дважды, а затем загнали в узкие рамки вынужденной необходимости в связи с тяжелым положением в России вообще.

В апреле 1993 г., когда до окончательного вывода оставался год и восемь месяцев, наши войска освободили и передали немецкой стороне более 470 городков. Немцы никак не могли понять, почему русские военнослужащие так «цепляются» за свои далеко не комфортабельные (по сравнению с теми же немецкими) квартиры. Они-то были уверены в том, что, какие бы катаклизмы ни произошли у них в стране, армия останется на привилегированном положении. На том простом основании, что это — армия, шутить с такой серьезной структурой общества не имеет смысла, и не только потому, что она обладает оружием, но и потому, что она — защитница родины.

Кто действительно проявлял заботу о своем, национальном, так это Германия. Поставив перед собой задачу скорейшего вывода иноземных войск — сокращение срока вывода не четыре месяца — она выделяла России дополнительно 550 млн. марок. Руководство ЗГВ выдвинуло предложение 300 млн. марок из этой суммы отдать на закупку готовых квартир. Но, как водится, практичное предложение поддержано не было,

и было решено вложить деньги в строительство новых военных городков.

Помните сказку о том, как лесные звери делили между собой — кто усы, кто хвост, кто шубу... Так вот, если такой дележ осуществлялся и между двуногими их собратьями, то ум явно отхватили не мы. Ведь куда проще было бы закупить готовые квартиры, и проблема на этом кое-как, но была бы решена. Но нет, было решено начать строительство. Кому это было нужно? Опять же, строительство — мероприятие долгое, сопряжено с такими абстрактными величинами, как стоимость стройматериалов, рабочей силы и т. п. Абстрактными — учитывая инфляцию, прогрессирующую в России. А помимо этого, строительный комплекс страны, хоть и нуждался в дополнительных средствах, но с таким объемом работы, как десятки тысяч квартир, явно не мог справиться. Вот и пришлось обращаться за помощью к зарубежным фирмам. Валюта стала переключиваться на счета этих фирм, а вместе с тем уплывали и рабочие места.

В конкурсе на право строительства жилья для самой крупнейшей группировки на планете ЗГВ (в прошлом) приняли участи немецкие, финские, турецкие, корейские, австрийские, шведские, индийские фирмы и компании.

«Фирмачи» предлагали свои условия, — пишет М. Болтунов, — дешевле, качественнее, быстрее.

Что касается первого условия, дешевизны, то тут выигрыш налицо... С двумя другими условиями — сложнее. Только вполне состоятельная фирма могла выполнить их. На лбу, как известно, у нее не написано, состоятельная она или, наоборот, находится в предбанкротном состоянии.

Начфин группы Георгий Сапронов, которому приходилось много работать с зарубежными фирмами, как-то заметил в разговоре со мной: «Надо знать не только законы права, но и экономические законы. Не верить на слово, не спешить заключать договор, а выяснить, солидная ли это фирма. Каким образом проверить? Заплатить деньги и получить исчерпывающую информацию. Так принято во всем мире...»

Да, так принято во всем мире, только не у нас.

И потому сегодня есть все основания сказать: люди, которые заключали договора на строительство городков от имени российской стороны, либо не знали, как проверить фирмы, либо преднамеренно не хотели этого делать.

Результат не замедлил сказаться. В начале 1994 г. стало известно — обанкротилась финская фирма «Хакка», и в предбанкротном состоянии находится турецкая фирма «Энка». А российская сторона, как известно, заключила с банкротами два крупных договора на строительство городков в Новосмолино (1075 квартир) и в Чайковском (1385 квартир).

Поэтому и вышло, что негласным девизом конкурса стала исключительно «совковая» сентенция — дешевле, дешевле и еще раз дешевле.

Что и говорить, мы никогда не умели экономить собственные деньги, но теперь решили выиграть на немецких миллиардах, однако забыв при этом старую, народную мудрость — скупой платит дважды.

Платить дважды нам, естественно, было нечем, и потому платили за просчеты чиновников офицерские семьи — своим благополучием, спокойствием, здоровьем».

Вот так и получается, что военнослужащих ЗГВ предали трижды. Сначала — на немецкой земле, по-

том — на земле союзных республик, а затем и у них же на Родине.

Потеряли ли веру и любовь к Отечеству российские военные? Вопрос сложный и интересный. Чтобы разобраться в нем, недостаточно одной книги. Пожалуй, с этой задачей не справятся и многотомные труды ученых. Не потому, что конкретных жизненных примеров мало. Наша жизнь сейчас богата на различные факты и явления.

Но мне кажется, что любовь к Родине — нечто неотъемлемое, без чего не может жить человек. Это величайшее благо, дарованное свыше. И не властью, а Богом. Сколько бы ни испытывала «на прочность» власть свой народ, он не утратит любовь к Родине. С верой будет посложнее. Разочарование — примета наших дней. Однако, и тут возникают сомнения: как же можно любить, не веря в то, что любишь? Слепая, фанатичная любовь не может быть подлинной. По крайней мере, для сознательного общества, привыкшего осмысливать свою действительность. А этого, на мой взгляд, сейчас у нас не отнять.

Парадоксальная вещь получается. Все наше общество, включая и армию, переживает ныне бурные события. Не переставая любить Родину, мы продолжаем ее разрывывать. В связи с этим хотелось бы перефразировать известное изречение писателя: «У кого воруют?» Ведь, действительно, воруют даже не у самих же себя — обрекаем наших детей на нищенское существование. Материальное достояние России, растасканное по квартирам и домам, не может сохраниться там в целостности и сохранности.

В сентябре 1997 г. «Комсомольская правда» впервые опубликовала список высших военных чиновников, на которых заведены уголовные дела. Этот список

был представлен Главной Военной прокуратурой. Меня поражает не столько количественный их показатель, сколько качественный. А именно то, что преступления подобного рода совершаются теми, кто по долгу службы и призванию обязан стоять на защите интересов общества.

Понимаю, что меня могут обвинить в демагогии (вернее, принимаю во внимание точку зрения искривленного общественного сознания): все воруют, начиная от представителей власти и заканчивая простыми тружениками. Чем военные-то хуже?

Но ведь у кого-то должно, наконец, проявиться благородство! Если власть, ослепленная своим величием, не может удержаться от соблазна, то кто, как не военные, — основные претенденты на благородство? Если же нет, то разве можно полагаться на то, что в тяжелый момент они отстают интересы нашей страны, а не поддадутся искушению и не продадут эти интересы за тридцать сребреников. Все начинается с малого...

Допускаю мысль о том, что и военных жестоко обманули, обидели. Но ведь они — не кисейные барышни. И опять же, благородство, доблесть — разве это не неотъемлемые понятия их специфической профессии? История знает множество примеров, когда власть отступала перед организованной силой. Во имя любви к Родине, осознавая свою исключительную миссию, военные шли на подобные вынужденные меры. Нет, я не призываю к насилию. Всякое проявление насилия для меня — зло. Я лишь хочу обратить внимание на очевидную вещь — исключительную ответственность военных перед соотечественниками. И пока наши защитники не осознают эту ответственность, мы будем относиться к ним с недоверием.

Правда, и здесь следует сделать поправку на уникальность нашего мышления. Сейчас с экранов телевизоров, со страниц газет и журналов сплошным потоком идет информация о том, что где-то украли то, что плохо лежало, где-то выгодно «толкнули» за границу то, что, возможно, лежало не плохо, но пришлось проявить некоторую изобретательность и ловкость. Представляю себе поведение обывателя, когда он слушает подобные занимательные истории. В лучшем случае, он выругается от души, сокрушительно покачает головой: вот, мол, опять не доглядели, опять воспользовались служебным положением в ущерб обществу. Ну, а в худшем? Да простят меня соотечественники, но худших гораздо больше. Так вот, в худшем — у обывателя возникнет широкая улыбка на лице и завистливый блеск в глазах: вот, мол, какой молодец, сумел-таки, не упустил своей возможности...

Вот в этом-то, как я считаю, и состоит наша основная трагедия.

Но вернемся к нашим «доблестным» защитникам.

В 1997 г. был осужден командир соединения генерал-майор В. В. Родионов — обвинен в мошенничестве, хищении, получении взятки и злоупотреблении. На мой взгляд, типичный набор преступлений, совершаемых власть имущими.

Уголовные дела других высокопоставленных чиновников, чьи имена фигурируют в списке, представленном Главной Военной прокуратурой, пока находятся в делопроизводстве. Само собой разумеется, что обвинять людей до вынесения приговора суда никто не имеет морального права. Но мы-то имеем право знать о тех, кому доверили свою судьбу.

Чаще всего генералы подвержены алчности по отношению к материальным показателям благополучия.

Строительство дач, покупка квартир, приобретение автомобилей за государственный счет, кажется, уже вошло в привычку. Ну, а такие явления, как взяточничество и злоупотребления, вообще, существовали еще со времен Царя Гороха, поэтому общественное мнение свыклось с ними, как с чем-то неотъемлемым для развития.

По злоупотреблениям рассматриваются дела:

— Начальника финансово-экономического управления ЗаБВО генерал-майора Кузнецова В. П. Следователей интересует, куда исчезло с окружных складов вверенного ему Забайкальского Военного округа вещевое имущество, за которое Кузнецов и местный коммерсант (все это, пока не закончено расследование, конечно, предположительно) выручили 200 млн. рублей и 56 тыс. долларов. Следователей интересует также и судьба кредитов, выданных главным финансистом округа и канувших в Лету, в связи с чем казна понесла убыток в 200 млн. рублей.

— Заместителя командующего войсками ЗаБВО по строительству и расквартированию генерал-майора Сизова А. А.

— Генерального директора международного аэропорта «Шереметьево» генерал-лейтенанта Акпорисова В. В. В связи с этим высокопоставленным военным чиновником следствие заинтересовано узнать о покупке двух служебных иномарок, справки-счета на которые были оформлены так умело, что казна не получила налогов на 70 млн. рублей.

— Офицера организационно-мобилизационного управления штаба ПриВО генерал-майора Никитина Ю. М.

— Бывшего и нового командиров в/ч № 30895 (Балтийский флот) Рудометкина А. А., Шкирятова О. Т.

— Генерал-лейтенанта авиации Кренделева А. Я.

— Бывшего заместителя командира в/ч п. п. 06697 (ЗГВ) по тылу — начальника тыла объединения генерал-майора Авдошина А. А.

— Военного комиссара Алтайского края генерал-майора Егорова В. В.

— Начальника финансово-экономического управления ПриВО генерал-майора Смирнова А. А.

— Бывшего начальника Главного управления торговли МО РФ генерал-майора Царькова В. И. Его случай представляет особый интерес. Он передал коммерческим структурам в качестве предоплаты за продукты для гарнизонов 370 млрд. рублей, фактически беспроцентно кредитовав их на срок от шести месяцев и больше. Продукты большей частью поставлены не были, а те, что были получены, продавались по завышенным ценам; 3 млрд. рублей канули в Лету.

— Бывшего главного инспектора МО РФ генерала армии Кобеца, который передал «Люпону» и недостроенную высотку в Чертанове, и военное имущество.

— Бывшего командующего группой российских войск в Закавказье генерал-полковника Реута Ф. Н., который подозревается в незаконных жилищных махинациях.

— Заместителя Главнокомандующего сухопутными войсками МО РФ генерал-полковника Терентьева А. В.

— Начальника службы РЭБ Северного флота контр-адмирала Мирко М. А.

— Командующего Северным флотом адмирала Ерофеева О. А.

— Бывшего начальника тыла войск ПВО генерал-лейтенанта Сивакова А. С. (следствие окончено, проводится ознакомление с материалами дела).

— Начальника Главного штаба ВМФ адмирала Хмельнова В. В. (дело направлено в суд).

По получению взятки рассматриваются дела:

— Бывшего и нового заместителей командующего войсками ЛенВО начальника тыла округа генерал-лейтенанта в отставке Абрамова А. К. и генерал-лейтенанта Харькова В. Я.

По незаконным сделкам с валютными ценностями «дело» начальника Финансово-экономического Управления валютными ценностями генерал-майора Карева Ю. А. уже расследовано и направлено в суд.

Расследуются дела высокопоставленных военных чиновников, уличенных в мошенничестве:

— Начальника регионального управления МЧС по Свердловской области генерал-майора Захарова А. П. («дело» уже направлено в суд).

— Начальника международно-правового департамента Федеральной пограничной службы РФ контр-адмирала Федосеева В. В. («дело» также направлено в суд).

В суд направлено «дело» командира соединения подводных лодок контр-адмирала Германова Н. Н., обвиняемого в хищении в особо крупных размерах и подлоге.

Конечно, это далеко не полный перечень лиц, которые по-своему понимают призвание «служить Родине». Но в здоровом обществе и десятой доли его достаточно было бы, чтобы бить в колокола. А, учитывая, сколько всего нового мы узнаем каждый день, наша инертность кажется мне преступной по отношению к себе, своему прошлому и будущему. Неужели опять надеяться на простой народ? Авось, он не утратит любви к Родине, авось, сохранит ее целостность и донесет ее потомкам? Только, как показывает история, это излюбленное рус-

ское «авось» никогда не спасало нас от глобальных потрясений в целом и менее масштабных по своей значимости трагедий в частности.

Любить Родину присуще всем. Но великая любовь неразлучна с глубоким умом, «широта ума равняется глубине сердца», — как точно заметил И. А. Гончаров. Только познавший эту истину, на мой взгляд, сумеет любить Родину действительно.

Каковы отличительные признаки истинно человеческого в человеке? Разум, воля и сердце. «Совершенный человек обладает силой мышления, силой воли и силой чувства. Сила мышления есть свет познания, сила воли — энергия характера, сила чувства — любовь», — сказал Л. Фейербах. С таким утверждением я не могу не согласиться.

ЗОЛОТО ПАРТИИ

Ищите и обрящите.

Из Евангелия от Матфея

*Для тела и имущественных благ
есть как начало, так и конец, и все,
что зарождается, гибнет, а что умножается,
оскудевает.*

Саллюстий

Куда подевались деньги партии?

Смешной вопрос, не правда ли? Почему смешной? Партии — той Коммунистической партии, которая уп-

равляла Советским Государством, — нет, а людей по-прежнему интересуется, куда она вложила свой капитал, прежде чем уйти в небытие.

Может быть, люди интересуются этим из праздного любопытства? Все может быть, тем более, что человеку, вообще, присуща эта черта характера. Она же, как известно, один из двигателей прогресса. Не было бы любопытства, неизвестно, как бы развивалось общество.

Но я не склонна упрощать все до примитивизма. Во-первых, уже потому, что наше общество развивается по своим особым, никому другому (в том числе, и нам самим) непонятым законам. Ну, а во-вторых, потому что в нашей памяти образ Коммунистической партии Советского Союза, имевшей монополию на все структуры власти, запечатлелся, как нечто незыблемое и стабильное.

Это, на мой взгляд, один из многочисленных парадоксов нашего общественного мышления. Партии, как таковой, больше нет, но мы продолжаем, хотя бы на подсознательном уровне, ощущать ее распыленное до мельчайших крупиц присутствие в нашей жизни.

Человеческое сознание всегда притягивало все таинственное и неразгаданное. Тема партийных денег как раз и является ярким примером таинственного и практически не поддающегося разгадыванию. Конечно, есть люди, которые с абсолютной точностью могли бы объяснить, куда девались деньги КПСС. Но они хранят молчание, так как их признание повлекло бы за собой множество неприятностей, если выразаться мягко.

Что остается тем, кто хочет разобраться в этой сложной и интересной проблеме? Сопоставлять имеющиеся факты, используя при этом весьма небогатый

материал, и подключать к работе фантазию. Известно, что порой фантазия находится недалеко от истины.

В своих размышлениях о судьбе партийных денег я не претендую на достоверность. Как мне кажется, все и всегда можно оспорить, было бы желание. Я предлагаю читателю пойти по пути моих рассуждений — по пути анализа — и сделать для себя свой, единственно правильный вывод.

Итак, во что КПСС могла вкладывать свои средства?

Чтобы разобраться в этом, необходимо выяснить, в чем заключался основной интерес КПСС? А это совсем несложно, поскольку любая партия является носителем определенной идеологии. Следуя по этой логике, можно сделать вывод, что основным интересом КПСС заключался в поддержании существовавшей в СССР коммунистической идеологии, расширении ее сфер влияния и упрочении позиций этого влияния. Иными словами, чтобы сохранить свою главенствующую роль в СССР, она обязана была расширенно воспроизводить себя — качественно и количественно.

Пока существовал СССР, и позиции КПСС оставались абсолютно стабильными, партию могло не особенно волновать положение с идеологией внутри государства. Как известно, до перестройки у нас не было иных партий, кроме КПСС. В такой ситуации куда могли идти ее деньги, учитывая, что процесс воспроизводства носит непрерывающийся характер?

Открываем «Советский энциклопедический словарь» и читаем:

«Монгольская Народная Республика... В 1918—21 Япония пыталась подчинить Внешнюю Монголию, используя для этого китайских милитаристов и русских белогвардейцев (...). Под руководством Д. Сухэ-Батора

была создана в 1921 Монг. нар.-рев. партия (МНРП), которая возглавила Монгольскую народную революцию 1921. Части Кр. Армии по просьбе монг. Врем. нар. правительства вступили в пределы Внеш. М. и совместно с монгольскими рев. войсками разгромили интервентов. 11 июля 1921 в освобожденной Урге (ныне Улан-Батор) провозглашена власть нар. правительства, в ноябре 1924 — нар. республика. После победы нар. рев-ции ген. линией МНРП стал курс на обеспечение постепенного перехода от феодализма к социализму (некапиталистич. путь). В мае 1939 Япония начала воен. действия против МНР. В районе р. Халхин-Гол Красная Армия, пришедшая на помощь монгольскому народу, и Монг. нар.-рев. армия разгромили япон. войска... Дипломатич. отношения с сов. гос-вом с 1921. МНР — член СЭВ с 1962.

МНР — аграрно-индустр. гос-во. Развитие экономики осуществлялось при содействии СССР, стран Вост. Европы и др. стран... Основные внешнеторговые партнеры: СССР и др. страны — члены СЭВ...»

Чего стоило становление МНР на «некапиталистический путь развития» для Советского Союза, описано во многих советских учебниках по истории. По существу, практически весь аграрно-индустриальный комплекс данного государства развивался при непосредственном содействии СССР.

Другой пример. В том же энциклопедическом словаре читаем:

«Корейская Народно-Демократическая Республика... В сентябре 1948 провозглашено создание КНДР, сформировано правительство во главе с руководителем ЦК Трудовой партии Ким Ир Сенем... Во время войны в Корее (1950—53) трудящиеся КНДР отстаивали свободу и независимость родины в борьбе с южно-ко-

рейской и американской военщиной. Дипломатические отн. с СССР с 1948...»

Мало кто может возразить, что Коммунистическая партия насаждала свою идеологию и по образу своему и подобию разделяла многие государства на два враждебных друг другу лагеря. Так случилось в Корее, нечто подобное мы видим в ГДР и ФРГ.

Далее читаем:

«Алжир, Алжирская Народная Демократическая Республика... В результате захвата Францией г. Алжир (1830) А. стал ее колонией (официально в 1834). В результате нац.-осв. войны 1954—62, возглавлявшейся Фронтом нац. освобождения... Алжир в июле 1962 добился независимости. Дипломатические отношения с СССР с 1962...»

Таких примеров множество. Умеющий читать прочтет в скупых официальных строках много любопытного. Несомненно одно: на то, чтобы «внедрить» коммунистическую идею в эти и другие страны, ставшие впоследствии на путь социалистического развития, требовались немалые средства. Ну, а доказательством того, кто давал эти средства, служит тот факт, что после распада СССР многие страны социалистического лагеря стали отрекаться от так полюбившейся им коммунистической идеологии. И что более доказательно — их экономическое и материальное положение значительно ухудшилось с падением главного координатора социализма — КПСС.

Теперь обратимся к статистике. Наша армия, исполняя свой интернациональный долг, участвовала в локальных войнах, которые велись Советским Союзом в 16 странах Европы, Азии и Африки. В этих войнах, в борьбе за чужую землю, погибали наши соотечественники. Кроме того, на подобного рода стратеги-

ческие операции уходили значительные суммы денег. Война, как известно, дорогое удовольствие. Но приоритет в идеологии — удовольствие еще большее. За это можно и заплатить. Вся трудность заключается в том, что никто не сможет с уверенностью назвать конкретную сумму денежных и иных средств, которые ушли из партийной казны и были потрачены на расширение социалистического лагеря в мире.

«Деньги — нерв войны», — утверждал Цицерон. Это абсолютно верно как с одной, так и с другой позиций. Войны совершаются как с желанием приобретения власти и денег, так и с желанием отстоять власть и деньги. В конце «холодной войны» на планете бушевало 37 военных конфликтов. Теперь эта цифра упала до 25, что, хотя и мало утешает, но само по себе о многом говорит.

Но вот мы подошли в своих рассуждениях к очень важному моменту. Перемены, которые охватили все мировое сообщество с началом перестройки в СССР, носят масштабный характер. Помимо того, что я упоминала уже в предыдущих главах, перестройка, несомненно, затронула и саму КПСС. Именно этот момент является судьбоносным для нее.

Пал «железный занавес», а вместе с ним в страну хлынул поток инакомыслия. Конечно, меня могут обвинить в неточности, ведь инакомыслие в СССР существовало и раньше, и тому есть множество конкретных подтверждений. Но никогда прежде людям не разрешалось так широко высказывать свою точку зрения. Для КПСС это явилось великой трагедией. В условиях гласности ее позиции внутри страны пошатнулись. Зазвучала настойчивая мысль о том, что в демократическом обществе не может и не должна быть одна партия. Теперь внимание КПСС должно было полностью пере-

ключиться на то, как обстоит дело с коммунистической идеологией в СССР.

Само собой разумеется, что так просто «сдать свои позиции» КПСС не собиралась. Лишиться монополии на идеологию означало предать тех, чьими стараниями воздвигалось это монументальное архитектурное сооружение. Но и предотвратить надвигающуюся катастрофу уже не представлялось возможным. В поисках выхода из сложившегося положения КПСС приходит к необходимости выработать стратегию и тактику для дальнейшего воспроизводства коммунистической идеологии, без чего ее существование становится абсурдным. Коммунисты, верные последователи учений Ленина, берут на вооружение лозунг: «Конспирация, конспирация и еще раз конспирация!» Партия вновь попадает в плотное кольцо окружающих ее со всех сторон внутренних и внешних противников.

В декабре 1985 г. один из идеологов перестройки Александр Яковлев подал на имя Горбачева секретную записку под названием: «Императив исторического развития». В ней он вносил предложение «такого переходного характера»: на базе КПСС создать две партии, которые на выборах боролись бы между собой не за власть, а за правительство. Какая бы из партий не побеждала, она формировала бы свое правительство. А из этого следует, что КПСС при любом раскладе сил сохранила бы свое главенствующее положение в идеологии и не утратила бы тех позиций, которые имела до перестройки. Но, как утверждает сам Яковлев, Горбачев отклонил его предложение, сославшись на то, что подходящий момент для подобного хода еще не наступил. Что хотел сказать этим Генеральный секретарь ЦК КПСС, неизвестно, но подходящий момент явно был упущен.

Партии, альтернативные КПСС, вскоре все же начали появляться в стране. Первой такой ласточкой, залетевшей в СССР вместе с перестройкой, была ЛДПР, которую возглавил В. В. Жириновский.

Имя этого партийного лидера широко и повсеместно известно, его «политической долговечности» можно позавидовать. С самого начала своей деятельности он предстал перед соотечественниками в образе эксцентрика-отрицалы, которому по любому из вопросов присуще свое, особое мнение, а также своеобразный способ выражения мнения. Как тогда, так и сейчас, мы относимся к Жириновскому по-разному. Одни воспринимают его очень серьезно, как и то, что он вещает от имени своих единомышленников и соратников по партии. Другие — с некоторой долей скептицизма. Третьи склонны видеть в нем некоего комедианта, хорошо играющего свою роль.

Какой же он, Владимир Вольфович Жириновский, и в чем заключается его исключительная миссия?

С одной стороны это ультраправый националист, милитарист, ниспровергатель режима, герой скандальной хроники, гроза либеральной интеллигенции. С другой — надежный союзник властей, либерал-демократ.

Что постоянно в этом политике? Он всегда ориентируется в ситуации, будто заранее уверен, чем она должна закончиться.

Вспомним, к примеру, ситуацию, которая сложилась после первого тура президентских выборов летом 1996 г. Вся страна, разделенная на два противоборствующих лагеря — демократический и коммунистический — с затаенным дыханием ждала, какое решение примет Жириновский, и кому в результате — Ельцину или Зюганову — зачтутся голоса избирателей лидера

ЛДПР. Такое решение, наконец, было принято. Но, думаю, до последней минуты, ни один из политиков-претендентов на пост Президента России не мог полностью положиться на своего эксцентричного коллегу. Во всяком случае, у народа сложилось именно такое мнение.

Но почему Жириновского так трудно понять? Почему правила его «игры» всегда остаются за кадром? Не потому ли, что он — вообще личность неординарная?

В день, когда состоялось учредительное собрание ЛДПР, ее лидер заявил корреспонденту программы «Время»: в партию может вступить всякий желающий и для этого не нужны специальные рекомендации. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: неужели Жириновского не волновала такая проблема, как «чистота» партийных рядов, и неужели он не опасался, что в партию может проникнуть «случайный» или, чего хуже, «не свой» человек, который разложит ее изнутри? Но оставим пока этот и другие вопросы без ответа. Тем более, что любой из вариантов ответа будет носить характер предположений.

Ни для кого не секрет, что В. В. Жириновский — весьма состоятельный человек. Впрочем, он не скрывает этого и сам. Однако, в конце 1995 г. московская пресса подняла шум по поводу «красивой жизни» лидера фракции ЛДПР. Жириновского тогда уличили в чрезмерной нескромности, якобы он позволил себе купить несколько квартир в «совминовском» доме у метро «Новослободская».

Соревнуясь в красноречии, газеты писали о том, что Жириновский приобрел столь дорогостоящую в столице недвижимость, проявив тем самым необыкновенную любовь и заботу по отношению к близким. В этом, конечно, ничего предосудительного нет. Наобо-

рот, подобные проявления чувств нужно только приветствовать.

Однако, утверждения прессы несколько не соответствовали действительности. Любовь к близким была проявлена раньше, весной того же года, когда Жириновский передал сестре Любове и ее сыну Павлу две двухкомнатные и две трехкомнатные квартиры в микрорайоне Митино. В этом, следует заметить, тоже нет ничего крамольного, учитывая, что иногородние родственники крайне нуждались в столичном жилье.

Но существуют обстоятельства, не учесть которые просто невозможно. Владимир Вольфович приобрел все эти четыре квартиры, расположенные на одном этаже по Пятницкому шоссе в доме № 31 для себя, выгодно купив их у московского правительства еще в октябре 1992 г. В то время он еще не был депутатом Госдумы, а дела его партии шли крайне плохо. Оформляя квартиры на себя, Жириновский опасался, что ЛДПР могут запретить, как была запрещена КПСС, а помещения экспроприировать. И только когда очевидная опасность экспроприации отпала, он переоформил недвижимость на сестру и племянника — как своего рода партийное общежитие для членов ЛДПР.

Что скрывается за таким вполне безобидным намерением? Задавшись подобным вопросом, московский корреспондент «Общей газеты» Л. Сигал размышляет:

«Семейно-партийные отношения либерал-демократов — материя малоинтересная. Чего не скажешь о сделке вождя ЛДПР со столичным департаментом муниципального жилья... — она как раз весьма интригует.

Во-первых, жилплощадь досталась Жириновскому по дешевке. По тогдашнему курсу двухкомнатные квартиры обошлись Владимиру Вольфовичу примерно

в 8 тыс. долларов каждая, а трехкомнатные — чуть больше 11 тыс. По оценкам же столичных риэлтеров, рыночная цена подобных двухкомнатных квартир составляла в то время от 18 до 22 тыс. долларов, а трехкомнатных — от 30 до 33 тыс.

В договорах купли-продажи привилегированная сделка мотивирована распоряжением мэра Москвы. Обозревателю «ОГ» удалось раздобыть и это распоряжение, однако, в нем содержится предписание об аукционной продаже жилья совсем в другом микрорайоне и в другие сроки. То есть на основании этого распоряжения приобрести квартиры по Пятницкому шоссе Жириновский не мог. И без распоряжения тоже не мог. Ведь не станут же городские чиновники ни с того ни с сего раздаривать налево-направо целые этажи? И главное — кому!.. Представляете: живет в Москве вождь радикальной оппозиции, грозит смести режим, о верховном начальстве выражается самым обидным образом, либералы называют его не иначе, как «фашистом», а, между тем, ненавидимая им власть трогательно печется об устройстве его быта...

Трудно поверить, что у московского руководства была какая-либо заинтересованность в лидере ЛДПР (по характеру амбиций этот политик не городского масштаба) или что мэр Лужков мог быть тайным симпатизантом либералиссимуса. Тем более, что как раз осенью 1992 года Моссовет в связи с отставкой Гавриила Попова назначил было выборы главы городской администрации, и Жириновский успел заявить о себе как о кандидате на пост мэра, то есть сопернике Лужкова.

Конечно же, чиновники мэрии могли порадеть о Владимире Вольфовиче без ведома мэрии, руководствуясь собственными коммерческими интересами.

Но и при этом допущении в деле остается одно очень темное место. Бумаги касательно покупки квартир в Митино сразу же попали в одно компетентное ведомство и более четырех лет пролежали там без движения... И притом, что Жириновский за это время успел вырасти в угрозу международного масштаба».

Что желали скрыть компетентные органы, припрятав документы на покупку недвижимости лидером ЛДПР? Нет ничего более притягательного и интригующего, чем всякого рода тайны. Попробуем абстрагироваться от того, что КГБ — любитель создавать тайны даже на пустом месте. А также от того, что в архивах России наверняка завалилось что-либо другое, нежели «квартирный компромат» на Жириновского. Обратимся к фактам.

«По словам одного бывшего работника ЦК КПСС, — пишет корреспондент «ОГ», — в 1989 г. группа экспертов, главным образом, из КГБ, проанализировала события в Восточной Европе и пришла к выводу, что из советского общества необходимо выпустить накопившийся пар, создав для этого видимость многопартийной системы. План поддержал председатель КГБ СССР Владимир Крючков, а в начале 1990 г. Политбюро ЦК КПСС даже приняло на этот счет специальное решение.

Сконструированный таким образом «Центристский блок партий и движений» был еще уродливей позднейшего «лево-центристского блока Ивана Рыбкина». В первых «центристских», наряду с Жириновским, числились, главным образом, комические персонажи — лидеры карликовых объединений с причудливыми названиями: Информационно-народная пария, Партия мира, Партия человека, движение «синих» и т. п. Во главе всего дела стоял некий Владимир Во-

ронин, впоследствии занявшийся защитой обманутых вкладчиков «Тибета».

Собирались «центристы» когда на улице Горького, в Мосгорсправке (ее директор тов. Юзвишин создал у себя на службе Информационно-народную партию), а когда и в ЦК КПСС, где работал лидер движения «синих» Юрий Бокань, но самые душевные беседы велись на цековской даче в Петрово-Дальнем. Их кураторы брали на себя хлопоты, связанные с пропагандой деятельности новых партий. Например, тогдашний главный редактор «Огонька» Виталий Коротич вспоминает, что на него «давил» ответработник ЦК Владимир Севрук, требуя положительной статьи о партии Жириновского».

Конечно, подобные утверждения о связи новоявленных лидеров партий и общественных движений, появившихся с перестройкой у нас в стране, с ЦК КПСС можно оспорить. Но при условии, если не принимать во внимание убедительные факты их деятельности. Помимо того, что в глаза сразу бросается «дилетантство» (кстати, лат. *dilekto* означает: «улаждаю, забавляю») лидеров партий и движений, их ненастойчивость в решении того или иного вопроса. Одним словом, во всем чувствуется железная рука направляющей и координирующей партии — КПСС. Вы можете возразить: откуда было взяться самостоятельности и профессионализму, когда дело это было совсем новое, необычайное для нашего общества.

Позволю себе не согласиться. Во-первых, потому, что человек, ставящий перед собой действительную цель, решительно отстаивает свои убеждения и, учась на ошибках, пробивает им дорогу. Ну, а во-вторых, демократическое движение сейчас столь мощно, что оно спешно противоборствует с коммунистической идеоло-

гией, так полюбившейся нашему обществу. Тут, конечно, тоже могут возникнуть всякого рода сомнения, но я не хотела бы сейчас на них останавливаться. Очевидно одно: демократическое мышление — новое, отличное от коммунистического — не могло появиться на голом месте и за какое-то там десятилетие достичь такого бесспорного результата.

Но вернемся к тому, куда еще могла вложить свой капитал КПСС.

Вот тут я как раз хотела бы возразить приверженцам другой крайней идеи, которые склонны рассуждать о том, что такая серьезная и многоопытная структура могла «распылить» свои средства или бездумно вложить их в какое-либо авантюрное предприятие. Может быть, поэтому наше любопытство не знает границ, когда речь идет о деньгах партии? Люди чувствуют, что хотя и в призрачном состоянии, но КПСС и сегодня обладает достаточной силой и возможностями.

Приоткрыть завесу таинственности помогает заявление премьер-министра республики Казахстан Акежана Кажегельдина. Его мнение по этому поводу представляется мне весьма важным, поскольку он являлся одним из непосредственных участников события недавнего прошлого и (по его же словам) исполнителем воли партии.

Осенью 1997 г. А. Кажегельдин сделал сенсационное заявление: «Я знаю, где КГБ спрятал деньги партии». Попробуем отбросить сопутствующий подобным откровениям субъективный характер и постараемся вникнуть в ситуацию.

А. Кажегельдин не отрекается от того, что работал на КГБ и уверен, что «не совершил каких-либо ошибок, которые можно осудить». Но в чем конкретно заключалось его сотрудничество с КГБ? Премьер-ми-

нистр Казахстана сообщает, что долгое время работал под «крышей» КГБ СССР, выполняя его специфические задания. Из его заявления следует, что делом создания «раннего капитализма» занимались секретные коммерческие структуры, которые «крутили» партийные и государственные деньги.

В целях той же конспирации, как сам А. Кажегельдин, так и его соратники, были коммунистами, но тщательно скрывали свою партийную принадлежность. Это делалось, прежде всего, для того, чтобы в случае каких-либо неприятностей не запятнать чести коммуниста.

Дальновидная позиция, не правда ли? Кому, как не коммунистам, не понимать, что рынок и коммунистическая идеология — понятия несовместимые, а потому всякие «неприятности» обязательно дадут о себе знать. Вот поэтому конспираторы-коммерсанты состояли на партучете в нескольких тайных ячейках под номерами.

Премьер-министр Казахстана вспоминает:

«В коммерцию меня втянули, потому что это было нужно государству. Это потом я почувствовал ее безграничные возможности. Сначала было боязно. Представляете: 1988 г., партия шельмует кооперацию, а мы создаем серьезные структуры и в фантастически короткие сроки. У меня до сих пор хранится... чековая книжка крупнейшего банка мира на мое имя».

Не поверить свидетельству очевидца, на мой взгляд, невозможно. Это все равно, что отрицать, что земля — круглая. А он рассказывает о таких фантастических вещах, которые не укладываются в привычную схему деятельности КГБ.

К примеру, сам Кажегельдин имел непосредственное отношение к на шумевшим в те годы операциям; прежде всего, он принимал участие в продаже совет-

ских танков и другой военной техники за рубеж. Он утверждает, что для проведения этой сделки КГБ и партией была создана структура, в которую вошли бывшие сотрудники госбезопасности и офицеры действующего резерва. Руководил этой коммерческой операцией И. Силаев. Кажегельдину же был поручен ответственный участок работы — он должен был обеспечить успешную отправку техники в порту.

Другая подобная акция, в которой он принимал участие, — конвертация советских денег, попытка с уступкой продать долги, а затем снова купить их за валюту. Но эта операция, по словам очевидца, не состоялась из-за интриг, возникших внутри КГБ и КПСС.

Однако, были, конечно, и более успешные операции, проводимые КГБ и партией. КПСС, к примеру, зарабатывала средства на том, что депонировала деньги, покупая золото по одной цене, а продавая по другой. Помимо этого, СССР всегда размещал за границей облигации, действуя через свою систему потребсоюзов. Кажегельдину был поручен в этом мероприятии участок работы на Балканах и в ряде мусульманских стран Юго-Востока.

По словам премьер-министра Казахстана, в его распоряжении находились немалые суммы денег, но он всегда их возвращал партии. Правда, к 1991 г. все расчеты затруднялись из-за распада СССР. В связи с этим дела торопливо завершались, и коммерческие агенты КГБ возвращались в Москву.

Возникает вопрос: до какой степени компетентные органы могли полагаться на честность и сознательность своих коммерческих агентов и не опасаться, что такие авантюрные мероприятия каким-то образом всплывут наружу?

Своим мнением по этому поводу делится А. Кажегельдин:

«Просто мы так раскрутили дело... Но если бы я показал вам эту книжку (имеется в виду чековая книжка зарубежного банка на его имя — В. К.) в 1989 г., когда ею пользовался, и вы позвонили бы на Лубянку, то ваш покорный слуга сел бы...

Чековые книжки мы получали сами, но прикрытие было обещано. Чиновничья трусость все провалила. Рисковали мы? Да, и очень здорово. Лично я выпутывался кое из каких ситуаций весьма драматично. Но не жалею: остались знания и опыт. А, вообще, мой совет: если будете иметь дело с госбезопасностью, сохраняйте все документы. Пригодятся, а то и спасут.

Я учился в КГБ тогда, когда партия справедливо развенчивала прежние действия госбезопасности в отношении репрессированных. Мне тоже вручали адреса, и я должен был ходить и извиняться перед родственниками от имени государства. До сих пор помню всех...»

Сейчас мы имеем возможность увидеть в подобных откровениях нечто поддельное. Но, какими бы противоречивыми не казались мои личные убеждения, — нельзя перечеркивать жизнь конкретного человека с позиций нового, пусть даже более правильного, мировоззрения. Я не склонна обвинять человека, о чем уже неоднократно упоминала, а склонна видеть негативные проявления фальшивой Системы, которая раздваивала сознание общества.

Однако, чему научился коммерческий агент КГБ А. Кажегельдин у этой структуры, на мой взгляд, он высказался совершенно точно. «Знания и опыт», приобретенные в те годы, помогли выжить в трудной ситуации, когда Советский Союз развалился и пришлось

по-новому налаживать свою жизнь на родине. Кстати, Кажегельдин — единственный в Казахстане человек, которому вручена награда Международной Академии управления. Но азы предпринимательства, чего он сам не скрывает, казахстанский премьер-министр постигал вместе со своими наставниками.

Вот как он вспоминает о том времени:

«...сейчас у нас много героев, мемуары пишут о своих подвигах. А тогда на всю страну говоривших во весь голос было немного: А. Д. Сахаров и его сторонники да нынешний Президент России Борис Ельцин. Остальные шли служить, куда направляла партия.

Кому-то нужно было проникать в капиталистическую экономику. Представляете ситуацию: официально весь курс учат тому, какое это зло — западное общество, а параллельно и в тайне от других несколькими из нас объясняют, в чем преимущества капитализма. Специально для нас переводили на русский уставы всех международных финансовых институтов. И мы стали создавать структуры, которые должны были коммерциализировать партию».

Нелегкое дело — учиться коммерции. Тем более, в противоречивых условиях социализма. Приходилось заново налаживать связи, причем, делать это так осторожно, чтобы ни один из соотечественников не догадался о тайном сотрудничестве такого мощного государства, как СССР, с мелкими зарубежными фирмами. Само по себе это навело бы на мысль о не совсем чистых методах деятельности. Впрочем, зачастую таковой она и являлась в действительности. По словам самого Кажегельдина, чтобы заработать деньги, продавали все: «вагоны удобрений, лом, которым заполнили весь зарубежный рынок, титановый прокат, алюминий — все, что можно было продать... В конце восьмидесятых

словно прорвало, будто конец света приближался — загоняли все, причем, через множество мелких и закрытых структур».

Таким образом, премьер-министр Казахстана утверждает, что деньги партии перекочевали за рубеж, благодаря общим стараниям самой партии, КГБ и агентов-коммерсантов. Сколько партия успела вывезти? Трудный вопрос. Очевидны разногласия как внутри самой партии, так и между КПСС и КГБ.

По этому поводу А. Кажегельдин размышляет так:

«Эксперты называли суммы в сотни миллиардов долларов, однако, таких средств у страны просто не было. Меньше — возможно. Но поверьте: я не знаю, где находятся деньги партии, иначе бы я их точно использовал для своей страны!

И, вообще, давайте уточним: все это делала не партия, а государство. Партия в те времена была такая импотентная и бездарная, что она и реформы провалила, и союзный договор. И сама потеряла власть, и огромное государство рассеяла по земле. Она просто не способна была сделать что-то, что осталось бы в истории — даже украсть золото...»

И, вместе с тем, он же уверен, что демократам партийных денег не найти, так как партия действовала, отнюдь, не примитивными методами, а хорошо координировала свою деятельность.

Впрочем, подобные противоречивые высказывания оправдываются ностальгией по утраченным возможностям. Вопрос о золоте КПСС вызывает у премьер-министра Казахстана некоторое раздражение. Здесь, по его словам, партия дала маху. Дело в том, что все золото СССР принадлежало ей. Уверенная в своих непоколебимых позициях, КПСС не предусмотрела трагедии и не приберегла для себя золотишко «на черный день».

А нужно было отдельно прятать его от себя же самой. Когда настал критически момент, было уже не до того, чтобы спасти золото, — нужно было спасти себя.

«Самая бездарная задумка партии, — считает А. Кажегельдин, — августовский путч. Отдельные же личности при той системе не унесли бы (золото — В. К.) дальше своего подвала: перекачать золото за кордон было невозможно».

Что ж, если верить очевидцу событий, то золото партии осталось на родине, что само по себе неплохо.

Однако, в его рассуждениях присутствует, на мой взгляд, одно любопытное замечание. Золото партии — не капитал самой партии, оно принадлежало всему Советскому Союзу, а, значит, — всем нам, наследникам Советского Союза.

Отсюда напрашивается другой, не менее важный вывод: интересоваться этой темой мы имеем права не только из праздного любопытства.

Ведь могут прозвучать реплики: «Какая разница, куда КПСС дела свои деньги и золото? Она владеет этими средствами и распоряжается ими по собственному усмотрению».

С подобными утверждениями я не могу согласиться. Воздвигнув однопартийную идеологическую систему на территории нашей страны и проникнув во все сферы жизнедеятельности нашего общества, партия долгое время распоряжалась нашими средствами. Получается, что собственными усилиями она сама же и загнала себя в угол. И это проявилось, когда пришлось расставить все точки над «i». Если принимать во внимание такой ход мыслей, то нельзя считать капитал КПСС достоянием одной лишь КПСС. Она должна нести ответственность за то, что сейчас происходит в нашем обществе.

ВЛАСТЬ РОЖДАЕТ ДЕНЬГИ

*Кто меньше хочет, в меньшем
и нуждается.*

Публилий Сир

Все-таки, в какой чудной и интересной стране мы живем! Своеобразной, непонятной, алогичной, но своей...

Казалось бы: восторжествовала историческая справедливость, — Советский Союз, как пережиток прошлого, ушел в небытие, в Россию, наконец, вернулась демократия.

Само понятие «демократия» предполагает выбор народа. И наш народ, — самый мудрый, самый стойкий, самый закаленный в различных невзгодах, — сделал, слава Богу, свой выбор.

Какому еще народу в мире выпало на долю столько потрясений, какой другой пережил столько революций и какому другому удалось при этом не растерять своей самобытности? Нет, что ни говори, а россияне — нация уникальная во всех отношениях.

Весь окружающий нас мир, вставший однажды на демократический путь развития, продвигается по нему вперед. Мы же живем так, будто застряли во времени, топчемся на месте, движимые лишь единственным желанием: кое-как пережить сегодняшний день, а после нас — хоть трава не расти.

Чаадаев писал в XIX веке:

«...Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя... Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды сами себе. Мы так

странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно».

Но такой взгляд на вещи слишком пессимистичный и безысходный. Другой наш соотечественник, поэт Ф. Тютчев, проанализировав историю, пришел к подобному выводу и, не остановившись на этом, дал уникальный совет: «в Россию можно только верить».

Действительно, кто станет отрицать, что вера для русского человека — это то, что движет его по жизни. И как бы ни старались там, за рубежом, подчиняясь железной логике мышления, загнать нас в узкие рамки своего мировосприятия, им никогда не понять, что вера в России умирает последней.

По сути дела, мы — неисправимые оптимисты. Настойчиво отвергая здравый смысл, приносящий другим народам материальное благополучие, мы с не меньшим упорством взираем на всякие житейские трудности по-философски спокойно и все верим, верим в идеи всеобщего равенства, добра и справедливости.

Что ж, в этом, безусловно, имеются свои плюсы. Случалось, и вдохновенные мечтатели достигали своей цели. А воз, между тем, и ныне там...

Некоторые мыслители считают, что в этой нашей специфической национальной черте и заключается наше спасение. Некоторые склонны обвинять во всех несчастях плохую власть, которая не идет в своей заботе далее личного интереса. Не знаю даже, с кем из них согласиться. Однако, как мне кажется, наша власть точно такая же, как и наше общество. Перефразируя известное крылатое изречение, замечу: «Ничто общественное ей не чуждо».

И при этом надо признать, что живем мы все же не так, как хотелось бы. Почему? Вопрос сложный

и практически неразрешимый. Но есть и другие, не менее сложные. К примеру: как что-либо изменить, чтобы исправить положение в лучшую сторону? Тогда с кого нужно начинать это исправление? Или: как сделать так, чтобы наши желания не расходились с нашими возможностями? Или: как выйти из тупикового состояния и, наконец, обустроить себя?

Воображение подсказывает различные способы разрешения этих и других вопросов.

Вариант № 1: взять, да заставить богатых поделиться своим несправедливо нажитым состоянием с бедными.

Вариант № 2: дать возможность бедным сколотить свое состояние тем же способом, каким его сколотили богатые.

Вариант № 3: обратиться за помощью к развитым странам, которые скуки ради согласятся нам помогать.

Вариант № 4: взять, да попробовать пойти тем же путем, каким пошли развитые страны.

Вариант № 4.1: найти человека, который знает туда дорогу.

Само собой разумеется, что никто не воспримет эти советы всерьез. Но как тогда быть, кто даст более подходящие? Может быть, положиться на мудрых политиков? Но разве здесь кто-либо в силах что-нибудь изменить?

Раз уж разговор зашел о власть имущих, то тут я далее обобщенных размышлений на тему пойти не могу. Чтобы понять первостепенные задачи власти, нужно обратиться к мнению авторитетного человека, испытывавшего на себе все ее прелести.

О том периоде в нашей истории, когда демократическое мышление только пробивало себе дорогу, а также о том моменте, когда демократы, сменив партokra-

тов и бюрократов, вкусили запретный плод, вспоминает ныне не популярный в России политик Сергей Станкевич:

«В тот период у меня было отчетливое чувство, что через нас действует история. Поэтому был, конечно, и несущий нас поток, но главным руководящим началом было все-таки сознательное стремление содействовать демократическому преобразованию Союза. Никаких ожиданий того, что Союз распадется столь быстро и необратимо, не было. Был настрой на длительную борьбу, на какие-то репрессии и тяготы с этим связанные. Вряд ли кто-то из демократов тогда предполагал, что власть свалится на плечи так быстро».

Но вот, как утверждает Станкевич, чудо свершилось, и демократам пришлось воочию убедиться в возникших перед ними столь же неожиданно, как и сама власть, непреодолимых трудностях.

«Ясно было одно, что предстоят очень серьезные реформы, — рассуждает он далее, — связанные с издержками и жертвами, затрагивающие жизнь практически каждого человека. И сразу встал вопрос о цене реформ. Собственно, по этой линии и раскололась единая прежде коалиция демократов-реформаторов. Радикальные либералы, воплощением которых стал Гайдар, выступили за быстрый тотальный прыжок в реформы на том основании, что времени у нас критически мало — кто знает, удержимся ли. И нужно пройти как можно дальше по пути создания условий для конкурентной экономики с тем, чтоб процесс стал необратимым. Поэтому только вперед. В этом была своя логика, и ее можно понять, но я придерживался как раз другой идеи. Мне казалось, что вопрос о цене реформ именно в нашей стране должен быть приори-

тетным, что мы не можем с легким сердцем и безапелляционно приносить в жертву многих людей, причем, иногда даже в буквальном смысле, а не только в контексте сломанных судеб. И вот эта дискуссия расколола некогда единый реформаторский лагерь. А потом добавлялись новые и новые расколы, но уже не столь идейные по окрасу.

Дальше, как и в каждой свершившейся революции, начинается любопытный процесс перерождения победителей. Есть известная формулировка Мао применительно к китайской истории: винтовка рождает власть. А в наших условиях формула была иной: власть рождает деньги. Поскольку доступ к власти и пребывание в ней открывали прямую возможность личного обогащения, то здесь уже начинались расхождения более серьезные, вступили в действие силы, для которых знаки вопросов были расставлены только в такой плоскости: кому, что и почему достанется?

Напомню еще одну известную формулу: революцию начинают романтики, продолжают прагматики, а завершают мародеры. Примерно по этой логике развивалась и демократическая революция в России. Особенно девяносто третий год стал решающим, когда сформировались основные группировки, между которыми и пошел большой раздел — Великая Отечественная война за собственность...

У всякой революции есть железная логика развития. На этапе завоевания власти революционеры апеллируют к идеям и чувствам миллионов. Затем они приходят к власти и начинают раздел собственности. Тут уже неизбежен отказ от тех возвышенных принципов и ценностей, во имя которых — заметьте, совершенно искренне — некогда и затевалась борьба. Формируется новый правящий слой, который стремится

замкнуться и воспроизводить себя, чтобы уже чужаков к столу не пускать. Это называется звучным словом — олигархия. Как раз сейчас в России интенсивно формируется и укореняется новая русская олигархия. Правящий слой, который уже контролирует колоссальную собственность. Между олигархическими кланами поделены основные каналы массовой информации. Сейчас главная задача новой русской олигархии — создать систему своего политического господства, которая позволила бы сохранить контроль над страной — с выборами или без них. Частью этой системы будет механизм наследования власти. Чисто практически задача состоит в том, чтобы успеть подобрать и достаточно «раскрутить» престолонаследника, который примет эстафету Бориса Ельцина».

Следуя той же железной логике, можно прийти к заключению: Россия в вопросе возникновения политических олигархических кланов, отнюдь, не является первооткрывательницей. Примерно по такой же схеме осуществляется расстановка политических сил во всем мире. Сама по себе демократия как раз и предполагает их наличие. И борьба между ними — явление обычное.

Любая власть, испытавшая на себе все прелести своего высокого положения, не будет стремиться к тому, чтобы отдать ее кому бы то ни было. В желании упрочить свои позиции, на мой взгляд, и состоит сущность власти. Отсюда же следует, что сильные политические олигархии приносят лишь благо обществу. Уже хотя бы потому, что этим достигается определенный стабильный баланс. И наоборот, всем известно, что общество страдает в условиях политического хаоса и неразберихи. Ну, а помимо всего прочего, надо признать, что перераспределение политических

сил в нашей стране обязательно повлекло бы за собой очередную трагедию для и без того пострадавшего народу.

Такая точка зрения, конечно, не бесспорна. Как и то, что любое мнение имеет право на свое существование. Взгляд С. Станкевича также имеет право на свое существование. Мы не станем критиковать ныне не популярного в нашей стране политика. И не будем ворошить его «темное прошлое». А возьмем за основу неоспоримое утверждение: власть рождает деньги.

Итак, помимо забот, которые взваливает на себя достигший вожделенной мечты политик, перед ним также открывается широкая возможность улучшить свое материальное благосостояние.

Тут, впрочем, ничего из ряда вон выходящего нет. Наоборот, стремление к хорошей жизни столь же неистребимо в человеке, сколь неистребима его тяга к предпринимательству. Однако, само собой разумеется, что не всякие средства оправдывают цель.

Считается, что власть у нас в стране традиционно не жалуется закон. А бизнес, в свою очередь, является своеобразным довеском к тем, кто обладает хоть какой-либо полнотой власти.

В ноябре 1990 г. в связи с крайне тяжелой ситуацией с продуктами питания и медикаментами в Москве Совет Министров СССР разрешил правительству столицы экспортировать сырье и продукцию московских предприятий. Взамен изъятой продукции предприятия получали «рублевое покрытие по государственным расценкам». Вскоре стало понятно, что эта форма не слишком удобна, и московские предприятия по договоренности с мэрией стали оплачивать в валюте заключенные ею контракты — получая за это все то же «рублевое покрытие».

Сетовать на несправедливость или ущемление прав предприятиям не приходилось, да и некому было. Ведь ясно: никто так не позаботится, как родная мэрия. Как говорится, что имеем, с тем и живем.

Однако, история эта получила свое печальное продолжение. «Росагрохим» потерял 13 млн. долларов, которые истребовать ему было просто не с кого.

Приведу два любопытных письма, датированных октябрём 1991 и июлем 1992 гг. Такая разбежка во времени, на мой взгляд, весьма характерно раскрывает нашу действительность.

Вот текст письма, отправленного мэрией столицы руководству «Агрохима»:

«29.10.91 г. № 4-14/3602

Председателю Государственной
агрохимической ассоциации
г. Ольшанскому Н. М.

Уважаемый Николай Михайлович!

В соответствии с договоренностью между вами и правительством г. Москвы прошу Вас провести авансовые платежи по контрактам, заключенным между правительством г. Москвы и швейцарской фирмой «Контитрейд» на поставку продовольственных товаров, оборудования для их производства, а также медицинского оборудования для нужд г. Москвы на сумму 13 500 000 (тринадцать миллионов пятьсот тысяч) долларов США...

Далее мэрия брала на себя обязательство быть получателем и экспертом товара по его качеству и количеству. Она же должна была произвести «рублевое покрытие» израсходованной «Агрохимом» валюты.

«Агрохим», выполнив свою часть работы, стал дожидаться «рублевого покрытия». Время затянулось более, чем на год. Руководство обратилось за ответом в мэрию. Каков он был, видно из следующего письма:

«24.07.92 г. № 4-33-30016/2

Председателю «Росагрохима»
г. Ольшанскому Н. М.

На Ваш запрос еще раз сообщаем, что перечисленные «Агрохимом» средства в сумме 13,5 млн. долларов согласно письму премьер-министра г. Москвы № 4-14/3602 от 29.10.1991 г., согласованного с правительством Российской Федерации, нами израсходованы частично на закупку питания и медицинского оборудования в сумме 0,5 млн. долларов, которые уже получены и реализованы, а 13 млн. долларов направлены на авансовую оплату для строительства пивоваренного завода по заключенному и контролируруемому нами контракту «Нордекс».

В связи с изложенным, еще раз подтверждаем, что за полученные товары на сумму 0,5 млн. долларов рублевое покрытие в сумме 900 тыс. рублей мы готовы перечислить на указанный Вами счет, а за 13 млн. долларов мы Вам предлагаем не перечислять рублевое покрытие, а оформить Ваше участие на указанную сумму в созданном акционерном обществе по строительству пивоваренного завода «Князь Рюрик». При этом Ваше участие будет подтверждено как валютный взнос в полном объеме в сумме 13 млн. долларов США и других средств в составной фонд вносить «Агрохиму» не требуется.

И. Н. Орджоникидзе».

Выгодное предложение сделала мэрия руководству «Агрохима», не правда ли?

Впрочем, тут, пожалуй, не было бы ничего крамольного. Выражаясь словами героя из кинофильма: «Вот пускай Вальдемар сам и нырял бы...» А говоря серьезно: руководству «Агрохима» самому решать, принимать или нет такое предложение. Но цинизм ситуации заключается в том, что никакого строительства пивоваренного завода «Князь Рюрик» в природе не существовало. Вот и ушли деньги предприятия неизвестно куда. С кого их истребовать? Кто теперь разберется? Может быть, с того же «Князя Рюрика»?

Странная, непонятная ситуация. Сердцем заботу о нас, простых смертных, нашей власти прочувствовать можем (ведь как же иначе, кому другому мы еще нужны?), а разум все время пытается ее критиковать.

Но критику наша отечественная власть также традиционно не жалуется. Тут все ясно: или не мешай работать, или становись на мое место и сделай лучше то, что должен сделать я. А какому здравомыслящему человеку взбредет в голову взваливать на себя такие хлопоты?

Однако, критика бывает разная: позитивная и другая. А еще бывает в виде анекдотов. Последняя, кстати, наиболее подходящая. Есть и такая, реагировать на которую, по меньшей мере, глупо — взгляд со стороны, из дальнего зарубежья. Ведь им своим западным менталитетом все равно не понять, что у нас в стране происходит. Да и не красиво это — вмешиваться в чужие дела.

Французская «Le Monde», также стараясь постичь неуловимое, пишет о мэре Москвы Юрии Лужкове:

«Это настоящий “турбодвигатель”, — говорят о нем в его окружении, — за день он успевает перерезать ог-

ромное количество красных ленточек, провести несколько собраний, заседаний, правлений смешанных обществ и пронестись вихрем по новым стройкам, везде устраивая шумные разносы начальству и проявляя трогательную заботу о рабочих. Он не любит пустой болтовни, не курит и не пьет. Иногда по вечерам он объезжает московские казино и стриптизы, «чтобы почувствовать пульс города». В свои шестьдесят лет зимой он, как простой мужик, купается в проруби, собственноручно вырубленной во льду замерзшей реки, а летом играет в футбол, предпочитая его спорту «новых русских» — теннису.

Несмотря на всю простоту его внешности и поступков, многие в России считают, что Юрий Михайлович, неоспоримый мэр Москвы, станет в 2000 г. мэром всея Руси, сменив на этом посту Бориса Ельцина, заканчивающего свой второй и, видимо, последний президентский срок. Несмотря на напускную скромность и неустанные опровержения подозрений в притязаниях на высший российский пост, Юрий Лужков, правящий Москвой с 1992 г., уже сейчас потихоньку примеряет царскую корону. Последнее время он все чаще и чаще требует, чтобы перед ним расстилали красный ковер. У него «своя» парфюмерия с простым и понятным всем названием «Мэр», красная упаковка которой символизирует цвет кремлевской стены. У него есть свой телевизионный канал «ТВ-Центр», который в скором времени будет вести передачи на всю Россию. Он написал свою книгу — автобиографию, по которой уже собирается снять свой фильм...

Александр Лебедь, главный претендент на президентский пост, считает Юрия Лужкова своим единственным соперником и ни секунды не сомневается, что Лужков обязательно выставит свою кандидатуру.

У московского мэра достаточно козырных тузов: огромная популярность, широко разрекламированные организаторские способности и поддержка многих средств массовой информации. Правда, для победы ему предстоит решить одну довольно сложную задачу — поднять престиж столицы в российской глубинке, где почти все считают, что Москва жирует за счет остальной России.

С этой целью Юрий Лужков создает свои структуры в регионах и предпринимает ряд популистских шагов: выделяет средства для жертв землетрясения на Сахалине, строит жилье для российских военных в Крыму, возводит мемориал жертвам сталинских репрессий в Осетии, восстанавливает разрушенную чеченскими боевиками больницу в Буденновске. Он развивает бурную деятельность в Совете федерации и в Думе, заключает прямые договоры с российскими регионами. Он оказывает политическую и финансовую поддержку ряду кандидатов в губернаторы — этим местным князькам, которые в нужный момент должны помочь».

И еще, как утверждает «Le Monde», несмотря на то, что США активно вкладывают огромные средства в развитие российской столицы, вместе с тем, они сильно обеспокоены методами контроля за поступающими в Москву капиталами. Нашумевшая история с убийством американского бизнесмена Пола Татума — тому подтверждение. Стоило американцам вывести из состава смешанного общества «Отель Рэдиссон Славянская» доверенное лицо мэра столицы Умара Джабраилова, как спустя три недели с Полом Татумом, претендовавшим на право управления гостиницей, случилось несчастье — его буквально изрешетил из «калашникова» наемный убийца. А проведенное расследование никаких результатов не дало. Это по-

нятно: сколько таких происшествий последнее время случилось. И стреляют, и режут, и взрывают — разве за всем углядишь? Применительно к конкретной ситуации с убийством американского бизнесмена пресс-секретарь ГУВД Москвы Юрий Татаринцов заявил: «Он просто забыл, что здесь Москва, и пытался действовать так, как он действовал бы в Штатах или в любой другой цивилизованной стране мира!»

Вот поэтому я и говорю, что им, иностранцам, никогда не постичь нас. Но они все же пытаются. Тот же французский источник анализирует ситуацию с доверенным лицом мэра столицы Иосифом Кобзоном, — в прошлом известным эстрадным исполнителем, а в настоящем начинающим политическим деятелем, — которого американцы почему-то считают крестным отцом российской мафии. США отказывают ему в выдаче въездной визы, так как у ФСБ имеется информация о связи Кобзона с мафией.

Другая непонятная для «них» ситуация. «Le Monde» пишет:

«Мэр поддерживает прекрасные отношения с проживающей в столице чеченской диаспорой, одинаково ловкий как в вопросах бизнеса, так и в обращении с оружием, что нередко играло решающую роль при заключении нужных контрактов. Правда, иногда бумеранг неожиданно возвращался. В июне 1996 г. заместитель Юрия Лужкова Валерий Шанцев чудом уцелел после взрыва заложенной у подъезда его дома бомбы. Милиция ограничилась версией о политических мотивах покушения».

Москва — крупнейший мегаполис, один из самых дорогих городов мира. В столице России сконцентрировано 80% всех финансовых средств страны и более 50% иностранных инвестиций. При таком раскладе

иностранцы почему-то склонны предполагать, что Москва купается в роскоши, все более и более становясь закрытым городом. Ну, а относительно изобретения советских мудрецов — прописки — они вообще теряются в догадках: существует ли эта диковинка до сих пор или все-таки ушла в прошлое, согласно новой Конституции Российской Федерации. Если ее нет, то как понять то, что даже первому заместителю премьер-министра Борису Немцову сначала было отказано в получении столичной прописки?

Недвижимость в столице, в основном, является собственностью мэрии. «Именно здесь, — пишет «Le Monde», — кроется основной источник ее богатства и мощи. Московская мэрия контролирует большинство зданий и предприятий этого 10-миллионного мегаполиса... Когда в 1994 г. Чубайс приступил к осуществлению своей программы массовой приватизации, Лужков добился от Ельцина специального статуса для своего города. К мэрии отошла вся государственная недвижимость, которую она тотчас принялась продавать и раздавать «друзьям» по «конкурсным» ценам. Таким образом в 1996 г. мэрии удалось собрать урожай в 2 млрд. долларов».

«Нигде в мире квадратный метр не обходится так дорого», — сетует иностранный инвестор, который вынужден уступить контрольный пакет акций своей фирмы (чаще всего 51%) мэрии российской столицы в обмен на полуразрушившийся хозяйственный объект и для того, чтобы лишить себя ненужных «забот». Но, следует признать, что мы свою «пядь земли» за здорово возьмешь никогда не отдавали. Так что же в этом необычного?

А иностранцы недоумевают: 51% растущих, как грибы после дождя, зарубежных фирм, — таких, как

«McDonald's», «Pizza Hut» и т. п., — контролируется московской мэрией. И при этом «изобретатель муниципального капитализма» предпочитает умалчивать о поборках с иностранцев и устраивает шумную кампанию вокруг открытия в Москве сети «Русских бистро», небольших ресторанчиков с русской кухней, на 50% принадлежащих мэрии.

Да и что там говорить об этих иностранцах! Они ведь прагматики, в них нет творческого начала. Один из известных отечественных журналистов так охарактеризовал мэра Москвы: «В России есть коррумпированные некомпетентные руководители и коррумпированные компетентные руководители. Юрий Лужков относится к последним».

Скажите, язвительное замечание? На мой взгляд, нет. Наше сознание способно не замечать некоторых «мелочей», когда речь идет о преимущественной заботе о населении. Ну, а что касается другого вопроса, так это у них там — Закон, какая-то богиня с завязанными глазами. А у нас — прежде всего, человек, его душевные качества. Тут нужно, прежде всего, хорошенько подумать, стоит ли нам менять свою исконную душевность на неудобоваримый и по большей части недоступный для понимания прагматизм.

Власть рождает не только деньги, но и особое положение в обществе.

Для тех, кто не знает, напомним: с привилегиями у нас в государстве покончено раз и навсегда. Было бы нелепо подозревать обратное. Кому нужны те самые привилегии, когда при нынешнем уникальном общественном строе каждый имеет право на продуктивный труд и соразмерную оплату своего труда. А значит, поставив перед собой любую цель, в принципе можно достичь ее.

Сам Борис Николаевич Ельцин в книге «Исповедь на заданную тему» осуждал подобные негативные проявления прошлого:

«Угодливость и послушание оплачивается льготами, спецсанаториями, прекрасной «цековской» столовой и таким же замечательным столом заказов, «кремлевкой», транспортом. И чем выше поднимаешься по служебной лестнице, тем больше благ тебя окружает, тем больше и обиднее их терять, тем послушнее и исполнительнее становишься. Все продумано. Зав. сектором не имеет лично машины, но имеет право заказывать ее для себя и для инструкторов. Заместитель заведующего отделом уже имеет закрепленную «Волгу», у заведующего «Волга» уже другая, получше, со спецсвязью.

А если уж ты забрался на вершину пирамиды партийной номенклатуры, тут все — коммунизм наступил! И, оказывается, для него вовсе не надо мировой революции, высочайшей производительности труда и всеобщей гармонии. Он вполне может быть построен в отдельно взятой стране для отдельно взятых людей.

Про коммунизм — это я не утрирую, это не просто образ или преувеличение. Вспомним основной принцип светлого коммунистического будущего: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Тут все именно так. Про способности я уже говорил, их, к сожалению, не слишком много, зато потребности!.. Потребности так велики, что настоящий коммунизм пока удалось построить для двух десятков человек.

Коммунизм создает 9-е управление КГБ. Всемогущее управление, которое может все. И жизнь партийного руководителя находится под его неусыпным оком, любая прихоть выполняется. Дача за зеленым забором на Москве-реке с большой территорией, с садом, спор-

тивными и игровыми площадками, с охраной под каждым окном и с сигнализацией. Даже на моем уровне кандидата в члены Политбюро — три повара, три официантки, горничная, садовник со своим штатом. Я, жена, вся семья, привыкшие все делать своими руками, не знали куда себя деть, — здесь эта, так сказать, самодеятельность просто не допускалась.

Удивительно, что эта роскошь не создавала удобства или комфорта. Какую теплоту внутри жилого помещения может создавать мрамор?

С кем-то просто повстречаться было почти невозможно. Если едешь в кино, театр, музей, любое общественное место, туда сначала отправляется целый наряд, все проверят, оцепят, и только потом можешь появиться сам. А кинозал есть прямо на даче, каждую пятницу, субботу, воскресенье специально появляется киномеханик с набором фильмов.

Медицина — самая современная, все оборудование импортное, по последнему слову науки и техники. Палаты — огромные апартаменты, а опять кругом роскошь: сервизы, хрусталь, ковры, люстры... А врачи, боясь ответственности, по одиночке ничего не решают. Обязательно собирается консилиум из пяти, десяти, а то и более высококвалифицированных специалистов. В Свердловске меня наблюдал один врач, Тамара Павловна Курушина, терапевт, знала меня досконально, в любой ситуации точно ставила диагноз, сама решала, как поступить, если появилась головная боль, недомогание, простуда, слабость.

К этим безответственным консилиумам в 4-м управлении я относился с большим подозрением. Когда перешел в обычную районную поликлинику, у меня вообще перестала болеть голова, стал чувствовать себя гораздо лучше. Уже несколько месяцев не обращаюсь

к врачам. Может быть, это совпадение, но очень символичное. А когда ты — в Политбюро, то закрепленный только за тобой врач обязан ежедневно осматривать тебя, над ним как «дамоклов меч» висит отсутствие профессиональной, человеческой свободы.

«Кремлевский паек» оплачивается половиной его стоимости, а входили туда самые отборные продукты. Всего спецпайками разной категории в Москве пользовались 40 тыс. человек. Секции ГУМа специально предназначены для высшей элиты, а контингент начальников чуть пониже — уже другие спецмагазины, все по рангу. Все спец — спецмастерские, спецбытовки, спецполиклиники, спецбольницы, спецдачи, спецобслуга... Какое слово! Помните, понятие «спец» — специалист, особо одаренный. Левша блоху подковал, другие тысячи и тысячи мастеровых, которые действительно были спецами. А теперь это слово «спец» имеет особый смысл, всем нам хорошо понятный. Тут самые отличные продукты, которые готовятся в спеццехах и проходят особую медицинскую проверку; лекарства, имеющие несколько упаковок и несколько подписей врачей, — только такое «проверенное» лекарство и может быть применено. Да мало ли таких «спец» в самых, казалось бы, незначительных мелочах, взлелеянных Системой?!

Отпуск — и выбирай любое место на юге, спецдача обязательно найдется. Остальное время дачи пустовали. Есть и другие возможности для отдыха, поскольку, кроме обычного летнего отпуска, существует еще один — зимний — две недели. Есть замечательные спортивные сооружения, не только для спецпользования, например, на Воробьевых горах — корты, закрытые и открытые бассейны, большой бассейн, сауна.

Поездки — персональным самолетом. Летит «ИЛ-62» или «ТУ-134» — в нем секретарь ЦК, кандидат в члены или член Политбюро. Один. Рядом лишь несколько человек охраны и обслуживающий персонал.

Тут забавно то, что ничего им самим не принадлежит. Все самое замечательное, самое лучшее — дачи, пайки, отгороженное от всех море — принадлежит Системе. И она, как дала, так и отнять может. Идея по сути своей гениальная. Существует некий человек — Иванов или Петров, неважно, растет по служебной лестнице, и Система выдает ему сначала один уровень спецблаг, поднялся выше — уже другой, и чем выше он растет, тем больше специальных радостей жизни падает на него. И вот Иванов проникается мыслью, что он лицо значительное, ест то, о чем другие только мечтают, отдыхает там, куда остальных и к забору не подпускают. И не понимает глупый Иванов, что не его это так облагодетельствовали, а место, которое он занимает. И если он вдруг не будет верой и правдой служить Системе, сражаться за нее, на месте Иванова появится Петров или кто угодно другой. Ничто человеку в этой Системе не принадлежит...»

Я привела здесь столь длинную цитату Бориса Николаевича Ельцина, потому что, пожалуй, лучше сказать было бы трудно. Демократическая команда Ельцина, действительно, уничтожила ту прежнюю уродливую Систему со всеми ее проявлениями, которая была прежде, при социалистической системе распределения материальных и иных благ. И если кто-то находит тут какие-либо параллели с нашей реальностью, то они касаются частного, а не целого, — конкретного человека, а не общественных норм.

Самое главное, что сделала демократическая команда — разрушила миф о правильности серой и скудной

на фантазию системы. Возьмите любое положение, и вы увидите, что в нашей жизни такого, действительно, сейчас нет: ни спецпайков, ни спецдач, ни спеццехов, ни спецрейсов на персональных самолетах для секретарей ЦК, кандидатов в члены или членов Политбюро...

Есть другое, которое нельзя полностью оправдывать. Но при этом есть основное (то, что имеет место во всех цивилизованных странах мира): товарно-денежные отношения, регулирующие нормы общественного поведения. Другой вопрос, сумели ли мы привыкнуть к этим достаточно жестким нормам и правилам?

Вот отсюда, на мой взгляд, и возникают некоторые несоразмерные ситуации желаний наших кремлевских чиновников, провоцирующих народ на недоверие к демократическому строю.

Но разве можно исправить сущность наших российских чиновников? Какая разница, что подумает народ о правильности избранного курса, когда необходимо, в первую очередь, позаботиться о личном устройстве быта.

К примеру, положил глаз такой государственный чиновник на дачу в элитном поселке Подмосковья и принялся обдумывать, как бы ему стать ее обладателем. И чтобы подешевле, и чтобы без лишних хлопот, с этим достаточно трудным делом связанных.

За сколько, по вашему, можно приобрести дачу в таком элитном поселке Подмосковья, как «Жуковка»? Такая покупка влетит в копеечку ее владельцу, скажете вы, и будете абсолютно правы. Ведь только сотка земли там стоит от 15 до 20 тыс. долларов.

Но чиновник-то лучше вас разбирается, что к чему. И он имеет по этому поводу свое собственное мнение.

Андрей Козырев, всем известный бывший министр иностранных дел России посчитал, что приобретение

им дачи в Подмоскowie — задача государственной важности. А если так, то не грех побеспокоить по этому поводу и первое лицо в государстве.

13 января 1995 г. Козырев направляет Б. Н. Ельцину письмо, в котором, в частности, пишет:

«Прошу Вашего согласия на приобретение мною дачи довоенной постройки в дачном пансионате «Жуковка» УД Президента по балансовой стоимости за личный расчет. В обоснование своей просьбы хочу отметить, что дачи не имею и возможностью построить на коммерческой основе не располагаю».

Вот так, а не иначе. Не будем заглядывать в кошелек гражданина Козырева. Эта привычка как раз идет из прошлого времени. Попробуем понять чрезвычайно занятого решением тяжелейших проблем всего Российского государства кремлевского чиновника. Конечно, понять его не трудно: так занят благоустройством Родины, что о себе ему позаботиться просто некогда. Ну, а что мы, простые смертные? Мы ведь, случается, и не работаем, времени свободного — хоть отбавляй. Опять же, можно заработать денег и купить себе дачу (что там поселок «Жуковка»?) где-нибудь на Майами.

Кстати, заметим, что Президент просьбу гражданина Козырева удовлетворил — не оставаться же ему без жилья. Только предупредил: совершить покупку в установленном законом порядке. А бывший министр просьбе не внял. Мало того, что в письме слегка слукавил относительно даты постройки дачи — она была построена не до войны, как указывал Козырев, а двумя пятилетками позже, в 1955 г., так еще и не удержался от соблазна использовать благосклонное отношение некоторых лиц, ведающими вопросами купли-продажи недвижимости в элитном поселке.

В итоге дача Андрею Козыреву досталась — за 90 млн. 975 тыс. рублей. За эту же сумму гражданин Козырев, как и любой из его соотечественников, мог бы приобрести себе также плохонькую однокомнатную квартирку на окраине Москвы.

Вот и не верь после этого, что положение обязывает. Только к чему именно обязывает — разобраться бы...

Другие соратники Козырева по демократическому устройству общества, как водится, отставать от него в развитии не пожелали. И тоже, видимо, не вполне разобрались, к чему положение обязывает. Попросили В. Костилов, Д. Рюриков и Р. Пихоя, тоже чрезвычайно занятые люди, все тех же сведущих в вопросах купли-продажи Бородина и Рябенко, чтобы рассмотренные ими дачи соответствовали их низкому материальному положению. Те подумали и согласились. А дачи, предназначенные для вышеуказанных лиц, первоначально оценивались соответственно: 197 млн. 168 тыс. рублей; 196 млн. 050 тыс. рублей и 108 млн. 877 тыс. рублей. Впоследствии БТИ пересмотрело цены. В результате расценки на недвижимость были занижены в несколько раз, не соответствуя их рыночной стоимости. Но попросилась лиса переночевать... В бухгалтерских документах стоимость дач для кремлевской элиты была занижена еще в десятки раз. И вышеуказанные граждане, таким образом, смогли приобрести их без ущерба своему низкому материальному положению — за 7 млн. 087 тыс. рублей, 7 млн. 312 тыс. рублей и 9 млн. 815 тыс. рублей соответственно.

История с бывшим мэром Санкт-Петербурга Анатолием Собчаком, ставшая достоянием едва ли не всей мировой общественности (ох, и любим мы порой выно-

сильно сор из избы), затронула в нашей душе глубинные струны к отзывчивости. Это ж надо — так довести человека, что ему после этого потребовалось срочное хирургическое вмешательство! В больницу Анатолий Собчак попал прямо с допроса в прокуратуре, и тут же в прессе возник вопрос о неизбежном аресте. Но Собчак-то просто так «не дался»! Сегодня дома — завтра за границей. А там порядок несколько иной, там до абсурда принципиальности чтут кодекс прав человека. Не пожелал человек, значит, его не имеют права беспокоить различными вопросами.

Впрочем, на Родине бывшего мэра северной столицы беспокоили часто. Корреспондент «Ъ» Олег Алямов, посетив Собчака в больнице, выяснил такую трогательную деталь: слухи слухами, а пока Собчака охраняет только его жена Людмила Нарусова.

Приведу, на мой взгляд любопытное замечание корреспондента «Ъ», которое он сделал, побеседовав с супругой Собчака:

«Если у дверей вашей палаты стоит Людмила Борисовна Нарусова, ни в каком СОБРе необходимости уже нет. Она посмотрела на меня взглядом воспитателя из интерната для трудных подростков и к Собчаку, разумеется, не пустила».

И дальше — не менее интересное замечание самой Людмилы Нарусовой:

«Вы знаете, больные передают письма на листочках из школьных тетрадок. Стараются поддержать. Кто-то благодарит за помощь в покупке квартиры. Постоянно приносят цветы, фрукты. В палате уже не помещаются. Это очень греет и очень поддерживает...»

Комментарии, как говорится, излишни.

Разве нет? Кому-то еще непонятна мысль?

Это я к вопросу о нашей исключительной душевности и творческом начале. Никто еще не проводил расследования, не объявил приговор, а наши люди тут же отозвались соучастием к судьбе — не государственного мужа в первую очередь, а обычного человека — Анатолия Собчака, который кому оказал помощь в покупке квартиры, кому еще что-либо доброе сделал... Тут же ему в знак благодарности и цветы, и фрукты. Неважно, что всем разом мэр в свое время с квартирами не помог. Что ж тут поделаешь, если реальность наша такая, а не другая.

Ну разве нужно, скажите, истреблять в русском человеке такую милую душевность и сердечность? Разве можно заменять ее на какое-то холодное западное рыночное мышление? Какая разница, что при этом всем квартиры так и не достанутся, что будет действовать все тот же старый механизм строгого отбора в этом вопросе? Главное, хорошего человека мучить не будут.

— Сейчас ему инкриминируют все, — говорит Людмила Нарусова. — И самое страшное — это мысль о том, что если с моим мужем, известным всему миру политиком, если со мной, депутатом Госдумы, могли обращаться так, то как они себя ведут с любым рядовым гражданином? Расчет на наш генетический страх? И самое гнусное, что сейчас они заявили, что вообще не было ОМОНа и не было автобуса. Вот у меня официальное письмо за подписью Черкесова, начальника ФСБ по Петербургу, что этот автобус принадлежит УВД... Зачем это делается? Для политической дискредитации.

Вот в чем видит лично Людмила Борисовна Нарусова причину трагедии:

«Я думаю, под предлогом борьбы с коррупцией им нужно выдать крупного коррупционера, который за

шесть лет руководства городом увеличил свою жилплощадь. Причем, законным способом. Дела об алюминии, миллиарды долларов, действительная коррупция не вызывает в Генпрокуратуре никакого интереса. Как грустно шутят в Петербурге, все деньги — в Москве, а вся коррупция — в Петербурге.

Обратите внимание, очень большая группа влиятельных должностных лиц в Москве — в прошлом работники петербургской мэрии. И для меня совершенно очевидно, что, дискредитируя Собчака, удар опосредованно направляется против них. Смотрите, Анатолий Чубайс — бывший заместитель Анатолия Собчака, когда тот был еще председателем Ленсовета; Альфред Кож — бывший работник мэрии; Алексей Кудрин, замминистра финансов; Владимир Путин, начальник контрольного управления; Илья Южанов, председатель земельного комитета...»

Не вызывает сомнения, что Людмила Борисовна — очень мудрая женщина. Помимо сказанного, она склонна заглядывать вглубь личного понимания проблемы. Вопрос состоит не в том, замешан Собчак или не замешан (что и понятно, так как это дело следствия). Понимание трагедии гораздо шире, чем может показаться на первый взгляд.

«Уже после амнистии ГКЧП, — объясняет Нарусова корреспонденту «Ъ», — мы случайно встретились в Москве с Владимиром Александровичем Крючковым. И он Анатолию Александровичу сказал: «Если вы думаете, что вы всех нас свалили и будете торжествовать, вы заблуждаетесь. Мы вас поштучно отловим в любое время». Я думаю, что значимость Собчака, как лидера демократического направления, вклад, который он внес в крушение того режима, таковы, что простить они этого не могут.

Более того, они знают его потенциальную опасность, ведь грядут новые выборы. Я хочу напомнить вам такой факт. Когда у нас шли выборы президента, была чрезвычайно низкая явка. Анатолий Александрович уже не был мэром города, но ему позвонили и, предоставив прямой эфир, попросили, чтобы он призвал людей идти на выборы. Он вышел в эфир и, как потом я выяснила, люди приходили на избирательные участки, надев плащи на ночные рубашки. И за час проголосовали почти 18%. Поэтому им надо любыми способами его дискредитировать, изолировать, а может быть, и физически уничтожить. Я, кстати, это не исключаю. И, конечно, политическая месть».

Такая эмоциональная оценка ситуации, помимо того, что привносит в нее оживление, заставляет также включать в работу фантазию. Однако, давайте обратимся к скупой на подобные проявления точке зрения юриспруденции.

Уголовное «дело» на Анатолия Александровича Собчака заведено еще в мае 1995 г., когда он был мэром северной столицы. По версии следствия, директор строительной компании «Ренессанс» Анна Евглевская, желая стать деловым партнером петербургской мэрии, «выделила» высокопоставленным городским чиновникам квартиры в доме № 3 по улице Рылеева, который принадлежал ее фирме. В этом же доме получила квартиру и племянница Собчака, до этого проживавшая в Ташкенте. До мая-июня 1996 г., накануне выборов петербургского мэра, расследование носило едва ли не конспиративный характер. Это понять можно: был в силе принцип «деликатности», пока Собчак обладал в Петербурге всей полнотой власти. Чего уж греха таить, такой принцип довольно часто срабатывает в нашей стране. Парадоксальная, на мой взгляд, вещь: пока

люди живы — их не принято хвалить, пока они у власти — их не принято ругать. Однако, случилось то, то случилось — Собчак проиграл выборы своему конкуренту, Яковлеву. 7 июля 1997 г. была арестована Лариса Харченко — бывший консультант Собчака по жилью, а 15 августа за ней последовал начальник аппарата мэрии Виктор Кручинин. Пресса тут же отозвалась сообщением: бывший мэр Петербурга незаконно приобрел квартиру в доме № 31 на набережной Мойки.

Что было дальше — также известно из средств массовой информации. Анатолий Александрович, будучи представителем ЮНЕСКО, выехал в служебную командировку в Лондон.

О том, как история с недвижимостью в Санкт-Петербурге получила возможность на широкое освещение, пишет корреспондент «Ъ» О. Алямов:

«По сведениям «Ъ» из ГУВД Санкт-Петербурга, сейчас арестованные по «квартирному делу» начали давать показания. Это и дало основания вызвать бывшего мэра на допрос, в ходе которого предполагалось прояснить и ряд вопросов, связанных с жилищными условиями самого Собчака. В частности, в квартире на Мойке, где он сейчас проживает с женой Людмилой Нарусовой, проведен евроремонт. Его стоимость, как считает следствие, превышает сумму доходов Собчака, официально полученных им в должности главы исполнительной власти города».

Наверное, у каждого из народов имеется свой особый вопрос, наиболее характеризующий менталитет нации. Англичанин Шекспир задался глобальным вопросом: «Быть или не быть?..» Наш соотечественник Грибоедов устами своего литературного героя озадачил свое и последующие поколения другим: «А судьи кто?»

Я не в праве судить А. А. Собчака ни по моральным, ни по каким бы то ни было другим соображениям. Пусть этим делом занимаются те, кто по долгу службы обязаны доискаться правды. Изучая ту или иную проблему, я стараюсь всегда оставаться непредвзятой. А для этого необходимо принять к сведению любые имеющиеся точки зрения.

4 октября 1996 г. председатель Государственной Думы Российской Федерации Селезнев в официальном письме к губернатору Санкт-Петербурга Яковлеву сообщил:

«Решением Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания в соответствии с Постановлением Госдумы № 66-11ГД от 9.02.96 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области создается постоянно действующая Комиссия по проверке и анализу итогов приватизации в 1992—1996 гг. и ответственности должностных лиц за ее негативные результаты.

Председателем данной комиссии назначен Шутов Юрий Титович...»

Вот уж тут, воистину, как не задаться вопросом нашего прозорливого соотечественника Грибоедова? Кто судит Собчака и всех проходящих по «квартирному делу» бывших чиновников Петербурга?

В октябре 1997 г. «Комсомолка» писала:

«По имеющимся данным, Шутов Ю. Т. является одним из преступных «авторитетов» города, с 1991 г. неоднократно попадал в поле зрения подразделений УФСБ России по Санкт-Петербургу и области и РУОП по Санкт-Петербургу и области МВД России. С конца 80-х — начала 90-х годов имел отношение к деятельности т. н. «казанской» криминальной группировки, возглавляя одно из полуавтономных ее звеньев. Как установлено, Шутов и его компаньоны из объединения

«ЮВМ» в 1990—1992 гг. осуществляли противоправную деятельность в области материального производства, внешнеэкономической и кредитно-финансовой сферах, чем наносили существенный экономический ущерб и негативно влияли на развитие социально-экономической обстановки в регионе. Незаконная экономическая деятельность ПО «ЮВМ» прикрывалась коррумпированными связями во властных структурах города, а также преступной группой, сформированной Шутовым из числа ранее судимых лиц и слушателей Военно-физического института Санкт-Петербурга. Указанной группой по прямому распоряжению Шутова совершались разбойные действия в отношении ряда депутатов, должностных лиц и партнеров по совместной деятельности...

Есть основания полагать, что деятельность Региональной Комиссии по Санкт-Петербургу и области по итогам приватизации в 1992—1996 гг., возглавляемой в данное время Шутовым, координируется т. н. «тамбовской преступной группировкой».

Однако, и в этом вопросе предоставим возможность делать какие-либо выводы тем, кто их обязан делать. Меня в этой истории интересует другое — противоречивый ее характер, что, опять-таки, наводит на размышления о нашей уникальной и специфической действительности.

Приведу мнение очевидца и непосредственной участницы событий. Вышеупомянутая Лариса Харченко, проходящая свидетелем по «делу» Собчака, пишет:

«Я постараюсь по возможности точнее описать, как фабрикуется дело о коррупции в окружении Собчака А. А., в связи с заселением его женой и им 4-комнатной коммунальной квартиры, расположенной рядом с его квартирой по адресу: набережная реки Мойки,

31. В состав специальной группы, сформированной для работы против Собчака, были включены ряд оперативных работников Управления по борьбе с экономическими преступлениями в Санкт-Петербурге: Данилов Николай Николаевич, Меньшиков Константин Николаевич, Калиничев Олег Николаевич и Белов Иван Иванович, а также ряд других.

Названные «специалисты» оказались поистине творческими работниками и создали сценарий развития событий, придерживаться которого должны были все участники этого «спектакля», для которых заранее были обозначены (отведены) роли. Не мудрствуя лукаво, обратились «за помощью» к находящейся в следственном изоляторе тюрьмы Санкт-Петербурга руководительнице одной из строительных фирм — Акционерного общества закрытого типа «Ренессанс» — Евглевской Анне Анатольевне и, угрожая ей большими сложностями в жизни, предложили сыграть главную роль — роль обвинителя.

15 марта 1996 г. оперативные работники Управления по борьбе с экономическими преступлениями в Санкт-Петербурге, входившие в состав следственной бригады первого созыва, увезя меня в машине с работы, предложили мне сотрудничать с ними и, как они выразились, «сдать» Собчака А. А. и еще некоторых людей, занимавшихся расселением для него квартиры.

Выбор пал на меня не просто так. Я профессионально занималась жилищными вопросами в городских властных структурах с 1979 г., т. е. еще за 12 лет до выборов Собчака А. А. мэром Санкт-Петербурга на первый срок... Все воздействия на меня в нарушение моих гражданских прав происходили тайно, в машине работников Управления по борьбе с экономическими преступлениями, без протоколов и свидетелей. Приме-

нялись устрашающие приемы о скором аресте Собчака А. А. и его родственников... Ситуация рисовалась безысходной. Его «вина» называлась доказанной. Арест Собчака А. А. и препровождение его в тюрьму в Москве представлялся делом уже решенным и назывались сроки ареста — через 5—10 дней.

После моего категорического отказа участвовать в этом «спектакле» меня несколько раз предупредили об ужасной участи моей в случае отказа дать показания против Собчака А. А. Предупредили о предстоящем через 2 дня допросе в качестве свидетеля руководителем следственной бригады генералом Прошкиным. Все угрозы оперативных работников в мой адрес подтверждались действиями. За отказ дать показания против Собчака А. А. я получила возможность испытать весь ужас следствия на себе. Меня допрашивали в качестве свидетеля по 8—12 часов подряд. Я теряла сознание прямо на допросе и попала в больницу с диагнозом «мозговой криз».

Из-за множества нарушений при проведении следствия менялись следственные группы, уходили одни шакалы и приходили свежие силы и с новым рвением приступали к тому же — добыванию любым путем «характеристики», порочащие людей...»

Сейчас Анатолий Александрович Собчак за границей, поправляет свое здоровье.

Я не стану предостерегать читателя делать какие-либо выводы до того, как будет вынесен компетентный вердикт по его «делу». Я не сделаю это лишь потому, что понимаю бесполезность подобного намерения. Помимо того, что нами движет порой нечто гадкое, призывающее нас во что бы то ни стало быть свидетелем сенсационного разоблачения, следует также признать, что «квартирный вопрос» стоит перед нами очень

и очень остро. На этой и другой неудовлетворенности весьма часто пытаются спекулировать. А когда спекулируют — это заметно. Когда спекулируют, возникает неприятное ощущение раздвоенности и непонимания проблемы.

Но помните, о чем поет Андрей Макаревич в одной из своих песен? «Но нам бы разобраться, где правда, где обман... Поверив, оказаться обманутым опять, чтоб снова не сорваться и снова не попасть...»

Под пристальное око компетентных органов в первую очередь, похоже, попадают те, кто уже не может «кусаться». Те, кто становятся «бывшими», сразу превращаются в настоящих, но уже подследственных. Пример А. А. Собчака, бывшего мэра северной столицы, — не единственное тому подтверждение. Подобная участь постигла и бывшего министра Коха, и Севрюгина, проигравшего Стародубцеву. Вокруг Альфреда Коха, вообще, складывается непонятная ситуация: то ли писал он книжку, то ли не писал, то ли получал за нее 100 тыс. долларов гонорара, то ли нет, то ли получал, но не за книжку... Одним словом, тайны... Кругом тайны...

Власть накладывает на человека определенные обязательства и приносит множество забот. Власть рождает деньги и открывает возможности к увеличению материального благосостояния. Но иногда случается, что власть приводит человека к трагическому финалу.

Гибель вице-губернатора Санкт-Петербурга М. Маневича окружена завесой таинственности. Существует ряд версий случившегося. Однако, по прошествии времени, до конца не выяснены ни мотивы столь громкого преступления, ни заказчик убийства, ни имена исполнителей. Конечно, пока идет следствие, говорить

о чем-либо конкретном не имеет смысла. Но эта история представляет особый интерес, так как в ней замешаны деньги.

Кто и почему мог убить вице-губернатора Санкт-Петербурга Маневича? В ноябре 1997 г. «Общая газета» писала:

«В ночь с 12 на 13 ноября в подмосковном городе Железнодорожный областная милиция задержала членов «Реввоенсовета РСФСР» Валерия Скляра и Сергея Максименко, которых разыскивали по подозрению в минировании памятника Петру I. На первом допросе они взяли на себя ответственность еще за десяток ЧП — в том числе, за взрыв склада боеприпасов в Приморье и за убийство вице-губернатора Санкт-Петербурга Маневича. «Эти двое берут на себя очень много, вплоть до гибели динозавров...» — комментирует пресс-секретарь УФСБ по Москве и области Сергей Богданов. Лидеры ультралевых считают, что речь идет либо о параноидальном бреде задержанных, либо о провокации спецслужб.

Сообщение о «чистосердечных признаниях» террористов — первая конкретная информация по «делу Маневича», переданная представителями ФСБ, которой поручено следствие. По скудным утечкам из других правоохранительных органов можно понять: если мотивы убийства Маневича и лежат в области политики, то в более высоких сферах, нежели те, где орудуют красные экстремисты».

Таким образом, понятно, что выстраивать какие-либо более или менее определенные предположения относительно того, кто мог «заказать» это убийство, пока еще рано. Да и не в этом состоит наша задача.

Однако, если взглянуть на ситуацию, то можно увидеть некоторые детали, которые лежат на поверх-

ности. Во-первых, не вызывает сомнений тот факт, что исполнителями данного громкого преступления являлись «высококвалифицированные» киллеры, своего рода «суперпрофи». И во-вторых, убийство Маневича — главного петербургского приватизатора — произошло непосредственно перед началом нового, во многом решающего, этапа городской приватизации.

Обратимся к первому очевидному обстоятельству. Число исполнителей убийства не могло ограничиться лишь двумя террористами. Для того, чтобы проследить путь жертвы, требовалась, по крайней мере, диверсионная группа из 4—5 человек, оснащенная рациями.

Киллер бил с чердака по крыше автомобиля, он не мог видеть свою жертву. Между ним и правительственной «Вольво», в которой находился Маневич, было не менее ста метров, но пять из восьми пуль достигли цели.

Вскоре после происшествия в самом Питере возникла версия, что убийство — дело рук мафии. А именно — самой крупной городской группировки — тамбовской. Но, как утверждают знающие люди, у местной «братвы» таких мастеров нет. Кроме того, опасаясь «несправедливых» репрессий, «братва» проводит нечто вроде собственного расследования.

А теперь попробуем посмотреть на второе очевидное — то, что лежит на поверхности. Однако, и здесь следует признать, что не совсем ясно, какая деятельность вице-губернатора Маневича могла привести к столь трагическому обстоятельству. Как утверждает новый шеф питерского КУГИ Герман Греф, «заказ» не был связан с профессиональной деятельностью Маневича. Кстати, его по делу об убийстве на допрос не вызывали ни разу. И по словам самого Грефа, по этому поводу никого из его подопечных также не беспокоили.

И все же эта версия заслуживает внимания. Порт, членом совета директоров которого был Маневич, — своего рода торговые ворота России на Балтийском море. И этот объект давно планируется выставить на торги.

«Наибольший интерес представляет федеральный пакет акций, — пишет «ОГ», — в 28,8%, который собираются передать городу, а затем продать. Уже обозначились претенденты: «Союзконтракт», ОНЭКСИМ-банк, «Несте-Санкт-Петербург». Как следует из документов, которыми мы располагаем, операцию должны были совершить еще год назад, но по некоторым причинам (в частности, схема смены собственника не устроила Минфин) процесс затормозился».

Подобная версия может иметь место в связи с тем, что летом этого года был убит глава КУГИ Приморского района А. Маймула.

Но Михаил Маневич, помимо того, что имел непосредственное отношение к морскому порту, является также одним из разработчиков другого крупного проекта — новой системы сдачи в аренду городской недвижимости.

Как утверждает «ОГ», «авторы законопроекта «О порядке определения арендной платы за нежилые помещения» предполагают ввести единую, научно обоснованную методику выработки тарифов; цену будет определять компьютер, а не чиновник из муниципалитета (прежде арендная плата в двух соседних особняках на Невском отличалась в 100 раз!). Новые тарифы уже просчитаны: сейчас город получает от арендаторов 500 млрд. рублей в год, а будет — 1—1,5 триллиона.

Для крупных коммерческих структур это — многомиллионные убытки».

Похоже, в последнее время страсти в северной столице вокруг приватизации недвижимости накалились до предела. А в такой обстановке возникновение новых и новых версий относительно убийства главного петербургского приватизатора — естественное явление. Не вызывает сомнений и то, что там, где замешаны большие деньги, до истины докопаться трудно.

Супруга бывшего мэра Санкт-Петербурга Людмила Нарусова склонна придерживаться такой версии: убийство Маневича — следствие конфликта между ним и представителями местных правоохранительных органов. В данном случае речь, в первую очередь, идет о председателе Комиссии по проверке и анализу итогов приватизации в 1992—1996 гг. Ю. Шутове, о котором упоминалось выше.

В свое время Маневич якобы распорядился закрыть доступ членам данной комиссии к служебной документации. Но, несмотря на запрет, Шутов и его люди за несколько месяцев посетили немало приватизированных предприятий. Как считает Нарусова, Шутов пытался ввести в руководство этих предприятий своих людей. Ее заявление в принципе не противоречит утверждению главы КУГИ Г. Грефа, который сообщал о том, что Шутов «выдвигал директорам некие условия».

Помимо того, по словам Л. Нарусовой, за неделю до своей трагической гибели, в разговоре с ней, вице-губернатор Санкт-Петербурга М. Маневич жаловался на то, что ему «выкручивают руки» и заставляют действовать на «краю закона». Она также указывает на то, что Маневича вынудили передать Шутову в управление госпакет акций Петербургской топливной компании.

Конечно, у Шутова тоже имеется свое мнение по поводу убийства вице-губернатора северной столицы.

«Получив доступ к святым святым городской приватизации, — пишет «ОГ», — он обнаружил, что Маневич, действительно, ходил «по краю закона». Один из сомнительных приватизационных проектов касался продажи полусотни шикарных особняков, принадлежавших дореволюционной аристократии».

«Трест, на балансе которого находились княжеские хоромы, — указывает далее тот же источник, — был преобразован в «организацию арендаторов» — так стали себя именовать работавшие в тресте строители, слесари и вахтеры. И вся эта структура, вдруг превратившаяся из учреждения по обслуживанию и реконструкции памятников архитектуры в их арендатора (АПРЭО «Нежилой фонд»), получила свое право выкупить особняки по балансовой (не сопоставимой с рыночной) стоимости».

Каким образом такое могло случиться? Наше воображение, склонное к проявлению фантазии, может родить любую, даже, казалось бы, самую невероятную идею. И что более примечательно — подобная идея может быть даже зафиксирована в официальных документах.

К примеру, можно уменьшить здания в объемах, что, соответственно, снизит и цену на них. Или вдруг «организация арендаторов» в письменном виде изъявит желание отказаться от участия в дележе недвижимости.

Так вот, по версии Шутова, шикарные особняки, принадлежавшие некогда нашей дореволюционной аристократии, планировалось перепродать иностранцам, но уже по рыночным ценам. А те проявляют необычайную дотошность к изучению документации, когда дело касается их материального интереса. Просмотрев документы, европейские покупатели (что следует

из данной версии) решили усомниться в законности их оформления. В таком случае встал вопрос о повторном договоре с чиновниками из КУГИ. А это, в свою очередь, предполагало новые затраты. Как следствие — кое-кто из чиновников, заинтересованный в сделке, мог обидеться на Маневича.

Что именно послужило поводом к убийству вице-губернатора Санкт-Петербурга, и было ли связано это трагическое происшествие с профессиональной деятельностью Маневича, предстоит решить следствию. Остается надеяться, что это дело получит свое логическое завершение, а не завязнет в трясине нашей отечественной юриспруденции, как это нередко случается в последнее время.

Таким образом, власть, помимо денег, рождает также небезосновательную тревогу за свое будущее. Мне, действительно, интересно, что заставляет человека желать власти? Наверное, ведь не только то, что власть — деньги — золото — не взаимоисключающие друг друга понятия.

Иногда власть дает возможность человеку возвыситься до недостижимых высот. До таких, перед которыми закон отступает, как не имеющий большого смысла придаток к власти.

Слава богу, у нас в стране — при всех плюсах и минусах нашего национального менталитета такое безоговорочное возвышение невозможно. На мой взгляд, демократическое мышление лучше усваивается на европейской почве, нежели на азиатской, где также существуют свои специфические нормы поведения людей, традиционно складывавшиеся на протяжении многих столетий.

Почему я затрагиваю эту тему? Во-первых, из любопытства. Интересно знать, как регулируются взаи-

моотношения между жаждой абсолютной власти и алчностью к богатствам достигших власти государственных деятелей в других странах, которые ранее входили в состав СССР. Во-вторых, чтобы лучше разглядеть нашу действительность, необходимо сопоставить свою жизнь с жизнью людей в других странах. И в-третьих, Россия и после распада Советского Союза продолжает поддерживать политические и экономические связи с республиками ближнего зарубежья.

Образ Сапармурата Ниязова, главы и неоспоримого лидера Туркменистана, в связи с вышесказанным, весьма любопытен. С Россией это государство связывают партнерские взаимоотношения по нефти и газу.

Когда летом Туркменбаши посетил нашу страну, в прессе прошло сообщение, что Ниязов прибыл к нам, чтобы выяснить приоритет по нефтяному партнерству, касавшийся месторождения «Кяпаз» («Сердар»), а также пожаловаться российскому президенту на «Газпром», который, по его словам, много лет его обижает.

Сапармурат Ниязов желал публичных извинений за российско-азербайджанское соглашение по каспийскому нефтяному месторождению «Кяпаз», и он его получил. Следует заметить, что данное соглашение была заключено в первых числах июля этого года и носило характер протокола о намерениях. Оно предполагало договоренность о совместной разработке месторождения, запасы которого оцениваются в 50 млн. тонн (только разведанные запасы), между Государственной нефтяной компанией Азербайджанской республики — с одной стороны и «Роснефть» и «ЛУКОЙЛ» — с другой стороны.

Что же так не понравилось Ниязову в этом соглашении? Туркменбаши считает месторождение «Кяпаз» своим, поскольку оно ближе к туркменскому берегу,

чем к азербайджанскому. В честь своего лидера туркмены называли это месторождение «Сердар», что по-туркменски означает «вождь». Министр иностранных дел и вице-премьер республики Б. Шихмурадов пригрозил, что в том случае, если на месторождении начнутся какие-либо работы, то на Каспии «может возникнуть еще один Карабах». Он же предупредил, что туркменская авиация начнет патрулировать спорные акватории. До такого, впрочем, не дошло. Ниязов явился в Москву и в основном отстоял свою личную честь.

Что же касается другого вопроса — утверждений, что «Газпром» много лет обижает Туркменистан, то тут для Туркменбаши дела обстояли гораздо сложнее. История недовольства «Газпромом» уходит своими корнями в 1992 г., когда Туркмения, поставлявшая в общесоюзную газопроводную сеть около 30% газа, потребовала от РАО соответствующую долю в валютной выручке от экспорта газа в Европу. «Газпром» отказал, аргументируя тем, что туркменский газ поступает в страны СНГ — Украину, Молдавию, Грузию, Армению — а на экспорт идет, а значит, и оплачивается в СКВ исключительно российский газ. Тогда же оскорбленная туркменская делегация прервала переговоры и покинула Москву.

Ниязов решил самостоятельно решить проблему оплаты в СКВ туркменского газа. В расчете на будущие прибыли от экспорта не только газа, но и нефти он стал проводить политику максимального привлечения внешних займов, видимо, желая превратить Туркменистан в среднеазиатскую Швецию. В столице с той же целью было понастроено огромное количество пятизвездочных отелей и фешенебельных дворцов, где должны были проходить международные конгрессы,

многосторонние переговоры, конференции по урегулированию — одним словом, все, как положено. И вся эта деятельность должна была принести казне стабильный доход, а туркменскому лидеру досталась бы слава координатора и миротворца.

Народу в таком случае выпадали не менее заманчивые достижения: бесплатный проезд, дешевый хлеб и прочие жизненные наслаждения. Туркмения провозгласила себя нейтральным государством. Однако, далее дело не получило желаемого развития. Отели, дворцы и конференц-залы пустуют по сей день, Туркменистан остается практически изолированной страной, и на то имеются вполне определенные оправдания. Ну, а расхлебывать неоправдавшие себя грандиозные задумки Туркменбаши, как водится, приходится собственному же народу. Казна пустует, внешняя задолженность по независимым оценкам уже превысила 5 млрд. долларов и продолжает набирать быстрый темп. Чтобы объяснить причину такого плачевного положения, туркменский лидер обвиняет «Газпром» во всех внутренних экономических трудностях.

«Газпром» тем временем свою позицию не изменяет. Новое противоречие между РАО и руководством Туркменистана возникло вследствие того, что РАО забирало себе часть денег, которые Украина иногда платила Туркмении за газ. В данном случае посредником в операциях между двумя республиками выступало российско-украинское СП «Итера», в котором 45% капитала принадлежит «Газпрому». А это весьма немалые суммы. Как считает сам Ниязов, газовый долг Киева Ашгабату превысил 600 млн. долларов. Всего добыча газа в Туркменистане в прошлом году составила 35 млрд. кубометров, из которых примерно 20 млрд., по словам руководства страны, было экспортировано

в Западную Европу. Российский «Газпром» по этому поводу имеет собственное мнение.

Чтобы избавиться от зависимости от «Газпрома», Туркменистан строит свои экспортные газопроводы — через Афганистан в Пакистан и Индию, а также через Иран в Турцию. Однако, «афганскому» проекту мешает непрекращающаяся там война. В Турции же завоевал прочные позиции по экспорту газа «Газпром», который в самое ближайшее время рассчитывает увеличить поставки в несколько раз.

Такие претензии имел Сапармурат Ниязов, направляясь летом этого года в Москву. Но если, как указывалось выше, относительно нефтяного месторождения «Кяпаз» ему удалось добиться от российского руководства публичных извинений за соглашение России с Азербайджаном, то в вопросе с газом президент Ельцин был непреклонен. Он заявил, что поддерживает и «Газпром», и лично Рема Вяхирева. Таким образом, оба президента договорились, что туркменский газ будет идти в республики СНГ по-прежнему по российским трубопроводам. Однако, говорить, что конфликт на этом исчерпан, пока преждевременно.

Но что представляет собой личность самого Туркменбаши? Ни для кого не секрет, что Сапармурат Ниязов обладает у себя на родине такой безоговорочной полнотой власти, которая нашим кремлевским высокопоставленным политикам даже не снилась.

«Это, действительно, уникальный человек, — говорит о нем А. Кулиев, бывший министр иностранных дел Туркменистана. — Он одновременно отдает свои силы на постах президента, премьер-министра, председателя верхней палаты парламента, председателя Совета старейшин, президента гуманитарной ассоциации, председателя единой политической партии, глав-

нокомандующего вооруженными силами, председателя Совета обороны и Совета национальной безопасности и к тому же еще руководит гражданской обороной. Парламент наделил его титулом «Туркменбаши», что значит — «отец всех туркмен во всем мире».

Его лицо можно встретить повсюду, в том числе, и на деньгах. Его памятники украшают почти все городские площади. Он контролирует все газеты и прочие средства массовой информации. Ни одно назначение на государственные посты не обходится без его благословения. Сапармурат Ниязов руководит Туркменистаном еще с первых лет независимости, и он останется на своем посту как минимум до 2002 года».

Имея неограниченную власть в стране, Ниязов является обладателем столь же неограниченного богатства. Он живет, как король, а его семья — как королевская семья. Народом это воспринимается как должное, без единого упрека или нарекания со стороны туркменских политиков или местной прессы. Как утверждает лондонская «Sunday Times», сын Туркменбаши за одну ночь проиграл 8 млн. фунтов (почти 13 млн. долларов) в испанском казино. Между тем, средний заработок туркменского труженика составляет лишь 10—15 долларов ежемесячно. Воды в жилых домах нет почти весь день, даже в столице. Но рядом с президентским дворцом бьют фонтаны. Вообще, в столице Туркменистана 10 президентских дворцов и в скором времени будет построена гигантская копия парижской Эйфелевой башни с такими же гигантскими статуями Туркменбаши на вершине.

Само собой разумеется, что в условиях всеобщего обожания манипулировать голодным народом вовсе нетрудно. Это показывают примеры из истории (а Ниязов начинал свою политическую карьеру при СССР),

для этого почва была подготовлена заблаговременно. Поэтому Туркменистан — страна, где личная преданность президенту ценится превыше всего.

Сам Ниязов воспринимает свой высокий титул «Туркменбаши» как нечто должное и неотвратимое. Он склонен и вправду считать себя отцом туркменской нации. Мало того — он ощущает себя на родине не то Богом, не то римским императором.

Как считает Кулиев, одним из отличительных талантов туркменского лидера является его уникальная способность повышать собственный авторитет. В 1985 г. Ниязов стал секретарем Коммунистической партии Туркмении, от этого момента и началось его высокое восхождение до неограниченной власти в стране. По существу, с той поры и до настоящих дней он остается первым человеком в республике.

Когда-то, еще до перестройки, он любил посещать рынки, где неизменно заводил беседы с трудящимися о ценах на продукты, о том, что волновало их в первую очередь. Уже тогда будущий Туркменбаши знал, что нужно населению и как изменить жизнь народа в лучшую сторону. Ориентиры светлого будущего рисовались им с определенной точностью, он был уверен, что только он сможет принести счастье и процветание для населения Туркменистана.

Все эти пламенные речи глубоко западали в душу каждого труженика. Возможно, и поэтому в том числе, когда в октябре 1990 г., незадолго до распада СССР, Ниязов организовал первые президентские выборы в Туркмении, проходившие по-советски, на безальтернативной основе, он вышел абсолютным победителем. 97% избирательных бюллетеней были в его пользу. В декабре того же года Компартия Туркмении была трансформирована в Демократическую, а Ниязов стал

ее председателем. Позже он победил и на независимых выборах президента Туркменистана, получив 99,99% голосов. И вновь конкурентов на столь высокий государственный пост у Туркменбаши не оказалось.

В конце 80-х — начале 90-х Туркменистан не избежал «демократической болезни», которая требовала многопартийной системы в стране. Стали возникать различные оппозиционные партии и движения: Партия единства, Партия демократического развития, Сельская партия справедливости и некоторые другие. Однако, стоило Ниязову прочно обосноваться у власти, как все эти новоявленные партии быстро исчезли, а многие демократические деятели вынуждены были отправляться в изгнание.

«За пять лет настоящей диктатуры, — утверждает Кулиев, — Туркменбаши превратил страну в весьма закрытое государство. Цензура действует активно и повсеместно, из газет, журналов, радио и телевидения исчезли критические комментарии. Все, чем занимаются местные средства массовой информации — это восхваления президента и мощной президентской власти; газеты заполнены отчетами о правительственных приемах и заседаниях кабинета министров, президентскими посланиями и официальными экономическими новостями. Все газеты и журналы начинаются с клятвы верности своей стране, где есть и такие слова: «Пусть отсохнет мой язык, если я покритикую Тебя!»

Активная пропаганда культа личности Ниязова началась в 1992 г., когда один из членов президентского совета повесил портрет Ниязова в своем кабинете. Его пример перенял губернатор Марийской области, который назвал один из колхозов именем Ниязова. Ниязову очень понравилась инициатива этих двух политиков, и он предложил им высокие посты в своем окружении.

В скором времени государственные чиновники по всей стране поспешили сделать то же самое. Началось необъявленное соревнование: кто повесит больше портретов Ниязова где только можно. Сначала портреты Ниязова появлялись только в кабинетах, но потом они распространились повсюду: теперь их можно увидеть даже в магазинах.

Местные руководители попросили у Ниязова разрешение на переименование колхозов и предприятий в его честь. В областных центрах, городах и даже на селе стали появляться памятники Ниязову. В самых красивых местах власти начали строить дворцы для него. Его имя носит город, два сельских района, один из трех районов столицы, корабль, больницы и поликлиники, Академия сельскохозяйственных наук, сельскохозяйственный институт, школы, улицы и площади...

В мае 1993 г. Совет старейшин принял решение о возведении памятников Ниязову во всех городах и селах страны. Еще через несколько месяцев парламент присвоил Ниязову имя Туркменбаши, а его день рождения — 19 февраля — стал государственным праздником страны.

Ниязов дважды получил звание «Герой Туркменистана», и каждый раз, прикрепляя на грудь медаль, ложил в карман 100 тыс. долларов. Пока этого звания удостоен только он. Руководители зарубежных нефтяных компаний, который действуют в Туркменистане, получили государственную награды — Звезду президента.

Будто члены Святого семейства, президентские родители тоже возвышены до небес: в их честь названы две улицы в Ашгабате, кинотеатр и текстильное предприятие носит имя матери президента, а одна больница названа в честь его отца. Памятники роди-

телям президента можно увидеть в нескольких городах Туркменистана.

В 1994 г. туркменский народ почти единогласно решил продлить срок ниязовского президентства до 2002 г. После этого решения, по предложениям местных властей, предприятий и организаций, начали создаваться песни, стихи и фильмы, посвященные Туркменбаши, а также его скульптуры, фотоснимки и портреты. От художников, композиторов, поэтов стали требовать как можно больше освящать жизнь и деятельность Туркменбаши.

Хотя популярность Ниязова очень высокая, он очень не любит критику. Однако, чаще всего его критикуют иностранцы и изгнанники. Начиная с 1994 г., туркменские средства массовой информации неустанно повторяли, что Российский Союз писателей предлагал кандидатуру Ниязова на Нобелевскую премию и что множество известных поэтов, художников и политиков, среди которых и сам Михаил Горбачев, поддержали это выдвижение. Но после того, как высланный туркменский писатель Акмухамед Вельсапар выступил в российской прессе с рядом статей, доказывающих, что Ниязов никогда не рассматривался как возможный кандидат на Нобелевскую премию, а Горбачев, вообще, ничего про него не знает, кампания в туркменских СМИ прекратилась.

Зная слабость Ниязова к похвалам и дифирамбам, западный бизнесмены охотно этим пользуются. Одна турецкая компания напечатала многотомный сборник речей Ниязова, чтобы их можно было распространять на Западе, как это в советские времена делалось с произведениями Леонида Брежнева. Нидерландские любители цветов вырастили новый сорт георгинов, который называли «Туркменбаши». Во Франции создали парфюмерию с таким же названием. Эти маневры принесли

предпринимателям огромные льготы в Туркменистане и фантастические доходы.

В 1993 г. Ниязов часто появлялся на экранах телевизоров и призывал народ не беспокоиться относительно будущего, так как на счетах в зарубежных банках Ниязов имеет 3 млрд. долларов. Но вскоре газета «Туркменская искра» напечатала статью относительно валютных резервов страны: «С целью сохранения экономической стабильности государства... президент Туркменистана решил объявить валютные средства, которые находятся на счетах в Центральном банке, валютными резервами Туркменистана». А деньги с валютных резервов могут быть сняты только по распоряжению президента».

Но, как говорится, Восток — дело тонкое... Следует признать, что там, действительно, существуют свои специфические порядки, которые иногда не доступны пониманию человека с европейским мышлением. В таком случае, фраза «демократия по-азиатски», наверное, имеет определенный смысл. Однако, сущность такой демократии подразумевает сильную власть, которая принадлежит одному человеку или небольшой группе лиц в государстве.

Обратим свой взор в другом направлении. Опять-таки, чтобы лишний раз убедиться в правильности утверждения: власть рождает деньги.

Другая страна (в недалеком прошлом — братская союзная республика, а ныне — «самостийное» государство), Украина, в последнее время претендует на сенсацию. Мировая пресса печатает статьи о коррумпированности высокопоставленных тамошних чиновников — генерального директора Государственного Украинского пароходства Павла Кудюкина и бывшего президента Украины Леонида Кравчука.

Что послужило поводом к такому беспрецедентному факту?

Нынешним летом была проведена совместная операция следователей баварского Министерства по делам уголовной преступности и представителей украинских правоохранительных органов. Как заявил немецкому еженедельнику «Фокус» руководитель баварского Министерства по делам уголовной преступности Йозеф Гайсдорфер, некоторые активные политики на Украине пытаются установить контакт с зарубежными преступниками, что наводит на мысль об их непосредственном участии в различных незаконных предприятиях.

Когда в 1995 г. Леонид Макарович Кравчук отправился в Израиль, таможенники аэропорта «Бен-Гурион», проведя досмотр его вещей, обнаружили в чемоданах главы Украины 30 млн. долларов США. На вопрос, кому принадлежит это огромное состояние, Кравчук невозмутимо ответил: «Это мои деньги!»

Как считают следователи Германии и Украины, часть этих денег окольным путем была переправлена через Германию в швейцарские банки. Доказательством тому служит перевод 99 662 долларов США из бременского Commerzbank в Volksbank в швейцарском городе Санкт-Мориц на счет-инкогнито «457 Мария». Позже выяснилось, что владельцем этого счета является Александр Кравчук, близкий родственник бывшего украинского президента. А отправителем денег был Павел Кудюкин, фаворит тогдашнего украинского лидера.

Сейчас Кудюкин в Киеве, находится под следствием и ожидает приговора, который обещает быть суровым — от 10 до 15 лет тюрьмы. Что касается судебных санкций против Леонида Кравчука, то сотрудникам

украинской юстиции приходится нелегко. В настоящее время он является депутатом парламента, а на таких людей, как известно, распространяется депутатская неприкосновенность.

Следует также заметить, что долгое время сам Леонид Кравчук находился в тени, и его связь в подобных денежных махинациях установить не удавалось. Дело было поставлено на широкую ногу и со знанием дела в юридических законах. Генеральному прокурору Украины Ворсинову и председателю комиссии ВС по борьбе с коррупцией Омельченко пришлось немало потрудиться, прежде чем ниточка вывела на главного коррупционера государства — Л. Кравчука.

Представители Баварского министерства по делам уголовной преступности, оказывая помощь украинским коллегам, идя по следу счета «457 Мария», вышли на важный адрес: Паппенхаймштрассе, 3. Во дворе этого дома находился офис мюнхенской фирмы «Евроконсалт». В торговом регистре фирмы значилось следующее: «Экономическая консультация и деловое посредничество со странами Восточной Европы. Допускается торговля товарами всех видов...» Любопытно, что сама фирма была основана в 1992 г., когда Павел Кудюкин был назначен на пост руководителя «БЛАС-КО». В договоре о сотрудничестве, подписанном обеими фирмами, указывается на обязательство немецких партнеров построить в Киеве бизнес-центр.

Приведу цитату из материалов украинского следствия:

«С июня 1993 по август 1994 г. украинским навигационным обществом переведено на счет «Евроконсалт» 1 млн. 900 тыс. долларов США. Как удалось выяснить, в Киеве никогда не существовало даже представительства этого общества. Где сейчас эти 1,9 млн., следствию

неизвестно. Как считают служители украинского и немецкого законов, руководство фирмы «Евроконсалт», скорее всего, разделило эти деньги «порциями» по 100 тыс. долларов между физическими лицами. Вне сомнения, Кудюкин среди «обиженных» не был. Он получил от «Евроконсалта» не только новейшую модель «Мерседеса», но и чек с до сих пор неизвестной суммой, которую он перевел на свой номерной счет 1149848 в Commerzbank города Бремена. В Бремене деловой интерес Кудюкина был связан с верфью «Вулкан». Верфь в начале 90-х переживала не лучшие времена, и Кудюкин, как руководитель Украинского пароходства с годовым оборотом в 2,5 млн. долларов, заинтересовал немецких коллег. Немцев убедили, что кооперация с «БЛАСКО» позволит «Вулкану» расширить свои мощи, привлечь большое количество новой рабочей силы. В 1993 г., между Кудюкиным и шефом «Вулкана» был подписан договор о сотрудничестве. Как будто бы генеральный директор «БЛАСКО» получил в результате этой сделки 1,5 млн. дойчмарок. Сейчас этим фактом занимается Бременская прокуратура. Среди документов, которые попали в Баварскую криминальную полицию, есть один, датированный 1994 г.: «Пароходство «БЛАСКО», согласно сведениям надежных источников из Киевского уголовного розыска, по поручению Кравчука возглавляет подставное лицо — Павел Кудюкин».

Таким образом, у правоохранительных органов Украины появилось нечто весомое в доказательстве причастности к денежным махинациям первого лица этой страны в прошлом. Однако, баварской полиции удалось сделать еще кое-что в этом направлении — получить очень важные свидетельские показания от Михаила Шнайдера, уроженца Одессы, сейчас проживающего в Мюнхене. В «Евроконсалте» он стал работать после

того, как был убит российский мафиози Ефим Ласкин. Будучи телохранителем Ласкина, Шнайдер после его кончины стал одним из руководителей мюнхенской фирмы. Согласно своим показаниям, он принимал участие в различного рода трансфертных операциях денег Леонида Кравчука. Именно он передал бывшему украинскому президенту 700 тыс. долларов. А в ноябре 1993 г. по поручению Кудюкина привез в Киев 350 тыс. долларов для открытия филиала «ВЛАСКО» на Гибралтаре, одновременно получив еще одно поручение от Кудюкина — два заказных убийства: украинского парламентария и его друга. Кудюкин пообещал высокий гонорар за выполнение работы — 300 тыс. долларов.

Шнайдер, проведя необходимую подготовку, нашел в Гамбурге специалиста по изготовлению т. н. писем-бомб. Нагрянувшая в марте 1994 г. криминальная полиция обнаружила в мюнхенской квартире Шнайдера 120 граммов взрывчатого вещества. По мнению следователей Баварской криминальной полиции, заказ на убийство, осуществить которое было поручено Шнайдеру, исходил непосредственно от Леонида Кравчука.

«У меня будет достаточно власти, чтобы установить порядок в стране, — заявил Л. Кравчук, когда его сменил на президентском посту новый украинский лидер, Леонид Кучма. Остается только догадываться, что именно имел в виду Кравчук, произнося столь угрожающее заявление. Но пока из 500 уголовных дел, возбужденных против политических деятелей страны, замешанных в коррупции, пока еще не раскрыто ни одно.

Приводя такие потрясающие воображение факты из жизни наших отечественных политиков и политиков т. н. ближнего зарубежья, я нисколько не ставила перед собой цель каким-то образом запугать читателя.

Подобные проявления имеют место во всем мире, а не только на просторах бывшего СССР. Согласно здравому смыслу, они диктуются самой человеческой сущностью — стремлением к обогащению. Однако, понятно, что всякие перегибы, тем более, когда от этого страдает общество, не допустимы.

Что касается меня, то я, твердо веря в мудрость народа, убеждена: наша страна, вставшая на правильный — демократический — путь развития, рано или поздно, обретет стабильность и материальное благополучие.

«ЖИВОЕ» ЗОЛОТО РОССИИ

*Есть только одно благо — знание
и только одно зло — невежество.*

Сократ

*Настоящее познание дается сердцем.
Мы знаем только то, что любим.*

Л. Н. Толстой

Что мы знаем о наших природных сокровищах? То, что Россия очень богата ими. И то, что нам свойственно распоряжаться ими без оглядки на будущее. И еще, несмотря на неслыханное по размаху браконьерство, мы почему-то уверены, что в районе Южных Курил у нас имеются неисчерпаемые ценные морские ресурсы, а на Каспии — столь же неисчерпаемое количество осетра и черной икры.

Так ли это? Если спросить иностранца, какие понятия ассоциируются у него с Россией, одними из основных компонентов будут: русская водка и российская черная икра. Мы же сами, покупая в магазине или на рынке икру, думаем: «Дорого, но что поделаешь? Это наш стратегический товар».

Действительно, еще совсем недавно более 90% черной икры на мировом рынке составляла русская икра. В лучшие годы СССР производил 1200 тонн икры, значительная часть которой шла на экспорт, что само собой подразумевает, какие бешеные деньги поступали в государственную казну от продажи такого дорогостоящего товара.

Чтобы представить себе доход от икорного бизнеса, посмотрим, какие оптовые расценки на этот товар существуют на абстрактном мировом рынке. Один килограмм черной икры стоит 430 долларов, а белужьей — 650 долларов. На конкретном Манхэттенском рынке розничная цена расфасованного в небольшие баночки килограмма достигает 1500 долларов.

Как видим, икорный бизнес — дело более, чем серьезное. И, как водится, там, где пахнет большими деньгами, проливаются реки крови, а сама тема становится своего рода запретной. Подтверждением тому может служить неслыханное событие, произошедшее 16 ноября 1996 г. Речь идет о трагедии в Дагестане, где на воздух взлетел целый жилой дом, в котором жили пограничники. Наиболее вероятная версия — месть мафии за икру на Каспии, за партию икры в несколько миллионов долларов.

Ну, а на сколько запретна эта тема, пишет в предисловии к книге «Война за икру» С. Бывалов:

«Эта книжка — документальная. Но это не значит, что, купив ее, как детектив, вы обманулись. Это и есть детектив, только он настоящий, а не выдуманный...

С распадом Советского Союза государство потеряло контроль над монополией на промысел и сбыт икры. Сотни миллионов долларов, не попадающие в казну России, — это сотни тонн потрошенной и брошенной браконьерами рыбы.

Наверное, мало кто знает, что в нынешней России после нефтяного и комсомольско-спортивно-водочного кланов третье место прочно удерживает рыбная мафия. Там работают не какие-то выскочки-дилетанты перестроечных лет, а тертые зубры, они ведут себя мудро, не высовываются, видать, недаром прошли для них уроки «икорного бизнеса» в 1970-х годах с громкими расстрельными приговорами; еще более громкого дела «Океан» в 1980-х, когда расстреляли замминистра рыбной промышленности Рытова, а почти вечного министра Ишкова, назначенного еще Сталиным, отправили на пенсию...

Очень информированные люди говорили мне, что икра — лишь вершина айсберга, и предупреждали меня не лезть в эти дела. Я внял их советам, жить мне пока не надоело, поэтому я не лезу...»

Что ж, следуя здравому смыслу, я тоже не стану совать нос в такую многообещающую запретную тему, а ограничусь лишь общедоступными фактами.

Как обстоят дела с осетром и черной икрой на Каспии, в свое время писали «Известия». Приведу, на мой взгляд, любопытные данные, характеризующие нынешнюю ситуацию:

«Еще недавно, в 70—80-е гг., вылов осетровых на Каспии только советскими рыбаками составлял 27—30 тысяч тонн ежегодно. В 1995 г. добыча осетровых Россией, Азербайджаном, Казахстаном и Туркменией упала до 3,1 тыс. тонн (правда, еще столько же выловили браконьеры). На 1996 г. наши ученые из КаспНИИРХ опреде-

лили квоту России всего в 800 тонн. При такой печальной динамике в течение ближайших 2—3 лет каспийские осетровые из промысловых рыб превратятся в персонажей Красной книги...

Когда в 60-е годы возникла первая угроза сокращения численности осетровых, СССР и Иран договорились прекратить промышленный лов этих рыб в открытом море. Промысел разрешался только в реках...

С образованием на берегах Каспия трех новых государств — Азербайджана, Казахстана, Туркменистана — возможность регулирования проблем рыболовства подобным образом исчезла. Рыбаки новых суверенитетов занялись ничем не ограниченным хищническим ловом. К вечным экологическим проблемам моря добавился плохо контролируемый вылов рыбы российскими автономиями — Калмыкией и Дагестаном, а также рыбаками Астраханской области... В итоге за последние 5 лет стадо осетровых в Каспии снизилось с 200 до 60 млн. особей.

Эта ситуация особенно нетерпима для России, так как она единственная из Прикаспийских республик бывшего СССР осуществляет широкомасштабные работы по воспроизводству ценных пород рыб. 17 рыбодобывающих предприятий нашей страны ежегодно выпускают в Каспий более 63 млн. мальков осетровых... При этом российская квота законного отлова такой рыбы составляет всего 1 тыс. тонн из 3 тыс., которые отведены всей четверке бывших Советских Республик...

...В минувшем году в целом по России удалось произвести всего 90 тонн этого продукта. На экспорт ушло только 40 тонн. Причем, не весь этот товар отличало прежнее высокое качество: поставки икры частными предприятиями Калмыкии, Дагестана, Астрахани часто не соответствовали прежним советским ГОСТам.

Нашими проблемами воспользовался Иран, заполняя своей продукцией «российские пустоты» на мировом рынке икры. В 1995 г. иранцы произвели около 200 тонн икры, из них 146 поставили на экспорт. Валютная выручка при этом составила 40 млн. долларов. В нынешнем году цены на икру взлетели на 50%, один килограмм ее стоит на мировом рынке 430 долларов».

Когда писалась эта статья, ее автор еще не знал, насколько он окажется прозорлив. А ведь он, как говорится, глядел в корень проблемы. По крайней мере, в одном он был абсолютно прав: в начале декабря 1997 г., согласно постановлению наших кремлевских властей, промысловая осетровая рыба, действительно, была занесена в Красную книгу.

Что послужило поводом к такому решительному шагу? Возможно, общая картина бедственного положения с осетром в стране и переходящая всякие границы дозволенного браконьерская добыча черной икры. А может быть, какой-либо конкретный случай, к примеру, недавно на одном из складов в Подмоскovie было обнаружено 10 тонн белуги на сумму 500 млн. рублей.

Вынужденная мера, не правда ли? Но можно было ли ее избежать? При правильной постановке дела, как подсказывает логика, конечно, да.

Однако, обратимся к тому, какие меры принимаются по борьбе с браконьерством в странах, где развивается икорный бизнес. В Иране браконьеров просто расстреливают еще на стадии ловли рыбы, с вертолетов. Для них подпольные икряные цеха также невозможны, как и подпольные молельные дома для правоверных хасидов. В США, что легко представить себе хотя бы по многочисленным американским боевикам, к этому делу при проведении операций подключаются огромные силы, начиная от тех, кто непо-

средственно контролирует водные просторы, и заканчивая спецподразделениями ФСБ, морскими пехотинцами и отрядами национальной гвардии. Конечно, нельзя забывать и о вооружении, и о мощной технике, которые сопутствуют успешному завершению подобных операций.

А в Америке и в Канаде, вопреки нашему устоявшемуся заблуждению на этот счет, тоже водится осетровая рыба. Помимо известных нам веслоносов и лопатоносов, там имеется также и атлантический осетр, который заходит для нереста в реки восточного побережья Северной Америки — от Лабрадора до Флориды. Родич атлантического — тупорылый — водится в более южных широтах — в Мексиканском заливе и дельте Миссисипи. В Великих озерах и реке Св. Лаврентия водится озерный осетр, а на Западном побережье от Аляски до Калифорнии встречается и наш сахалинский осетр, которого американцы называют по-своему, зеленый. Но встречается также и менее многочисленный, белый осетр.

До войны в Миссисипи добывали до 10 тыс. центнеров промысловой осетровой рыбы. Но было и такое время, когда американцы экспортировали свою осетрину и черную икру в Европу.

Но Бог с ними, американцами и прочими. Нам бы попробовать разобраться, что у нас на Каспии происходит.

По всему получается, что у нас дела в этом направлении обстоят плачевно. Таким образом, как там, что само собой разумеется, нашим правоохранительным органам вести борьбу с браконьерами не приходится. Что и говорить, нашим сотрудникам не то, чтобы армейские вертолеты, мощные катера на подводных крыльях, гранатометы не снились, порой им не хватает

даже элементарного: пистолетов, автоматов, обычных катеров. А ведь им приходится сталкиваться с мощной и организованной преступностью, которая превосходит их и по вооружению, и по технике. И при этом все, что они получают за работу — скромное, если не сказать больше, вознаграждение в размере 195 тыс. рублей в месяц (на 1995 г.), что составляет 40 долларов США. Стоит ли удивляться, что при таком раскладе рыбинспектора часто изменяют своему служебному долгу и вступают в сотрудничество с браконьерами.

Здесь следует заметить, что при тех наших нищенских условиях жизни, при которых большинству из наших людей приходится существовать, почти все население промысловых осетровых районов попадает в разряд браконьеров. И, не получая должного противостояния со стороны блюстителей порядка, они, действительно, начинают сознавать, что деньги в наше время решают все.

«А соблазн проучить браконьера велик, — пишет С. Бывалов. — Ведь наш браконьер обнаглел окончательно. Даже, когда над ним зависает вертолет, он, в лучшем случае, сделает ему неприличный жест, а может и пальнуть — в Дагестане так был сбит вертолет рыбинспекции. Там, в Дагестане, на островах севернее Махачкалы высадившийся десант спецотряда быстрого реагирования обнаружил на браконьерских базах даже гранатометы».

В попытке положить конец безрассудному уничтожению национального богатства, Кремль поручил Министерству внутренних дел России разработать и провести операцию «Путина». Такая операция была проведена в 1995 г. Непосредственно разработкой плана и ее осуществлением занимался полковник МВД Фролов.

«Путина-94» — едва ли не первая серьезная операция, которая проводилась одновременно в нескольких Прикаспийских регионах России, с привлечением в нее подразделений внутренних войск, отрядов ОМОНа, специальных отрядов быстрого реагирования — СО-БРА. К ней были также подключены и местные региональные — астраханские, дагестанские, калмыцкие — отделы по борьбе с организованной преступностью.

Для проведения операции было впервые выделена приличная техника. Полковник Фролов получил для личного состава войск МВД два вертолета, автобусы и грузовики; для оперативников, омовцев и собровцев — автобусы и легковые машины, в том числе, и три полицейских «форда»-перехватчика, несколько специально закупленных для операции американских полицейских катеров «Шериф». А помимо того, на оперативные расходы, включая и валюту для гонораров осведомителям, было выделено 1 млрд. рублей.

По сути, это была беспрецедентная для наших условий войсковая операция. Руководил ею круглосуточно работающий штаб, оснащенный отличной радиоаппаратурой.

«Главная задача, которая стояла перед руководством «Путины», заключалась в выявлении пути икры от браконьера к крупным поставщикам на Западе, а также уничтожение этой цепи. Для того, чтобы цель была успешно достигнута, было принято решение об одновременном нанесении удара по всем звеньям цепи. Для того же использовался водный транспорт и вертолеты, высаживались небольшие группы на острова волжской дельты, чтобы обнаружить браконьерские базы».

Нужно заметить, что это дело не из легких. Волжская дельта — одна из самых крупных в России

и насчитывает более полутысячи рукавов, проток, мелких речек с множеством островов между ними. Она же является своеобразной вотчиной местной икорной мафии.

«В камышах и плавнях дельты, — пишет С. Бывалов, — существует целая республика, не представленная в верхней палате нашего парламента как субъект федерации (хотя, черт ее знает, может быть, как раз и представленная втихую кем-то из наших доморощенных «сенаторов»?). Это — так называемое камышовое братство. Братва — это, как правило, бомжи и беглые преступники, которые, как испокон веков повелось на Руси, бегут в низовья рек...

Живут на островках — либо настоящих, либо, что чаще, рукодельных — плотках из автомобильных камер — с настилом из досок. На них живут, питаются и даже размножаются.

Обнаружить такой плот в камышах практически невозможно даже с воздуха. А по ночам братва садится в свои лодчонки и выплывает на меновую торговлю. Порой эти современные Челкаши выходят даже в море, где швартуются к нефтеналивным танкерам... и осуществляют бартер — меняют икру и красную рыбу на горючее двух сортов — для своих лодочных моторов и для себя лично...»

Благодаря четкой организации и скоординированности действий между всеми подразделениями, операция «Путина-94» прошла успешно. Были выявлены подпольные икорные цеха, взяты многие икорные барыги — прямо в конторах их нелегальных заводов, во время подвоза готовой продукции в банках с фальшивыми наклейками. О масштабе их деятельности свидетельствует то, что партии икры доходили до 200—300 кг.

Конфискованных в ходе операции браконьерских сетей хватило бы, чтобы опоясать ими дельту Волги.

Однако, пожалуй, самым успешным показателем проведенной операции является то, что в итоге никто из ее участников не был убит. И это, несмотря на то, что у браконьеров имелось неплохое вооружение. Даже в цехах по производству подпольной икры, помимо консервных банок и икры, были также пистолеты, ружья, автоматы Калашникова и автоматы полукустарного чеченского производства — «барсы». Всего в ходе операции было изъято 142 единицы огнестрельного оружия, задержано 1150 правонарушителей, из которых 248 находились в федеральном розыске.

Но и это не все. После вскрытия столь значительных фактов безрассудного уничтожения национального достояния Кремль всерьез задумался над важностью данной проблемы. Сейчас борьбой с браконьерством занимается ГУЭП — Главное управление по борьбе с экономической преступностью.

Согласно его материалам, в 1995 г. было «возбуждено 3142 уголовных дела, пресечена преступная деятельность 19 «подпольных» цехов по изготовлению баночной икры и балычной продукции, обнаружено и изъято 365 единиц огнестрельного оружия, 3 гранатомета... более 3,5 тыс. единиц боеприпасов, 65 единиц взрывчатых веществ... свыше 27 кг наркотических веществ... Из незаконного оборота изъято более 11 тонн икры рыб осетровых пород... свыше 120 тонн рыбы осетровых пород, изъято свыше 37 тыс. браконьерских орудий лова, 22 тыс. сетей, 968 единиц плавсредств, сумма административных штрафов составляет 4,3 млрд. рублей, предъявлено исков на сумму 5,1 млрд. рублей. Экономический эффект от проведения операции «Путина-95» превысил 65 млрд. рублей».

За первую половину 1996 г. «к уголовной ответственности привлекаются 3709 человек... из незаконного оборота изъято: 6,6 тонны черной икры, 158 тонн рыбы осетровых пород, 347 км рыболовных сетей, 869 плавсредств на сумму около 19 млрд. рублей. Раскрыто 361 ранее совершенное преступление, задержано 418 лиц, находящихся в розыске, конфисковано 777 единиц огнестрельного оружия и 7,5 тыс. боеприпасов, 85 кг взрывчатых веществ и 42 кг наркотических веществ. Пресечена незаконная деятельность 10 «подпольных» цехов по переработке рыбы ценных пород. Экономический эффект от 1-го этапа операции превысил 50 млрд. рублей».

Таким образом, в 1994 г. было конфисковано 5 тонн икры, в 1995 — 11 тонн, в первой половине 1996 — 6,6 тонн, а к его окончанию — примерно, 12 тонн. Экономический эффект от проведенной весной 1996 г. очередной «Путины» составил 50 млрд. рублей».

А теперь вопрос на засыпку. Как вы думаете, куда идет конфискованная у браконьеров икра?

Она поступает на внутренний рынок, так как для внешнего не пригодна из-за несоответствия стандарту. В ней может содержаться многократное превышение микроорганизмов. А это говорит о том, что она заражена бактериями, опасными для человеческого организма.

Золотой стафилококк, например, как утверждают медики, очень агрессивен и может вызывать массу заболеваний, начиная от кишечной инфекции и заканчивая гнойными заболеваниями кожи, подкожной клетчаткой, эндокардита, артрита, воспалением легких, остеомиелитом, сепсисом и синдромом токсического шока... Но, в лучшем случае, у человека, проглотившего такой золотистый стафилококк вместе с ик-

рой, возникает ощущение тошноты или рвота, или боль в животе, или позывы, связанные с расстройством желудка...

Итак, о чем мы, возможно, задумаемся, когда в следующий раз отправимся в магазин покатать небольшую баночку икры?

«Какую икру покупаем?», «Дорого, но что подделаешь, раз это стратегический товар России?», «Дешево, по сравнению с тем, сколько стоит черная икра на мировом рынке?»

Но и это еще не все, о чем мы, возможно, могли бы задуматься. Помимо того, что из-за браконьерства наша казна лишается огромных сумм, браконьеры наносят своей деятельностью непоправимый ущерб природе. Осетру требуется 12 лет для того, чтобы из миллиметрового малька превратиться в гигантскую рыбину, созревшую для потомства. Осетр не успевает воспроизводиться, поскольку его отлов значительно превышает темпы воспроизводства. При таких темпах его исчезновение — лишь дело времени. Полное исчезновение — за десять, пять, а может быть, и менее лет.

Есть еще одна любопытная тема для размышлений — статья 163 УК РСФСР, согласно которой пойманный на «месте преступления» браконьер наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до двух минимальных зарплат, с конфискацией добытого неправомерным путем, а также конфискацией орудий лова и плавучих средств с их принадлежностями или... без конфискации. Все зависит от того, в который по счету раз попался такой браконьер.

А теперь давайте обратим свой взор в сторону Южных Курил и посмотрим, как обстоят дела с неисчерпаемым запасом ценных морских ресурсов там.

Там, как раз, кажется, все в норме, поскольку в порядке заинтересованы весьма высокопоставленные кремлевские чиновники.

В ноябре 1997 г. в Красноярске происходила встреча Российского Президента Б. Н. Ельцина с японским премьер-министром Рютаро Хасимото. Эта встреча широко освещалась в прессе и иных средствах массовой информации. «Рамочные соглашения» готовились заранее, в процессе интенсивных переговоров и касались, в частности, организации рыбного промысла в районе Южных Курил.

Согласно совместным усилиям японской стороны и Российского МИДа, японские шхуны получили возможность свободного допуска не только в исключительно экономическую зону России, но и в наши территориальные воды; недавно считавшиеся браконьерами, сейчас желанные гости и могут ставить ловушки в непосредственной близости от «спорных» островов.

Вот как эту ситуацию комментирует «Комсомольская правда»:

«Пока речь идет о 9—10 тысячах тонн ценных морских продуктов ежегодно. Формально — на платной основе. Японцы, дескать, покупают квоту, а полученная валюта идет на развитие социальной сферы и разведение лосося на Южных Курилах... Но в том-то и дело, что соглашение в его нынешнем виде — не просто очередная уступка России в многолетнем территориальном споре. Оно, по сути, дает зеленый свет массовому грабежу природных богатств. Посланцы Страны всегда восходящего солнца заявляют: “Ловить — это да, мы согласны, а вот демонстрировать наши суда и проверять, сколько выловили, — никогда!” Такой контроль (между прочим, принятая во всем мире практика), видите ли, оскорбляет их национальные чувст-

ва — они ведь считают острова и, естественно, окружающие их воды “своими”...

Но то японские дипломаты. Их специфический интерес можно понять. А что же наши Горчаковы и Чичерины? Они-то почему, закрыв глаза на все экономические расчеты, добавляют в это “блюдо” перчика и давят на специалистов из российских рыбоохранных ведомств: “Скорее соглашайтесь. Причем здесь рыба, если есть интересы высокой политики”?..»

Не знаю, я не специалист в вопросах высокой политики, а поэтому разбираться в том, насколько правильное решение принял Российский МИД, не могу. Впрочем, все же хочется, чтобы снова не вышло так: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда».

И, вместе с тем, понятно, сколь необходима валюта для развития социальной сферы и разведения лосося на Южных Курилах. Раз уж ее больше нигде взять, кроме как допустив японцев в свою территориальные воды, то с этим ничего не поделаешь. Не пострадала только бы от этого рыба.

Заместитель министра иностранных дел России Григорий Карасин склонен смотреть на вещи оптимистично.

«Мы исходим из того, — утверждает он, — что в зоне действия соглашения японские рыбаки смогут заниматься ловом только... на основе российских законов — это однозначно. Как еще можно действовать в наших территориальных водах? Промысел должен осуществляться только в рамках научно просчитанных квот, на основе покупки лицензий, а что мы можем выделить для лова, будет определять Российский Департамент по рыболовству. Финансовая компенсация пойдет на сохранение этих самых морских богатств — в том числе, и силами пограничников, — а также на решение социальных проблем островов».

Кстати, Карасин считает, что о строгом контроле в акватории говорить сложно, поскольку материальное обеспечение пограничников оставляет желать лучшего. У них порой нет даже горючего, чтобы осуществить контроль за браконьерами.

А относительно ущерба, наносимого российскими «теневиками», заместитель министра иностранных дел утверждает, что его размер, действительно, велик. «В частности, — говорит он, — по некоторым данным, потери России только от браконьерского промысла краба в 1995 г. превысили 600 млн. долларов». А согласно информации Дальневосточного таможенного комитета, убытки того же года составили 85 млн. 585 тыс. долларов — «всего с учетом хищений, неуплаты налогов и т. д. доходы отечественного, а не «соседского» японского криминального бизнеса в сфере добычи и реализации морепродуктов ежегодно составляют 12—18 трлн. рублей. Эти цифры в реальности, боюсь, на порядок выше».

Таким образом, соглашение между Россией и Японией как раз и касается наведения порядка в использовании наших ресурсов: «соглашение дает реальную возможность наладить в этой области взаимовыгодное сотрудничество с соседями, привлечь их капитал для создания и модернизации мощностей по воспроизводству уже основательно пострадавших живых ресурсов». Что же касается самих «живых ресурсов», о которых мы склонны проявлять столь великую заботу, то они в этом деле остаются в стороне, что само собой подразумевается. Как считает Карасин: «ему, бедному (это о крабе — В. К.), все равно, кто его варварски истребляет».

Что ж, с таким утверждением трудно не согласиться. Остается ждать и надеяться, что новое решение

в действительности окажется столь эффективным, как об этом говорится.

ХРАНИТЕ ВАШИ СБЕРЕЖЕНИЯ В ЗОЛОТЫХ СЛИТКАХ

Бедный человек смеется чаще и беззаботнее, чем богатый.

Сенека

Жалостливый не бывает богат; богатый — наверное, не жалостлив.

Маньчжурская поговорка

В последний день июня 1997 г. россияне получили право на покупку золотых слитков. Теперь, согласно постановлению правительства, мы имеем возможность вложить наши сбережения в золото. Не в золотые кольца, браслеты, монеты, статуэтки, а в желтые металлические прямоугольники, весом в двадцать, пятьдесят, сто, пятьсот граммов, а то даже и целыми килограммами. В то же время банкиры получили право на продажу этих слитков населению, на их хранение, что расширило круг деятельности отечественных банков.

Это явилось своего рода победой в затянувшейся борьбе всех против всех: между банками и государством, еще недавно имевшим исключительную монополию на золотой рынок страны, между банками и Гохраном, между коммерческими банками и Центробанком, который имел и продолжает иметь привилегированное

положение в этом отношении. Однако, победа, как водится, расколола победителей. Одни банки восприняли постановление правительства как величайшее благо и тут же принялись петь дифирамбы и говорить о «новой эре» в истории золотого рынка России. Другие не выражали свои эмоции столь бурно, а наоборот, отнеслись к нововведению скептически: мол, за настоящую либерализацию предстоит еще долго бороться.

Но любопытно, почему банки так по-разному отреагировали на постановление правительства? «Золотой пакет» включает в себя три документа. Одновременно с постановлением, разрешающим продавать мерные слитки драгметаллов населению, увидело свет и другое — о регулировании цен на драгметаллы. Несколько позже Президент подписал указ «О некоторых мерах по либерализации экспорта из Российской Федерации аффинированного золота и серебра». Этот документ явился последним из пакета трех документов, которые либерализуют наш золотой рынок. Им же, банкам, удалось добиться права «осуществлять экспорт аффинированного (то есть очищенного — В. К.) золота и серебра» без каких бы то ни было ограничений. Чтобы вывозить золото за границу, достаточно обычной банковской лицензии, которая имеется у любого банка и, помимо того, лицензии Центробанка на право работать с драгметаллами, а такая лицензия имеется сейчас лишь у двадцати банков, и, наконец, экспортной лицензии Министерства внешнеэкономических связей и торговли.

Совершенно очевидно, что на золотом рынке могут работать не все коммерческие банки. Как считает Дмитрий Игнатьев, руководитель секции драгметаллов АРБ, в силу «исторических причин» бизнес различных банков «нацелен на разные сегменты золотого рынка».

Вот в этом и кроется причина того, почему банкиры отреагировали на постановления правительства о регулировании цен на драгметаллы и о купле-продаже мерных слитков драгметаллов населению так по-разному. Одни банки, к примеру, «Российский кредит», СБС-Агро или Мосбизнесбанк, изначально ориентировались на внутренний рынок и готовились продавать слитки населению. Другие — ОНЭКСИМбанк, Инкомбанк — сразу нацелились на экспорт золота. Такая деятельность позволила бы им привлекать иностранные капиталы в отечественную золотодобычу, с которой они весьма тесно связаны.

Таким образом, говорить о завершении борьбы между банками пока еще рано. Но население не принимает в ней участие, поскольку уже сегодня каждый россиянин может отправиться в банк (но не в любой, а только в тот, который занимается подобными операциями) и купить себе слиток золота.

Купить, действительно, очень просто. Право продавать золотые слитки населению получили уже несколько десятков банков. Среди них — уже упоминавшиеся выше: «Российский кредит», Инкомбанк, СБС-Агро, ОНЭКСИМбанк и другие. «Российский кредит» стал производить продажу золотых слитков населению в числе первых. Следует заметить, что начальник департамента драгметаллов этого банка Павел Хорошев, уже спустя менее двух недель после выхода правительственного постановления, был полон оптимизма и считал, что за 2—3 месяца спрос на золотые слитки со стороны частных клиентов может составить до 500 кг.

Но зачем населению покупать золотые слитки, и кто может позволить себе такую роскошь?

С одной стороны, золото — мерило ценностей, в него выгодно вкладывать свои сбережения. С другой сто-

роны, как показывает практика, свои сбережения можно вложить выгодно и в валюту. Приобрести, к примеру, доллары, положить в сберкассу и спокойно получать процентов 7 в год. К тому же, руководитель Центробанка утверждает, что хранить свои сбережения в отечественных рублях не менее выгодно. Но наше население не слишком доверяет подобным утверждениям. Тут, надо признать, имеется некоторый смысл. И один из показателей его — падение рубля. Правда, обещают, что в очень скором будущем такая тенденция прекратится. Однако, и доллары, как показали последние события, также не являются абсолютно надежным капиталовложением.

Значит, можно остановиться на золоте. Во-первых, оно — мерило ценностей. А во-вторых, это патриотично. Вкладывая свои сбережения в доллары, мы кредитруем американскую экономику. А вкладывая свои сбережения в золотые слитки, мы решаем массу отечественных проблем.

Однако, давайте посмотрим, насколько стабильно само золото. «Если не верить в золото, то во что же? — задался подобным вопросом корреспондент «Итогов» Алексей Каменский. — Так, видимо, и думают те пенсионеры и пенсионерки, которые покупают внукам в наследство 20-граммовые пластиночки. Если бы эти старички и старушки в состоянии были понять, что происходит с золотом на мировых рынках, они были бы неприятно удивлены. Постоянные кульбиты, которые совершает на рынке золото, плохо согласуются с бытовым представлением о его стабильности. В благословенном 1988 г. оно стоило 437 долларов за труйскую унцию (этой унцией измеряются драгметаллы, она чуть больше обычной — 31 грамм с хвостиком, а называется так в честь французского города Труа,

где когда-то торговали драгметаллами). А к 1992-му подешевело на целых 20% (344 доллара за унцию). Сейчас же на золотом рынке и вовсе беда. С начала прошлого года золото неудержимо дешевеет. И чем дальше, тем быстрее. В этом месяце (июле — В. К.) цены поставили рекорд последних 12 лет. Труйская унция стоила в Нью-Йорке всего 319 долларов. И если, например, кто-то вложил деньги в золото в 1988-м, а в этом июле они ему срочно понадобились, потери его составят больше четверти накоплений — 27%. А с учетом того, что цена покупки золота меньше цены продажи на 1—6% почти треть».

Конечно, такие потери можно предвидеть. Тому, например, кто разбирается во всех тонкостях дела. Можно даже использовать ценовые катаклизмы с золотом для собственной выгоды: купить его накануне подорожания и распродать, когда цена на него подскочит до максимальной точки. Такое даже доступно любому, кто способен внимать прогнозам биржевых аналитиков. Но, следует признать, что в большинстве своем наше население экономически безграмотно.

Однако, предугадать что-либо, если это касается своего материального благосостояния, на практике оказывается весьма и весьма сложно.

«В январе прошлого года, — как указывает тот же источник, — когда золото стало дорожать, знатоки в один голос обещали, что оно легко достигнет цены 420 долларов за унцию. Вскоре цены почему-то стали падать. Это специалистов, впрочем, не обескуражило: все просто, сказали они, идет некая «техническая коррекция»; цены слишком быстро выросли, и теперь придется им немножко упасть, а владельцам золота — немножко потерпеть. Но, в общем, ничего страшного: «Большинство биржевых наблюдателей уверены, — от-

мечало агентство Reuter 20 февраля прошлого года, — что ниже психологически важного уровня в 400 долларов цены все равно не опустятся».

Неделей позже тот же Reuter сообщило следующее: «Цены упали ниже психологически важной отметки 400 долларов за труйскую унцию и продолжают снижение». Вот и верь после этого людям. Биржевые аналитики, впрочем, и тут нашлись. Казалось, заявили они, что в период общего падения цен на рынке все будут вкладывать в золото и оно подорожает, — но само это общее падение цен биржевики на этот раз почему-то сочли временным явлением... Короче говоря, истинные причины и следствия всегда устанавливаются, но — постфактум, когда цены уже совершили очередной дикий и непредвиденный скачок.

Дело, видимо, в том, что биржевые игроки — люди с крайне неуравновешенной психикой. Они рассчитывают тенденции, придерживают товар, выжидают — а потом вдруг срываются, начинается паника, когда все срочно все продают — не важно, по какой цене, на каких условиях, только бы поскорее. И чем больше продают, тем ниже падает цена, а чем ниже падает цена, тем быстрее начинают продавать. Так что, какой уж там анализ... Как бы то ни было, в последнее время аналитики ограничиваются констатацией: самая низкая цена за последние 5 лет, за последние 10, за последние 12. И не спешат прогнозировать развитие ситуации и определять ее первопричину».

Скажем так: еще некоторое время наших соотечественников не будут особенно волновать подобные глобальные вопросы, как изменение цен на золото на мировом рынке. Но это обязательно произойдет, поскольку россияне уже ступили на эту непрочную стезю.

Кто сейчас в России покупает золотые слитки? В самом начале, когда только вышло постановление, многие их сведущих людей прогнозировали правильную нынешнюю ситуацию. Среди них, в частности, был и начальник департамента драгметаллов ОНЭК-СИМбанка Евгений Иванов. Он отмечал, что разрешение продавать золото гражданам «затронуло очень узкий слой населения». «Золотые слитки будут покупать либо пенсионеры, чтобы передать в наследство детям и внукам, либо «новые русские» — на сувениры и ювелирные украшения», — сделал он предположение.

Как показывает практика, он был не очень далек от истины. Первым покупателем золотого кирпича в «Российском кредите» стал известный предприниматель Лев Вайнберг. А, вообще, среди покупателей довольно четко выделяются именно те две категории, о которых указывал начальник департамента драгметаллов ОНЭКСИМ-банка. «Новые русские» берут золото слитками по полкилограмма (на покупателей килограммовых, которые стоят дороже 10 тыс. долларов, подаются сведения в налоговую инспекцию). И это соответствует шутливому замечанию банкиров о том, что покупатели вставляют слитки в оправу и носят на цепочке. В такое можно с легкостью поверить, поскольку изобретательность наших «новых русских» не имеет предела. Вторая категория граждан, покупающих золото в слитках, — пенсионеры — не подвержены странной моде на вериги. Они, как уже отмечалось, руководствуются лишь практическими соображениями о стабильности своего благосостояния. К тому же, золотые пластиночки в двадцать, десять и даже пять граммов, останутся детям и внукам, а деньги и валюту можно растратить.

Но приобретать золотые слитки население все же не торопится. В чем причина этого? Помимо того, что

такую роскошь позволить себе могут не многие, существует и другой сдерживающий фактор. Он, на мой взгляд, является едва ли не основным. Это налог на добавленную стоимость, которым облагается вся сделка с наличным золотом.

Когда продажу только разрешили, казалось, что НДС вот-вот отменят. Ведь говорили, что золото — это не валюта, а товар, и такой налог здесь неуместен. И он, в свою очередь, связан с потерями в том случае, если срочно понадобились деньги и нужно продать золото (кстати, механизм продажи пока еще не разработан, но планируется, что в скором будущем банки будут как продавать, так и покупать золотые слитки у населения), то НДС никто не вернет.

Отменят ли вообще налог на добавленную стоимость — вопрос практически риторический. Ведь само постановление правительства предусматривает не просто свободное обращение с золотом населения, а, прежде всего, то, что золото является особой валютой, в которую вложены сбережения. Кто может гарантировать, что покупатель не поступит с ним, как с товаром: не понесет к ювелиру, чтобы переплавить на драгоценности? Никто. Но даже, если предположить, что НДС все-таки отменят, то и тут обладатели золотых слитков понесут определенные потери: курсы покупки и продажи будут отличаться, как обещают, процента на четыре — в несколько раз больше, чем курсы покупки и продажи наиболее распространенных валют.

Чтобы попытаться пресечь желания обладателей золотых слитков распоряжаться ими как товаром, у наших банкиров имеются на этот счет некоторые любопытные предложения. К примеру, председатель секции драгметаллов Ассоциации российских банков Дмитрий Игнатьев предлагает вместо золотых слитков ввести

в обращение специальные золотые монеты, т. е. возродить одновременное хождение рубля ассигнациями и в виде драгметаллов. Золотой рубль, таким образом, станет законным платежным средством в любом магазине, и с него, разумеется, уже никто не возьмет НДС. Население будет покупать золотые монеты и вкладывать деньги в золотую отрасль, что, в свою очередь, является главной целью постановления правительства о купле-продаже золотых слитков.

Идея, как видно, не нова, и имеет свои плюсы и минусы. Положительное здесь заключается в том, что золото — валюта своего рода уникальная. За хранение в банках обычных денег владельцу начисляются проценты. За хранение золота — наоборот, вычитаются (четверть процента от цены хранящегося золота в месяц, то есть три процента в год). Второе положительно — опять же, это могло бы способствовать отмене НДС. Однако, неизвестно, во сколько обойдется государству чеканка таких золотых монет и какова будет разница курсов покупки и продажи золотых рублей. И, следует признать также, что деньги из драгметаллов, кажется, вообще, устарели.

Другое нововведение в связи с убыточной для населения покупкой золота ввело руководство «Российского кредита», которое решило продавать слитки на своей биржевой площадке, где покупатель платит не НДС, а только 3% комиссионных. А прочие банки заявили, что пока не будут продавать золото населению, а станут открывать металлические счета, что означает следующее: клиент вносит в банк определенную сумму, и на его счет записывается определенное количество золота. Это особый вид денежного вклада, размер которого привязан к биржевой цене золота. И опять же, учитывая нестабильность курса «мерила всех цен-

ностей», такая операция не гарантирует абсолютно успешного вложения капитала в золотую валюту.

Итак, что следует из вышеперечисленного? Что теряют и приобретают население и государство в связи с введением постановления на разрешение покупать золотые слитки?

Конечно, с принятием такого постановления, население России получило большую свободу относительно приобретения золота. С другой стороны, это выгодно нашей отечественной экономике, поскольку, вкладывая свои сбережения в иностранную валюту, мы тем самым кредитируем свою экономику. Но если принять во внимание, что большинство потенциальных покупателей не разбирается во всех тонкостях данного предприятия, то оно становится крайне рискованным для них. К тому же, механизмы, сопутствующие постановлению (сама продажа золотых слитков, их хранение в банках и обеспечение относительной стабильности вкладов) не разработаны. Пока существует подобное положение вещей, население не ринется в банки покупать золотые слитки.

Само собой разумеется, что, разрешая продавать золото гражданам, власти руководствовались не единственной заботой о них. Помимо этого ставились вполне определенные цели. К таким можно отнести: расширение сфер деятельности российских коммерческих банков, привлечение средств в отечественную золотую отрасль, а также попытку побороть черный рынок золота.

Своими корнями эти и другие проблемы уходят в прошлое, когда законодательство о развитии рынка драгоценных металлов находилось в стадии разработок. Такими демократическими мерами — «отпуская» монополию в решении данных вопросов — правительство способствовало превращению золота из товара

в финансовый инструмент, а также делало шаг к решению проблем в отечественной золотодобывающей промышленности, которая, как и многие другие отрасли, находилась в плачевном состоянии.

В январе прошлого года, анализируя ситуацию, газета «Экономика и жизнь» писала:

«Очевидно, что государству очень не хочется расставаться даже с небольшим кусочком своей монополии. Ему приходится выбирать: или все держать в своих руках и наблюдать, как агонизирует золотодобывающая отрасль, или все же пустить в «свой огород» сторонних инвесторов на приемлемых условиях. Как известно, золотодобыча в России представляет собой особый производственный цикл, в начале которого основной и до недавнего времени единственный покупатель золота — государство выделяет в виде предварительного авансирования кредиты для закупки оборудования, горюче-смазочных материалов и т. д. Однако, теперь финансовых возможностей выкупить все котируемое золото у государства нет. Банки, вроде бы, имеют право это делать. Но, с одной стороны, их желание поучаствовать в этом процессе сдерживалось непродуманным законодательством. А с другой — несло для них массу дополнительных финансовых проблем...»

В чем заключается особенность производственного цикла отечественной золотодобычи? Дело в том, что в золотодобыче деньги всегда требуются за несколько месяцев раньше, чем появится золото. Это возникает из года в год, а авансирование вытекает из технологического процесса.

Золото добывают на Дальнем Востоке всего месяцев семь в году, пока сравнительно тепло. Чтобы золото и прочие драгметаллы осели, а более легкий песок

уплыл, породу надо промывать (месторождения в основном россыпные). Значит, нужна вода, а температура должна быть выше нуля.

С другой стороны, в промывочный сезон в тайге нет дорог — сплошные слякоть и болота. Ни пройти, ни проехать невозможно. Для того, чтобы доставить необходимые для работы грузовики, бульдозеры, промывочные машины, солярку для этой техники и электростанций, все должно перевозиться с перевалочных пунктов в сезон морозов. И на все нужны деньги, причем, заранее, за много дней до появления золота, на эти деньги добытого. Можно, конечно, доставить необходимые средства и по воздуху. Но это, опять-таки, слишком дорого.

Поэтому, когда перед государством встал вопрос: быть или не быть отечественной добывающей промышленности, оно решило впустить в «свой огород» сторонних инвесторов. В самом начале это были коммерческие банки, но приемлемые условия, выдвигаемые государством, были не совсем приемлемы для них. Во-первых, государству золотодобытчики продают золото по одной цене, а банкам за то же золото приходится платить дороже, учитывая обязательный к уплате в этом случае НДС. Во-вторых, банки покупают золото у добывающих предприятий с авансированием в размере не менее 25% стоимости, в соответствии с заключенными с ними договорами, начиная с ноября года, предшествующего добыче. Такой установленный порядок работы для банка, понятно, очень рискован. Ведь никто не дает гарантию, что предприятию удастся добыть руды для обеспечения выполнения обязательств и перед государством, и перед банком. После добычи руда поступает на аффинажные заводы, и здесь приоритет полностью принадлежит государству.

Впрочем, государство время от времени изыскивало стабильные источники авансирования золотого рынка, которые обычно оказывались неудачными. В 1993—1995 гг. выпускали золотые сертификаты, которые через год должны были гаситься золотом. Но они были слишком большого номинала и не особенно прибыльными, по сравнению с другими ценными бумагами. Кроме того, получить по ним золото в конце срока обращения имел тогда право очень узкий круг покупателей. Поэтому торговля сертификатами продвигалась туго, и их рынок фактически не сложился.

Сейчас же привлечь средства в золотой рынок попытались постановлением правительства «О продаже золота физическим лицам и либерализации цен на него», а также указом Президента «О некоторых мерах по либерализации экспорта из Российской Федерации аффинированного золота и серебра».

А теперь давайте посмотрим на то, каким образом принимаемые правительством меры способствуют борьбе с «черным» рынком золота.

В сентябре 1997 г. «Итоги» писали:

«В 300 км к востоку от Москвы, в городе Касимове, расположенном на Оке, торгуют на базаре золотом в слитках. «Золотого» ряда с торговцами-зазывалами и ценниками там нет — все-таки за это полагается до пяти лет. Но любой мальчишка, если спросить, сведет с нужным человеком».

Откуда же в городе Касимове (и не только в нем) появляется неучтенное золото?

С Касимовым как раз понятно. Там находится аффинажный завод, на который поступает золото, намытое старателями. Следует заметить, что в руде содер-

жится лишь 80% чистого золота, а остальное — примеси, которые подлежат удалению. На аффинажных заводах как раз этим и занимаются. Но не только. На заводах, при очищении руды, появляется также возможность получить «свободный», неучтенный металл. Для этого не нужно особой изобретательности. Такое совершается из года в год, схема давно отработана и не дает сбоев.

Старатели, в принципе, знают, какой процент чистого металла содержится в руде, которую они поставляют на завод. У них есть своя специальная лаборатория на прииске, где можно определить этот точный процент. Но и на аффинажных заводах тоже есть своя лаборатория. Как правило, два показателя не соответствуют друг другу. Зачастую на заводе результат занижен. Немного, но этого достаточно, когда речь идет о тоннах и даже десятках тонн.

Председатель Российского Союза старателей В. Таракановский так объясняет подобную ситуацию:

«Допустим, у нас получилось 86%, а у них — 85. Всего-то, казалось бы, процент. Но это 10 кг с тонны, то есть под 100 тыс. долларов. А добыча по стране — больше 100 тонн».

Вот и получается, что из неучтенного таким образом золота изготавливаются слитки в форме усеченной пирамиды весом 11—13 кг. Такие же, как и стандартные, но без номера. Впрочем, при желании клиента, можно отлить слиток и меньшего веса. Находятся ли покупатели? Смешной вопрос. Номер для истинных любителей не играет практически никакой роли. Ну, а преимущества «базарного» слитка очевидны. В банках «физическое» золото продается по 17—18 долларов за грамм, а на базаре дешевле, долларов по 10.

Однако, аффинажные заводы — далеко не единственное место, где неучтенное золото в виде слитков затем поступает на базары. Утечка начинается на самой ранней стадии его производства — на приисках. Здесь, как ни странно это может показаться на первый взгляд, воровство вполне узаконенное и также развивается по своей особой схеме, разрабатываемой на протяжении многих лет.

Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, как всем известно, торговать золотом запрещено. С другой — зачастую случается так, что старатели не получают зарплату в рублях, поскольку их просто не хватает. Находится оптимальный вариант (по примеру других хозяйственных организаций и предприятий) — платить золотом. Оно же, таким образом, превращается в привычную, имеющую хождение валюту вместо отсутствующих у большинства участников рынка рублей.

На руки старателям выдается не песок, а небольшие золотые слитки, которые по своей стоимости соответствуют размеру положенной зарплаты. К примеру, 200 долларов соответствуют 40 граммам золота.

Золото начинает участвовать в купле-продаже товаров, подобно тому, как в этом процессе участвуют деньги. Отсюда добавляется и другая функция: размена слитков на более мелкие, если необходимо совершить недорогостоящую покупку. С целью размена открываются пункты скупки золота старателей. А раз уж они существуют, то совсем не обязательно нести туда именно «зарплатное» золото.

Но воровству способствует не только превращение золота в валюту. Этому также способствует и такое понятие, как золотодобытчик-индивидуал. В Якутии, например, разрешено самостоятельно,

без всякого контроля, намывать золото и относить его в скупку. Местная администрация склонна считать такой метод добычи эффективным. Для оплаты труда золотодобытчиков-индивидуалов даже выделяются 10 млрд. рублей оборотных средств. Но не только эффективность такого метода, а и сам процесс добычи золота попадают под сомнения. Дело в том, что в тамошних условиях индивидуальная добыча невозможна в принципе. В якутских месторождениях слишком мал процент содержания золота в породе, и они не настолько богаты, чтобы человек сам, без помощи промывочных машин мог добыть нечто существенное. Тогда откуда его берут те, которые приносят золотой песок в скупочную контору? Директор одного из месторождений объясняет это так: «Все «индивидуальное» золото — мое, это у меня его украли, на моем месторождении». Также существует мнение, что воруют и во время съемки, когда с промывочной машины снимают специальные резиновые коврики, на которых оседает золото.

Видно, страсть к предпринимательству, действительно, неистребима в наших людях. Были бы каналы сбыта, а украсть всегда способ найдется. Такая возможность имеется и в области вторсырья. Целые десятилетия в военных частях скапливались запасы отслужившей электроники и других материалов, содержащих золото. В отличие от остальных стран, у нас добыча золота и других драгметаллов из «лома» практически отсутствовала. Вернее, отсутствовала такая легальная возможность. Но, по большей части, золото, содержащееся в промышленных отходах, попросту ржавеет на складах.

Однако, находится человек — молодой и энергичный представитель заготконторы (кстати, многие по-

добные конторы работают на банки), у которого имеются при себе соответствующие документы. Одним словом, приобретение «лома» не представляет для него никакой трудности. Да и почему она вдруг должна возникнуть, если и та, и другая стороны заинтересованы в благополучном завершении сделки. Простор для торгов широк, а прибыль (как свидетельствуют знающие люди) — сумасшедшая. К примеру, в тонне лома — 100 грамм золота. Сомневающийся покупатель занижает цифру вдвое. Партнеры бьют по рукам, и в итоге в документах проходит вариант покупателя. Выгодно ли это обеим сторонам? Несомненно, ведь тот, у кого покупают, получает плату, состоящую из двух частей: официальную за лом и неофициальную за поправку в документе. И благодаря такой операции появляется «свободное», не подлежащее никакому налогообложению золото. К тому же, рынок такой у нас развит слишком слабо и нет заводов, нет единой схемы переработки.

Дальше начинается самое интересное. Наступает официальный этап. На законной основе сырье вывозится за границу с целью получить обратно золото. Никакой контрабанды в этом не угадывается. Если не считать заниженного процента содержания золота, то все по-честному. Таможня, само собой разумеется, проверять проценты не будет — у нее и без того дел много. Сырье попадает, как правило, в Турцию, Китай, Польшу, Италию. Там из аффинированного золота делаются ювелирные украшения: кольца, цепочки, серьги и т. п. А затем этот товар ввозится обратно в Россию. То, что отливается из неучтенной части, продается за границей.

Таким образом, трудно сказать, исчезнет ли наш отечественный «черный» рынок золота с принятием

правительством постановлений о либерализации цен на него и о разрешении покупать золотые слитки каждому, имеющему на то желание. В условиях же нестабильности само золото приобретает характер нестабильной валюты.

Но все ли так безнадежно? Решать, конечно, приходится каждому в отдельности, во что вложить свои сбережения. Если же вы чувствуете, что окончательно запутались и не знаете, как поступить, то обратитесь за советом к постороннему.

На мой взгляд, весьма любопытным выглядит совет А. Каменского:

«...Если же вы очень боитесь всяких переворотов и хотите придать своему богатству максимально компактную форму, то вам, скорее всего, подойдут алмазы. Не зря их называют валютой беженцев. Не пахнут, не обнаруживаются полицейскими собаками, не фиксируются пропускными системами. Нормальный человек может унести на себе золота от силы на 600 тыс. долларов (50 кг). А алмазов — в одном кармашке или кошельке на 30—50 млн.

А если кто-то все же мечтает о росте цен и доходов, то могу открыть ему страшную тайну... Продавайте слитки и покупайте сверх чистый мышьяк! Из него делают солнечные батареи, и в век освоения космического пространства он, как утверждают одиночки-энтузиасты, может стать дороже золота.

Только надо поторопиться, пока не все догадались. Мы, самые умные и расчетливые, еще можем, пожалуй, успеть...»

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АЛМАЗНОГО БЛЕСКА

*Конечно, цель всего творенья — мы,
Источник знанья и прозренья — мы.
Круг мироздания подобен перстню,
Алмаз в том перстне, без сомне-
нья, — мы.*

Омар Хайям

Когда смотришь на величайшее творения природы — алмаз, замирает сердце и перехватывает дыхание. Таинственный блек камня наводит на мысли о вечном, о том, что ты — частица Великого Космоса.

Страсть обладания алмазом несколько не уступает алчности золота. Сверкающие кристаллы, стоившие порой дороже иного графства, пребывали где-то на самой вершине пирамиды ценностей древнего мира. Тянувшийся же за ними мистический шлейф и кровавые следы, оставленные в водовороте человеческой алчности, стократ усиливали их роковую притягательность.

Самые древние и богатейшие месторождения алмазов сосредоточены на берегу реки Кришна в Индии. Это россыпи и копи Голконды, Колура, Тунгабхадра. Где-то здесь и был впервые найден желтоватый удлиненный алмаз.

Согласно правилу индийских мастеров, алмаз высшего качества имеет вершины, грани, ребра в количестве шести, восьми и двенадцати. Они должны быть острыми и ровными, а также прямолинейными. Иными словами, алмаз должен иметь кристаллографическую форму восьмигранника — октаэдра, что по-арабски —

«хавай ал-мас». Кроме того, камень должен быть абсолютно бесцветным и прозрачным.

К крупнейшим в мире алмазам относятся: «Куллинан» — весом 3106 карат, «Эксельсиор» — 971,5 карат, «Йонкер» — 726 карат.

Согласно оккультному представлению, алмаз дарует добродетель, мужество и приносит победу. Однако, он не сулит успеха тому, кто приобрел его за деньги. Оказавшись в руках преступника, алмаз даже мог навлечь на него недобрые силы. Считалось, что царь-камень изгоняет греховные помыслы, но не может противостоять дьявольскому наваждению. Алмаз с зеленоватым оттенком был излюбленным оберегом материнства.

Пожалуй, самым известным в России алмазом является алмаз «Шах». В 1991 г. ему исполнилось 400 лет.

Вот что о нем пишет Спартак Ахметов:

«Многие туристы, бывая в Москве, посещают Кремль. Здесь есть на что посмотреть — и старина, и новь. Особым вниманием пользуются Оружейная палата и выставка Алмазного фонда СССР. Алмазный фонд — это не только обеспечение нашей валюты, но и совершенно феерическое зрелище... Среди этого сияющего великолепия почти незаметен удлинённый камень размером с мизинец. Внимательный посетитель может разглядеть на нем странные письмена. Готовый в этой комнате чудес ко всяким чудесам, он все-таки не поверит, что невзрачный камень оценен в 80 тыс. рублей золотом. Между тем, это алмаз «Шах», история которого исчисляется четырьмя столетиями. Это выкуп за кровь А. С. Грибоедова».

Но русский писатель был последним, кто завершил кровавый список всех умерших насильственной смер-

тью обладателей камня. История алмаза потрясающая и заслуживает того, чтобы на ней остановиться.

Первоначально формы алмаза «Шах» были далеки от идеальных, поэтому он не задержался в руках индусов, нашедших его, и был продан правителю Ахмаднагара, султаната на западном побережье полуострова Индостан. Бурхан Второй не верил в индийские суеверия, согласно которым алмаз не сулит успеха тому, кто приобрел его за деньги. Широкие плоские грани показались ему идеальными, для того, чтобы увековечить на них свое имя. В придворной гранильной мастерской правителя работал талантливый мастер. Одним из первых на Востоке он научился гравировать надписи на алмазе. Сложность в подобном деле заключается в том, что алмаз является самым твердым минералом на Земле, его нельзя ничем поцарапать. Но гениальный мастер изобрел гениальный способ, догадавшись, что алмаз можно поцарапать только алмазом. Так появилась первая надпись, гласившая: «Бурхан Второй Низам-шах. 1000 год». Эта дата соответствует 1591 г. от Рождества Христова.

Алмаз «Шах» недолго украшал сокровищницу Бурхана Второго. Северный сосед, шах Акбар из династии Великих Моголов, провозгласил себя главой новой веры — «дин-и-иллахи» и расширил границы своего государства от Балха на севере до реки Годовари на юге. В 1595 г. он покорил Ахмаднагар и большую часть сокровищ прежнего правителя присвоил себе.

Так алмаз «Шах» стал династической регалией Великих Моголов. Более сорока лет он пролежал в сокровищнице, пока не попал на глаза внуку Акбара — Джихан-Шаху. «Повелитель Вселенной» (так переводится его имя) в начале карьеры, борясь за власть, воюя с отцом, убил своего старшего брата и вырезал

остальных претендентов на трон. Несмотря на свою жестокость, он был великолепным политиком, поддерживал гибкие связи с европейцами, разрешал английским купцам торговать в стране. Ко времени его правления относится возникновение мавзолея — Тадж-Махала — одного из чудес света. Но самое любопытное заключается в том, что Джихан-Шах сочетал свое царственное величие с профессией мастера-гранильщика. Возможно, именно он отполировал некоторые грани алмаза «Шах», чтобы увеличить прозрачность и увидеть «воду камня». Он же повелел вырезать на грани алмаза вторую надпись: «Сын Джихангир-Шаха, Джихан-Шах, 1051» (т. е. 1641 г.).

У Джихан-Шаха было четыре сына, и каждый из них мечтал стать новым «Повелителем Вселенной». Резня за трон началась тогда, когда Джихан-Шах еще был жив. Победителем оказался Аламгир, второй его сын, руки которого обагрились кровью братьев. Он принял имя Ауранг-Зеба — «Украшение Трона» в 1658 г. Джихан-Шах провел остаток дней (до 1666 г.) в крепости, откуда он мог любоваться на Тадж-Махал.

В 1655 г. алмаз «Шах» впервые увидел европеец, французский купец Жан Батист Тавернье. По неизвестным причинам он настолько полюбился правителю, что тот показывал ему свою сокровищницу и оказывал разные милости: дарил алмазы, золото, самоцветы. В дневниках Тавернье описал потрясший его алмаз «Шах», который постоянно находился перед глазами Ауранг-Зеба: продолговатый камень свисал с балдахина в окружении изумрудов и рубинов, как раз над самым тронном правителя.

Затем алмаз «Шах» более чем на полтора века исчез из поля зрения историков. Он исчез в Индии и объявился в Тегеране. Как складывалась его судьба на протяже-

нии столь долгого времени, можно только предполагать. Но исторические события показывают, что после Ауранг-Зеба империя Великих Моголов потеряла былую мощь и величие. В 1737 г. в Индию вторгся беспощадный владыка Ирана Надир-Шах. В двухлетней войне он покорил Северную Индию и захватил Дели. Число награбленных сокровищ, как свидетельствуют летописи, превосходило всякое вероятное воображение. Он же увез в Иран и «Павлиний трон», служивший символом власти Великих Моголов.

В 40-х гг. XVIII в. в империи Надир-Шаха начались восстания, и в результате заговора правитель был зарезан. Началась борьба за власть. В 1796 г. шахом Ирана стал евнух Ага-Мухаммад-Хан, основавший династию Каджаров. Поскольку детей у него не было, наследником провозгласили его племянника Бахана. Бахан перед восшествием на престол зарезал брата, а затем принял имя Фатх-Али-Шах. Это произошло в 1797 г. Ровно через 30 лет, празднуя юбилей своего правления, он повелел начертать на свободной грани алмаза «Шах» третью надпись. Она гласила: «Владыка Каджар Фатх-Али-Шах Султан, 1242» (1824 г.).

По странной закономерности, появление очередной надписи сопровождалось сменой владельца камня. В 20-х годах XIX в. Иран был ослаблен феодальными междоусобицами, в результате чего стал объектом колониальной экспансии европейских держав. Театр военных действий располагался на земле Армении. Русские полки, принимавшие участие в военных действиях, громили Аббас-Мирзу — сына Фатх-Али-Шаха при Канагире, в Карабахе и на Араксе. В 1828 г. Аббас-Мирза потерпел окончательное поражение, в результате чего Иран был вынужден заключить Туркманчайский мир. По условиям этого договора Русская

корона должна была получить десять куруров, то есть 20 млн. рублей серебром. В разработке условий договора принимал участие назначенный русским посланником в Тегеране А. С. Грибоедов. 30 января 1829 г. толпа фанатиков растерзала Грибоедова. Нависла угроза новой войны.

Конечно, российский император Николай I должен был отреагировать на смерть посланника. Однако, шах и его окружение отреагировали первыми. Весной того же года из Тегерана в Петербург приехало высокое посольство во главе с царевичем Хозрев-Мирзой. Николай I принял его со всей пышностью. В ответ на витиеватую персидскую речь он сказал всего семь слов: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие!» Заодно были прощены два последних курура.

Алмазом «Шах» было заплачено за кровь Грибоедова. Так этот камень появился в России. По необъяснимой причине (а может, по распоряжению рока) алмаз «Шах» не был вывезен из России в 30-х—40-х гг., когда большевики затеяли бойкую распродажу культурных и исторических ценностей.

Если взглянуть на карту мира, то можно заметить, что крупнейшие алмазные месторождения находятся на территории Африки: в Центрально-Африканской Республике, Анголе, Конго, Заире, Намибии, Ботсване, ЮАР; Индии, Австралии; Южной Америки и, конечно, России: в Якутии и на Урале. Сейчас в Якутии добывается 99% российских и более четверти мировых алмазов.

В Якутии алмазы были открыты в середине 50-х годов нашего столетия. Якутия располагается в Восточной Сибири и известна низкой плотностью населения и суровым климатом. Летом жара достигает здесь

40 градусов по Цельсию, а зимой отметка опускается до минус 60. Якутия — самая крупная по площади в России республика. Она занимает более 3 млн. км², т. е. почти пятую часть всей Российской Федерации. Население — свыше 1 млн., среди которых преобладают русские, якуты и украинцы.

Долгое время здесь не удавалось открыть кимберлитовую трубку (так принято называть крупное месторождение алмазов) — воронкообразный пласт вулканической породы, уходящий на тысячи метров вглубь земли. В конце XIX в. на территории южной части Африки такое месторождение было открыто, и над ним возник поселок Кимберли, в честь которого пласт был назван кимберлитовой трубкой. Кимберлитовую трубку в Якутии удалось обнаружить благодаря рыжей лисе, перед норой которой и был найдено крупное месторождение алмазов.

История возникновения и развития якутского месторождения, как и история российской алмазной отрасли вообще, тесно переплетается с историей американской корпорации «Де Бирс», которая на протяжении 109 лет своего существования удерживает прочную монополию на добычу и продажу алмазов. Сегодня ЦСО (Центральной сбытовой организацией) «Де Бирс» контролируется примерно 70% мировой торговли алмазами. В 1996 г. она продала алмазов на сумму 4834 млн. долларов США — на 7% больше, чем в предыдущем году. При этом компания тратит около 200 млн. долларов на рекламу бриллиантов. Однако, став главным продавцом алмазов, она не только не утратила своего лидерства в производстве, но и усилила его.

В настоящее время «Де Бирс» руководит 18 алмазными рудниками в четырех странах и продолжает строительство новых, каждый из которых оснащается

по последнему слову техники. Помимо того 200 геологов в разных странах мира ведут поиск новых месторождений, где применяют новейшие достижения технологии для дистанционного определения кимберлитовых трубок с поверхности земли.

В середине 50-х годов, когда в Якутии было открыто крупное алмазное месторождение, несмотря на «холодную войну», зародились связи Кремля с этой мощной алмазной корпорацией. Хрущев объявил о том, что в Якутии разведаны крупные месторождения алмазов на XX съезде КПСС. И эта информация не могла не взволновать вождей алмазного синдиката, тем более, что она поступила в тот момент, когда канал для официального общения с Москвой прекратил свое существование, и контакты стали носить конфиденциальный характер. Промышленная добыча якутских алмазов началась в 1957 г. В том же году в зарубежной прессе появились сообщения о первых пробных продажах советских алмазов «Де Бирс». На протяжении всего времени связи с этой компанией с переменным успехом развивались, они существуют и сейчас. 21 июля 1997 г. российский Президент подписал указ о порядке экспорта и импорта алмазов, который повторил положения меморандума, подписанного российской правительственной делегацией с «Де Бирс» 23 февраля 1996 г.

В указе отмечается, что сотрудничество с «Де Бирс» будет осуществляться «при условии совместного регулирования объема, ассортимента реализуемого на мировом рынке алмазного сырья и цен на него, выработки общей стратегии поддержания цен на бриллианты и ювелирные изделия и стимулирования мирового потребительского рынка этих изделий». Исключительное право на экспорт алмазов, согласно указу,

получают ВО «Алмазювелирэкспорт» и АО «Алмазы России — Саха» («АЛРОСА»). Согласно документу, «АЛРОСА», как было и раньше, получает право заключать торговые соглашения с «Де Бирс». Указ распространяется и на лицензирование экспорта сырых алмазов и запрет на экспорт частично обработанных алмазов.

Таким образом, многолетние взаимоотношения России с корпорацией «Де Бирс» заслуживают того, чтобы на них остановиться более подробно. В свою очередь, история самой «Де Бирс» вполне могла бы лечь в основу многотомных научных исследований, так как по ней можно изучать историю развития бизнеса вообще.

Как утверждает Гарри Оппенгеймер, который на протяжении шести десятилетий определял политику этой компании, секрет успеха и долголетия ее очень прост — «она нужна!»

Итак, в чем же заключается такая простая формула успеха? У истоков «Де Бирс» стоял Сесил Джон Родс. Она названа в честь братьев Де Бир, владельцев фермы, на территории которой и была открыта первая кимберлитовая трубка. Родоначальник компании, молодой британец Сесил Джон Родс, был в числе многочисленных старателей, сбежавшихся со всего мира на поиски алмазов. Следует заметить, что сама находка вдохнула новую жизнь в алмазный бизнес, который к тому моменту был обречен на гибель. Человечество могло навсегда излечиться от страсти к бриллиантам, но неизвестно — к счастью или несчастью — этого не произошло. Алмазы обнаружались в таком количестве, о котором раньше не приходилось даже мечтать. То время, когда их случайно находили в руслах рек или в прибрежном песке и за них платили целые состояния, навсегда ушло в прошлое.

Родс был первым, кто понял, как извлечь огромную выгоду из крупного месторождения. Однако, именно в этот момент над алмазной индустрией нависла угроза. Цены на алмазы в Кимберли упали, и за бутылку шотландского виски можно было приобрести камешек весом почти в карат.

Чтобы создать прибыльную отрасль, требовалась свежая и эффективная идея, которая бы позволила уберечь алмазы от девальвации. Вдохновителем подобной идеи и оказался Родс. Он понял: чтобы улучшить положение, нужно сконцентрировать добычу алмазов в одних руках и для этого сделал первый шаг — стал скупать небольшие старательские участки. Затем он нацелился на второй алмазный рудник Кимберли, но вскоре убедился, что это ему не по карману.

Деньги на приобретение дал барон Ротшильд, которого убедила энергия и уверенность молодого британца. Таким образом, в 1888 г. Родс заплатил 5 338 650 ф. ст. за второй рудник, совершив самую дорогую торговую сделку XIX в.

Это дало возможность сконцентрировать в одних руках все крупнейшие на тот момент месторождения. Возникшая компания получила название «Де Бирс консолидейтед майнз», что означает «Объединенные рудники Де Бирс».

На протяжении всей своей истории алмазная индустрия и рынок претерпевали различные изменения: были взлеты и падения, был абсолютный успех и также существовала ситуация, когда алмазная индустрия находилась на грани исчезновения.

Однако, в чем причина таких резких перепадов? Ведь алмазы — беспрюграмный товар. Как утверждает новый президент корпорации Николас Оппенгеймер, алмазы, в сущности, никому не нужны.

Действительно, какой бы притягательной силой ни обладали сверкающие кристаллы, их нельзя поставить в один ряд с такими жизненно необходимыми товарами, как пшеница, нефть или уголь. Поэтому цена на алмазы может сильно колебаться и падать до такого низкого уровня, что их добыча станет невыгодной. В таком случае, кому взбретет в голову вкладывать свои капиталы в такое сомнительное предприятие?

Очень скоро после первого крупного месторождения в Кимберли старателями были открыты и несколько других, также на территории Африки. Произошло перенасыщение рынка. Во время I-ой мировой войны предложение значительно превысило спрос. После ее окончания ситуация не изменилась, поскольку у крупных держав не было денег на приобретение бриллиантов. Алмазы обесценились. То время было, вообще, тяжелым для бизнеса, разорилась не одна крупная компания, но судьба была милостива к «Де Бирс». Судьба говорила устами нового ее главы, Эрнеста Оппенгеймера, сменившего Родса, который умер в 1902 г.

Именно он изобрел новую систему стабилизации алмазного рынка. Количество открытых кимберлитовых трубок росло год от года, что способствовало дальнейшему перенасыщению рынка алмазов. Оппенгеймер понимал, что монополизировать всю добычу практически невозможно. Он пришел к выводу, что нужно так отрегулировать продажу, чтобы алмазы поступали к ювелирам по единым ценам.

Эрнест Оппенгеймер предложил основать организацию, которая покупала бы все добытые алмазы у производителей, а затем продавала их обрабатывающей промышленности, что позволяло бы удовлетворить различные интересы. Такая организация монополизировала бы сбыт сырых алмазов. Но для этого необходимы

были немалые средства. Глава компании «Де Бирс» нашел их, и в начале 30-х годов в Лондоне была создана ЦСО, главной задачей которой являлось скупать сырье, сортировать его, а затем выставлять на торги.

В 1932 г., когда цены на алмазы упали так низко, что вся мировая добыча опять оказалась на грани закрытия, перед корпорацией встала новая проблема. Приходилось решать извечный вопрос: быть или не быть алмазной индустрии. Компания «Де Бирс», крупнейший поставщик алмазов, была вынуждена закрыть свои алмазные рудники. Дело в том, что помимо нее, алмазы добывались несколькими мелкими компаниями в Анголе и Конго. Сокращение их производства было для них равносильно гибели. Однако, ЦСО не отошла от «алмазных дел». На протяжении 20 лет она снабжала рынок продукцией из ангольских и конголезских источников и выплачивала их владельцам причитающиеся им деньги. И это несмотря на то, что такая деятельность приносила «де Бирс» ощутимый ущерб. Главе компании пришлось заложить свой особняк.

Это, впрочем, не уничтожило уверенность Гарри Оппенгеймера в необходимости стимулировать покупки бриллиантов. Он развернул в США мощную компанию по рекламе бриллиантов. Пожалуй, это был первый случай в мировой практике, когда компания вкладывала бешеные средства в рекламу товара, который сама не производила («Де Бирс» занималась исключительно алмазами, а бриллиантами — ювелиры). Но как раз эта деятельность, как и приостановка собственной добычи алмазов, принесла успех общему делу. В 1952 г. мир снова заинтересовался бриллиантами, а ЦСО получила 40 млн. ф. ст. прибыли.

Вскоре, на мировом алмазном рынке появился новый участник — СССР. «Де Бирс», контролировавшая

всех поставщиков, не могла допустить, чтобы Советский Союз остался без ее внимания. Но как убедить Кремль играть по общепринятым правилам? Корпорация наглухо запирает алмазный рынок. У СССР появляется единственный выбор: иди он продает свои алмазы монополисту — на его условиях, или не продает их за границу вообще. А СССР в то время очень остро нуждался в валюте. Золотой источник обещал быть быстро исчерпан, особенно, если учитывать нововведения в развитии экономики и сельского хозяйства Хрущева, не приносившие особенных результатов. Согласно справке Министерства финансов СССР от 12 июня 1957 г., в 1955 г. было продано за рубеж 90,72 тонны золота, в следующем — 223,13 тонн, а за пять первых месяцев 1956 г. — 175,82 тонны. Москва вынуждена была согласиться на переговоры с «де Бирс».

Они начались в Лондоне в 1959 г. Одним из представителей советской стороны был еще не достигший тридцати лет молодой человек, прекрасно владевший английским и имевший высокопоставленных кремлевских родственников. Представители другой стороны окрестили «Алекса» человеком с Лубянки. Это не противоречило действительности: он работал в 13-м отделе 1-го главного управления КГБ СССР и обладал талантом психологического воздействия на людей.

В 1960 г. договор между Кремлем и «Де Бирс» был подписан на приемлемых для Москвы условиях, действовавших на протяжении последующих 30 лет. Он не предусматривал ограничений объема добычи и не устанавливал ассортимент на алмазы (что определялось для других стран). Советские эксперты принимали участие в разработке и дальнейшей корректировке ассортимента на якутские алмазы. Чтобы Москва не усомнилась в правильности устанавливаемых цен, ей

было позволено небольшую часть алмазов продавать самостоятельно, минуя ЦСО.

Однако, тут возникают некоторые странности. Во-первых, предлагаемые на алмазных аукционах в Москве цены совпадали с теми, что платил алмазный монополист. Во-вторых, с прейскурантными ценами тоже не все было ясно. Однажды партия якутских товаров исчезла по пути в Лондон. Как писала европейская пресса, «Де Бирс» получил за нее страховку на две трети больше суммы, заплаченной СССР.

Москва не осталась в долгу. Благодаря полученной привилегии, она могла скрывать от корпорации истинное количество добытых алмазов. К тому же, не имея возможности экспортировать необработанные алмазы, она, тем не менее, могла продавать небольшими партиями, втайне от партнера, особенно крупные и высококачественные из них. Но и тут были свои проблемы. Согласно незыблемому принципу корпорации, добывающим странам не разрешалось иметь свою гранильную промышленность. Не было ее и у СССР. Гранильным фирмам под страхом отлучения от ЦСО запрещалось делиться опытом с Советским Союзом.

Но разве могли подобные ограничения остановить Кремль? За дело еще до окончания лондонских переговоров взялся международный отдел ЦК КПСС. На просьбу помочь разобраться в тонкостях гранильного мастерства отозвалась компания Израиля. В свою очередь, Советский Союз в помощь братской израильской партии выделил в 1959 г. вместо обычных 50 тыс. долларов все 105.

Алмазная индустрия успешно развивалась и приносила Кремлю неплохие доходы. Власти задумались об увеличении добычи. На своей территории этим можно было заниматься сколько угодно. Но появилась еще одна возможность — с падением колониального гнета ме-

трополий Африки. В этих странах, избавляясь от прежних хозяев, стали избавляться и из-под опеки «Де Бирс». Гана, к примеру, в тот период третья по объему добычи страна континента, отказалась от сотрудничества с корпорацией и создала собственный рынок алмазов. Следующая за ней в списке, Сьерра-Леоне стала поставлять часть алмазов напрямую американской фирме «Харри Уинстон». СССР положил глаз на Конго, в которой, помимо половины африканских алмазов, добывался также уран, золото и другие полезные ископаемые. Но такой лакомый кусочек не так-то легко было заполучить. Сами бельгийцы, чьей колонией являлась Конго, а также американцы и соседняя ЮАР имели относительно этой страны свои планы. Когда друг СССР премьер-министр Конго Патрис Лумумба был убит, от нее пришлось отказаться. В 1960 г. под контроль советских специалистов перешла национализированная алмазная промышленность Гвинеи.

Как известно, СССР всегда гневно осуждал любое ущемление прав чернокожего населения африканских республик. Деятельность в Гвинее оказалась многообещающей. За первый год добыча алмазов в районе рр. Мило, Макона и Дианы выросла вдвое. Как содействовали процветанию тамошней экономики советские специалисты, становится понятно из письма председателя КГБ А. Н. Шелепина, отправленного в октябре 1961 г. Хрущеву. В нем указывалось на недостойное поведение сограждан, которые ведут себя в Гвинее похлестче прочих колонизаторов.

«Так, — писал Шелепин, — начальники геологических партий Кудрявый Ю. А. и Белов В. Б., по прибытии в Гвинею, систематически вмешивались в дела гвинейской стороны: стали не допускать гвинейскую администрацию к сбору и хранению добытых алмазов.

Имел место случай, когда Кудрявый выгнал из служебного помещения гвинейского администратора — директора алмазной фабрики».

Видимо, такие неподобающие советским гражданам действия здорово разозлили хозяев, так как даже прилетевший в Гвинею в январе 1962 г. Анастас Микоян не сумел сгладить ситуацию. Вскоре она ушла из-под советского контроля.

Временно СССР отошел от решения мировых алмазных проблем и занялся внутривосточными. Хрущевская власть в Кремле сменилась на брежневскую. На алмазном фронте перемен не было, если не считать, что в 1963 г. СССР перешел к продаже алмазов через фирму-посредника, и замаскированный договор продлевался через каждый пять лет.

Советская алмазная обрабатывающая промышленность постепенно набирала обороты. В Смоленске, Москве и Барнауле открылись три гранильных завода. Русская огранка стала цениться в мире. За бриллианты СССР ювелиры платили на 10% больше, чем за такие же из Израиля, Бельгии, Индии и проч.

Постепенно алмазный советский рынок набирал мощь, а это дало возможность ослабить позицию «Де Бирс». Напрямую действовать было опасно. Во-первых, корпорация слишком сильная, чтобы вступать с ней в единоборство. А во-вторых, необходимо было придерживаться подписанного в Лондоне договора.

Кремль решил вести экспансию чужими руками. Кубинские солдаты в 1975 г. встали на защиту стратегических интересов СССР в Анголе. А алмазы из этих мест потекли рекой к покупателям, минуя ЦСО. Корпорации пришлось выложить немаленькую сумму, чтобы скупить их и не допустить падения на них мировых цен.

Но СССР не отступил перед решимостью соперника, предприняв попытку захватить провинцию Катанга в Заире. Действительные намерения скрывались под лозунгом: за освобождение Катанги от империализма. Действовать, впрочем, опять-таки приходилось скрытно. Советские инструкторы подготовили отряды бойцов. Однако, два выступления, имевших место в марте 1977 и в мае 1978 гг. не принесли желаемого результата.

«Де Бирс» имела свои, десятилетиями отработанные метода борьбы с нарушителями заведенного порядка. Таким образом, ЦСО снизила цены на мелкие алмазы, аналогичные заирским, на 15%. Через год Мобуту вынужден был капитулировать перед корпорацией и снова продавать алмазы ей.

Кремль не сдавался. Борцы против апартеида из Африканского Национального конгресса и Организации освобождения Юго-Западной Африки успешно действовали под благословением СССР. Войска ЮАР, пресекая назойливые диверсионные вылазки партизан, громили их базы в приграничных с ЮАР странах и давили на тамошние правительства. В марте 1984 г. ЮАР подписала с Мозамбиком договор о ненападении и сотрудничестве. Но президент этой страны маршал Самора Мойзес Машел в марте 1986 г., встретившись с Горбачевым в Кремле, подтвердил верность прежнему курсу солидарности с Африканским Национальным конгрессом в его освободительной борьбе. Примерно, полгода спустя он неожиданно погиб: самолет, которым управлял советский экипаж, потерпел катастрофу над ЮАР. Сообщение о смерти Машела произвело на Горбачева гнетущее впечатление. Высказывались предположения, что за этой акцией стоит «Де Бирс». Ответить должным образом корпорации у СССР к то-

му времени не было уже ни сил, ни средств, которые он растратил в борьбе за коммунистическое завтра для всего мира.

Как утверждают кремлевские старожилы, Горбачев стал относиться к корпорации с неприличной симпатией. Он даже распорядился свернуть работы по компьютерному моделированию новых форм огранки алмазов, более эффективных, так как при этом бриллианты выходили с минимальными потерями веса, и цены на камень были значительно ниже.

25 июля 1990 г. с «Де Бирс» был подписан договор, согласно которому Кремль отказывался от своей необъявленной войны против этой корпорации. Москва получала взамен кредит в 1 млрд. долларов «на развитие алмазодобывающей промышленности» под залог 14,6 млн. карат — 2,92 тонны несортированных ювелирных алмазов, стоивших, вообще, гораздо дороже. Отныне СССР обязывался продавать ЦСО 95% добычи.

Но ничто не вечно под луной. Эта истина лишней раз была доказана, когда СССР скоростижно скончался в 1990 г.

В этот момент месторождения перешли в одновременное пользование Якутии и России. Но недоразумения вскоре были сглажены, Москва и Якутск договорились о дележе алмазных доходов. Учитывая, что оба президента находились в дружеских отношениях, сделать это было не трудно. Трудность заключалась в другом, и она касалась «Де Бирс»: работать в стране, где предпринимательство превыше всего, где буква закона не почитается так слепо, как в иных государствах, где легко уходят от налогов и обязательств по договорам, было сложно. Фактически корпорации доставалось лишь то, что русские и якуты не успели самостоятельно продать за рубеж.

Однако, и «Де Бирс» не привыкла отступать перед трудностями. И на этот раз она испробовала уже испытанный способ воздействия: снизила цену на мелкие камни на 15%. Тут, надо признать, она не учла некоторых нюансов. Российские власти также не принадлежат к тем, кто отказывается от своих решений при первом же возникшем неудобстве. В ответ на меру российские производители увеличили добычу алмазов. Кроме того, началась разработка месторождения в Архангельской области и изыскательские работы в местах обнаружения алмазов в Новгородской и Псковской областях. Якутская «АЛРОСА» инвестировала 15 млн. долларов на разработку алмазов в Анголе.

Корпорация пошла с другой стороны — попыталась воздействовать на покупателей. Главным из них, израильским гранильщикам, увеличила квоту на продажу «законных» алмазов с 60—70 млн. до 160 млн. карат в месяц. И тут тоже не вышло. В 1994 г. «Де Бирс» получила из России алмазов на 1,2 млрд. долларов. По «левым» же каналам ушло еще на миллиард долларов. В следующем, 1995 г., алмазный мир был буквально шокирован сообщением СМИ о том, что некими русскими бизнесменами предпринимаются попытки скупать акции «Де Бирс».

Для корпорации настали не лучшие времена. В 1995 г. истек срок действия горбачевского договора, а новые власти не проявляли желания торопиться с подписанием следующего. Кроме того, другие страны, ободренные начинаниями России, тоже предприняли попытку отстоять свои права перед «Де Бирс». Пример тому — Австралия, Заир, Южная Африка. В ЮАР было объявлено о проведении нового расследования обстоятельств гибели Саморы Машела.

В таких условиях, как понимала корпорация, силовые методы воздействия на вышедших из подчинения вассалов, не годятся. Москва же, в свою очередь, быстро сориентировалась в ситуации, догадавшись, что ради сохранения монополии, корпорация должна пойти на уступки. 21 июля 1997 г. появился указ Президента № 740, о котором уже упоминалось мной выше. В сентябре «Де Бирс» были приняты условия договора, согласно которому стороны выступают как партнеры и будут совместно регулировать алмазный рынок, на котором ранее безраздельно царил ЦСО.

Но подписанный в июле указ, помимо внешнеполитической победы России, носит также и внутривнутриполитический успех. Последствия распада СССР отразились не только на изменениях во взаимоотношениях «Де Бирс» и России. Якутия, получившая определенную самостоятельность, решила воспользоваться ею, чтобы не платить в федеральный бюджет. Из более чем 700 млн. долларов, которые «АЛРОСА» заработала в 1996 г. от продажи алмазов на внутреннем рынке, российская казна не получила ни цента. А из 600 млн. долларов экспортных доходов компании ей досталось лишь 3 млн. долларов. Как утверждает Анатолий Чубайс, за последние два года от Якутии в госфонд не поступило ни одного алмаза.

Почему такое могло случиться? Возможно, из-за теплых дружеских отношений между двумя президентами. Как известно, во времена противостояния Б. Ельцина руководству СССР президент Якутии М. Николаев оказывал ему поддержку. В последующие годы, когда нужно было решить какой-либо вопрос, Николаев обращался к российскому Президенту непосредственно, без протокола и обычно добивался своего.

Первые попытки исправить положение были предприняты центральными властями в 1995 г. но задача оказалась сложнее, чем могло показаться на первый взгляд. Попытка взять Якутию штурмом не удалась, так как то могло повлечь за собой дискредитацию президентской власти. Тогда федеральная власть сменила тактику и пошла путем неформального давления — на алмазный комплекс, на котором завязана вся экономика Якутии. Для этого был выбран подходящий момент, когда президентские выборы в России уже завершились, а в регионах только началась избирательная кампания. Во многом исход ее зависел от позиции Москвы.

В ноябре 1996 г. власти обвинили «АЛРОСА» в злоупотреблениях, из-за которых федеральная казна не получила сотни миллионов долларов. Было возбуждено уголовное дело против президента «АЛРОСА». А это почти то же самое, что и против правительства Якутии, поскольку президент компании В. Штыров является также и вице-президентом республики. По сведениям «Ъ», это дело до сих пор не закрыто.

На фоне этих событий в начале 1997 г. истек срок действия соглашения, подписанного компанией с «Де Бирс». Кремль не только не торопился дать разрешение на новое соглашение, но и перестал выдавать необходимые квоты и лицензии на экспорт алмазов.

К тому же, во взаимоотношениях двух президентов — российского и якутского — наступило заметное охлаждение. Это позволило федеральным властям нанести удар по основному источнику якутских доходов и начать пересмотр отношений центра с республикой вообще.

31 марта 1997 г. закончилось действие пятилетнего соглашения «О взаимоотношениях между правитель-

ством России и Республикой Саха (Якутия) по экономическим вопросам». Президент Якутии направил письмо Б. Ельцину, в котором просил продлить его действие еще на пять лет. Однако, вопреки ожиданиям, ответа не последовало.

Спустя полтора месяца, российский Президент поручил своей администрации и правительству пересмотреть решения соглашения с Якутией, начиная с 1992 г. Поручение было воспринято правильно, и, в конечном итоге, администрация Президента и Российское правительство пришли к единодушному заключению: президенту Якутии в просьбе отказать. Созданная общими усилиями группа сейчас разрабатывает новую концепцию экономических отношений с Якутией.

Якутия, в свою очередь, начала пересматривать свои действия. Не имея возможности продавать алмазы на мировых рынках, а также не имея возможности поддерживать связи с «Де Бирс», «АЛРОСА» уже в первом квартале 1997 г. потеряла 30% своих доходов, а вся экономика Якутии стала постепенно скатываться в пропасть. С января по март этого года промышленное производство и ВВП республики упали почти на 10%.

В такой ситуации руководство Якутии вынуждено было сменить гордую позу и во время визита в республику А. Чубайса в мае попросило у федеральных властей помощи на развитие экономики.

Поскольку цель в основном была достигнута, Кремль напомнил Якутии о ее обязательствах перед центром. Только в таком случае могло появиться разрешение на сотрудничество «АЛРОСА» с «Де Бирс». Итогом этого стало соглашение, подписанное президентом Якутии — об урегулировании бюджет-

ных взаимоотношений с Россией. А там четко указано: «регулирование федеральных налогов, учет средств, поступающих в доход федерального бюджета... начиная с 15 июля 1997 г. осуществляется в общеустановленном порядке...»

Прошло менее недели, и Президент России подписал указ, разрешающий «АЛРОСА» продавать алмазы «Де Бирс».

Сейчас в Якутии, рядом с городом Мирным строится уникальная подземная шахта глубиной 780 м. На это строительство идут огромные затраты, но, как ожидается, они полностью окупятся уже в следующем году, когда «Интернациональная» начнет работать. Все, что с ней связано, местные власти держат в строжайшем секрете.

В Мирном находится сортировочная фабрика, через которую проходит 99% российских алмазов. Из недавно найденных самым крупным является алмаз имени 850-летия Москвы, который весит 78 карат и оценивается в 850 тыс. долларов.

Население Якутской республики считают северянами, которые сидят на мешках с алмазами. Но на самом деле только каждый 5-й добытый в Якутии алмаз остается в республике — остальное уходит. Сам же Якутск, столицу Якутии, давно пора объявить зоной экологического бедствия. Тех средств, которые поступают из федерального бюджета, не хватает даже на то, чтобы восстановить рушащиеся жилые постройки, не говоря уже о том, чтобы построить что-то новое.

Ну, а в России тем временем населению разрешено покупать бриллианты без оправы. Похоже, как и золотые слитки, население не торопится их приобретать. До недавнего времени российский гражданин имел право купить лишь бриллиант с оправой, а подсудным

являлось уже только наличие «голого» камня. Исключение составляли ювелиры, которые имели на то соответствующую лицензию.

Теперь все преграды рухнули, любой из желающих может приобрести себе бриллиант — в любом виде, с оправой и без нее. Но и рынок украшений с драгоценными камнями из-за снизившегося спроса на них вынужден снижать цены и устраивать рекламные компании по их продаже.

В марте 1997 г. Минфин издал указ, согласно которому разрешена розничная торговля лишь сертифицированными бриллиантами. Первым на него откликнулось смоленское оgranочное ПО «Кристалл». Вместе с ассоциацией «Смоленские бриллианты», Международным акционерным банком и страховым АО «Шереметьево», «Кристалл» учредил ЗАО «Бриллиантовый сертификат», который пока что будет торговать только смоленской продукцией.

Ни в Европе, ни в Америке подобной практики с сертификатами не существует. Там личное дело каждого, подвергать или нет свой приобретенный бриллиант такой процедуре. И даже в таком случае владелец магазина предоставляет покупателю сертификат за отдельную дополнительную сумму. В России сертификат обязателен. Такой документ обходится покупателю в 20—60 долларов, которые включены в стоимость камня. Западные сертификаты, в отличие от наших, имеют хождение чуть ли не по всему миру. Российский же пока предназначается лишь для внутреннего рынка.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Деньги не пахнут	18
Деньги не пахнут-2.	42
РОССИЙСКИЙ ЗОЛОТОЙ ЗАПАС КАНУЛ В ЛЕТУ.	54
БЫЛО ВАШЕ — СТАЛО НАШЕ.	83
Религия — опиум для народа	111
ПОРТРЕТ ПУРИТАНИНА	144
КТО СКАЗАЛ, ЧТО ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ?	170
ТОРЖЕСТВО И СЛАВА ЛИКУЮЩЕГО ПОБЕДИТЕЛЯ	207
ЖИЗНЬ В СТРАНЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ.	232
Пора пожинать плоды.	259
ЗАВЕРШЕНИЕ ПУТИ ДЛИНОЮ В СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ	295
ВЕЛИКОЕ ПРАВО ЛЮБИТЬ РОДИНУ	338
ЗОЛОТО ПАРТИИ	381
ВЛАСТЬ РОЖДАЕТ ДЕНЬГИ	401
«ЖИВОЕ» ЗОЛОТО РОССИИ	453
ХРАНИТЕ ВАШИ СБЕРЕЖЕНИЯ В ЗОЛОТЫХ СЛИТКАХ.	468
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АЛМАЗНОГО БЛЕСКА	486

Научно-популярное издание

Краскова Валентина Сергеевна

КРЕМЛЕВСКОЕ ЗОЛОТО

Редактор А. И. Веко

Корректор Т. В. Перковская

Ответственный за выпуск Т. Г. Ничипорович

OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.02.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ.

Бумага типографская. Усл. печ. л. 26,88.

Усл. кр.-отг. 27,3. Тираж 26 000 экз. Заказ 324.

**Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 149 от 14.01.98.
220050, Минск, ул. Ульяновская, 39-11.**

**При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.**

**Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.**

**Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.**

Новая книга Валентины Красковой «Кремлевское золото» приоткрывает завесу тайн Кремля.

Зло поселилось в Кремле прежде всех правителей.

30 Донской приказал уничтожить всех кремлевских
власть и золото — понятия неразделимые.
есть деньги — есть влияние — есть власть. Золото питает
власть. Власть нуждается в средствах точно так же,
как богатство нуждается в сильной власти. Образуется
замкнутый круг, внутри которого томится, не находя
выхода, нравственность.

Известно, что власть портит нравы. Может быть,
поэтому отношение к политике столь недоверчивое?

